

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани

АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ



Выпуск 4

А.В. Шпилов

ЭНЕОЛИТ ИКСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(по материалам поселенческих памятников)

Казань 2021

УДК 902/904

ББК 63.4

Ш 63

АРХЕОЛОГИЯ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан*

Редакторы:

М.Ш. Галимова, А.А. Чижевский

Рецензенты:

*доктор исторических наук А.А. Выборнов
кандидат исторических наук А.В. Лыганов*

Шипилов А.В.

Энеолит Икско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 358 с.

В монографии представлены основные результаты изучения поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья, имеющих принадлежность к медно-каменному веку. Анализ данных, полученных в ходе полевых исследований энеолитических стоянок во второй половине XX – начале XXI вв., позволил автору получить представление об оригинальной материальной культуре энеолитического населения, проживавшего в регионе в период, знаменующий переход от эпох камня к эпохе раннего металла (середина V–III тыс. до н. э.).

ISBN 978-5-9690-0893-9

© Шипилов А.В., 2021

© Институт археологии АН РТ, 2021

© ООО «», 2021

*Посвящается Рустему Султановичу Габяшеву
и Петру Николаевичу Старостину*

ВВЕДЕНИЕ

Название «Энеолит» – латино-греческое слово, в русском переводе означающее меднокаменный (лат. «энеус» – медный, греч. «литос» – камень). Этот термин наиболее четко характеризует эпоху, когда с появлением изделий из меди в среде древних коллективов, каменные не утрачивают своего значения и широко используются в различных видах хозяйственной деятельности.

Эпоха энеолита – одна из интересных и, в тоже время, сложных страниц в древней истории населения лесной зоны Европейской части России. В этом отношении рассматриваемый район не стал исключением. В это время на территории Икско-Бельского междуречья начинается новый период в истории местного населения. Получают распространение новые формы хозяйства – осваиваются металлообработка, скотоводство. Появление медных орудий активизировало обмен между племенами. В рассматриваемом регионе производящие виды хозяйства сочетались с традиционными видами присваивающего хозяйства – охотой и рыболовством.

Применительно к территории Икско-Бельского междуречья следует выделить признаки трех уровней в материальной культуре населения, которые определяют специфику энеолитической эпохи в данном районе.

Признаком первого уровня на рассматриваемой территории, который является бесспорным свидетельством принадлежности материальной культуры того или иного памятника Икско-Бельского междуречья к энеолиту следует отнести наличие следов металлообработки и металлопроизводства в культурном слое.

Признаком второго уровня, подтверждающим правомерность отнесение той или иной археологической культуры к энеолиту, на рассматриваемой территории является: распространение в среде ее носителей каменных орудий, изготовленных на широких и крупных пластинах, по всей видимости, выполненных с помощью медных орудий. Следует также отметить, что орудия на крупных широких пластинах получили весьма широкое распространение в среде носителей культур мариупольской культурно-исторической общности, которая считается, безусловно, энеолитической.

Признаком третьего уровня, который позволяет отнести рассматриваемые археологические культуры к эпохе энеолита, могут служить свидетельства распро-

странения у их носителей предметов материальной культуры и навыков в их производстве, которые были характерны для металлоносных культур этого периода. К числу таких предметов на рассматриваемой территории относятся фрагменты керамики с обильными органическими примесями и некоторые формы таких сосудов. В связи с этим нельзя отрицать, что в Икско-Бельском междуречье наличествуют следы явного влияния металлоносных культур.

Таким образом, в рассматриваемый период времени на территории Икско-Бельского междуречья происходит формирование неолитических культур, которые отличались своеобразием и более развитым в технологическом смысле спектром направлений хозяйственной деятельности, в сравнении с предшествующими культурами неолита.

В Нижнем Прикамье в целом, и в Икско-Бельское междуречье, в частности, локализовались неолитические культуры, которые отличались широким распространением с выходом за пределы данной территории. Своим содержанием они отражают общие культурно-исторические процессы, происходившие в эпоху неолита, как на рассматриваемой территории, так и в лесной и лесостепной зоне Волго-Камского региона. Изучение материалов поселенческих памятников рассматриваемой эпохи позволяет составить представление о динамике культурных контактов, взаимодействии населения региона с населением сопредельных территорий. Из этого вытекает значение использования материалов археологических поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья для изучения культурных процессов, происходивших в Среднем Поволжье и Предуралье в данную эпоху.

Основной целью настоящего исследования является введение в научный оборот материалов эпохи неолита, полученных в результате многолетних изысканий исследователей на поселенческих памятниках, расположенных в пределах Икско-Бельского междуречья.

Публикации этих материалов, выполненные предшествующими исследователями, к сожалению, не позволяют реконструировать в полной мере процессы культуригенеза и культурного взаимодействия в неолитическую эпоху в рамках рассматриваемой территории.

Обширные коллекции меднокаменного века были получены в 1960-х – первой половине 1970-х годов в ходе исследования Игимской, Дубовогривской II, Каентубинской островной, Русско-Азибейской I, III, Татарско-Азибейской II стоянок, а также стоянки Золотая Падь II.

Следует отметить, что привлекаемые автором к работе материалы происходят, как правило, с многослойных поселенческих памятников, которые содержат остатки материальной культуры населения Икско-Бельского междуречья как ран-

него, развитого, так и более позднего заключительного этапа энеолита, что зачастую затрудняет атрибуцию и отнесение артефактов кому или иному этапу.

Необходимо отметить, что массив фрагментов керамики с накольчатой орнаментацией, полученный в результате исследования Р.С. Габяшевым Татарско-Азиевской II стоянки (Габяшев, 1978б), автором в настоящей работе не рассматривается. В данный момент как в Икско-Бельском междуречье, так и на сопредельных территориях отсутствуют сведения о памятниках с находками керамики накольчатого типа, на которых были бы зафиксированы следы металлообработки. В связи с этим культурная принадлежность, атрибуция и хронология комплекса накольчатой керамики Татарско-Азиевской II стоянки, по мнению автора, требует отдельного рассмотрения.

Написание данной работы стало возможным благодаря помощи многих коллег. Прежде всего, автору хотелось бы выразить глубокую признательность своему учителю к.и.н. Рустему Султановичу Габяшеву, который любезно предоставил для исследований не опубликованные материалы открытых им памятников. Постоянная поддержка Рустема Султановича Габяшева ощущалась вплоть до его кончины в 2010 году.

Автор также выражает признательность и благодарность за дружескую поддержку и помощь ныне ушедшим сотрудникам Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ к.и.н. Петру Николаевичу Старостину и д.б.н. Аиде Григорьевне Петренко.

Автор благодарен за ценные советы и консультации старшим научным сотрудникам отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ к.и.н. Андрею Алексеевичу Чижевскому и к.и.н. Мадине Шакировне Галимовой, а также старшему научному сотруднику Лаборатории естественно научных методов Института археологии РАН к.и.н. Сергею Владимировичу Кузьминых и профессору кафедры отечественной истории и археологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии д.и.н. Александру Алексеевичу Выборнову.

И наконец, автор благодарен своим родителям за неизменное терпение, внимание и поддержку в течение долгих лет, пока готовилась эта работа.

Глава I. История изучения памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья

Начало изучения эпохи энеолита в рассматриваемом регионе относится к середине 50-х годов XX столетия, в связи с развернувшимися работами по подготовке строительства Нижнекамского водохранилища. Именно к этому времени относятся первые научно документированные материалы по энеолиту Икско-Бельского междуречья, которые были получены Камской археологической экспедицией под руководством О.Н. Бадера. В 1958 г. тремя отрядами археологической экспедиции КФ АН СССР были произведены археологические разведки по левому берегу р. Камы, ниже города Набережные Челны. В устье рек Ик и Белая были обследованы памятники эпохи камня и раннего металла. Результаты этих исследований позволили сделать первые шаги в периодизации эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья (Бадер, 1972, с. 13).

Так, в 1958 г. разведкой В. Ф. Генинга в Актанышском районе Республики Татарстан были выявлены Русско-Азибейская I и Татарско-Азибейская II стоянки. В это же время отрядом Археологической экспедиции Казанского филиала АН СССР, возглавляемым А.Х. Халиковым, был проведен осмотр Игимской стоянки (Халиков и др., Отчет, 1958, с. 5–9). В результате обследования были определены топография памятника и стратиграфия культурного слоя. Полученный материал позволил датировать памятник периодом от эпохи неолита до эпохи поздней бронзы (Габяшев, Старостин, Отчет, 1972, с. 15).

В 1964 г. отряд КФАН СССР, возглавляемый П.Н. Старостиним, провел разведку по левому берегу р. Камы от г. Набережные Челны до устья р. Белой. Целью разведки было выявление археологических памятников в зоне затопления и подтопления водохранилища Нижнекамской ГЭС. Отрядом были обследованы около пятидесяти памятников, значительная часть из которых была выявлена впервые. Особый интерес представляли памятники неолита – энеолита и эпохи бронзы, расположенные в урочище Дубовая Грива, а также Татарско-Азибейская II и Русско-Азибейская I стоянки. Вторично было произведено обследование Игимской стоянки, в результате чего был получен массив находок, который включал и артефакты эпохи энеолита (Старостин, Отчет, 1965, с. 21–22, 25–28).

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов одновременно с продолжавшимися работами в зоне Куйбышевского водохранилища казанскими археологами были проведены крупные работы по исследованию неолитических и энеолитических памятников Икско-Бельского междуречья, вошедших в зону затопления Нижнекамского водохранилища. В 1969 и 1971 гг. Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиним исследовалась II Дубовогривская стоянка (Габяшев, Старостин, Отчет,

1972, с. 69–70). В 1970 и 1971 гг. ими же были проведены раскопки Игимской стоянки (Габяшев, Старостин, Отчет, 1971, с. 15–40; Габяшев, Старостин, Отчет, 1972, с. 3–41).

В 1969–1972 гг. Р.С. Габяшевым и М.Г. Косменко исследовалась Русско-Азибейская I стоянка (Габяшев, 1978а, с. 22). В 1970 и 1971 гг. Р.С. Габяшевым проводились работы на стоянке Золотая Падь II (Габяшев, Старостин, Отчет, 1972, с. 41–79; Габяшев, 1982, с. 29). В 1970, 1972 гг. Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостинным было исследовано раскопками Русско-Азибейское III поселение (Габяшев, 1981, с. 11). В 1970 и 1972 гг. крупные работы были проведены Р.С. Габяшевым на Татарско-Азибейском II поселении (Габяшев, 1978б, с. 40), где были получены выразительные материалы новоильинской культуры, а так же позднего энеолита. Одновременно со стационарными работами в Икско-Бельском междуречье осуществлялись поиски новых памятников, в результате которых были зафиксированы отдельные энеолитические комплексы (Васильев, Габяшев, 1982, с. 5).

Весьма большое значение для понимания историко-культурных процессов, происходивших в энеолите на рассматриваемой территории, имели открытие и исследование на сопредельных с Икско-Бельским междуречьем территориях таких археологических памятников, как Съезженский и Старо-Нагаевский энеолитические могильники (Матвеева, 1976, с. 58; Васильев, Матвеева, 1976, с. 73–96; Стоколос, 1984, с. 22–43), а также ряд энеолитических стоянок – Старо-Какрыбашевская I, Сасыкульская, Кара-Якуповская, Бачки-Тау I и II, Какры-Кульская, Средняя Ока, Гумеровская, Старо-Буртюковская (Горбунов 1980, с. 144–145; Морозов, 1984, с. 43–58; Обыденнов, 1978, с. 161–164; Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982, с. 195–209; Морозов, 1982, с. 71–82) и поселенческие памятники Мулино III, Давлеканово, Кага I–II, Сауз I–III (Матюшин, 1982, с. 189–223; Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 33–52; Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, с. 3–21). В результате исследования данных памятников были получены находки эпохи энеолита, среди которых проявляются аналогии находкам рассматриваемой эпохи, обнаруженным на территории Икско-Бельского междуречья.

На ряде памятников рассматриваемого региона по инициативе Г.Н. Матюшина были проведены геоморфологические и палеогеографические исследования, позволившие впервые для территории Икско-Бельского междуречья использовать данные естественных наук с целью реконструкции природной среды различных периодов позднего каменного века и эпохи раннего металла (Немкова, 1978, с. 4).

После окончания работ Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции масштаб и интенсивность исследований памятников неолита и энеолита существенно снизились. Ограниченность полевых работ Икско-Бельском междуречье отчасти компенсировалась выходом в свет статей и монографий. В

этих публикациях материал эпохи энеолита, полученный в результате исследований в рассматриваемом регионе, вводился в научный оборот, анализировался и сопоставлялся с артефактами, происходящими с сопредельных территорий (Габяшев, 1978а, с. 22–39; Габяшев, 1978б, с. 40–66; Габяшев, Старостин, 1978, с. 148–159; Габяшев, 1981, с. 11–24), (Васильев, Габяшев, 1982, с. 3–23).

В последние десятилетия XX века и в начале XXI века в Икско-Бельском междуречье проводились преимущественно разведочные работы. Тем не менее, даже в ходе этих ограниченных по объемам работ были получены очень важные материалы по эпохе энеолита.

Так в 2001 г. краевед Н.М. Капленко открыл в зоне Нижнекамского водохранилища Каентубинскую островную стоянку. С этого времени им проводилось ежегодное планомерное обследование памятника. В 2004 г. исследования на данном памятнике проводились совместно с автором. В 2006 году раскопки стоянки завершил А.А. Чижевский. В предварительном плане памятник можно связать с тремя хронологическими периодами. В ходе исследования Каентубинской островной стоянки был выявлен комплекс раннеэнеолитической воротничковой керамики русско-азибейского типа. К более позднему периоду энеолита принадлежит керамика гаринского облика. С данного памятника происходит так же значительная коллекция кремневой скульптуры (14 экз.), которая относится к позднему энеолиту и, вероятнее всего, имеет принадлежность к волосово-гаринской общности (Шипилов, 2006, с. 105, рис. 1: 1, 3, 4, 6, 7).

Следует принять во внимание, что в результате проведенных изысканий на данном памятнике, кроме энеолитических комплексов были выявлены как более ранние культурно-хронологические комплексы артефактов, принадлежавшие к камской неолитической культуре, так и более поздние комплексы находок эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

В 2002 г. автором совместно А.А. Чижевским были изучены и введены в научный оборот материалы Рысовского III селища (Чижевский и др., 2014, с. 23–53). В результате работы удалось выявить керамический комплекс, относящийся к гаринской культуре позднего этапа развития. С данного памятника происходит уникальная находка в виде медной подвески-лунницы. Подобные изделия до недавнего времени были известны лишь в Среднем Прикамье (Бадер, 1961а, с. 75, рис. 45; Бадер, 1964, рис. 122), кроме того одна подвеска происходит из Уржумкинского поселения в Марийском Поволжье (Архипов, 1977, рис. 11: 6).

Начиная с момента открытия первых энеолитических памятников в Икско-Бельском междуречье, полевые исследования проводились на достаточно высоком научно-методическом уровне. Исследователями, отмеченными выше, осуществлялось подробное описание остатков выявленных сооружений и других объектов, анализировался характер их заполнения и непременно осуществлялась

их фотофиксация. Результаты первых полевых исследований частично вводились в научный оборот, материалы раскопок публиковались в археологических сборниках.

Работы 1950-х годов позволили получить общее представление о соотношении поздненеолитических и энеолитических материалов Икско-Бельского междуречья с аналогичными материалами сопредельных территорий. О.Н. Бадером было высказано предположение о волго-камском происхождении гаринско-борской и волосовской культур, по его мнению, генетически родственных. Им же тогда был выделен особый «флажковый» пласт памятников, центром формирования которого он считал территорию Нижнего Прикамья и среднего течения Волги, откуда носители «флажковой» традиции проникли в северные районы Прикамья (Бадер, 1961а, с. 179–196). Близкую точку зрения высказал и А.Х. Халиков, но в отличие от О.Н. Бадера, при интерпретации материалов волосовского типа, он обратил внимание и на юго-западные аналогии этой группе памятников (Халиков, 1969, с. 127–175). Выводы О.Н. Бадера и А.Х. Халикова поддержал в своей монографии П.Н. Третьякова (Третьяков, 1966, с. 49–50).

Материалы исследованных энеолитических памятников Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья были обобщены в докторской диссертации А.Х. Халикова и опубликованы в его монографии «Древняя история Среднего Поволжья» в 1969 г. В ней автор обобщил почти все имевшиеся к середине 60-х годов данные по энеолиту Восточной Европы и наметил культурно-хронологическое соотношение поздненеолитических и энеолитических памятников и культур лесной полосы Восточной Европы (Халиков, 1969, с. 127–208). Данная монография не потеряла своего значения и до настоящего времени.

В целом же материалы икско-бельских памятников были отнесены А.Х. Халиковым к выделенной им волосово-турбинской общности, которая характеризовалась абсолютным преобладанием гребенчатой орнаментации керамики, отсутствием в декоре сосудов «шагающей» и парной гребенки, приемом обработки поверхности посуды грубой штриховой зачисткой. А.Х. Халиков не упустил из поля зрения и т.н. «валиковую» керамику эпохи финального энеолита, обнаруженную в ходе исследований на Игимской стоянке и на сопредельных с Икско-Бельским междуречьем территориях. Ее истоки исследователь усматривал в Западной Сибири и увязывал с кротовской культурой (Халиков, 1981, с. 44). Данная точка зрения сохраняет за собой силу и поныне.

Ввиду нестратифицированного характера материалов волосовских памятников приустьевой части Камы и прилегающих отрезков долины р. Волги, А.Х. Халикову не удалось убедительно обосновать выделение этапов в развитии энеолитического населения Нижнего Прикамья, хотя общая схема, предложенная им, оказалось верной.

Обращаясь к терминологическим определениям, следует отметить, что термин «волосово-турбинская» общность, введенный А.Х. Халиковым, не нашел должного отражения в отечественной науке. Причиной тому послужило предложение Е.Н. Черных о выделении памятников турбинского типа в особую гарино-борскую культуру, принимая во внимание полное отсутствие какой-либо культурной, а, следовательно, и этнической связи между населением, оставившим могильники типа Турбинского с населением поселенческих памятников, в культурном отношении близких к волосовским. Более древний возраст гарино-борских поселений и хронологический разрыв между ними и могильниками Турбинского типа, дали основание Е.Н. Черных назвать культуру данных поселений не турбинской, а гаринско-борской (Черных, 1970, с. 9). Это название, в настоящее время принято большинством археологов.

В связи с этим несколько позднее А.Х. Халиковым применительно к памятникам позднего энеолита был введен термин «волосово-гаринская энеолитическая общность», в зону распространения которой входило и Иско-Бельское междуречье (Халиков, 1990, с. 10).

Значительный вклад в исследовании новоильинских поселенческих памятников внес Л.А. Наговицын. В рамках новоильинской культуры им было выделено три локальные группы памятников – среднекамская, нижнекамская и вятская. Формирование новоильинской культуры Л.А. Наговицын связывал с территорией Прикамья и Вятского края. К числу наиболее ранних памятников он относил Татарско-Азибейскую II и Русско-Азибейскую III стоянки (Наговицын, 1987, с.30–31).

Существенный вклад в изучение новоильинских памятников внес А.А. Выборнов. По итогам своих раскопок в приустьевой части долины р. Белая им была выделена саузовская группа памятников новоильинской («флажковой») культуры, также большое внимание исследователем уделяется датировке и периодизации памятников новоильинского типа (Выборнов, 1984, с. 50–62). В этой связи представляется правомерным объединение всех выделенных локальных групп поселенческих памятников новоильинского типа в одну новоильинскую культурно-историческую область.

Проблеме возникновения производящего хозяйства в Приуралье уделяли внимание в своих работах Г.Н. Матюшин и А.Г. Петренко (Матюшин, 1982, с. 277–294, 301–308; Петренко, 2003, с. 18–25). А.Г. Петренко установила состав домашнего стада на поселенческих памятниках эпохи энеолита Южного Урала – Муллино, Давлеканово, где преобладающими видами домашних животных были крупный рогатый скот и лошадь (Матюшин, 1982, с. 301–308). Данный животноводческий комплекс увязывался указанными исследователями с керамикой агидельского (по Г.Н. Матюшину) облика. Вместе с тем, А.Г. Петренко удалось

проследить, что в энеолитическую эпоху, несмотря на появление домашнего скота в хозяйстве энеолитического населения, охота не теряет своего значения (Петренко, 2003, с. 18–25). Ряд остеологических определений, исследовательница сделала по фаунистическим остаткам диких животных, происходившим с поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья (Игимская и Каентубинская островная стоянки).

Исследования Р.С. Габяшева в Икско-Бельском междуречье привели к появлению развернутой периодизации энеолита рассматриваемого региона, в рамках которой были выделены четыре культурно-хронологические группы (Габяшев, 1994, с. 16–39).

Для раннего этапа исследователь выделил тип керамики, получивший название русско-азибейского (Габяшев, 1994, с. 17). Аналогичная керамика была обнаружена в ходе исследований в Южном Приуралье Г.Н. Матюшиным, который выделил ее в агидельскую культуру (Матюшин, 1982, с. 188). Исследователи однозначно признали влияние на данную культурно-хронологическую группу культур мариупольского круга, в частности самарской. Отражением этого процесса, как справедливо отмечалось, было, воротничковое утолщение венчика керамических сосудов, а также наличие ямочно-жемчужных поясков под срезом венчика (Васильев, Габяшев, 1982, с. 5).

Первоначально Р.С. Габяшев рассматривал поселенческие памятники русско-азибейского типа в качестве поздних памятников камской неолитической культуры (Васильев, Габяшев, 1982, с. 6). В дальнейшем он пересмотрел эту точку зрения, и поселенческие памятники русско-азибейского типа склонен был относить к эпохе энеолита. Исследователь полагал, что памятники данного типа демонстрируют вариант эволюционного перехода к эпохе раннего металла на основе местного субстрата и влияния преимущественно южного и юго-восточного регионов (Габяшев, 2001 с. 48).

Со следующей хронологической группой после русско-азибейской керамики, по мнению Р.С. Габяшева, связаны поселения с так называемой «флажковой» керамикой. По профилировке данные сосуды очень близки сосудам камской неолитической керамики. Основанием для отнесения «флажковой» керамики к энеолиту, и размещения ее хронологически за керамикой русско-азибейского типа послужили разреженность орнаментации сосудов, особенности стратиграфии поселений, также присутствие на них следов металлоплавки. Синхронными с новоильинской («флажковой») керамикой Р.С. Габяшев считал комплексы с так называемой накольчато-прочерченной керамикой. Большинство исследователей в настоящее время склонны связывать данную керамику с эпохой неолита. Комплексы с аналогичной накольчатой керамикой были прослежены в Мордовии, Ульяновской области, а также на Дону, Днепре, в Прикаспии. При исследовании памятников с

находками керамики данной группы следов металлообработки зафиксировано не было. В связи с этим тезис Р.С. Габышева о принадлежности накольчатой керамики к эпохе энеолита вызывает сомнения. Обнаружение же накольчатой керамики совместно с комплексами «флажковой» керамики следует объяснять переотложенным залеганием культурных остатков.

Не менее значимый вклад Р.С. Габышев внес и в освещении волосово-гаринской общности в Иско-Бельском междуречье. Анализируя керамические комплексы позднего энеолита, исследователь пришел к выводу о формировании волосово-гаринских древностей на местной основе в рассматриваемом регионе (Габышев, 1994, с. 31). Данная точка зрения на сегодняшний день не вызывает сомнения.

Значительный вклад в периодизацию эпохи энеолита Нижнего Прикамья внес А.А. Чижевский по итогам изучения Мурзихинского II могильника. На данном памятнике было выявлено 20 погребений эпохи энеолита. Датировка костяков производилась лабораторией ГИН (г. Москва). В калиброванном значении полученные радиоуглеродные даты охватывают середину V тыс. до н. э. (Чижевский, 2008, с. 370–371; Чижевский, Шипилов, 2018, с. 81). Полученные даты позволяют пересмотреть имеющиеся на сегодняшний день хронологические рамки энеолита Нижнего Прикамья и удревнить начало энеолитической эпохи на рассматриваемой территории до середины – второй половины V тыс. до н. э.

Весомый вклад в изучении рассматриваемой эпохи на территории Иско-Бельского междуречья явили собой исследования М.Ш. Галимовой в области каменной индустрии эпохи камня и раннего металла (Галимова, 2012). В результате анализа данных планиграфии и минералогии ею было прослежено широкое распространение пластинчатой индустрии в среде энеолитического населения рассматриваемой территории параллельно с технологиями производства бифасов. При этом заслуживает поддержки мнение М.Ш. Галимовой о том, что такая особенность каменной индустрии была обусловлена спецификой сырьевой базы (Галимова, 2012, с. 25).

Проявление этих особенностей в каменной индустрии эпохи энеолита М.Ш. Галимовой удалось проследить не только в массиве каменных орудий, обнаруженных на поселенческих памятниках, но и в погребальном инвентаре ряда энеолитических могильников Иско-Бельского междуречья (Галимова, 2012, с. 24). Привлечение данных петрографического анализа в ходе изучения каменных артефактами данных позволило ей предположительно связать ярко-выраженный пластинчатый инвентарь из серого слоистого (полосчатого) кремня с финальным этапом неолита – ранним энеолитом Иско-Бельского междуречья (Галимова, 2012, с. 25).

Подводя итог истории изучения эпохи энеолита на рассматриваемой территории, следует подчеркнуть, что значительный вклад был привнесён Р.С. Габыше-

вым, который рассмотрел историю развития воззрений на эпоху энеолита и охарактеризовал динамику роста источниковой базы. Им было уточнено понимание сущности энеолита Икско-Бельского междуречья и Нижнего Прикамья, намечены ключевые проблемы, стоящие перед археологией эпохи энеолита (Габяшев, 1994).

Однако выдвинутая Р.С. Габяшевым культурно-хронологическая схема энеолита Нижнего Прикамья, осталась не вполне обоснованной. Причиной этого была недостаточная проработка методических подходов, использованных исследователем в оценке степени сходства и различия поселенческих комплексов, а так же его подходов к решению проблемы происхождения культурно-хронологических групп.

В настоящей работе представлены результаты углубленного изучения накопленных на сегодняшний день данных по энеолиту Икско-Бельского междуречья, проведенного автором с привлечением ряда методов математической статистики.

Глава II. Природно-географические условия Икско-Бельского междуречья

Икско-Бельское междуречье включает в себя обширный пойменный массив левобережья Камы, который ограничен с востока низовьями р. Белая, а с юго-запада – нижним течением р. Ик (Халиков, 1978, с. 3). В более широком значении Икско-Бельское междуречье включает в себя среднюю часть Бугульминско-Белебеевской возвышенности и значительную часть Чермасано-Демско-Ашкадаровской равнины.

Северные отроги Бугульминско-Белебеевской возвышенности заходят на рассматриваемый регион двумя ветвями: восточная ветвь служит водоразделом бассейнов рек Ик и Белая и проходит между реками Ик и Сюнь; западная ветвь является водоразделом бассейнов рек Ик и Лесной Зай, а в северной своей оконечности – водоразделом реки Ик и левых притоков Камы (речки Шильна, Челна) (Географическое описание..., 1921, с. 104–105). Со стороны р. Ик западный водораздел расчленяется долинами притоков на более мелкие водоразделы. На водоразделах встречаются и более локальные возвышения, они расположены в междуречье рек Ик и Мензеля и на правом берегу р. Ик (Географическое описание..., 1921, с. 106).

Речная сеть рассматриваемого региона достаточно густа, что характерно для лесостепного Заволжья в целом. Для Икско-Бельского междуречья типичной особенностью рельефа является асимметрия долин и междуречий (Очерки..., 1957, с. 3, 19), которая наиболее ярко выражена в южной части Восточного Закамья и на Бугульминском плато, а также прослеживается по рекам Ик и Сюнь вплоть до их выхода в долины Камы и Белой. Вследствие питания, в основном, водами поверхностного стока, реки Икско-Бельского междуречья подвержены резким сменам режима стока в зависимости от засушливых или влажных лет (Очерки..., 1957, с. 192). Реки Белая и Ик, текущие с юга на север, замерзают позже, а вскрываются раньше Камы, раньше начинается на них и паводок. Это оказывало влияние и на режим Камы: Белая приносила свои льды в Каму, поднимала ее уровень и срывала камский лед. Участок Камы ниже устья Белой вскрывался на несколько дней раньше остальной реки, а замерзал позже благодаря более теплой бельской воде (Очерки..., 1957, с. 178). Кроме речной сети в долинах, в подошвах крутых склонов имеется большое количество родников с водой хорошего качества (Очерки..., 1957, с. 321–322).

Северную часть Икско-Бельского междуречья до образования Нижнекамского водохранилища занимала обширная пойменная низина, расположенная при впадении в Каму рек Белая и Ик. С севера она была ограничена Красноборским

лесом, с северо-востока – приустьевой частью Белой, с юго-запада и юга – высокой террасой левого берега р. Ик, с юго-востока – северным краем Икско-Бельского водораздела. Эта низина простиралась на 74 км с востока на запад и на 20 км с юга на север. Собственно сама камская пойма имела ширину 2–3 км. Для нее были характерны низкие гривы, вытянутые вдоль течения Камы, и старицы, также параллельные основному руслу. Пойма р. Белой отличается как формой своих стариц, представляющих собой отходящие от основного русла излучины, которые имеют подковообразную или кольцевую форму, так и наличием курганообразных останцов второй и даже третьей террасы (Очерки..., 1957, с. 176–178).

Еще более своеобразной была Икская пойма, отделенная от поймы Белой болотным массивом Кулягаш. Старицы в икской пойме имели направление, в основном, поперек течения. Такой характер старичной системы сформировался в результате регулярных прорывов Ика во время половодья через древнюю пойму (современную вторую террасу) по кратчайшему пути в Каму. Особенностью Икской поймы является наличие многочисленных высоких грив. Они значительно крупнее останцов в пойме Белой и до заполнения Нижнекамского водохранилища на них располагались значительные селения с прилегающими полями. Высота и плотность размещения грив уменьшалась в направлении с востока на запад, к устью Ика. Так, западнее с. Юртово преобладали редкие низкие гривы (Очерки..., 1957, с. 174–176).

При слиянии рек Белая, Кама, Ик располагается болотный массив Кулягаш с большими запасами торфа и болотных глин в центральной его части (Ермолаев и др., 2007, с. 329). Несколько обособленную полосу торфяников образуют Янаульское, Картовское и Булякское болота, вытянутые вдоль северной кромки Икско-Бельского водораздела. Эти болота характеризуются ключевым режимом питания. Кроме болот в комплекс массива Кулягаш входят озера Кулягаш, расположенное в центре заболоченного массива, а также Атырь и Азибеевское (в северо-восточной части массива) и Киндер-Куль (на восточной его границе) (Очерки..., 1957, с. 257–258).

В рамках рассмотрения природно-географической среды Икско-Бельского междуречья заслуживает внимания характеристика почв на данной территории. В долинах рек Кама, Белая, Мензеля, Ик, Сюнь преобладают черноземы выщелоченные. Серые лесные почвы сосредоточены вдоль берега Камы, а также в междуречье Мензели и Ика. Более мелкими участками серые лесные почвы прослеживаются в междуречье рек Ик и Сюнь (Ермолаев и др., 2007, с. 330). Типичные дерново-карбонатные почвы присутствуют в правобережье нижнего течения Ика, а также на правом берегу Мензели. Среднеподзолистые песчаные почвы фиксируются по древнеаллювиальным террасам долины Камы. Обыкновенные террасные и карбонатные грунтоводные черноземы сформировались на лессовидных

глинах и суглинках вторых террас рек Ик и Сюнь (Ермолаев и др., 2007, с. 330; Очерки..., 1957, с. 227–228).

Высоким природным плодородием отличаются луговые черноземы, которые образовались в обширных пойменных пространствах Икско-Бельского междуречья (Ермолаев и др., 2007, с. 330). В районе болотного массива Кулягаш получают распространение торфянисто-болотистые и илово-болотистые почвы (Ермолаев и др., 2007, с. 330).

В пределах поймы р. Ик до ее выхода в долину р. Камы зафиксировано присутствие гипсовых и гипсово-карбонатных солончаков (Очерки..., 1957, с. 230–231).

Территория Икско-Бельского междуречья в современных условиях сохранила значительную залесенность. Обширные лесные массивы присутствуют в южной и западной частях Восточного Закамья (Очерки..., 1957, с. 233). Лишь северная часть Восточного Закамья характеризуется сравнительно безлесными пространствами, чем уступает вышеотмеченным районам рассматриваемой территории, что обусловлено антропогенными воздействиями на природную среду (Очерки..., 1957, с. 233, 324).

В пределах болотного массива Кулягаш и по сей день сохраняются значительные участки лесной растительности (Ермолаев и др., 2007, с. 331). На территории Икско-Бельского междуречья доминируют береза, клен, липа, дуб, вместе с тем, отмечаются и осинники (Ермолаев и др., 2007, с. 319, 331). Распространением сосновых лесов характеризуется Икский бор, расположенный в Икской пойме, а также лесной массив Кыл-Тау, простирающийся на второй и третьей террасах р. Кама ниже Икского устья (Очерки..., 1957, с. 324). В составе этих лесных массивов отмечается сочетание южно-таежных и лесостепных видов растений (Памятники..., 1977, с. 81, 91). По сравнению с Игимским бором, лесной массив Кыл-Тау испытывал на себе незначительные антропогенные воздействия, что привело к сохранению в его составе значительной примеси темнохвойных пород, а именно до 50% пихты и 20% ели. Этого нельзя сказать об Игимском боре, где темнохвойные породы сохранились лишь единично, в силу антропогенного воздействия (Памятники..., 1977, с. 84, 89–90).

Луговая растительность представлена гусинолапчатковыми, тысячелистниковыми модификациями. В состав луговой растительности входят редкие виды растений, такие как какалия копьевидная, бузульник сибирский, линнея северная, сивец луговой, язвенник крупноголовчатый, чина сероватая, касатик водяной, лилия царские кудри, алтей лекарственный, кубышка желтая, кувшинка чистобелая, двулепестик парижский и т.д. (Ермолаев и др., 2007, с. 319–320).

Природно-географические условия Икско-Бельского междуречья: разнообразие рельефа при сохранении его общего равнинного характера, разветвленная реч-

ная сеть, высокопродуктивные почвы, континентальный климат и т.д. обеспечили богатство природных ресурсов региона.

Решающая роль в реконструкции природных условий Восточного Закамья в древности принадлежит палеогеографии и геоморфологии. Согласно данным этих дисциплин, энеолитическая эпоха (IV–II тыс. до н. э.) Иско-Бельского междуречья по схеме Блитта-Сернандера соответствует атлантическому и суббореальному периодам. Это время характеризуется распространением сосново-березовой растительности с примесью дуба, вяза и липы. Климат среднего голоцена был суше и значительно теплее современного, впоследствии он становится более влажным и сопровождается торфообразованием. Границы степи и леса оставались приблизительно на том же месте, что и в неолите, и с тех пор существенно не изменились (Нейштадт, 1957, с. 42, 236). Близкую взглядам М.И. Нейштадта концепцию в дальнейшем развивал Н.А. Хотинский, в ряде своих работ он касался непосредственно территории Среднего Поволжья и Прикамья (Хотинский, 1978 с. 7–14). Иско-Бельское междуречье Н.А. Хотинский включал в зону, где были распространены широколиственно-хвойноподтажные леса.

Климатический оптимум в переходном атлантико-суббореальном периоде сменяется похолоданием, и в раннесуббореальном периоде отмечается деградация широколиственных лесов и увеличение холодостойких видов в растительном и животном мире лесной полосы. Границы степи и леса не изменились существенно, вместе с этим после трансгрессионной фазы в раннем климатическом оптимуме отмечается регрессия вод в гидрологической системе многих районов лесной зоны. В суббореальном периоде Н.А. Хотинский выделяет 3 фазы: СБ-1 – раннесуббореальное похолодание (4600–4100 лет назад), СБ-2 – среднесуббореальное потепление (4100–3200 лет назад), СБ-3 – позднесуббореальное похолодание и увеличение влажности (3200–2500 лет назад). По мнению Н.А. Хотинского, только средне-суббореальная фаза может условно рассматриваться как ксеротермическая. Однако ни в одной из суббореальных фаз не отмечается сколь-нибудь значительного сдвига границы между лесом и степью, как в Европейской части, так и в Западной Сибири.

Схема развития природной среды для эпохи раннего металла, предложенная Н.А. Хотинским, для Среднего Поволжья и Приуралья была дополнена В.К. Немковой, проводившей исследования в Нижнем Прикамье и Приуралье (Немкова, 1978, с. 4–45). Исследовательницей было установлено, что атлантический период отличается увеличением доли широколиственных пород и елей и почти повсеместным появлением пихты. В.К. Немкова отмечала, что, по сравнению с западными районами климатический оптимум в Приуралье был выражен нечетко. В атлантический период в Предуралье значение широколиственных пород увеличилось, но нигде на этой территории широколиственные леса не стали доминиру-

ющим элементом растительности. В конце атлантического периода В.К. Немкова выявила признаки похолодания климата.

В суббореальном периоде произошло увеличение роли сосны в составе хвойных лесов. Доминирующим типом растительности были сосновые леса с небольшой примесью ели, берез и широколиственных пород. Климат этого этапа становится заметно холоднее и суше, чем ранее. Из широколиственных пород в разрезах отмечаются липы, которые являлись почти постоянной примесью к темной хвойным лесам. В южных районах единично фиксируются дуб, лещина и вяз. По В.К. Немковой, существование неолитических культур в Приуралье относится ко второй половине бореального периода, атлантическому и первой половине суббореального периода. Основаниями для такого принципиального вывода послужили данные спорово-пыльцевых анализов со следующих памятников: Сюнь 2, Муллино 2, Дубовогривская II, Золотая Падь II, Татарско-Азибейская II и Русско-Азибейская I (Немкова, 1978 с. 29, 32–35).

Бореальный период датируется В.К. Немковой по C^{14} хронологическим промежуткам от 9000 лет до 8000 лет назад. Атлантический охватывает период от 8000 до 5000 лет назад. Первая половина суббореального периода укладывается примерно в отрезок от 5000 до 3500 лет назад. Таким образом по радиоуглеродным данным, использованным В.К. Немковой, существование неолитических и энеолитических памятников укладывается в хронологический отрезок, составляющий примерно 3,5 тыс. лет – от конца VI до середины II тыс. до н. э.

Однако, в свете имеющихся современных радиоуглеродных датировок верхняя датировка неолитического периода, предложенная В.К. Немковой, требует уточнения. Дело в том, что памятники, использованные в своей работе исследовательницей, являются многослойными и основная часть этих материалов относится к эпохе раннего металла. Таким образом, время существования неолитических культур занимает хронологический отрезок от конца VI до середины V тыс. до н. э. Энеолитический период исследуемого региона занимает, вероятно, хронологические рамки середины V – первой четверти II тыс. до н. э.

Значительный интерес представляет обобщающая работа О.В. Бакина по реконструкции исторической динамики природы Вятско-Камского междуречья (Бакин, 2009, с. 159–168). В результате его исследований выяснилось, что около 5000 л.н. фиксируется неуклонное понижение температур, а вместе с этим и начало суббореального периода. Глобальный экстремум похолодания в голоцене датируется временем около 4500 л.н. Средние температуры января и года в этот период были ниже современных примерно на 1° , июля – примерно на $0,5^\circ$, количество осадков было близким современному.

Исходя из отмеченных палеогеографических данных, можно предполагать наличие благоприятной природной среды для всесторонней хозяйственной деятель-

ности энеолитического населения Икско-Бельского междуречья. Таким образом, природно-географические условия Икско-Бельского междуречья: разнообразие рельефа при сохранении общего равнинного его характера, разветвленная речная сеть, высокопродуктивные почвы, континентальный климат и прочие факторы обеспечили богатство природных ресурсов региона.

Глава III. Материальная культура носителей керамики русско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье

Эпоху энеолита Икско-Бельского междуречья открывают памятники с профилированной круглодонной воротничковой керамикой, которые были выделены Р.С. Габяшевым в культурную группу памятников русско-азибейского типа (Габяшев, 1994, с. 16–22).

Поселенческие памятники с воротничковой керамикой русско-азибейского типа располагаются на оконечностях первых надпойменных террас, на берегах пойменных озер и речных водоемов. Основная масса этих памятников занимала места предшествующих поселений камской неолитической культуры. К памятникам с керамикой русско-азибейского типа следует отнести Русско-Азибейскую I, Дубовогривскую II, Игимскую, Золотая Падь II, Каентубинскую островную стоянки (рис. 1). Размеры поселений, судя по распространению подъемного материала, составляли 2500–4500 кв. м.

Судя по стратиграфическим наблюдениям Р.С. Габяшева, остатки материальной культуры носителей керамики русско-азибейского типа залежали в слое светло-серого слабо гумусированного песка (или супеси) и отчасти в подстилающем его коричневатом-сером песке, быстро светлевшем при высыхании и визуально не отличавшемся по цвету от материкового светло-желтого песка. Толщина культурных напластований колеблется в пределах 25–40 см., что косвенно свидетельствует об относительной кратковременности существования памятников (Габяшев, 1978а, 1978б).

Следует отметить, что поселенческие памятники носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа известны к югу и юго-востоку от р. Камы. Отдельные стоянки выявлены в среднем течении р. Ик. (Меллятамакская III, Мулинская, Сасыкульская), а также в бассейне левого притока Белой, р. Демы (Давлекановская и Кара-Якуповская). К северу от устья р. Белая памятники с воротничковой керамикой зафиксированы на правом берегу в приустьевой части ее долины. К таковым относится Саузовская I стоянка.

При проведении археологических изысканий на Русско-Азибейской I стоянке в Икско-Бельском междуречье исследователям удалось выявить остатки жилища и хозяйственных сооружений (рис. 2), которые, вероятно, были оставлены носителями керамики русско-азибейского типа. В заполнении жилищного котлована и хозяйственных ям была обнаружена воротничковая керамика русско-азибейского типа (Габяшев, 1978а).

Жилище представляло собой сооружение, углубленное на 25–40 см в материк, имевшее подпрямоугольные очертания размерами 23–25 x 8–10 м, ориентированное по линии с севера на юг и с тамбурообразным выходом на юг. По продольной оси и вдоль западной стенки жилища прослежены очажные и хозяйственные ямы овальной в плане формы. Очажки и хозяйственные ямы отмечены и в тамбуре. В целом, жилище Русско-Азибейской I стоянки, судя по его конструктивным особенностям, могло возникнуть в развитие традиций домостроительства камской неолитической культуры (Габяшев, 1994, с. 17).

Следы использования меди являются основным критерием отнесения материальной культуры населения какой либо территории к эпохе энеолита (Археология, 2006, с. 148–149). Однако по совокупности данных из рассматриваемых поселений, в пределах заполнения жилищ, имеющих принадлежность носителям керамики русско-азибейского типа, такие следы на сегодняшний день не известны. В качестве примера следует отметить вышеупомянутое эталонное Русско-Азибейское I поселение, в заполнении жилища которого отсутствовали находки из металла (Габяшев, 1978а, с. 22–39).

Однако косвенные свидетельства использования меди носителями воротничковой керамики были выявлены на сопредельной территории при исследовании Карая-Якуповской стоянки. Памятник расположен в 1 км к северо-востоку от д. Карая-Якупово в Чишминском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Демы. В ходе исследования стоянки Ю.А. Морозовым были выявлены три погребения, относящиеся к эпохе энеолита (Морозов, 1984, с. 44–45). В заполнении погребения находились погребальный инвентарь, состоящий из каменных орудий и керамики.

В керамическом материале присутствовали фрагменты лепной посуды с воротничковым оформлением венчика, существенные аналогии которой прослеживаются в воротничковой керамике русско-азибейского типа, обнаруженной на Русско-Азибейской I стоянке (Габяшев, 1978а, рис. 7). Помимо этого наблюдается сходство между воротничковой керамикой, найденной в погребениях Карая-Якуповской стоянки, и керамикой с воротничковым венчиком, присутствующей в материалах стоянок Муллино III, Давлеканово III (Морозов, 1984, с. 56).

Каменный инвентарь, происходящий из культурного слоя Кара-Якуповской стоянки, также обнаруживает определенное сходство с каменным инвентарем, найденным на Русско-Азибейской I стоянке (Габяшев, 1978а, рис. 10).

Вероятно, непосредственную связь с погребениями, изученными на Кара-Якуповской стоянке, имеют два кусочка меди, обнаруженные в нижнем горизонте культурного слоя на глубине 60–80 см от современной поверхности (Морозов, 1984, с. 55). Руководствуясь выявленными аналогиями в керамике и каменном инвентаре, Ю.А. Морозов склонен относить Кара-Якуповскую I стоянку к кругу

энеолитических памятников лесостепной и степной зон Южного Приуралья (Морозов, 1984, с. 58).

Определенными критериями отнесения материальной культуры носителей керамики русско-азибейского типа к эпохе энеолита может также служить характеристика керамики и каменного инвентаря.

В массиве керамики русско-азибейского типа присутствуют сосуды, по своей профилировке сближающиеся с посудой самарской и хвалынской энеолитических культур. Как правило, венчики данных сосудов имеют воротничковое оформление либо отогнуты наружу. Этот факт можно рассматривать как свидетельство взаимодействия носителей керамики русско-азибейского типа с носителями самарской и хвалынской культур.

Отдельно следует отметить то, что керамика русско-азибейского типа ряда памятников (стоянки Золотая Падь II и Дубовогривская II) находит аналогии в керамических коллекциях из стоянок Мулино и Давлеканово (Матюшин, 1982, табл. 95–103). Н.Л. Моргунова справедливо относит коллекции воротничковой керамики из данных поселенческих памятников ко второму этапу самарской культуры (Моргунова, 2011, с. 100), что также может служить аргументом в пользу принадлежности отдельных сосудов из Икско-Бельских памятников к этой культуре.

В каменной инвентаре поселенческих памятников с воротничковой керамикой русско-азибейского типа проявляются черты, присущие носителям культур мариупольской культурно-исторической области (Телегин, 1991). Как правило, это орудия были изготовлены на широких крупных пластинах. Возможно, такие орудия на крупных пластинах производились с помощью медных инструментов. Орудия на крупных ножевидных пластинах присутствуют в коллекциях из Русско-Азибейской I и Дубовогривской II стоянок (Габяшев, 1978а). Данные орудия также находят аналогии в каменном инвентаре самарской и хвалынской культур (Васильев, Матвеева, 1976, рис. 13–14; Васильев, 1985, рис. 8; Горашук, 2010, рис. 1–15, 22–24, 27–29). Отдельного внимания заслуживает клад режущих орудий, обнаруженный на Дубовогривской VI стоянке. Он включает в себя два ножа и два кинжала. Принадлежность данного клада к энеолиту не вызывает сомнений (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 2: 12–15, с. 97–98). Ближайшие аналогии орудиям из клада прослеживаются с кремневыми изделиями, обнаруженными в погребальном инвентаре могильников мариупольского типа, этапа В1 и В2, а также с орудиями среднестоговской культуры (Телегин, 1973, рис. 56: 12; 57: 1–8; 1991, рис. 24: 11, 12; 33: 8; 35: 14–16).

Таким образом, с известной долей осторожности, руководствуясь выявленными аналогиями, а так же имеющимися в нашем распоряжении радиоуглеродными датировками (Выборнов, 2008, с. 243), представляется возможным отнести памят-

ники с воротничковой керамикой русско-азибейского типа на рассматриваемой территории к раннему энеолиту.

При анализе материальной культуры носителей керамики русско-азибейского типа были привлечены археологические комплексы находок с воротничковой керамикой русско-азибейского типа, выявленные на Русско-Азибейской I, Игимской, Золотая Падь II, Дубовогривской II, Татарско-Азибейской II, Каентубинской островной стоянках. В этих комплексах находок, как правило, преобладает керамика, анализу которой будет уделено внимание в следующем разделе.

III.1. Керамика

Наиболее массовыми остатками материальной культуры населения раннего энеолита Икско-Бельского междуречья является керамика.

По названию эталонного памятника раннего энеолита (Русско-Азибейская I стоянка) Р.С. Габышевым были выделена раннеэнеолитическая воротничковая керамика русско-азибейского типа (Габышев, 1994, с. 16–22).

«Воротничковая» керамика русско-азибейского типа была получена в ходе исследований Русско-Азибейской I (Габышев, 1978а, рис. 3–7), Игимской (Габышев, Старостин, 1971, рис. 17), Золотая Падь II (Габышев, Старостин. Отчет, 1972, с. 41–79, рис. 28,29; Шипилов, 2007, рис. 1: 10, 13; 2), Дубовогривской II (Габышев, Старостин. Отчет, 1972, с. 79, рис. 44) и Каентубинской островной (Чижевский, 2008, с. 1–207) стоянках.

При рассмотрении керамики эпохи энеолита автором была проведена классификация венчиков и орнаментальных мотивов. Классификация венчиков была разработана по признаку профилировки, описание же орнаментальных мотивов проводилась в рамках классификации, разработанной Ю.Б. Цетлиным (Цетлин, 2008, с. 18–28).

Венчики сосудов русско-азибейского типа не отличаются большим разнообразием, тем не менее, среди них удалось выявить следующие разновидности:

Прямые и слабопрофилированные венчики с округлым или уплощенным верхним краем (табл. 5: 1–3, 7, 9, 23, 26, 35, 41, 44, 51, 52). Близкие по профилировке венчики присутствуют в керамике самарской культуры, полученном в результате исследования стоянки Лебяжинка III и Гундоровского поселения (Овчинникова, 1999, рис. 3: 1; 4: 5, 7). Слабо профилированные венчики с уплощенным верхним краем хорошо представлены в керамике поселенческих и погребальных памятников хвалынской культуры. Близкая по профилировке керамика присутствует в коллекции Хвалынского I могильника (Васильева, 2010, рис. 3: 1; 4: 4), а также в материалах стоянок Лебяжинка I и Комбак-гэ (Барынкин, 2010, рис. 7: 1; 13: 5). Черты сходства прослеживаются с воротничковой керамикой, обнару-

женной в Башкортостане на таких поселенческих памятниках, как Бачки-Тау II и Сауз II (Выборнов, 2008, рис. 201: 2; 203: 1–3).

Сильно отогнутые наружу венчики (табл. 5: 11, 17, 18, 20, 32, 36, 40, 46, 50). Близкие по облику венчики присутствуют в массивах керамики самарской и хвалынской культуры, полученных в результате исследований на территории Самарской области (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 254, рис. 14: 4; Барынкин, 2010, рис. 3: 4; 7: 4, 6). Отдельные венчики данного типа находят сходство с керамикой ивановского типа Турганикского поселения (Моргунова, 1984, рис. 10; Моргунова и др., 2017, рис. 24: 4, 6).

Прикрытые венчики, с четко выраженным воротничком, подпрямоугольные и подтреугольные в сечении (табл. 5: 5, 10, 12, 29, 30, 38, 39, 42, 45, 47, 54–57). Аналогичные по профилировке венчики были обнаружены в результате исследования Съезженского могильника (Васильев, Матвеева, 1976, рис. 9, 10) самарской культуры. Аналогии проявляются среди находок стоянок Лебяжинка I, Комбак-тэ (Барынкин, 2010, рис. 2: 2; 3: 4), имеющие принадлежность к хвалынской культуре, а также непосредственно в материалах Хвалынского I энеолитического могильника (Васильева, 2010, рис. 3: 4). Сходство по профилировке сосудов рассматриваемой группы керамики проявляется с керамикой ивановского типа, обнаруженной в Оренбургской области в ходе исследования Турганикского поселения (Васильев, 1981, табл. 15). Сходные по облику венчики происходят и с поселения Сауз II (Выборнов, 2008, рис. 204: 2). Отдельные черты сходства прослеживаются и с керамикой нижнедонской культуры, происходящей с поселения Липецкое Озеро (Синюк, Клоков, 2000, рис. 46: 3–5). Приведенные аналогии, вероятно, могут свидетельствовать о проявлении влияния носителей культур мариупольской культурно-исторической области на позднеэнеолитическое население Икско-Бельского междуречья и сопредельных территорий, результатом которого стало появление воротничковой керамики русско-азибейского типа (по Р.С. Габяшеву).

Прямостенные венчики с четко выраженным воротничком (табл. 5: 13–15, 48), подпрямоугольные и подтреугольные в сечении. Аналогичные по форме и профилировке венчики также прослеживаются в керамике самарской культуры на Вилатовской стоянке (Васильев, 1981, табл. 14: 10). Венчики с подобной профилировкой присутствуют в керамических комплексах ивановского типа из Турганикского поселения (Моргунова и др., 2017, рис. 19:1).

Венчики с подцилиндрической горловиной (табл. 5: 4, 6, 8, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 37, 49, 53). Отдельные венчики данной группы (табл. 5: 6, 22, 24, 27, 28, 31, 53) по своей профилировке находят сходство с керамикой хвалынской культуры, обнаруженной в ходе исследований на стоянке Лебяжинка I (Барынкин, 2010, рис. 7: 4 5; 13: 5).

Открытые, чашевидные венчики (табл. 5: 43, 58). Данная группа венчиков является наиболее малочисленной. Они не находят аналогий в массивах керамики самарской и хвалынской культур. Тем не менее, сосуды чашевидной формы присутствуют в погребениях раннеэнеолитических могильников приустьевой части долины Камы, и, вполне возможно, данная форма венчика была заимствована носителями керамики русско-азибейского типа у населения устья Камы, оставивших эти погребальные памятники.

В ходе детального изучения керамики в массиве воротничковой керамики русско-азибейского типа были выделены следующие орнаментальные мотивы:

1. Пояса из вертикально или наклонно поставленных оттисков линзовидного многочастного слитного штампа (табл. 6: 10–13, 19; рис. 13: 2; 14: 2, 4). Черты сходства с рассматриваемым мотивом присутствуют в керамике Ивановской стоянки (Моргунова, 1980, рис. 9: 30). Прослеживаются они и в керамике Гундоровского поселения (Васильев, 2003, рис. 4: 9). Данный орнаментальный мотив фиксируется на неолитической керамике камской культуры как в Нижнем Прикамье, так и на сопредельных территориях. Так, пояса из оттисков вертикально поставленных линзовидных многочастных гребенчатых штампов наблюдались на позднеэнеолитической керамике Балахчинской VI а стоянки (Габяшев, 1976, рис. 7: 2).

2. Пояса из оттисков расположенного горизонтально подпрямоугольного гребенчатого многочастного слитного штампа (табл. 6: 61; рис. 14: 2, 4, 5–7). Аналогии данному орнаментальному мотиву прослеживаются в «воротничковой» керамике Примокшанья (Королев, Савицкий, 2006, рис. 2: 14) и в материалах поселения Липецкое Озеро (Синюк, Клоков, 2000, рис. 46: 4, 6). Присутствует он и на неолитической керамике камской культуры (Выборнов, Шипилов, 2019, рис. 5: 1, 3).

3. Пояса из вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого овального многочастного слитного штампа (табл. 6: 7–9, 22; рис. 11: 2; 13: 6). Данный орнаментальный мотив прослеживается на ямочно-гребенчатой керамике поселений Шапкино III и Инясево (Ставицкий, Хреков, 2003, рис. 25: 1, 4; 26: 6, 10). Встречен он и на воротничковой керамике поселений Инясево и Софьино (Ставицкий, Хреков, 2003, рис. 38: 3; 45: 3). Наличие рассматриваемого мотива фиксируется и на воротничковой керамике поселения Сауз II (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 11: 1, 3, 4; 12: 1; 13: 5).

4. Пояса из вертикальных или наклонных оттисков клиновидного гребенчатого многочастного слитного штампа (табл. 6: 54, 65; рис. 14: 4, 7), вероятно, получают распространение уже в эпоху неолита, о чем наглядно свидетельствует позднеэнеолитическая керамика, происходящая с Балахчинской VI а стоянки (Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, Хлебникова, 1976, рис. 7: 15).

5. Пояса из вертикальных или наклонных оттисков линзовидного одночастного штампа (табл. 6: 5, 6). Данный мотив встречается на керамике волго-камской культуры, на керамике Старомазиковской III стоянки в Марийском Поволжье (Никитин, 1996, рис. 16: 1), а также на гребенчато-ямочной керамике Удельно-Шумецкого VI поселения (Никитин, 1996, рис. 23: 8).

6. Пояса из наклонно поставленных оттисков клиновидного многочастного разреженного штампа (табл. 6: 56–57; рис. 13: 1, 3, 5).

7. Пояса из оттисков подпрямоугольного многочастного разреженного штампа (табл. 6: 67; рис. 11: 3). Аналогичные пояса фиксируются на керамике хutorского этапа волго-камской культуры (Денисов, 1960, рис. 7: 1; 11: 1, 9). Присутствуют они и на керамике хвалынской культуры, происходящей с поселения Русское Труево I (Ставицкий, Хреков, 2003, рис. 51: 2, 4–7).

8. Пояса из оттисков подтреугольного одночастного штампа (табл. 6: 55; рис. 13: 3). Прослеживается сходство данного мотива с орнаментальным мотивом керамики волго-камской культуры, происходящей с территории Марийского Поволжья (Никитин, 1996, рис. 17: 43). Имеется он и на неолитической керамике, найденной в приустьевой части Камы (Габяшев, 1976, рис. 4: 20, 24). Его наличие отмечено и в неолитической керамике Хutorской стоянки (Выборнов, 1992, рис. 18: 1). Распространение поясов из оттисков одночастного подтреугольного штампа на воротничковой керамике Икско-Бельского междуречья (Игимская стоянка), вероятно, следует рассматривать как проявление орнаментальных традиций волго-камской культуры в массиве керамики раннего энеолита.

9. Сочетание поясов из оттисков подпрямоугольного многочастного слитного и линзовидного многочастного слитного штампов (табл. 6: 17, 18).

10. Сочетание поясов из ромбов, выполненных круглым одночастным штампом, с горизонтальными поясами из оттисков овального одночастного штампа (табл. 6: 2).

11. Пояса линзовидного одночастного штампа в сочетании с «шагающей» гребенкой, с включением круглого одночастного штампа (табл. 6: 31).

12. Сочетание поясов из оттисков круглого одночастного и овального одночастного штампов (табл. 6: 1).

13. Присутствует также мотив, где сочетаются пояса из оттисков сегментовидного многочастного слитного и круглого одночастного штампов (табл. 6: 41).

14. Сочетание поясов из оттисков слитных подпрямоугольного многочастного и линзовидного многочастного штампов, с включением круглого одночастного штампа (табл. 6: 30).

15. Сочетание поясов из оттисков слитных подпрямоугольного многочастного и линзовидного многочастного штампов (табл. 6: 23).

16. Сочетание поясов из оттисков косо поставленного овального слитного многочастного штампа с «шагающей» гребенкой (табл. 6: 37, 50).

17. Пояс из оттисков вертикально расположенного слитного линзовидного многочастного гребенчатого штампа с включением оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 47).

18. Сочетание поясов из оттисков клиновидного многочастного слитного штампа и оттисков линзовидного одночастного штампа с включением круглого одночастного штампа (табл. 6: 49).

19. Пояса из оттисков подтреугольного одночастного штампа в сочетании с «шагающей» гребенкой и оттисками круглого одночастного штампа (табл. 6: 27).

20. Пояса из оттисков подпрямоугольного многочастного разреженного штампа с поясами из оттисков вертикально поставленного линзовидного одночастного штампа (табл. 6: 34).

21. Сочетание поясов из оттисков подпрямоугольного многочастного и клиновидного многочастного разреженных штампов с включением круглого одночастного штампа (табл. 6: 29).

22. Пояса из оттисков, поставленных под наклоном линзовидных многочастных разреженных штампов (табл. 6: 36, 39). Аналогии им фиксируются на воротничковой керамике поселения Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 96: 2; 98: 10, 18, 21).

23. «Шагающая» гребенка в сочетании с поясом из оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 51).

24. Горизонтальный зигзаг (табл. 6: 16), который выполнялся оттисками овального многочастного слитного гребенчатого штампа. Близкий по облику мотив был прослежен на воротничковой керамике нижнедонской культуры, происходящей с поселения Липецкое Озеро (Синюк, Клоков, 2000, рис. 46: 6).

25. Сочетание поясов из оттисков подтреугольного одночастного штампа и косо поставленного клиновидного многочастного слитного штампа, с включением круглого одночастного штампа (табл. 6: 52).

26. Мотив, который составляют пояса из оттисков овального многочастного слитного штампа и линзовидного одночастного штампа с включением оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 53).

27. Пояса из оттисков саблевидного многочастного слитного штампа (табл. 6: 13).

28. Косая решетка по венчику сосуда (табл. 6: 28, 46, 62, 63; рис. 11: 2). Этот мотив выполнялся с использованием овального многочастного слитного, клиновидного многочастного разреженного или линзовидного слитного гребенчатых штампов. Данный мотив прослеживается уже в керамике хуторского этапа волгокамской культуры (Денисов, 1960, рис. 7: 4; 11: 2). Его наличие прослеживается и

на неолитической керамике стоянок Сауз I, II и Кюнь II (Выборнов, 1992, рис. 2: 4; 6: 2; 7: 5). Фиксируется он и на воротничковой керамике поселения Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 103: 3).

29. Мотив, включающий в себя пояса из оттисков овального многочастного слитного штампа и саблевидного многочастного слитного штампа, с включением оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 44).

30. Мотив «елочки» (табл. 6: 3, 14, 15, 25, 43; рис. 12), который выполнялся с использованием клиновидным многочастного разреженного штампа, линзовидного одночастного, овального многочастного слитного, многочастного линзовидного разреженного и многочастного линзовидного слитного штампов. Исполнение рассматриваемого мотива встречается достаточно широко как на керамике эпохи неолита, так и на керамике эпохи энеолита. Мотив «елочки» с использованием разреженного многочастного гребенчатого штампа фиксируется в сочетании с ямочными вдавлениями на венчике на волго-камской керамике, происходящей с территории Марийского Поволжья, в частности, на стоянке Нижняя Стрелка V (Никитин, 1996, рис. 16: 4). С использованием многочастного слитного линзовидного гребенчатого штампа рассматриваемый мотив наносился на позднеэнеолитическую керамику поселения Сауз III (Выборнов, 1992, рис. 5: 1-5).

31. Мотив, включающий в себя пояса из оттисков подпрямоугольного разреженного штампа в сочетании с оттисками круглого одночастного штампа (табл. 6: 45).

32. Мотив, состоящий из сочетания поясов оттиска подпрямоугольного многочастного слитного и линзовидного многочастного слитного штампов, с включением оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 35).

33. Мотив, который включает в себя пояса из оттисков линзовидного одночастного штампа, в сочетании с оттисками круглого одночастного штампа (табл. 6: 4).

34. Мотив вертикального зигзага (табл. 6: 21; рис. 11: 4; 12). При выполнении данного мотива использовался линзовидный слитный многочастный гребенчатый штамп. Помимо этого для построения данного мотива применялся и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штамп (табл. 6: 24).

35. Мотив, включающий в себя сочетание поясов из оттисков подпрямоугольного, линзовидного и клиновидного многочастных гребенчатых слитных штампов, с использованием оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 32).

36. Мотив, который включает в себя заштрихованные треугольники в сочетании с поясами из оттисков круглого одночастного и подпрямоугольного многочастного разреженного штампов (табл. 6: 40). Треугольники выполнялись оттисками разреженного овального многочастного штампа и следовали друг за другом, располагаясь горизонтальными поясами. Заштрихованные треугольники

присутствуют уже на неолитической керамике волго-камской культуры, на керамике, происходящей с Тетюшской IV стоянки (Габяшев, 1976, рис. 4: 6). При наличии рассматриваемого мотива на ранней энеолитической воротничковой керамике Икско-Бельского междуречья следует рассматривать, на наш взгляд, как результат контактов поздненеолитического населения рассматриваемого региона с населением мариупольской культурно-исторической области.

37. Мотив, включающий в себя сочетание поясов из оттисков овального многочастного слитного и подпрямоугольного многочастного разреженного штампов (табл. 6: 26).

38. Мотив, включающий в себя сочетание поясов из оттисков линзовидного многочастного слитного и овального многочастного разреженного штампов (табл. 6: 33).

39. Мотив, состоящий из сочетания поясов овального многочастного слитного и линзовидного многочастного разреженного штампов (табл. 6: 38).

40. Мотив, который включает в себя сочетание поясов из оттисков овального многочастного слитного и линзовидного одночастного штампов с включением оттисков круглого одночастного штампа (табл. 6: 42).

41. Мотив, состоящий из сочетания поясов оттисков подпрямоугольного многочастного разреженного, линзовидного многочастного слитного, овального и линзовидного одночастного штампов (табл. 6: 48).

42. Пояса «шагающей» гребенки (табл. 6: 58–60, рис. 12). Данный мотив присутствует и на керамике волго-камской культуры в Среднем Поволжье, например, в материалах поселения Нижняя Стрелка V (Никитин, 1996, рис. 17: 7). Его присутствие на керамике русско-азибейского типа свидетельствует о том, что данный мотив получает распространение в среде носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа.

43. К числу чрезвычайно редких мотивов следует отнести мотив, который возможно интерпретировать как изображение птиц, следующих друг за другом (табл. 6: 66, рис. 11: 2). Шеи птиц выполнены оттисками вертикально поставленных овальных многочастных слитных гребенчатых штампов, направленных под прямым углом к головам. Головы оформлены в виде перпендикулярно размещенных по отношению к шеям оттисков более коротких овальных многочастных слитных гребенчатых штампов. Данный мотив представлен на венчике сосуда, имеющего воротничковое оформление (рис. 11: 2). Таким образом, вышеотмеченный венчик сосуда, вероятно, несущий на себе орнитоморфные изображения, являет собой яркий пример симбиоза культурных традиций, выразившегося в сохранении местных неолитических традиций и влиянии носителей самарской культуры. Проявление влияния самарской и хвалынской культур, имевших непосредствен-

ное отношение к мариупольской культурно-исторической области, выразалось в воротничковом оформлении венчика.

Сохранение и проявление местных неолитических традиций следует усматривать в орнитоморфных изображениях. В эпоху неолита на территории лесной полосы Восточной Европы были известны культ водоплавающей птицы и орнитоморфные изображения на керамике. Данный факт дает основания полагать, что рассматриваемый район в этом отношении не стал исключением. Представляется важным отметить, что посуда с воротничковым оформлением венчиков распространяется не только в территориальных рамках Нижнего Прикамья, а проникает вплоть до Среднего Поволжья. Типологически близкие формы посуды с воротничковым оформлением венчиков были зафиксированы на Удельно-Шумецком VI поселении в Марийском Поволжье (Никитин, 1996, рис. 23: 4, 10, 17).

Воротничковая керамика русско-азабейского типа стоянок Золотая Падь II, Дубовогривской II стоянки находит аналогии на поселенческих памятниках, расположенных в Башкортостане, таких как Муллино III, Давлеканово (Матюшин, 1982, таб. 86: 6; 96; 97), Сауз II (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, рис. 5: 1, 3, 5; 8: 1–4, 7: 11, 12). Следует отметить, что типологически она сближается и с керамикой самарской культуры (Матвеева, 1976; Васильева, 2010, с. 153–179, рис. 1–4). В этой связи заслуживает внимания мнение Н.Л. Моргуновой, которая относит воротничковую керамику, обнаруженную на стоянках Муллино и Давлеканово, ко второму этапу самарской культуры (Моргунова, 2011, с. 100). Выявленный круг аналогий воротничковой керамике из стоянок Золотая Падь II и Дубовогривская II дает основания говорить о проявлении контактов носителей керамики русско-азибейского типа с носителями самарской культуры и, возможно, синхронизировать время функционирования вышеотмеченных памятников со вторым этапом развития самарской культуры.

Сходство керамики русско-азибейского типа по профилировке и орнаментации керамики с отмечается с керамикой Съезженского и Хвалынского могильников, относящихся к самарской и хвалынской энеолитическим культурам. Такое сходство проявляется и с керамикой поселенческих памятников вышеотмеченных культур. Данный факт дает основания утверждать, с известной долей осторожности, что рассматриваемую территорию, вероятно, следует включить в ареал распространения культурных традиций самарской, а затем и хвалынской энеолитических культур.

В целом следует согласиться с Р.С. Габяшевым в том, что в раннеэнеолитической керамике Икско-Бельского междуречья достаточно отчетливо сохраняются некоторые черты камского неолита (форма сосудов, характер орнаментации) (Габяшев, 2001, с. 45). Об этом также свидетельствуют обнаруженные аналогии в рассматриваемом массиве керамики.

Наличие же ямочных вдавлений под воротничком сосудов и в ряде случаев по тулову сосудов, по всей вероятности, говорит о том, что такая орнаментация появилась в Икско-Бельском междуречье в результате контактов носителями ямочно-гребенчатой керамики с населением волго-окского региона.

Исходя из приведенных выше аналогий, можно предположить, что раннеэнеолитическая керамика является гибридной, сочетая в себе культурные традиции позднэнеолитических и раннеэнеолитических культур лесной и лесостепной полосы Восточной Европы.

Немаловажным представляется разрешение вопроса, связанного с датировкой воротничковой керамики в данном районе. Так по керамике, происходящей с Русско-Азиевской I, Каентубинской островной, Татарско-Азиевской II и Гулюковской I стоянок, был проведен радиоуглеродный анализ, в результате которого были получены следующие даты (Выборнов, 2008, с. 243):

- Русско-Азиевская I стоянка – 5540 ± 90 (4490–4320, 4600–4050 BC);
- Гулюковская стоянка I – 5200 ± 80 л.н. (4370–4220, 4460–4210 BC);
- Каентубинская островная стоянка – 5620 ± 80 л. н. (4540–4350, 4680–4330 BC);
- Татарско-Азиевская II стоянка – 5270 ± 90 л. н. (4170–3980, 4260–3950 BC).

Помимо этого радиоуглеродные датировки по воротничковой керамике были получены с сопредельных территорий. Так воротничковая керамика Саузовской II стоянки оказалась синхронна Каентубинской островной (Выборнов, 2008, с. 243). Принимая во внимание полученные даты, можно предположить, что под воздействием каких-либо факторов носители культур мариупольской культурно-исторической области с середины V тыс. до н. э. начинают оказывать влияние на позднэнеолитическое население Икско-Бельского междуречья и распространяют свое влияние вплоть до Среднего Поволжья, о чем свидетельствуют полученные находки. Но, принимая во внимание радиоуглеродную датировку воротничковой керамики, происходящей с Татарско-Азиевской II стоянки, следует считать, что на рассматриваемой территории эти воздействия продолжались лишь до начала IV тыс. до н. э.

III. 2. Каменный инвентарь

Каменная индустрия раннеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья может быть охарактеризована коллекцией каменных орудий, происходящих, как и керамика, из заполнения жилища и околожилищного пространства Русско-Азиевской I стоянки (Габяшев, 1978а) (рис. 2).

Основным сырьем для изготовления орудий служил светло-серый дымчатый кремьен хорошего качества; реже встречается белый, меловой, в единичных случаях попадаетея красновато-коричневый плитчатый кремьен. Для изго-

товления рубящих и долотовидных орудий применялся окремнелый известняк, зеленоватый или белый хлоритовый сланец. Довольно многочисленную группу находок составляют целые и расколотые небольшие гальки, служившие отбойниками и ретушерами. Из других пород изредка встречаются кварцит, диорит и гнейс.

Самую многочисленную группу находок составляют ножевидные пластины, отщепы, мелкие осколки и чешуйки кремня. Часть из них имеет следы грубой небрежной ретуши. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие крупных отщепов, несущих на себе следы корки.

Нуклеовидные кремни (76 экз.) и нуклеусы (23 экз.) представляют вторую группу находок. Первые представлены мелкими, сильно сработанными экземплярами, вероятно, предназначенными для скалывания отщепов. Нуклеусы представлены коническими (18 экз.) и призматическими (5 экз.) формами. Они сильно сработаны, высота их не превышает 5 см. Негативы нуклеусов – узкие (2–3 мм шириной) и относительно ровные (рис. 15: 1–6).

Следующую группу находок составляют ретушеры (7 экз.), обычно изготовленные на небольших плоских гальках и несущие следы сработанности по противоположным концам.

Пластины и пластинчатые отщепы в коллекции представлены 385 экземплярами. Пластины имеют вытянутые пропорции, в сечении они трехгранные или трапециевидные. Большинство их имеет неправильную огранку. Довольно много изогнутых и ребристых пластин, представляющих собой сколы с нуклеусов. Размеры пластин варьируют в очень широких пределах: много мелких экземпляров длиной от 1,5 до 5 см при ширине от 0,3 до 0,8 см (61 экз.), большинство же имеют длину от 6 до 9 см при ширине 0,8–1 см (283 экз.). Крупные пластины длиной от 9 до 13 см немногочисленны (41 экз.). Некоторые пластины несут следы ретуши (53 экз.).

В результате изучения коллекции удалось выявить 105 законченных орудий и их обломков.

Скребки (44 экз.) составляют наиболее многочисленную группу орудий. Большинство их изготовлено на крупных пластинах (8 экз.) и пластинчатых отщепах (18 экз.). Все они относятся к типу концевых скребков (рис. 16: 1–12). Форма рабочего края скребков устойчива: полукруглая, плавно переходящая на боковые края. Ретушь на лезвии крутая. Значительная часть скребков имеет ретушь по одной или обоим боковым сторонам (рис. 16: 1–9, 12). Скребки на отщепах изготовлены на небольших кремнях преимущественно продолговатых очертаний. Большинство их концевые (рис. 16: 13, 20), хотя встречаются боковые (рис. 16: 14–16) и округлые. Широкая рабочая часть их подчинена размерам и форме исходного отщепа. Преобладают скребки с высоким и крутым рабочим краем. Аналогии дан-

ной категории орудий прослеживаются в каменном инвентаре поселения Сауз II (Выборнов, Овчинникова, 1981, с. 33–52).

Ножи представлены 24 экземплярами. Они изготовлены на крупных пластинах (9 экз.) или пластинчатых отщепах (12 экз.). Все орудия происходят из заполнения жилища Русско-Азибейской I стоянки. Наиболее крупные ножи имеют длину до 12 см, но преобладают ножи длиной 6–7 см. По форме лезвия ножи можно подразделить на четыре типа: прямолезвийные, прямолезвийные со скошенным лезвием, подтрапециевидные и полукруглые. Первый тип представлен семью экземплярами (рис. 15: 27, 29, 34). Ко второму типу можно отнести 15 орудий, 13 из которых были выполнены на ножевидных пластинах. Как уже было отмечено выше, ножи имеют прямолезвийную форму со слегка скошенным и приостренным лезвием, близким по форме к лезвиям современных ножей (рис. 15: 22–26, 28). Наиболее совершенен нож из ямы № 4 (рис. 15: 28), изготовленный на крупной пластине длиной 11 см и шириной 3 см. Его лезвие обработано крупной плоской приостряющей ретушью с брюшка и со спинки. По спинке двумя крупными поперечными сколами намечен черешок, обработанный крутой ретушью. С данным типом орудий сближаются два ножа. Один из них изготовлен из кремневой плитки (рис. 15: 30), а другой – из отщепа (рис. 15: 31).

Орудия вышеперечисленных типов в культурном слое Русско-Азибейской I стоянки с точки зрения планиграфии хорошо увязываются с «воротничковой» керамикой русско-азибейского типа.

Аналогии ножам первых двух типов имеются в поселенческих комплексах среднестоговской культуры (Телегин, 1973, с. 61, рис. 36). Также не противоречат энеолитической принадлежности данных ножей их черты сходства, прослеживаемые с орудиями, происходящими из Никольского, Мариупольского и Ворошиловоградского могильников, относящихся к мариупольской культурно-исторической области (Телегин, 1991, с. 19, рис. 8: 8, 9; 29: 1; Писларий, Кротова, Ключко, 1976, с. 24, рис. 3). Близкие по облику орудия присутствуют в составе кремневого инвентаря таких среднестоговских памятников как Александрия, Гончаровка, Бузьки (Телегин, 1973, с. 61, рис. 36). Не лишним будет отметить, что датировка среднестоговской культуры находится в пределах V – первой половины IV тыс. до н. э. (Моргунова, 2011, с. 128–129). В этой связи вполне правомерно отметить, что ножи вышеописанных разновидностей, изготовленные на ножевидных пластинах и происходящие с Русско-Азибейской I стоянки, сближаются по своему облику с орудиями, получившими широкое распространение в среде культур, имеющих отношение к мариупольской КИО, о чем свидетельствуют параметры орудий, а также выявленные аналогии. При исследовании Русско-Азибейской I стоянки эти орудия стратиграфически увязывались с «воротничковой» керамикой русско-азибейского типа, из чего можно предположить, что в период

ранней фазы энеолита местное население Икско-Бельского междуречья испытало импульс со стороны культур, являвшихся носителями традиций мариупольской культурно-исторической области, в частности, самарской и хвалынской.

К третьей и четвертой разновидности орудий следует отнести два ножа, изготовленных из плитчатого кремня коричневого цвета. Оба орудия происходят из заполнения жилища Русско-Азибейской I стоянки. К третьей разновидности относится нож подрапещиевидной формы (рис. 15: 32). Высота орудия составляет 4,7 см при ширине лезвия около 4,8 см. Орудие несет на себе двухстороннюю краевую ретушь. Следующий тип представлен одним ножом полукруглой формы (рис. 15: 33), который также изготовлен из плитчатого кремня. Высота орудия составила 3,4 см при ширине 4,4 см.

Ножи двух последних разновидностей в культурном слое Русско-Азибейской I стоянки планиграфический так же хорошо увязываются с «воротничковой» керамикой русско-азибейского типа.

Резчики (4 экз.) по своему облику образуют группу орудий, близкую к ножам. Они изготовлены на крупных трехгранных массивных пластинах или пластинчатых отщепках. Резчики имеют скошенное лезвие, обработанное со спинки (рис. 15: 35).

Резцы (3 экз.) изготовлены на крупных пластинах и пластинчатом отщепе. Резцовые сколы длиной до 1 см были нанесены на одном из углов пластины (рис. 15: 14).

Сверла (4 экз.) были оформлены на концах сломанных пластин или трехгранных пластинчатых отщепках. Их рабочая часть довольно массивная и обработана мелкими поперечными сколами, на ней заметны следы сильной заполированности (рис. 15: 10–12). В рамках данной категории орудий выделяются следующие разновидности:

1. Подтреугольные сверла (2 экз.) (рис. 15: 10) изготовлены на трехгранных пластинчатых отщепках. Черты сходства с рассматриваемой разновидностью орудий прослеживаются в массиве погребального инвентаря Мариупольского могильника (Телегин, Нечитайло, Потехина, Панченко, 2001, с. 94; Моргунова, 2011, рис. 92). Сходство прослеживается также с орудием, происходящим с Кара-Якуповской стоянки (Морозов, 1984, с. 53, рис. 7: 6). Помимо этого, подобное орудие на ножевидной пластине было встречено в заполнении жилища № 17 на трипольском поселении развитого периода у с. Владимировки, расположенного в Подвысоцком районе Кировоградской области Украины (Черныш, 1951, с. 89, рис. 22: 6). Сверла рассматриваемой разновидности, полученные при исследованиях в Икско-Бельском междуречье, были распространены в эпоху позднего неолита и получили свое дальнейшее распространение в энеолитическую эпоху. В пользу данного утверждения свидетельствует совместное залегание в культурных напластовани-

ях данных орудий с раннеэнеолитической воротничковой керамикой в заполнении жилища Русско-Азибейской I стоянки, а также выявленный круг аналогий.

2. Сверло, выполненное на ножевидной пластине, с симметричным острием и прямыми плечиками (1 экз.) (рис. 15: 12). Находка происходит из заполнения жилища Русско-Азибейской I стоянки, где она была зафиксирована с воротничковой керамикой русско-азибейского типа. Ближайшие аналогии данным орудия прослеживаются в кремневом инвентаре Кара-Якуповской стоянки (Морозов, 1984, с. 53, рис. 7: 5). Исходя из выявленных аналогий, Ю.А. Морозов датировал памятник в пределах V–IV тыс. до н. э. (Морозов, 1984, с. 56). Принимая во внимание то, что керамика русско-азибейского типа, вместе с которой в заполнении жилища Русско-Азибейской I стоянки найдено данное орудие, датируется серединой V тыс. до н. э., сверло следует помещать в эти же хронологические рамки.

3. Сверло, выполненное на ножевидной пластине, с симметричным острием и овальными плечиками (рис. 15: 11). Данная разновидность представлена одним экземпляром. Длина орудия составляет 5 см при ширине лезвия 1,2 см. Для его изготовления использовался светло-серый кремнь сравнительно высокого качества. Находка данного орудия была сделана при исследовании Русско-Азибейской I стоянки. Стратиграфические наблюдения позволяют увязывать ее с керамикой русско-азибейского типа, и относить сверло рассматриваемой разновидности к раннему энеолиту. Раннеэнеолитический возраст данной находки подтверждается также и обнаружением близкого по облику орудия при исследовании раннеолосовского Майданского поселения в Среднем Поволжье (Никитин, 1987, с. 29, рис. 4: 26).

Проколки (5 экз.) преимущественно изготовлены на пластинчатых отщепках (рис. 15: 15, 16, 19, 20). Одна из проколов, выявленная в яме № 5, является комбинированным орудием (рис. 13: 19). В заполнении ямы помимо этого фиксировалась керамика русско-азибейского типа.

Наконечники стрел (рис. 15: 7–9) представлены тремя экземплярами. Один из них изготовлен на асимметричной трехгранной пластине белого кремня. Наконечник имеет подтреугольную форму пера с боковой выемкой у его основания. Черешок орудия с двух сторон обработан краевой ретушью (рис. 15: 9). Данную находку правомерно отнести к уникальным и связать с наконечниками так называемого кельтеминарского типа.

Находки наконечников стрел кельтеминарского типа преобладают на восточных склонах Урала и в Зауралье. На западном склоне Урала известно два памятника с находками этих наконечников – стоянки Средняя Ока в среднем течении р. Ай и Усть-Юрюзанская (Матюшин, 1975, с. 143). Определенные черты сходства с наконечником, найденным в Икско-Бельском междуречье, проявляются у крем-

невого изделия, найденного в Среднем Прикамье на стоянке Бор IV (Бадер, 1961а, рис. 90: 1). Аналогия прослеживается и с находкой, происходящей со стоянки Долгий Ельник I на оз. Зюрат-Куль (Матюшин, 1975, с. 144, рис. 1: 6). Подобные наконечники были обнаружены также в ходе исследований стоянки Чебаркуль II (Крижевская, 1962, рис. 10: 3).

Л.Я. Крижевская склонна была связывать наконечники кельтеминарского типа с эпохой неолита (Крижевская, 1962, с. 27–29). Исследования Г.Н. Матюшина позволили пересмотреть эту точку зрения. Основанием для этого послужил факт обнаружения наконечника кельтеминарского типа на стоянке Суртанды VIII – эталонном памятнике энеолита Южного Урала (Матюшин, 1975, рис. 1: 2). Г.Н. Матюшин считал, что такие наконечники были связаны с воротничковой раннеэнеолитической керамикой и хронологически относились к периоду с середины V по начало IV тыс. до н. э. (Матюшин, 1975, с. 151). Возможно, наконечники стрел кельтеминарского типа были распространены не только в неолите, но и продолжали бытовать в среде энеолитического населения Урала и Зауралья. Исследования ряда памятников подтвердили этот факт. Так при исследовании энеолитического могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье, в погребении № 14 был обнаружен кельтеминарский наконечник стрелы с боковой выемкой. (Хвостов, 1981, с. 137). Принадлежности к энеолиту не противоречит и находка кельтеминарского наконечника, сделанная при исследовании святилища на стоянке Савин на р. Тобол (Потемкина, 2001, с. 220, рис. 5, 14).

Второй наконечник был изготовлен на небольшом отщепе темно-серого кремня и имеет подтреугольную форму с намеченным черешком (рис. 15: 7). Третий наконечник, тщательно обработанный двусторонней плоской отжимной ретушью (рис. 15: 8), представлен обломком пера подтреугольных очертаний.

Все перечисленные наконечники происходят из заполнения жилища Русско-Азибейской I стоянки (рис. 2), где, как уже отмечалось, фиксировалась керамика русско-азибейского типа, что дает дополнительное основание связывать данные находки с эпохой раннего энеолита.

Кельтеминарские наконечники – явление чуждое и нетипичное для Икско-Бельского междуречья, они единичны среди сотен каменных энеолитических орудий, найденных в регионе. Можно полагать, что их находки в Икско-Бельском междуречье лишь отражают связи энеолитического населения Икско-Бельского междуречья с населением Урала и Западной Сибири.

Скобели (3 экз.) (рис. 15: 17–18) изготовлены на массивных коротких пластинах или пластинчатых отщепах. Один скобель выполнен на ножевидной пластине. Диаметр ретушированных выемок, расположенных по одной из его боковых граней, не превышает 1 см.

Прочие орудия представлены фрагментом топоровидного орудия, долотами и теслами. Фрагмент топоровидного орудия найден также в заполнении жилища Русско-Азибейской I стоянки.

Долота представлены двумя экземплярами, найденными в заполнении ямы № 6 Русско-Азибейской I стоянки (рис. 1) совместно с керамикой русско-азибейского типа. Одно целое орудие имеет асимметричную форму с выпуклой спинкой и треугольное поперечное сечение. Рабочая часть долота сильно заполирована (рис. 16: 30). Второе долото представлено лишь обломком рабочей части.

Тесла насчитывают 13 экземпляров (рис. 15: 22–29, 31, 32). Часть орудий (6 экз.) изготовлена из белого кремня или окремненного известняка. Боковые стороны их расширяются к слегка округлому лезвию. В поперечном сечении эти тесла овальные или треугольные. Они имеют сравнительно небольшие размеры, длина их колеблется в пределах от 7,5 до 9 см, при ширине лезвия от 3,5 до 5 см (рис. 16: 28, 29, 31). Судя по одному обломку (рис. 16: 32), на стоянке бытовали и крупные тесла такого типа. Часть их (3 экз.) была тщательно отшлифована. Остальные семь тесел изготовлены из кремнистого сланца (рис. 16: 22–27). По форме они близки к теслам первого типа, но отличаются меньшими размерами и более укороченными пропорциями. В поперечном сечении они трапециевидные или подтреугольные. Одно из этих тесел имеет клювовидное лезвие и приближается по форме к орудиям типа «круммайзель» (рис. 16: 24). Все эти тесла прекрасно отшлифованы. Учитывая их малые размеры, возможно, они служили стамесками.

Состав находок, происходивших из заполнения жилища и околожилищного пространства Русско-Азибейской I стоянки, по характеру применяемого сырья, технике расщепления кремня, приемам изготовления орудий и их типам, в общем, соответствует составу находок из ям №№ 2, 3, 6, 11, 13, 14. Это позволяет, с известной долей осторожности, высказать предположение о том, что весь комплекс является единым и относится к раннему энеолиту. Наиболее характерной чертой его является широкое использование техники отделения крупных пластин и, как следствие, высокий процент орудий на пластинах или пластинчатых отщепах. На них изготовлено 61 орудие, что составляет около 60% от общего количества выделенных орудий. В заполнении вышеотмеченных ям помимо каменных артефактов присутствовала воротничковая керамика русско-азибейского типа.

Таким образом, руководствуясь полученными радиоуглеродными датировками и приведенным кругом аналогий, каменный инвентарь может быть предварительно датирован серединой V – началом IV тыс. до н. э.

До настоящего времени отсутствуют представления о костяной индустрии, связанной с памятниками русско-азибейского типа. Вероятно, это объясняется отсутствием благоприятных условий для сохранения костяных находок в почвах Икско-Бельского междуречья.

На памятниках русско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье не выявлено следов металлообработки. Тем не менее, характеристика керамики, в которой прослеживаются черты близости с керамикой самарской и хвалынской культур, а также присутствие широкопластинчатых орудий в каменной индустрии населения, оставившего памятники русско-азибейского типа, служат, на наш взгляд, серьезным аргументом в пользу принадлежности данных памятников к эпохе энеолита.

Рассмотрение материальной культуры и хозяйства носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа позволило прийти к нижеследующим выводам.

Все известные поселенческие памятники русско-азибейского типа размещались по берегам водоемов, на оконечностях первых надпойменных террас, по берегам пойменных озер и стариц. Основная масса этих памятников продолжала занимать места предшествующих им поселений камской неолитической культуры (стоянки Русско-Азибейская I, Дубовогривская II, Игимская, Золотая Падь II, Кантубинская островная).

Единственным известным на сегодняшний день типом жилищных построек в среде носителей керамики русско-азибейского была подпрямоугольная полуземлянка. Наглядным свидетельством тому могут служить остатки жилища, очагов и хозяйственных сооружений, выявленные на Русско-Азибейской I стоянке, в заполнении которых залегала воротничковая керамика русско-азибейского типа. В целом жилище Русско-Азибейской I стоянки по своим типологическим особенностям является развитием традиций домостроительства камской неолитической культуры (Габышев, 1994, с. 17).

Вышеописанная керамика по совокупности своих технологико-типологических признаков включает в себя несколько компонентов. Среди них преобладал местный камский неолитический компонент. Такой элемент декора, как воротничковое оформление венчика, проявляется в массиве керамики круга культур мариупольской культурно-исторической области. Более близкие аналогии профилировке, элементам орнаментации и орнаментальным мотивам прослеживаются в материалах самарской и хвалынской культур.

Каменная индустрия памятников русско-азибейского типа по основным технологико-типологическим признакам близка к камской неолитической индустрии. В изготовлении орудий прослеживается абсолютное преобладание приемов односторонней краевой частичной ретуши при окончательной обработке и сходный набор орудий, в котором преобладают скребки, ножи, проколки, сверла, резцы на углу пластин, долота и тесла. Типы вышеперечисленных орудий находят аналогии в материалах камской культуры.

Вместе с тем нельзя не отметить и существенные отличия. Обращает на себя внимание возрастание роли пластинчатой индустрии и переход к крупным пла-

стинам как ведущему типу заготовок. Статистические подсчеты показали, что орудия, изготовленные на крупных широких ножевидных пластинах, обнаруженные на поселенческих памятниках с керамикой русско-азибейского типа, составляют 55,2%. Орудия, изготовленные на отщепах, составили всего 27,6%. Эта особенность была характерна для целого круга энеолитических культур юга и юго-запада Восточной Европы, относящихся к мариупольской культурно-исторической области. На этом основании можно утверждать, что и в каменной индустрии памятников русско-азибейского типа прослеживается влияние культур мариупольской культурно-исторической области (Габяшев, 1978а, рис. 9; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 2: 12–15, с. 97).

О культурных контактах с населением Приуралья и Зауралья косвенно может свидетельствовать находка наконечника стрелы кельтеминарского типа. Некоторые типы орудий (небольшие сланцевые долота и тесла) имеют значительно больший территориальный круг аналогий и являются скорее не культурным, а хронологическим показателем.

Принимая во внимание радиоуглеродную датировку, полученную по керамике, памятники русско-азибейского типа следует датировать в пределах середины V – начала IV тыс. до н. э.

Расположение стоянок носителей «воротничковой» керамики русско-азибейского типа вблизи водоемов способствовало занятию их рыболовством. Лов рыбы, вероятно, носил как индивидуальный, так и коллективный характер. В качестве грузил для сетей могли применяться округлые гальки (Гурина, 1991, с. 7).

Охота в среде носителей воротничковой керамики русско-азибейского типа, вероятно, не теряет своего значения. Об этом свидетельствует наличие кремневых наконечников стрел. О большом значении промысловой охоты свидетельствуем и богатый набор каменных орудий для обработки шкур. Особенно это заметно на примере кремневых скребков и ножей, которые становятся разнообразней в формах и размерах, что свидетельствует о возросшей функциональной дифференциации этих орудий. Среди скребков появляются миниатюрные экземпляры с незначительной рабочей частью и приостренной тыльной стороной для закрепления в рукояти. В то же время получают широкое распространение скребки со скошенным лезвием, используются орудия с дублирующим лезвием. Получают распространение комбинированные каменные орудия, такие как скобели-проколки, проколки-ножи, скребки-проколки и т.д. Все они предназначались для определенного вида работ по коже.

С деревообрабатывающей деятельностью можно связать сверла на ножевидных пластинах с серединным жалом и пологими плечиками, а также сверла подтреугольной формы, изготовленные на пластинчатых отщепах. Несомненно, с обработкой дерева были связаны также тесла и долота, имеющие различные па-

раметры, которые были выполнены из сланца, а также кремня, преимущественно белого.

Не исключена вероятность того, что носители керамики русско-азибейского типа, пребывая в пределах Иско-Бельского междуречья, вели обмен различными предметами с населением как близлежащих, так и более отдаленных территорий. Возможно, этим объясняется наличие находок сланцевых орудий, а также единичное проникновение на рассматриваемую территорию наконечников стрел так называемого кельтеминарского типа.

Таким образом, хозяйство носителей керамики русско-азибейского типа оставалось присваивающим, базирующимся на рыболовстве, охоте и собирательстве.

Глава IV. Материальная культура носителей керамики новоильинского («флажкового») типа в Икско-Бельском междуречье

Существующие радиоуглеродные датировки (Выборнов, 2008, с. 243; Лычагина, Выборнов, 2009, с. 35; Лычагина, 2018, с. 94) позволяют говорить о том, что в икско-Бельском междуречье памятники новоильинской культуры, по всей вероятности, в начале IV тыс. до н. э. приходят на смену памятникам русско-азийского типа (Габяшев, 1994, с. 22; Габяшев, 2001, с. 48).

Поселения, связанные с носителями керамики новоильинского типа, занимают те же площадки, которые до них занимали носители керамики русско-азийского типа. Стоянки размещаются, как правило, на первых надпойменных террасах, по берегам различных водоемов. К таковым памятникам следует отнести Дубовогривскую II, Игимскую, Татарско-Азийскую II, Русско-Азийскую III.

Размеры поселений с новоильинской керамикой в прослеженных случаях колеблются в широких пределах. В Икско-Бельском междуречье, судя по сборам с размытых памятников, преобладают небольшие стоянки с площадями распространения подъемного материала от 300 до 1500 кв. м. Культурные слои с новоильинской («флажковой») керамикой представляют собою светло-серый или светло-коричневатый слабо гумусированный песок мощностью 20–25 см. В отдельных случаях (например, Русско-Азийская III стоянка) они перекрывались темно-серой супесью с находками, имеющими принадлежность к волосово-гаринской общности (Габяшев, 1981).

С известной долей осторожности с керамикой новоильинского («флажкового») типа можно связать три жилищных сооружения (жилища №№ 1, 3 и 5), выявленных при исследовании Татарско-Азийской II стоянки (рис. 3). Судя по конструктивным особенностям, это были полуназемные сооружения подчетырехугольной формы, углубленные в грунт на 30 см. В заполнении жилищных котлованов была обнаружена керамика новоильинского типа. Помимо новоильинской керамики, в заполнении котлованов, у дна жилищ была зафиксирована керамика с орнаментацией накольчатого типа (Габяшев, 1978б). Принимая во внимание данную ситуацию, можно предположить, что носители керамики новоильинского типа использовали вторично жилищные котлованы Татарско-Азийской II стоянки, оставленные носителями керамики накольчатого типа. Помимо жилищных сооружений на Татарско-Азийской II стоянке фиксировались хозяйственные ямы, в заполнении которых находилась керамика новоильинского типа. К таковым относятся ямы №№ 1, 10, 11, 17, 21, 22, 24 (рис. 3).

Следует отметить, что на всех поселенческих памятниках с новоильинской керамикой и с более или менее выраженной вертикальной стратиграфией, верхние перекрывающие слои были представлены находками, которые относились к волосово-гаринской общности.

Обращаясь к рассмотрению материальной культуры носителей керамики новоильинского типа, важно отметить, что она обладает особенностями, которые позволяют отнести ее к энеолитической эпохе. К таким особенностям следует отнести наличие сосудов открытых форм, отсутствие характерных для неолита наплывов и утолщений на внутренней стороне венчиков. Орнаментация сосудов разреженная, в ней абсолютно отсутствует «шагающая гребенка», при этом прослеживается широкое применение двойного зубчатого зигзага. Среди орнаментальных мотивов появляются новые, в том числе в виде ромба и флажка. Эти признаки не позволяют относить материальную культуру носителей керамики новоильинского типа к неолиту и служат основанием к отнесению ее к энеолитической эпохе (Бадер, 1961б, с. 65).

Одним из важнейших критериев, который позволяет относить новоильинскую керамику к эпохе энеолита, является присутствие в формовочной массе сосудов новоильинского типа обильной примеси органики. Пористая лепная керамика с органическими примесями является неотъемлемым атрибутом материальной культуры металлоносных энеолитических культур Волго-Камского региона. В то же время новоильинская культура во многом сохраняет неолитический облик, что не раз подчеркивалось исследователями (Лычагина, Выборнов, 2009, с. 33–37). Однако находки медных изделий, найденные около очага в жилище новоильинской культуры на III Новоильинском поселении (Бадер, 1961б, с. 75), свидетельствует о правомерности отнесения новоильинской культуры к энеолиту. Помимо этого, найденный в культурном слое Турганинского поселения в Оренбургской области сосуд новоильинского типа стратиграфический также хорошо увязывается с медным ножом и четырехгранным шилом (Моргунова и др., 2017, с. 33–34), что является весьма надежным основанием для отнесения памятников новоильинского типа к энеолитической эпохе.

При анализе материальной культуры носителей керамики новоильинского типа были привлечены археологические комплексы находок, имеющие принадлежность к новоильинской культуре, которые были получены в результате археологических изысканий на Русско-Азибейской III, Игимской, Золотая Падь II, Дубовогривской II, Татарско-Азибейской II стоянках (Габяшев, 1978б, 1981; Габяшев, Старостин, Отчет, 1971, с. 15–40; Отчет, 1972, с. 3–92).

В этих комплексах находок, как правило, преобладают фрагменты керамики. Важно отметить, что керамика является важнейшим источником в рассмотрении материальной культуры носителей керамики новоильинского типа.

IV.1. Керамика

История изучения новоильинской культуры насчитывает свыше 50 лет. Ее открытие и первоначальное изучение связано с именем О.Н. Бадера. Раскапывая древние поселения в зоне затопления Камских водохранилищ, исследователь выделил новый тип керамики, во многом напоминавший неолитическую. Первые находки были произведены на поселениях Бор IV, Боровое Озеро III и других. Наиболее выразительный и архаичный материал был получен на поселении Новоильинское III, по которому и была названа новая культура (Бадер, 1961б, с. 60-75).

Керамические комплексы новоильинской керамики в Иско-Бельском междуречье были выявлены Р.С. Габяшевым на Дубовогривской II, Игимской, Русско-Азибейской III, Золотая Падь II и Татарско-Азибейской II стоянках (рис. 17–18).

Новоильинская («флажковая») посуда обычно тщательно, иногда до блеска, заглаживалась с обеих сторон и изготавливалась из глиняного теста с примесью песка, мелкого шамота и мелких органических остатков. Важно отметить, что помимо керамики с примесью песка, в массиве поселенческой посуды новоильинского типа присутствует керамика с примесью органики в тесте. Толщина стенок колеблется в пределах 0,6–0,9 см. Толщина днищ обычно превышает толщину стенок на 0,2–0,4 см. По крупным фрагментам и частично реставрированным образцам можно полагать, что основной формой керамики являлись круглодонные сосуды с прикрытым горлом и полуяйцевидным округлым туловом (рис. 17–18). Численно преобладают округлые, плоские и приостренные формы венчиков. Сравнительно много и венчиков с внутренним утолщением.

В результате изучения рассматриваемой группы керамики нами были выявлены следующие орнаментальные мотивы (табл. 7).

1. Пояса из оттисков линзовидных одночастных штампов (табл. 7: 1, 4, 6, 11, 12, 31–33, 35, 40). Аналогии данному мотиву имеются в керамике, происходящей с поселения Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 108: 13, 15).

2. Пояса из оттисков овальных двухчастных слитных штампов, поставленных под наклоном (табл. 7: 91–94). Профилировка венчика позволяет связывать этот мотив с флажковой керамикой. Черты сходства с данным мотивом присутствуют на воротничковой керамике поселения Сауз III (Матюшин, 1982, табл. 118а: 12).

3. Пояса из оттисков овальных многочастных слитных штампов (табл. 7: 96, 97, 99–120, 121–123, 125–127, 129–131, 133, 136–141, 143–153, 155). Аналогии данным мотивам находятся в новоильинской керамике, происходящей с поселений Сауз I, II, III (Матюшин, 1982, табл. 118,а: 17–18; Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, рис. 3: 1, 5; 4: 2, 9). Прослеживаются они и на керамике, происходящей с поселений Давлеканово и Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 84: 15; 91: 6, 9, 15; 106: 4; 107: 14, 16). Встречается этот мотив и на керамике поселения

Юртик (Ошибкина, 1980, рис. 8: 2). Прослеживаются аналогии ему и в массиве керамики Новоильинского III поселения (Бадер, 1961б, рис. 8: 2).

4. Пояса из оттисков линзовидных многочастных слитных штампов (табл. 7: 171–178, 181, 183, 184, 186, 189, 193–197, 200, 202, 203, 223). Аналогии данному орнаментальному мотиву выявляются в новоильинской керамике поселений Мулино III, Сауз I и III (Матюшин, 1982, табл. 103: 2; 107: 1, 2; 118а: 1, 4; Выборнов, Обыденнов, Обыденнов, 1984, рис. 2: 6; 4: 3). Его присутствие отмечается и в новоильинской керамике Кочуровского I поселения (Гусенцова, 1990, рис. 6: 3, 6). Присутствуют они и в массиве новоильинской керамики Новоильинского III поселения (Бадер, 1961б, рис. 8: 2).

5. Пояса из оттисков саблевидных многочастных слитных штампов (табл. 7: 198, 199, 204–213). Аналогии рассматриваемому мотиву присутствуют в новоильинской керамике, происходящей с поселения Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 106: 3–4). Помимо этого, профилировка посуды, характер орнамента и совместное ее залегание с прочей новоильинской («флажковой») керамикой на поселениях в рассматриваемом районе позволяют связать данный мотив с новоильинским хронологическим этапом в энеолите Икско-Бельского междуречья. Подобные орнаментальные пояса прослеживаются в новоильинской керамике поселения Кочуровское I, IV (Гусенцова, 1980, рис. 5: 11–12; Гусенцова, 1990, рис. 6: 10).

6. Пояса из оттисков клиновидного двухчастного слитного штампа (табл. 7: 95).

7. Горизонтальный зигзаг – данный мотив исполнялся с применением различных штампов:

а) линзовидного одночастного (табл. 7: 2, 3, 5, 36);

б) линзовидного многочастного слитного штампа (табл. 7: 182, 185, 192, 201).

Рассматриваемый мотив в данном исполнении находит аналогии в новоильинской («флажковой») керамике поселений Сауз II, III (Матюшин, 1982, табл. 118: 9; 118б: 4; Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, рис. 2:1);

в) линзовидного многочастного разреженного (табл. 7: 241);

г) подпрямоугольного многочастного разреженного (табл. 7: 230, 231, 238).

Аналогии рассматриваемой вариации мотива усматриваются в новоильинской керамике поселения Сауз III (Матюшин, 1982, табл. 118а: 9; Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 3: 2);

д) овального многочастного слитного (табл. 7: 98).

8. Мотив «елочки» выполнялся также с применением различных штампов:

а) подпрямоугольным многочастным разреженным штампом (табл. 7: 235, 236, 245). Основанием для выделения керамики с рассматриваемой вариацией данного мотива послужила ее профилировка, а также присутствие подобного мо-

тива на керамике флажкового облика поселения Давлеканово (Матюшин, 1982, табл. 85: 5);

б) линзовидным многочастным разреженным штампом (табл. 7: 246);

в) линзовидным многочастным слитным штампом (табл. 7: 179, 180, 187, 188), в данном случае черты сходства с рассматриваемым мотивом обнаруживаются на керамике новоильинского («флажкового») комплекса поселений Сауз II, III (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 4: 4; Матюшин, 1982, табл. 118б: 21). Он также присутствует на аналогичной керамике поселения Юртик (Ошибкина, 1980, рис. 7: 9);

г) овальным многочастным слитным штампом (табл. 7: 124, 128, 132, 134, 135, 142). В данном варианте мотив находит аналогии на поселениях Давлеканово, Сауз II и III (Матюшин, 1982, табл. 85: 4; 118б: 8; Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 3: 10);

д) клиновидным многочастным слитным (табл. 7: 162, 167, 168);

е) саблевидным одночастным (табл. 7: 57–59, 62);

ж) разреженным саблевидным многочастным штампом (табл. 7: 251);

з) овальным одночастным штампом (табл. 7: 7–9, 19–21);

и) линзовидным одночастным штампом (табл. 7: 34, 37–39);

к) овальным многочастным разреженным (табл. 7: 244);

л) клиновидным многочастным разреженным (табл. 7: 250).

9. Мотив вертикального зигзага – данный мотив выполнялся при помощи следующих оттисков:

а) линзовидного одночастного штампа (табл. 7: 43, 44);

б) клиновидного многочастного слитного (табл. 7: 169);

в) саблевидного одночастного штампа (табл. 7: 64);

г) линзовидного многочастного слитного (табл. 7: 190, 191);

д) овального одночастного и саблевидного одночастного (табл. 7: 85);

е) линзовидного одночастного и саблевидного одночастного (табл. 7: 86);

ж) овального одночастного и клиновидного одночастного (табл. 7: 87);

з) овального многочастного слитного (табл. 7: 154);

и) овального многочастного слитного и линзовидного многочастного слитного (табл. 7: 221);

к) овального одночастного и линзовидного многочастного слитного (табл. 7: 254);

л) клиновидного одночастного и линзовидного одночастного (табл. 7: 41).

10. Пояса из оттисков круглых одночастных штампов (табл. 7: 82). Аналогии данному мотиву прослеживаются во флажковой керамике поселений Бор I и V, Сауз II (Выборнов, 1984, табл. 2: 6). В рамках культурно-хронологической группы они присутствуют в массиве керамики, происходящей с поселения Давлеканово (Матюшин, 1982, табл. 84: 17, 18).

11. Пояса из оттисков сегментовидных одночастных штампов (табл. 7: 65–70). Данный мотив находит аналогии в массиве керамики, происходящей с поселения Мулино III (Матюшин, 1982, табл. 108: 11; 109: 3, 5, 7).

12. Пояса из оттисков овального многочастного разреженного штампа (табл. 7: 234). Этот мотив находит аналогии на керамике поселения Сауз II (Выборнов, 1984, рис. 1: 4а).

13. Пояса из оттисков поясов клиновидных многочастных слитных штампов (табл. 7: 156–166, 170). Аналогии данному мотиву прослеживаются в новоильинской керамике, происходящей с поселения Сауз II (Выборнов, 1984, рис. 1: 5, 8), Новоильинской III стоянки (Бадер, 1961б, рис. 8: 1). Рассматриваемый мотив встречается также в материалах поселенческих памятников Давлеканово и Кага (Матюшин, 1982, табл. 91: 9; 122: 15).

14. Пояса из оттисков овальных одночастных штампов (табл. 7: 10, 13–18, 19, 22–29, 32). Подобный мотив наблюдается в аналогичной керамике поселений Давлеканово и Мулино IV (Матюшин, 1982, табл. 84: 19; 112: 2).

15. Пояса из оттисков клиновидных одночастных штампов (табл. 7: 30, 46–53).

16. Мотив ромба (табл. 7: 242) – этот мотив выполнялся из оттисков подпрямоугольного разреженного штампа. Аналогии ему проявляются в близкой по облику керамике поселения Юртик (Ошибкина, 1966, рис. 9: 2).

17. Пояса из оттисков саблевидного одночастного штампа (табл. 7: 54–56, 60, 61, 63).

18. Мотив флажка – данный мотив выполнялся с помощью оттисков линзовидного одночастного и многочастного слитного штампа (табл. 7: 42). Он выявлен на флажковой керамике, происходящей с Татарско-Азибейской II стоянки (Габяшев, 1978б, рис. 11: 4).

19. Пояса из оттисков подтреугольного одночастного штампа (табл. 7: 71–81). Аналогии представленному мотиву усматриваются на керамике, происходящей с поселений Мулино (Матюшин, 1982, табл. 109: 7) и Давлеканово (Матюшин, 1982, табл. 92: 11).

20. Пояса из оттисков саблевидного многочастного разреженного штампа (табл. 7: 233, 239, 240, 243). Черты сходства данному мотиву имеются в керамике Новоильинской III стоянки (Бадер, 1961б, рис. 9).

21. Пояса из оттисков подтреугольного многочастного слитного штампа (табл. 7: 214, 215).

22. Пояса из оттисков сегментовидного многочастного слитного штампа (табл. 7: 216–219).

23. Пояса из оттисков овального двухчастного разреженного штампа (табл. 7: 225).

24. Пояса из оттисков подпрямоугольного двухчастного разреженного штампа (табл. 7: 224, 226).

25. Пояса из оттисков клиновидного многочастного разреженного штампа (табл. 7: 229).

26. Пояса из оттисков подпрямоугольного многочастного разреженного штампа (табл. 7: 232, 237, 247).

27. Пояса из оттисков линзовидного многочастного разреженного штампа (табл. 7: 227, 228, 248).

28. Пояса из оттисков клиновидного многочастного разреженного штампа (табл. 7: 229, 249).

29. Сочетание поясов из оттисков овального многочастного слитного и клиновидного одночастного штампов (табл. 7: 255).

30. Сочетание поясов из оттисков овальных многочастных слитных штампов с поясами подпрямоугольных многочастных разреженных штампов (табл. 7: 253).

31. Сочетание поясов из оттисков овального многочастного и линзовидного многочастного слитных штампов (табл. 7: 222).

32. Сочетание поясов из оттисков линзовидного одночастного и саблевидного одночастного штампов (табл. 7: 88, 89).

33. Сочетание поясов из оттисков саблевидного одночастного и подтреугольного одночастного штампов (табл. 7: 90).

34. Сочетание поясов из оттисков линзовидных одночастных штампов (табл. 7: 45).

35. Сочетание поясов из оттисков овальных и линзовидных одночастных штампов (табл. 7: 83).

36. Сочетание поясов из оттисков линзовидных и саблевидных одночастных штампов (табл. 7: 84).

37. Сочетание поясов из оттисков длинного гребенчатого и сегментовидного многочастных слитных гребенчатых штампов, расположенных под наклоном (табл. 7: 220).

Помимо фрагментов посуды, связанной с носителями новоильинской культуры, к данной культуре следует отнести обломок глиняного «утюжка» (рис. 19: 2), орнаментированного ногтевидными насечками, найденный на Дубовогривской II стоянке (раскопки Р.С. Габышева). Сохранившиеся длина находки составила 7,5 см при ширине 4 см. Вся поверхность изделия была тщательно заглажена. «Утюжок» имеет полукруглое сечение. Аналогии ему имеются в материалах Саузовской I стоянки, где также фиксировалась керамика, типологически близкая к дубовогривской новоильинской посуде (Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, рис.6; 8).

Близкие по облику «утюжки», чаще всего изготовленные из камня, были распространены достаточно широко. По наблюдениям И.В. Усачевой, они получают распространение в Европе, на Ближнем Востоке, в Сибири, на Урале и бытуют в

период мезолита – развитой бронзы. Культурная принадлежность их различная. Период распространения как каменных, так и глиняных «утюжков» в Приуралье И.В. Усачева помещает в хронологические рамки IV–II тыс. до н. э. (Усачева, 2005, с. 18).

Нахождение «утюжка» в культурном слое Дубовогривской II стоянки совместно с керамикой новоильинского типа позволяет предполагать, что стоянка может быть помещена в хронологические рамки бытования на рассматриваемой территории новоильинской посуды.

В отечественной археологической литературе функциональная характеристика «утюжков» до сих пор окончательно не определена, несмотря на достаточно пристальное внимание со стороны исследователей. Поиск ведется в двух направлениях: утилитарном и культовом (амулеты, обрядовая символика или предмет искусства).

В разное время были высказаны версии использования «утюжков» («човников») в качестве абразивов для шлифования и затачивания округлых костяных и деревянных изделий (Крижевская, 1968, с. 69; Коробкова, 1963, с. 217), полировальников каменных орудий (Ярова, 1960, с. 212), выпрямителей древков стрел (Крижевская, 1968, с. 69), гладилок для разглаживания неровностей кожи и швов (Дмитриев, 1951, с. 24), грузиков для копьеметалки (Окладников, 1966, с. 124), приспособлений для добывания огня способом трения (Даниленко, 1971, с. 108), грузил (Хлобыстин, 1976, с. 33), орудий для глаженья, шлифования, полирования и выпрямления древков стрел (Березина и др., 2010, с. 94), маховичка лучкового сверла, используемого для добывания огня (Телегин, 1980, с. 21).

Исследователи первобытной культовой сферы трактовали их как антропоморфные женские изображения, связанные с культом плодородия (Зайберт, 1993, с. 226–227; Викторова, Кернер, 1998, с. 67–69, 71, 77–79), либо как символические изображения земли, причем цветущей земли (Даниленко, 1999, с. 63, 81), или как семечковидный знак, в котором заключен образ зародыша всей вселенной (Викторова, 2002, с. 58–59).

Принимая во внимание материал, из которого изготовлен «утюжок», происходящий с Дубовогривской II стоянки, на гипотетическом уровне нельзя исключать практику его использования в каких-либо ритуалах. Основанием для подобного предположения служит факт присутствия аналогичных глиняных «утюжков» или их фрагментов на святилищах горно-лесного Урала, а именно на Кокшаровском холме (Шорин, 2001, с. 168, рис. 7; Шорин, 2004, с. 92, рис. 11). Помимо этого, данные изделия использовались в погребальной практике, о чем наглядно свидетельствуют находки на могильнике Убаган в лесостепном Притоболье (Потемкина, 1982, рис. 4) и могильнике Боровянка XVII в Западной Сибири (Хвостов, 2001, с. 136). Все это служит

дополнительным аргументом для отнесения утюжков к категории ритуальных предметов.

Глиняный «утюжок» с Дубовогривской II стоянки сохранился во фрагментированном виде. Это обстоятельство дает основания предположить преднамеренную его порчу в ходе каих-либо обрядово-ритуальных действий.

Все вышеприведенные факты позволяют косвенно связать «утюжок», происходящий со Дубовогривской II стоянки с культовой практикой носителей керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья.

Не меньшего внимания заслуживает находка глиняного напрясла (рис. 19: 1), обнаруженного в ходе исследования Татаро-Азибейской II стоянки (Габяшев, 1978б). Оно изготовлено из стенки лепного толстостенного сосуда и орнаментировано по внешней стороне оттисками гребенчатого штампа. Следует обратить внимание на то, что данная находка происходит из заполнения жилища № 1, которое принадлежало носителям новоильинской культуры. Представляется правомерным связать эту находку именно с данной культурой. Следует также отметить, что находки глиняных напрясел известны на поселениях новоильинской культуры в Среднем Прикамье. Они были обнаружены на Новоильинском III и Гагарском III поселениях (Бадер, 1961б, стр. 65, рис. 10: 8, 9; Денисов, Мельничук, 2014, с. 45–46). Эти находки дают основание полагать, что в среде носителей керамики новоильинского типа получает распространение ткачество.

Поселения и отдельные местонахождения с новоильинской керамикой были выявлены на левобережных участках долины р. Камы. Типологически близкие к икско-бельским новоильинские комплексы отмечены в бассейне р. Вятки (Гусенцова, 1980, с. 70–95; Наговицын, 1987 с. 30), а также в среднем и верхнем течении Камы (Наговицын, 1987 с. 30). Сходные с икско-бельским новоильинские керамические комплексы были изучены в бассейне р. Самара на Виловатовской и Ивановской стоянках (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980, рис. 7–8; Моргунова, 1980, рис. 6). Керамические комплексы новоильинского («флажкового») типа были обнаружены в бассейне р. Демы на Давлекановской и Кара-Якуповской стоянках (Матюшин, 1982, табл. 84–85; Морозов, 1984, рис. 4).

Обращаясь вновь к керамике новоильинского типа, следует отметить, что носители керамической традиции мариупольской культурно-исторической области не оказали значительного влияния на представителей этой части энеолитического населения Икско-Бельского междуречья. В изготовлении посуды происходит возврат к традициям волго-камской неолитической культуры на хуторском этапе ее развития.

Сравнительно-типологический анализ керамики новоильинского типа обнаруживает значительное сходство по профилировке сосудов и ряду орнаментальных мотивов с керамикой волго-камской культуры. К таковым мотивам относятся

«елочка» (23,56%), горизонтальный зигзаг (3,6%), пояса из оттисков овальных (17,62%), линзовидных (14,23%) и клиновидных штампов (6,54%). В совокупности мотивы новоильинской культуры, имевшие распространение в среде носителей волго-камской культуры, составляют 65,55%, что может свидетельствовать о значительном проявлении орнаментальных традиций эпохи неолита в массиве керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья. В количественном отношении преобладают сосуды, имеющие закрытую полуяйцевидную форму (85%), которая также присуща посуде волго-камской культуры. По всей поверхности имеется орнаментация, в которой отсутствуют сложные элементы орнамента. В глиняное тесто были включены песок или шамот. Нередко венчики сосудов имеют наплыв с внутренней стороны (Васильев, Габышев, 1982, с. 7). Сходство керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья с керамикой волго-камской культуры позволяет полагать, что основой для сложения материальной культуры населения памятников новоильинского типа послужила волго-камская культура.

Под воздействием различных факторов в начале IV тыс. до н. э. влияние сарматской и хвалынской культур, вероятно, иссякает. В изготовлении посуды отсутствует воротничок, один из определяющих признаков влияния вышеотмеченных культур. К новым элементам, позволяющим отличать керамику новоильинского типа от волго-камской хуторской, относятся разреженность орнаментации, использование коротких изогнутых штампов (1,83%), наличие небольших плоских дниц, а также присутствие количественно уступающих полуяйцевидных открытых форм сосудов.

В керамике новоильинского типа появляются новые, ранее не встречаемые орнаментальные мотивы в виде флажка (0,08%), ромба (0,08%), поясов из оттисков коротких изогнутых штампов (1,83%) а также пояса из оттисков коротких овальных двухчастных слитных штампов (0,95%). Их присутствие в посуде новоильинского типа, вероятно, следует рассматривать как влияние на население Икско-Бельского междуречья энеолитического населения с сопредельных территорий (Удмуртии, Башкортостана, Среднего Поволжья и Среднего Прикамья). Применение короткого овального штампа также может служить свидетельством проявления контактов с сопредельными территориями. На это указывает низкая частота встречаемости этого штампа в массиве керамики новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (1,8%), в то время как на посуде правобережной Нижней Белой и Вятки его применение имело большой удельный вес (Выборнов, 1984, с. 53).

Статистическая обработка керамики новоильинского типа, происходящей с поселенческих памятников Икского-Бельского междуречья, выявила значительный коэффициент сходства между ними (табл. 3). Наиболее сильные связи

(0,55–0,64%) в орнаментальных традициях прослеживаются между стоянками Игимская, Золотая Падь II, Русско-Азибейская III и Татарско-Азибейская II. Что касается Дубовогривской II стоянки, то она отличается, хотя и незначительно, чуть большей индивидуальностью. Самая, слабая связь, по сравнению с другими поселенческими памятниками прослеживается между Дубовогривской II и Татарско-Азибейской II стоянками (36%). Однако высокий коэффициент сходства в орнаментальных традициях между другими поселениями, возможно, говорит о том, что на рассматриваемой территории в изготовлении посуды складывается локальная культурно-историческая традиция, принадлежащая новоильинской культуре.

Возникновение симбиоза местных культурных орнаментальных традиций с орнаментальными традициями, позаимствованными в результате контактов с энеолитическим населением сопредельных территорий, также свидетельствует в пользу сложения локального Икско-Бельского варианта керамики новоильинской культуры.

В свете полученных на сопредельных с Икско-Бельским междуречьем территориях радиоуглеродных датировок по керамике, которая принадлежит к новоильинской культуре, на рассматриваемой территории поселенческие памятники новильинской культуры, вероятно, следует помещать в те же хронологические рамки, а именно в интервал между началом IV – первой половиной III тыс. до н. э. (Лычагина, Выборнов, 2009, с. 35).

IV. 2. Каменный инвентарь

Получить представление о комплексе каменных орудий, имеющих отношение к памятникам новоильинского («флажкового») типа, позволяет каменный инвентарь, обнаруженный в заполнении сооружения № 2 Кочуровской IV стоянки (Гусенцова, 1980, с. 84–92, рис. 9: 8, 14, 16–17, 20, 24, 27, 28, 30–34, 36; 10: 8–10, 12; 11: 1, 6, 8; 12: 5, 6; 13: 1, 4, 7, 13–14, 16, 20–21; 14: 2, 6). Проведенный Т.А. Цыгвинцевой детальный анализ данного комплекса позволяет не только уточнить, но и расширить представление об ассортименте каменных орудий носителей керамики новоильинского типа и таким образом получить весьма четкое представление об их функциональном назначении (Цыгвинцева, 2009, с. 230–248). Для территории Икско-Бельского междуречья с известной долей осторожности связывать с носителями керамики новоильинского типа можно лишь находки, происходящие из заполнения жилищ №№ 1 и 3 (рис. 3) и околожилищного пространства, а также из заполнений хозяйственных объектов Татарско-Азибейской II стоянки, где они увязываются с керамикой новоильинского («флажкового») типа.

Для изготовления орудий, найденных в заполнении указанных объектов, использовался преимущественно синевато-черный и серый дымчатый кремль

хорошего качества. В меньшей степени для изготовления шлифованных тесловидных орудий использовался белый и желтоватый доломитовый кремнь. В единичных случаях отмечено применение коричневатого плитчатого кремня для изготовления ножей и зеленоватого сланца для изготовления тесловидных орудий. Гальки использовались в качестве ретушеров и отбойников. Рассматриваемая коллекция содержит семь конических нуклеусов (рис. 20: 1–3), а также 12 призматических, в том числе двуплощадочных (рис. 20: 4, 5), и два клиновидных нуклеуса (рис. 20: 6). Кроме того, в коллекции имеются 54 нуклевидных куска кремня. Общей особенностью всех нуклеусов и нуклевидных кусков являются небольшие размеры и сильная сработанность. Длина их составляет около 5 см. Ударные площадки нуклеусов обработаны, как правило, поперечными сколами.

Наиболее многочисленные группы орудий представлены резцами и скребками.

Резцы (30 экз.) изготовлены на пластинах или их сечениях (рис. 20: 7–11). Преобладают резцы на сечениях пластин. Резцовые сколы были нанесены на углу сломанной пластины. Ширина пластин-заготовок колеблется в пределах 0,8–1,5 см. Длина резцовых сколов варьирует от 0,4 до 1,5 см. В двух случаях длина скола достигала 2,5 см. Резцовый скол наносился лишь на одном углу пластины, но в двух случаях отмечено нанесение резцовых сколов по обоим краям пластины параллельно друг другу. На некоторых резцах по краям была нанесена мелкая ретушь (рис. 20: 7–9).

Скребок на пластинах в коллекции насчитывается 64 экземпляра. Абсолютное большинство их (61 экз.) являются концевыми (рис. 20: 11–15, 45). Рабочий край скребков на пластинах имеет устойчивую полукруглую форму. Ретушь, образующая рабочий край, заходит обычно на одну или обе боковые кромки пластины. Скребки имеют небольшие размеры, ширина исходной пластины составляет от 1 до 2,5 см.

Скребки на отщепях, имеющие принадлежность к носителям керамики но-воильинского типа (37 экз.), обычно не имеют устойчивой формы. Их форма и размеры подчинены размерам исходного отщепа (рис. 20: 16–18). Рабочий край обычно располагается на одном из концов отщепа (6 экз.) или, в большинстве случаев, на двух или трех сторонах.

Наконечников стрел найдено 10 штук. Все они, за исключением одного, изготовлены на пластинах и представлены четырьмя типами. К первому типу относятся изделия подтреугольной формы, которых насчитывается пять экземпляров. Наконечники данного типа имеют острый конец, подправленный мелкой ретушью со спинки или брюшка (рис. 20: 21–23). Длина этих наконечников не превышает 4 см при наибольшей ширине 1,3 см.

Ко второму типу относятся четыре наконечника с намеченным черешком (рис. 20: 24). Ретушь, образующая их черешок, довольно крутая.

Третий тип представлен одним наконечником подромбической формы. По технике исполнения он близок вышеописанным, и был изготовлен из гальки (рис. 20: 26). Ретушь, образующая его острие, крутая и мелкая, черешковая часть наконечника сужена резцовым сколом.

Четвертый тип представлен двумя наконечниками листовидной формы. Они были тщательно обработаны с обеих сторон плоской отжимной ретушью (рис. 20: 25). Данная форма наконечников стрел достаточно архаична. Она получает широкое распространение на неолитических памятниках Восточной Европы. Так, подобный наконечник был обнаружен в ходе исследования стоянки Чебаркуль (Крижевская, Халиков, 1959, табл. XII: 25). Их находки отмечаются и на неолитических памятниках Прибалтики (Янитс, 1959, рис. 17). Присутствие же наконечников листовидной формы в слое Татарско-Азибейской II стоянки совместно с керамикой новоильинского («флажкового») типа указывает на их принадлежность к носителям новоильинской культуры в рассматриваемом регионе.

Сверла (рис. 20: 19, 20, 33, 34) представлены восемью экземплярами: три из них были изготовлены на концах сломанных пластин, два – на пластинчатых отщепах и три – на удлинённых отщепах. Сверла отличаются сравнительно небольшими размерами и имеют довольно массивную рабочую часть, обработанную крупной ретушью. На некоторых из них отмечены следы заполированности, а также заломы рабочего края.

Функционально близкую к сверлам группу орудий составляют проколки (11 экз.), жало которых расположено на концах ножевидных пластин (рис. 20: 28, 35) (8 экз.) или пластинчатых отщепах (рис. 20: 27, 36, 44) (3 экз.). Рабочие части этих орудий имеют прямолезвийную (рис. 20: 28, 35, 36, 44) и клювовидную (рис. 21: 27) форму.

Прямолезвийные проколки представлены пятнадцатью экземплярами. Их длина не превышает 5 см при ширине лезвия 1,5 см. В сечении они подтреугольные или подтрапециевидные. Совместное залегание в культурном слое и заполнении жилищ №№ 1 и 3 с керамикой новоильинского («флажкового») типа дает возможность увязывать их с эпохой энеолита, а точнее с носителями керамики новоильинского типа. Аналогии им прослеживаются достаточно широко. Проколки данной разновидности присутствуют в коллекциях неолитических памятников, как на сопредельных территориях, так и на территории всей лесной полосы Восточной Европы. В эпоху энеолита прямолезвийные проколки получают свое дальнейшее распространение. Об этом свидетельствует их наличие на памятниках мариупольской культурно-исторической области и присутствие в жилищных сооружениях новоильинской культуры. Прямолезвийная проколка была найдена в ходе раскопок межжилищного пространства Кочуровского IV поселения, относящегося к новоильинской культуре (Гусенцова, 1980, рис. 13: 13).

Вторая разновидность проколов представлена одним экземпляром, изготовленным на ножевидной пластине и обладающим клювовидной формой (рис. 20: 27). В сечении проковка имеет поттреугольные очертания. Длина орудия составляет 2,5 см. Аналогии данной находке прослеживаются в материале Майданской стоянки, материалы которой частично синхронны керамике новоильинского типа (Никитин, 1978, рис. 8: 10).

Скобели представлены пятью экземплярами, четыре из них были изготовлены на пластинах. Выемки нанесены на одном из краев пластины, диаметр их составляет не более 1 см (рис. 20: 29–31, 48). Ретушь, образующая выемку, нанесена преимущественно со спинки. Один скобель изготовлен на отщепе и по технике изготовления близок вышеописанным орудиям (рис. 20: 47).

Ножи (12 экз.) изготовлены на сравнительно крупных пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 20: 37–39, 46, 49–51, 56, 60, 61) или на плитках коричневатого кремня (рис. 20: 32, 59) (4 экз.). По форме лезвия их можно подразделить на два вида: 1) с прямым лезвием (5 экз.); 2) с округлым лезвием (11 экз.). Интересен нож на широком пластинчатом отщепе, комбинированный со скобелем (рис. 20: 56). Ножи на плитках были обработаны двусторонней плоской отжимной ретушью. Один из них, судя форме, мог также служить наконечником дротика (рис. 20: 32).

Интерес представляет кремневая пилка, выполненная на призматической пластине длиной 7,5 см и шириной 2, 5 см (рис. 20: 57).

Своеобразную и довольно многочисленную группу (13 экз.) составляют орудия со скошенным лезвием (рис. 20: 40–43, 52). Эти орудия были изготовлены на концах сломанных пластин, а также на отщепах и неправильных и довольно массивных изогнутых пластинах. Крутая ретушь наносилась преимущественно на одном из углов пластины или отщепа. Функциональное назначение этих орудий не совсем ясно. Некоторые из них, судя по заполировке рабочего края, служили скребками, другие (рис. 20: 52), весьма близкие к более раннему типу пластин со скошенным концом, употреблялись, скорее всего, как режущие орудия.

Тесловидные орудия (16 экз.) представлены небольшими, тщательно отшлифованными экземплярами, изготовленными из плоских галек окремнелого известняка или доломита и зеленоватого кремнистого сланца (рис. 20: 53–55, 62). Они имеют довольно выдержанную форму и небольшие размеры.

Четко выраженных рубящих орудий на поселении не найдено, за исключением четырех двусторонне оббитых, довольно крупных кремней.

Таким образом, каменный инвентарь, происходящий с Татарско-Азибейской II стоянки, увязываемый с керамикой новоильинского типа, обладает архаичными чертами, характерными для неолитических стоянок Нижнего Прикамья и сопредельных территорий (Выборнов, Шипилов, 2019, рис. 7: 1–21; 8: 1–11, 13; Габяшев, 2003, рис. 8–10, 44–46; Крижевская, 1968, табл. II, V, VII, X, XI, XVIII, XIX;

Никитин, 2011, рис. 83–89, 103–105). В каменном инвентаре этих стоянок преобладают орудия, выполненные на пластинах или пластинчатых отщепах. Вместе с тем, отсутствуют орудия на широких пластинах, характерные для круга памятников мариупольской культурно-исторической общности, под влиянием которой, вероятно, могли возникнуть поселенческие памятники русско-азибейского типа.

Однако кремневый комплекс Татарско-Азибейской II стоянки имеет, несомненно, более поздний облик. В данной коллекции отсутствуют боковые и срединные резцы, появляются двусторонне обработанные наконечники стрел с намеченным черешком, ножи и шлифованные орудия. Принимая во внимание тот факт, что рассматриваемая группа орудий в заполнении жилищ фиксировалась с керамикой новоильинского типа, можно выдвинуть тезис о том, что в изготовлении обитателями стоянки каменных орудий так же, как и в изготовлении посуды прослеживается сохранение неолитических традиций.

Рассматривая вопрос об отнесении новоильинских памятников либо к неолиту, либо к энеолиту, нельзя обойти вниманием концептуальные позиции ряда исследователей в рассмотрении материальной культуры носителей новильинского типа керамики.

Исследования Р.С. Габяшева, Л.А. Наговицына, А.А. Выборнова, Е.Л. Лычагиной показали, что наиболее ранними памятниками эпохи энеолита в Приуралье могут считаться памятники новоильинской культуры (Габяшев, 1982, с. 30; 1994, с. 22; 2001, с. 48; Наговицын, 1984, с. 114–115; 1987, с. 28–34; 1993, с. 59–76; Лычагина, Выборнов, 2009, с. 33–36, Лычагина, 2011, с. 17–21).

Сравнительно недавно А.Ф. Мельничук поставил под сомнение принадлежность памятников новоильинского типа к энеолиту. Свою позицию исследователь обосновал тем, что до настоящего времени отсутствуют какие-либо достоверные данные о том, что новоильинское население занималось примитивной цветной металлургией. В этой связи А.Ф. Мельничук не исключил того, что памятники новоильинского культурного круга могли относиться к финалу эпохи неолита (Денисов, Мельничук, 2014, с. 50). Однако результаты исследований Турганикского поселения в Оренбургской области, проведенных Н.Л. Моргуновой с соавторами показали, что новоильинская керамика стратиграфически связана с культурным слоем с находками медных изделий, что является весьма серьезным основанием для отнесения памятников новильинского типа к энеолиту (Моргунова и др., 2017, с. 33–34). Основанием отнесения к энеолиту памятников новоильинского типа может также служить распространение в среде носителей керамики новоильинского типа керамики с органическими примесями, которая является неотъемлемым атрибутом металлоносных энеолитических культур на территории Волго-Камья.

Таким образом, рассмотрение материальной культуры носителей керамики новоильинского («флажкового») типа позволило придти к следующим выводам.

Существующие радиоуглеродные датировки (Выборнов, 2008, с. 243; Лычагина, Выборнов, 2009, с. 35; Лычагина, 2018, с. 94) позволяют говорить о том, что на рассматриваемой территории памятники русско-азибейского типа, вероятно, в начале IV тыс. до н. э. сменяются памятниками новоильинского типа (Габяшев, 1994, с. 22; 2001, с. 48).

Топография нижекамских памятников с новоильинской керамикой в целом типична для поселений неолита и энеолита Среднего Поволжья и Приуралья. Они располагаются на останцах песчаных надпойменных террас вблизи пойменных озер и стариц, нередко занимая места предшествующих неолитических и энеолитических поселений.

Возможно, ведущим типом жилищ на новоильинских стоянках оставались полуземляночные подчетырехугольные сооружения. С известной долей осторожности с носителями новоильинского типа можно связывать подчетырехугольные жилищные котлованы №№ 1 и 3 Татарско-Азибейской II стоянки.

В изготовлении посуды данной культуры сохранялись неолитические традиции. Керамика новоильинского типа Икско-Бельского междуречья по своим формально-типологическим признакам очень близка керамике волго-камской неолитической культуры. Она изготовлена из глиняного теста с примесями мелкого песка или мелкого шамота, тщательно заглажена с обеих сторон, что сближает ее с неолитической керамикой.

Вместе с тем, некоторые особенности этой керамики, которые отличают ее от керамики камской культуры, позволяют отнести ее к энеолитической эпохе. К таковым следует отнести наличие сосудов открытых форм, отсутствие характерных для неолита наплывов и утолщений на внутренней стороне венчиков. Орнаментация сосудов разреженная, в ней абсолютно отсутствует «шагающая гребенка», при этом прослеживается «излюбленное» применение двойного зубчатого зигзага. Среди орнаментальных мотивов появляются новые – в виде ромба и флажка. В орнаментации получают распространение пояса из оттисков коротких саблевидных штампов. В массиве керамики присутствуют сосуды, в которых содержится примесь органики. Эти признаки в материальной культуре носителей керамики новоильинского типа не позволяют относить ее к неолиту и служат основанием для отнесения ее к энеолитической эпохе.

В изготовлении каменных орудий также наблюдается следование неолитическим традициям. В орудийном комплексе отсутствуют артефакты, изготовленные на широких крупных пластинах. По своим формальным технологическим показателям каменная индустрия, представленная материалами Татарско-Азибейской II стоянки, относится к кругу каменных индустрий, характерных для культур лесостепной и степной полосы эпохи неолита и энеолита.

Принимая во внимание радиоуглеродные датировки, полученные на сопредельных территориях по керамике новоильинского типа, памятники новоильинского типа в пределах Икско-Бельского междуречья следует, по всей вероятности, помещать в пределы начала IV – первой половины III тыс. до н. э. Основу хозяйства носителей керамики новоильинского типа на территории Икско-Бельского междуречья продолжала составлять охотничье-промысловая деятельность.

С известной долей осторожности можно предположить, что в среде носителей керамики новоильинского типа осваивается ткачество. В пользу этого предположения свидетельствует находка глиняного пряслица в заполнении одного из жилищ на Татарско-Азиевской II стоянке, относящегося к новоильинской культуре, а также находки глиняных пряслиц на Новоильинском III и Гагарском III поселениях (Бадер, 1961б; Денисов, Мельничук, 2014). Как известно, появление производящих видов хозяйство является неотъемлемым признаком энеолитической эпохи, к каковой с известной долей осторожности можно отнести и поселенческие памятники новоильинской культуры.

Глава V. Материальная культура населения волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье

Наиболее поздними памятниками эпохи раннего металла в Икско-Бельском междуречье являются поселения, имеющие принадлежность к волосово-гаринской общности.

Топография поселенческих памятников этого круга не отличается от топографии вышеописанных энеолитических памятников. Они преимущественно располагаются на останцах надпойменных террас, вблизи пойменных озер и стариц, на площадках, ранее занятых неолитическими и более ранними энеолитическими поселениями. На рассматриваемой территории к таковым следует отнести: Дубовогривскую II, Русско-Азибейскую I, Золотую Падь II, Игимскую, Русско-Азибейскую III, Каентубинскую островную стоянки и Рысовское III поселение. Вместе с тем, обращает на себя внимание особенности расположения поздневолосовских поселений на сопредельных территориях, где они размещаются на террасах, а именно в долинах рек Волга и Свияга (Сюкеевский Взвоз, Антоновское, Нижне-Услонское, Зеленодольское (Гаринское) и Черки-Кильдуразское III поселения). Размеры поселений поздневолосовско-гаринского типа, судя по площадям распространения подъемного материала на исследованных памятниках, невелики и колеблются в пределах от 1500 до 4500 кв. м.

Жилища, исследованные на Игимской, Русско-Азибейской III стоянках и стоянке Золотая Падь II, представляли собою углубленные на 40-60 см в грунт полуназемные сооружения с подчетыреугольным котлованом. Размеры котлованов колеблются от 6,5×6,5 до 10×9,5 м. В пределах котлованов, как правило, фиксировались очаги и хозяйственные ямы. В жилищах Русско-Азибейской III стоянки очаги находились у стен, а на Игимской стоянке очаги располагались по продольной оси жилищ или в центре. В заполнении жилищ и хозяйственных ям были обнаружены фрагменты посуды, относящиеся к носителям культур волосово-гаринской общности, а так же обломки ошлакованных тиглей. На Русско-Азибейской III стоянке в заполнении жилищного котлована, вблизи очагов были обнаружены скопления разбитых раковин и раздробленной руды.

На поселенческих памятниках Икско-Бельского междуречья слои с остатками материальной культуры волосово-гаринской общности перекрывают раннеэнеолитические слои с керамикой русско-азибейского типа на стоянках Золотая Падь II и Русско-Азибейская III. Массовым источником материальной культуры волосово-гаринской общности являются фрагменты керамики. Значительные коллекции керамики волосово-гаринской общности на рассматриваемой территории

были получены при исследовании стоянок Золотая Падь II (463 фр.), Татарско-Азибейская II (310 фр.) и Русско-Азибейская III (1049 фр.).

Критерием определения волосово-гаринских культурных традиций в материальной культуре могут служить, в первую очередь, свидетельства освоения металлообработки. Такие свидетельства на рассматриваемых поселениях представлены достаточно хорошо. На поселенческих памятниках волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья они представлены находками в культурных напластованиях медных сплесков и фрагментов глиняных тиглей. В гораздо меньшем количестве на этих поселениях были встречены изделия из металла, которые представлены медными шильями и украшениями. К числу уникальной следует отнести литейную форму тесла, обнаруженную на Русско-Азибейской III стоянке (Габяшев, 1981).

Неотъемлемым атрибутом металлоносных энеолитических культур Волго-Камья являются находки керамики с примесью органики, а также толченой раковины. Позднеэнеолитические комплексы Икско-Бельского междуречья не стали в этом отношении исключением. В результате масштабных археологических исследований, проведенных на данных поселениях, были получены весьма представительные комплексы керамики волосово-гаринской общности, содержащие в глиняном тесте примесь органики и толченой раковины.

В волосово-гаринской каменной индустрии также присутствуют особенности, отличающие ее от орудийных наборов предшествующих периодов древней истории Нижнего Прикамья. В каменном инвентаре, происходящем с поселенческих памятников позднего энеолита, преобладают бифасиальные орудия. Вместе с тем в каменной инструментрии наблюдается функциональное разнообразие орудий. Среди них присутствуют орудия, применявшиеся в ходе металлообработки. Особо выразительны в этом отношении каменные молоты, которые, вероятно, применялись для дробления медной руды.

К анализу категорий материальной культуры носителей культуры волосово-гаринской общности были привлечены комплексы археологических находок, полученные при раскопках Русско-Азибейской I, Игимской, Русско-Азибейской III, Золотая Падь II, Дубовогривской II, Татарско-Азибейской II, Кантубинской островной стоянок. В понимании историко-культурных процессов, которые происходили в позднем энеолите на территории Икско-Бельского междуречья, основным источником служит керамика.

V.1. Керамика

Керамика волосово-гаринского общности в пределах Икско-Бельского междуречья была выявлена в ходе исследования стоянок Русско-Азибейских I, III, Та-

тарско-Азиевской II, Дубовогривской II, Золотая Падь II, Игимской, Каентубинской островной и Рысовской.

Керамика позднего энеолита весьма пориста, в формовочной массе присутствует значительная примесь толченой раковины. Посуда имеет шероховатую с обеих сторон поверхность со следами грубой заглаженности крупнозубчатыми штампами. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,2 см. К сожалению, в силу того, что керамика рассматриваемой группы хрупка и легко подвержена разрушению, не представилось возможным рассмотреть целые формы сосудов. Тем не менее, судя по венчикам, выделяется следующая профилировка посуды (табл. 9):

1. Горшковидные с Г-образным венчиком (табл. 8: 2, 7, 15, 19–21, 26, 34, 46–47, 62, 64, 68, 79, 85–86).

2. Горшковидные с Т-образным венчиком (табл. 8: 6, 25, 37, 66).

3. Баночные с Т-образным венчиком (табл. 8: 1, 14, 27, 32, 37, 38, 40, 43, 45, 60, 80–82).

4. Баночные с Г-образным венчиком (табл. 8: 3, 4, 8–10, 17, 22, 23, 35, 36, 39, 41–42, 44, 48, 49, 53, 55, 61, 63, 67, 69, 74, 76).

5. Баночные с подцилиндрической горловиной (табл. 8: 5, 12, 13, 16, 18, 28–29, 31, 33, 50–52, 56–59, 65, 70, 71, 73, 75, 77, 78, 83).

В ходе всестороннего рассмотрения данного массива керамики, удалось выделить следующие орнаментальные мотивы:

1. Пояса из оттисков подтреугольного многочастного слитного штампа (табл. 9: 130–132).

2. Пояса из оттисков овального двухчастного слитного штампа (табл. 9: 46).

3. Пояса из оттисков овального многочастного слитного штампа (табл. 9: 48–58, 60, 62–67, 69–79, 81, 113; рис. 22: 1, 3, 6; 22: 4). Данный мотив был широко распространен в среде населения волосово-гаринской общности. Он встречается на волосовских памятниках Среднего Поволжья (Никитин, 1996, рис. 44: 3), присутствует также в коллекциях волосовской керамики Гундоровского поселения (Васильев, Овчинникова, 2000, рис. 34: 5; 36: 8), а также Ивановской (Моргунова, 1984, рис. 6: 8) и Виловатовской (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пеннин, 1980, рис. 13: 14) стоянок. Широкое распространение эти мотивы получили в среде носителей гаринской культуры Среднего и Верхнего Прикамья. Аналогии им проявляются на керамике гаринского типа поселений Бор I, Бор IV, Бор V, Боровое Озеро VI, (Бадер, 1961а, рис. 29: 5; 51: 4; 52: 1; 55: 5; 72: 2; 87: 3), а так же с гаринской керамикой поселения Сауз II в низовье р. Белой (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, рис. 9: 1, 2; Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 5: 3, 7).

4. Пояса из оттисков овального одночастного штампа (табл. 9: 6–9, 12, 15–18, 20–24, 26; рис. 22: 2, 5; 24: 1). Рассматриваемый мотив присутствует на керамике волосовского типа из Майданской стоянки в Марийском Поволжье, относящейся

к раннему этапу волосовской культуры (Никитин, 1991, рис. 44: 8). Присутствие же их на позднеэнеолитической керамике Икско-Бельского междуречья может говорить об архаичности рассматриваемого мотива. Широкое распространение подобных мотивов прослеживается на керамике гаринской культуры поселений Бор I, Бор V, Боровое озеро VI (Бадер, 1961а, рис. 29: 3; 51: 3; 73: 1; 87: 7).

5. Пояса из оттисков саблевидного одночастного штампа (табл. 9: 37–39, 41–43). Данный мотив находит аналогии на поздневолосовской керамике Ахмыловского II поселения (Никитин, 1991, рис. 52: 25). Черты сходства прослеживаются также с гаринской керамикой поселения Тюремка II (Бадер, 1961в, рис. 90: 5).

6. Пояса из оттисков сегментовидного одночастного штампа (табл. 9: 36, 45).

7. Пояса из оттисков подтреугольного одночастного штампа (табл. 9: 31–35; рис. 23: 5–7).

8. Пояса из оттисков линзовидного многочастного слитного штампа (табл. 9: 89–99, 103, 105, 107, 108, 110, 112, 114). Черты сходства их проявляются в гаринской керамике поселений Сауз I и II в низовье р. Белая (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 5: 3, 8; Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, рис. 9: 3).

9. Пояса из оттисков клиновидного одночастного штампа (табл. 9: 40).

10. Пояса из оттисков круглого одночастного штампа (табл. 9: 30; рис. 21: 4). Близкий по облику орнаментальный мотив присутствует в массиве керамики гаринского типа поселения Сауз II (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 6: 2).

11. Пояса из оттисков подпрямоугольного одночастного штампа (табл. 9: 27–29; рис. 23: 3). Черты сходства данному орнаментальному мотиву прослеживаются в комплексе керамики гаринской культуры, полученном в результате исследования поселения Сауз II (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 6: 1).

12. Пояса из оттисков подпрямоугольного многочастного разреженного штампа (табл. 9: 139). Черты сходства данной керамики проявляются в массиве керамики гаринского облика поселения Сауз I (Выборнов, Обыденнов, Обыденнова, 1984, рис. 9: 6, 7).

13. Пояса из оттисков клиновидного многочастного разреженного штампа (табл. 9: 135–138).

14. Пояса из оттисков саблевидного многочастного разреженного штампа (табл. 9: 157–160; рис. 25: 2).

15. Мотив заштрихованного ромба (табл. 9: 145, 163). Данный мотив выполнен оттисками подпрямоугольного многочастного и линзовидного многочастного разреженного штампа.

16. Мотив «елочки», выполнялся с помощью оттисков овального одночастного (табл. 9: 10) линзовидного многочастного слитного (табл. 9: 101–102, 109, 111; рис. 25: 4), овального многочастного слитного штампов (табл. 9: 61), саблевидного многочастного слитного (табл. 9: 88), а также подпрямоугольным многочастным

разреженным (табл. 9: 141–142), овальным многочастным разреженным (табл. 9: 153) и линзовидным многочастным разреженным (табл. 9: 155) штампами. Данный мотив имеет широкий круг аналогий. Свое распространение он получил еще в эпоху неолита не только в рассматриваемом районе, но во всем Нижнем Прикамье и в сопредельных районах. Данный мотив продолжал бытовать на протяжении всей эпохи энеолита, вплоть до эпохи поздней бронзы. В сопредельных территориях в данном исполнении он хорошо фиксируется на волосовской керамике Гундоровского поселения (Васильев, Овчинникова, 2000, рис. 36: 4, 5), а также на керамике гаринского типа Среднего Прикамья (Шорин, 1999, рис. 36).

17. Пояса из оттисков подтреугольного двухчастного слитного штампа (табл. 9: 47; рис 24: 2).

18. Пояса из оттисков саблевидного многочастного слитного штампа (табл. 9: 82–87).

19. Пояса из оттисков овального многочастного разреженного штампа (табл. 9: 147–152).

20. Пояса из оттисков сегментовидного многочастного слитного штампа (табл. 9: 127–129).

21. Пояса из оттисков саблевидного двухчастного разреженного штампа (табл. 9: 162).

22. Пояса из оттисков подтрапецевидного одночастного штампа (табл. 9: 44).

23. Пояса из оттисков клиновидного многочастного слитного штампа (табл. 9: 115–120).

24. Единично в керамике волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья присутствует мотив шагающей гребенки (табл. 9: 146).

25. Мотив вертикального зигзага, который выполнялся с использованием следующих штампов: овального одночастного (табл. 9: 25), овального многочастного слитного (табл. 8: 80), подпрямоугольных двухчастного и многочастного разреженного (табл. 9: 168), линзовидных многочастного слитного и подпрямоугольного разреженного (табл. 9: 169, 170), линзовидного многочастного слитного (табл. 9: 172), клиновидных слитного и разреженного многочастного (табл. 9: 165).

26. Мотив горизонтального зигзага, который выполнялся при оттиске следующих штампов: овального многочастного слитного (табл. 9: 59, 68), линзовидного многочастного слитного (табл. 9: 100, 104, 106), подпрямоугольного многочастного разреженного (табл. 9: 140). В ряде случаев горизонтальный зигзаг выстраивался в два яруса (таб. 9: 143).

27. Мотив сетки (табл. 9: 134) выполнялся при использовании линзовидного и клиновидного многочастных слитных штампов.

28. Пояса из оттисков линзовидного одночастного штампа (табл. 9: 1–5, 13–14; рис. 23: 2).

29. Мотив ромба (табл. 9: 11) выполнялся с применением овального одночастного штампа.

30. Мотив треугольника (табл. 9: 144) выполнялся с применением подпрямоугольного разреженного штампа.

31. Пояса из оттисков линзовидного разреженного штампа (табл. 9: 154, 156).

32. Пояса из оттисков овального двухчастного разреженного штампа (табл. 9: 161).

33. Сочетание поясов из оттисков саблевидного многочастного и овального многочастного слитных штампов (табл. 9: 133).

34. Пояса заштрихованных треугольников, в отображении которых применялись линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный штампы, в сочетании с поясом из оттисков овального многочастного слитного штампа (табл. 9: 164).

35. Сочетание поясов из оттисков линзовидного многочастного слитного и сегментовидного одночастного штампов (табл. 9: 165).

36. Сочетание поясов из оттисков подпрямоугольного многочастного слитного и круглого одночастного штампов (табл. 9: 166).

37. Сочетание поясов из оттисков линзовидного одночастного и подпрямоугольного многочастного разреженного штампов (табл. 9: 167).

38. Сочетание поясов из оттисков сегментовидного одночастного и подпрямоугольного многочастного разреженного штампов (табл. 9: 171).

В рамках рассматриваемой группы керамики к орнаментальным мотивам, на наш взгляд, правомерно относить наличие пальцевых зацепов по краю венчиков ряда горшковидных сосудов, так как они явно относятся к декору керамики (рис. 111). Аналогичная керамика фиксируется в керамическом массиве позднего энеолита Ховринского поселения в Ульяновской области (Вискалин и др., 2002, рис. 6: 7). Присутствует она и в керамическом комплексе гаринской культуры на стоянках Бачки-Тау II (Выборнов, Горбунов, Обыденнов, 1982, рис. 5) и Сауз II (Выборнов, Овчинникова, 1981, рис. 6: 3).

В хронологическом отношении начало волосово-гаринских древностей в рассматриваемом регионе следует датировать первой половиной III тыс. до н. э. на основании радиоуглеродной датировки фрагмента керамики из Русско-Азибейской III стоянки – 4130 ± 80 л.н. (2777 – 2620, 2892 – 2559 BC)¹. По всей вероятности, и на остальные поселенческие памятники волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья следует распространить эту датировку.

¹ Автор выражает благодарность д.и.н. А.А. Выборнову за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные результаты датирования образца керамики из Русско-Азибейской III стоянки.

В совокупности фрагментов посуды позднего энеолита Икско-Бельского междуречья привлекает к себе внимание немногочисленная группа керамики, которая значительно отличается по своему внешнему облику от местной керамики рассматриваемого этапа. Она была выявлена лишь на Игимской стоянке. Своеобразие данной керамики выражается в формах посуды и элементах орнаментации, одной из особенностей которых является широкое употребление налепных валиков (рис. 26–27).

В ходе изучения данной керамики, по причине ее сильной фрагментированности, по венчикам удалось выделить лишь 17 сосудов с примесью толченой раковины в тесте. Судя по фрагментам, сосуды имели баночную форму.

Вся посуда орнаментирована преимущественно оттисками мелкозубчатого штампа, лишь единично под срезом венчика встречаются оттиски среднезубчатого, так называемого жучкового штампа (рис. 26: 3). Орнамент на всех наиболее полно сохранившихся фрагментах нанесен по всей внешней поверхности, включая и придонную часть сосудов (рис. 27: 1).

Типичным следует считать горизонтально-зональное расположение орнаментальных композиций. Под срезом венчика часто выделяется зона шириной до 4 см, заполненная оттисками наклонно и горизонтально поставленных мелкозубчатых гребенчатых штампов (рис. 26–27), которые образуют ромбы и треугольники.

Среди прочих орнаментальных мотивов, расположенных в верхней части сосудов, встречаются единичные клиновидные ямочные вдавления, расположенные параллельными рядами или горизонтальной елочкой.

Ниже по венчику идет один ряд (и в одном случае два ряда) горизонтальных валиков (рис. 26: 1–3, 5–7; 27: 2). Примечателен полученный в ходе исследований развал сосуда баночной формы, на котором вместо валиков присутствуют серповидные волнистые налепные ручки (рис. 27: 1).

На рассматриваемой группе керамики налепные валики, как правило, волнистые (13 экз.). В количественном отношении этой керамике значительно уступает керамика, имеющая горизонтальные прямые валики (4 экз.). Они орнаментированы насечками или оттисками короткого мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 27: 2).

К тулову валики прикреплялись следующим образом: первоначально на внешней поверхности наносился желобок, в который затем вставлялся округлый глиняный жгутик, а края соединения тщательно заглаживались. Подобная техника прослежена и на развале сосуда, имеющего волнистые серповидные налепные ручки.

Под валиками располагается основное орнаментальное поле, композиции которого состоят из опоясывающих сосуд рядов плотно расположенных друг к другу оттисков наклонно поставленного мелкозубчатого гребенчатого штам-

па, образующие заштрихованные ромбы (рис. 27: 2). Нередко они расположены под углом друг к другу, представляя мотив треугольника (рис. 26: 3, 5). Среди прочих элементов орнамента в единичном случае был зафиксирован такой мотив, как двойной горизонтальный зигзаг (рис. 27: 1). При изучении группы керамики, имеющей налпные валики, ни разу не был встречен мотив шагающей гребенки.

Немаловажно, что данная группа керамики была зафиксирована в культурных напластованиях совместно с керамикой волосово-гаринского общности, что дает основания помещать ее в одни хронологические рамки.

Аналогии «валиковой» керамики, выявленной в Иско-Бельском междуречье, прослеживаются в бассейне р. Вятки на поселениях Лобань I (Гусенцова, 1980, с. 123, рис. 4: 5, 7, 15), Буй I (Трефц, 1985, с. 129). Выразительные коллекции «валиковой» керамики были получены при исследовании стоянок Галанкина Гора, Юринская в Марийском Поволжье (Соловьев, 1991, рис. 9-10; Никитин, Соловьев, 2003, рис. 3: 3), а так же на поселении Мольбище III в зоне Чебоксарского водохранилища (Шадрин, 1989, рис. 6: 5). Единично подобная керамика фиксировалась в заполнении жилищ стоянок Волгапино на р. Мокше в Мордовии (Королев, Ставицкий, 2006, рис. 3: 15) и поселении Ховрино в Ульяновской области (Вискалин, 2006, рис. 4: 1, 4, 5, 9). В культурном слое данного поселения она была зафиксирована совместно с поздневолосовской керамикой.

Наибольшее сходство с валиковой керамикой прослеживается в керамических комплексах поселенческих памятников гаринской культурной принадлежности на Средней Каме. К таковым относятся поселения Камский Бор II (Коногорова (Ширинкина), 1961, с. 89, рис. 12: 3), Бор I (Бадер, 1961а, рис. 27: 7), а также стоянки Бойцовская VII, Тюремка II и III (Бадер, 1961б, рис. 56: 3; 64: 4; 90: 1; 99: 1).

Как уже было отмечено выше, валиковая керамика на территории Иско-Бельского междуречья была выявлена только при исследовании Игимской стоянки. В статистическом отношении ее количество по отношению к основному массиву керамики, относящемуся к волосово-гаринской общности, крайне невелико. Подобная же картина прослеживается и на сопредельных территориях, где количество находок валиковой керамики также невелико. Из этого можно сделать вывод о том, что появление валиковой керамики в первой четверти II тыс. до н. э. как на территории рассматриваемого региона, так и на территории Волго-Камья вряд ли можно объяснить автохтонными процессами в среде волосовского и гаринского населения, поскольку эта керамика не имеет корней и аналогий в массиве более ранней посуды местных культур эпохи энеолита. Соответственно валиковую керамику, вслед за А. Х. Халиковым, следует интерпретировать как явление инокультурное (Халиков, 1969, с. 190). Появление валиковой керамики в Иско-Бельском междуречье, на наш взгляд, следует связывать с контактами местного энеолитиче-

ского населения с группами населения, обладавшего устойчивыми традициями в изготовлении баночных сосудов с рельефными элементами орнаментации.

О.Н. Бадер предполагал проникновение подобных сосудов с юга, из степных районов (Бадер, 1961а, с. 54). А.Х. Халиковым было высказано мнение о продвижении в Среднее Поволжье и Приуралье лесостепных сибирских племен, принесших керамику, орнаментированную налепными валиками (Халиков, 1981, с. 44). В одной из своих последних работ исследователь непосредственно связывал носителей валиковой керамики с населением западносибирской кротовской культуры, основные памятники которой расположены в лесостепном междуречье Оби и Иртыша (Халиков, 1987, с. 139).

При анализе валиковой керамики Игимского поселения, как уже было отмечено выше, четко прослеживалась чужеродность валиковых сосудов для Икско-Бельского междуречья. Приведенные аналогии уводят в среду носителей кротовской культуры, что позволяет признать гипотезу А.Х. Халикова наиболее правомерной и присоединиться к ней.

Публикации материалов исследованных кротовских поселений (Молодин, 1973; Молодин, Полосьмак, 1978; Генинг, Стефанова, 1982; Стефанова, 1985) и обобщающие работы, посвященные кротовской культуре (Молодин, 1977, с. 49), дают подробную характеристику кротовских керамических комплексов. Н.К. Стефанова выделяет следующие основные признаки кротовской керамики Среднего Прииртышья: закрытые и прямостенные в верхней части баночные и горшечно-баночные формы сосудов, полное преобладание в орнаменте оттисков зубчатого штампа, горизонтально-зональное плотное размещение орнаментальных композиций, широко употребление в оформлении посуды рядов прямых и наклонных оттисков гребенчатого штампа, зигзага, валиков (Стефанова, 1986, с. 38).

На поселении Преображенка III – эталонном кротовском памятнике Ново-сибирского Приобья, по данным В.М. Молодина, баночные сосуды с примесью песка и толченых раковин в тесте составляют 98% от всего комплекса, а в орнаментации наиболее распространены узоры в виде шагающей (23,4%) и горизонтально-отступающей (20,1%) гребенки (Молодин, 1977, с. 54). Налепные валики рассматриваются многими исследователями в качестве одного из определяющих признаков кротовской керамики.

Хронология валиковой керамики, выявленной в Икско-Бельском междуречье и в сопредельных районах, на данный момент разработана лишь в общих чертах. Датировку валиковой керамики уточняют некалиброванные даты поселения Ташково II в Зауралье – 3780 ± 40 л.н. (Ковалева, 1988, с. 42) (2135–1731 ВС) и Волгапино в Примокшанье – 3550 ± 120 (Королев, 1999, с. 111) (2342–2121 ВС). Принимая во внимание эти датировки, представляется вполне правомерным помещать валиковую керамику, обнаруженную в Икско-Бельском междуречье, в

пределы первой четверти II тыс. до н. э. (Соловьев, 1988, с. 31; Соловьев, 1991, с. 64; Никитин, Соловьев, 2003, с. 107).

Проводя аналогии с кротовской керамикой, следует отметить, что ранний этап кротовской культуры укладывается фактически в эти же хронологические рамки (Молодин, Полосьмак, 1978, с. 87, 88). Вместе с тем, на наш взгляд, представляется очевидным, что на носителей «валиковой» керамики значительное влияние оказали представители кротовской культуры. Присутствие валиковой керамики в Икско-Бельском междуречье, вероятно, иллюстрирует собой финал эпохи энеолита на рассматриваемой территории.

Керамика волосово-гаринской общности, выявленная в Икско-Бельском междуречье, находит аналогии среди керамики, происходящей с поздних волосовских поселений Среднего Поволжья: Уржумкинского (Архипов, Никитин, 1977, рис. 5; 6), Удельно-Шумецкого VII, Нижняя Стрелка IV, Галанкина Гора (Соловьев, 1991, рис. 3-5), Ахмыловского II (Никитин, 1977, рис. 5: 1-6; 9-11), Выжумского (Архипов, Никитин, Шикаева, 1984, рис. 12) и Мольбище III (Шадрин, 1989, рис. 4; 5: 3-5).

По профилировке сосудов и характеру орнаментации проявляются черты сходства между керамикой Икско-Бельского междуречья и волосовской керамикой Марийского Поволжья, происходящей с поселений Нижняя Стрелка IV (Никитин, 1990, рис. 16: 1-6), Удельный Шумец VII, Галанкина Гора (Соловьев, 1991, рис. 3; 5), а также Кокшайской IV и Юринской стоянок (Патрушев, 1978, рис. 3: 1-9, 12, 19; 11). Близкие по форме сосуды присутствуют на Гундоровском поселении (Овчинникова, 1991, рис. 1).

Следует отметить, что на сложение материальной культуры и конкретно орнаментальных традиций волосово-гаринского населения Икско-Бельского междуречья, вероятно, повлияло население новоильинской культурно-исторической области рассматриваемого района. Об этом говорит массив орнаментальных мотивов керамики волосово-гаринского типа, который находит аналогии в новоильинских керамических комплексах. Удельный вес данных мотивов составляет 51,14%. Наиболее выразительны среди них пояса из оттисков линзовидных (17,67%), овальных (20,18%), клиновидных (2,28%) штампов, и елочный мотив (11%).

В период позднего энеолита происходило проникновение на территорию Икско-Бельского междуречья носителей волосовской культуры с сопредельных территорий. Так, содержание орнаментальных мотивов в массиве позднеэнеолитической керамики волосовской культурной принадлежности Икско-Бельского междуречья составляет 17%. Помимо носителей волосовской культуры на территорию Икско-Бельского междуречья проникали и носители гаринской культуры. Орнаментальные мотивы, принадлежащие гаринской культуре, в массиве керамики позднего энеолита рассматриваемой территории составляют 30%.

Как уже отмечалось выше, позднеэнеолитическое население Икско-Бельского междуречья контактировало, вероятно, с носителями кротовской культуры. В пользу этого говорит присутствие валиковой керамики в массиве рассматриваемой позднеэнеолитической керамики. Результаты статистической обработки показали, что ее процентное содержание невелико и составляет всего 1,86%.

В массиве керамики позднего энеолита появляются не встречаемые в предшествующих керамических комплексах мотивы. К таковым следует отнести пояса из крупнозубчатых разреженных гребенчатых штампов, подтреугольных двухчатных слитных штампов, подрапещиевидных одночастных штампов, а также сочетание поясов из оттисков круглого одночастного и подпрямоугольного разреженного, линзовидного одночастного и подпрямоугольного разреженного, сегментовидного одночастного и линзовидного многочастного слитного штампов, заштрихованного треугольника и оттисков овального многочастного слитного штампа. В совокупности данные мотивы составляют 6,59%.

Проведенные аналогии и статистическая обработка фрагментов посуды позволяют отнести рассматриваемую керамику к локальному варианту волосово-гаринской общности, получившей распространение в Икско-Бельском междуречье. Наиболее близкие аналогии этой керамике прослеживаются в керамике волосовского и гаринского типа Среднего Поволжья и Приуралья.

В хронологическом отношении, на основе радиоуглеродного датирования, проведенного по керамике Икско-Бельского междуречья, а также происходящей с сопредельных районов, распространение волосово-гаринских культурных традиций в среде энеолитического населения рассматриваемого района следует помещать в рамки первой половины III – рубежа III–II тыс. до н. э. Финал эпохи энеолита в рассматриваемом регионе предположительно приходится на время не позднее, чем конец первой четверти II тыс. до н. э.

Велика вероятность того, что в этот период население волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья испытывало влияние со стороны Западной Сибири, о чем говорит керамика с налепными валиками, которая по своему облику близка к посуде носителей кротовской культуры.

Помимо влияний со стороны Западной Сибири, нельзя исключать вероятность воздействия на волосово-гаринское население со стороны абашевской культуры Среднего Поволжья. Об этом может свидетельствовать стратиграфическая картина Рысовского археологического комплекса, где гаринская керамика перекрывается керамикой абашевского облика (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 2: 4, 10).

V.2. Каменный инвентарь

Анализ материалов поселенческих памятников позднеэнеолитической эпохи позволяет получить представление о культурных контактах в рассматриваемом регионе. Анализ каменного инвентаря дает возможность выявить динамику развития каменной индустрии в среде позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья. Каменный инструментарий, обнаруженный на поселенческих памятниках позднего энеолита рассматриваемой территории, представляет собой яркий и выразительный источниковый материал, дающий достаточно четкие представления, о материальной культуре населения волосово-гаринской общности.

Каменный инвентарь, происходящий с позднеэнеолитических поселений, по формально-типологическим признакам распределяется по группам орудий, различных по своему функциональному назначению. Основанием для отнесения тех или иных орудий, обнаруженных на поселенческих памятниках Икско-Бельского междуречья, к эпохе энеолита, явилось их расположение в культурных напластованиях поселений совместно с керамикой волосовского и гаринского облика, а также обнаружение их в жилищных и хозяйственных сооружениях позднего энеолита.

При рассмотрении каменной индустрии населения волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья к анализу было привлечено 2699 находок. Каменные орудия из поселений волосово-гаринского типа на рассматриваемой территории можно разделить на несколько основных групп по их функциональному назначению.

Прежде чем перейти к классификации и описанию этих групп, следует несколько слов сказать о материале, из которого орудия изготавливались. Основным поделочным сырьем служил кремь и крайне редко – кварцит, а также «мягкие» породы камня (сланец, песчаник, известняк и др.). Как показывают находки, в большей степени использовался низкокачественный валунный и плитчатый кремь желтых, красных и серых оттенков.

При изготовлении орудий использовалась отжимная, струйчатая и пильчатая ретушь, а также шлифовка кремья. Как правило, она применялась для крупных орудий – долот, тесел, топоров, среди которых имеются прекрасно отшлифованные изделия, с хорошо отделанным тонким и острым лезвием. Обработке тщательной отжимной ретушью подвергались также наконечники стрел, ножи, проколки. Другие же изделия были выполнены с помощью более простых приемов, включая двустороннюю обивку, краевое ретуширование. Подавляющее большинство орудий было изготовлено на отщепах.

Нуклеусы (74 экз.) (рис. 28: 1–3) были оформлены из цветного плитчатого и валунного кремья. Они имеют самую разную величину, чаще всего снабжены

несколькими ударными площадками, но есть и одноплощадочные ядрища клиновидной формы (31 экз.). Длина нуклеусов не превышает 3–5 см, при ширине основания 2–3 см. Поверхность их покрыта в большей своей части удлинёнными негативами – следами сколов ножевидных пластин.

Отбойники и ретушеры (10 экз.) представлены шаровидными, овальными или дискообразными гальками. Они имеют вид многогранников, сфероидных или уплощенных, и предназначались для изготовления нуклеусов и выполнения первичных операций по оформлению каменных орудий. Грани этих сравнительно небольших орудий (4–6 см в диаметре), как правило, забиты от ударов по каменным заготовкам. Такого типа изделия имеют весьма широкое распространение в культурах неолита – бронзы и практически не несут культурно-хронологической специфики.

С процессом изготовления орудий, на наш взгляд, следует связать многочисленные находки крупных отщепов (1003 экз.), среди них 22 отщепа имеют следы использования в разных трудовых операциях. В различных видах деятельности могли также использоваться различные сколы (710 экз.), некоторые из них также несут на своих краях следы работы (14 экз.).

Ножевидные пластины (247 экз.) могут быть выделены в отдельную группу орудий. Среди них присутствуют и такие, которые несут на своих краях фасетки нерегулярной ретуши.

Топоры (2 экз.) (рис. 28: 4–5), имеющие отношение к волосово-гаринской общности, в рассматриваемом районе выполнялись из хорошо шлифующихся пород камня (сланец, кремь). Данные орудия были обнаружены в ходе исследования Игимской и Татарско-Азибейской II стоянок.

Топор (рис. 28: 4), происходящий с Игимской стоянки, изготовлен из плитчатого белого мелового кремня, имеет длину 8,7 см и ширину 4,7 см. С двух сторон по всей поверхности он тщательно заполирован, но несет следы подработки краев плоской отжимной ретушью. Слегка выпуклое лезвие имеет подпрямоугольную форму, к своему завершению оно несколько закруглено и имеет линзовидное сечение. В профиле орудие также имеет клиновидную форму. Данный топор в своем роде неординарен, поиск аналогий ему результата не дал. Вместе с тем, в культурном слое стоянки он хорошо увязывается с керамикой волосово-гаринского типа. По определению М.Ш. Галимовой (устное сообщение), данное орудие некоторое время находилось в работе.

Не меньшего внимания заслуживает топор (рис. 28: 5), обнаруженный на Татарско-Азибейской II стоянке. Орудие изготовлено из темно-зеленого сланца. Оно имеет вытянутую подпрямоугольную форму длиной 9 см при ширине лезвия 3,5 см. Рабочая его часть имеет клиновидное сечение, обушковая же часть в сечении округлая. Типологически близкие топоры происходят из районов рек Ки-

немы и Ольги (Карелия), где они укладываются в хронологические рамки конца III – начала II тыс. до н. э. (Фосс, 1952, с. 106, рис. 58: 1–4).

К деревообрабатывающим орудиям, происходящим из рассматриваемого района, следует отнести долота (7 экз.) (рис. 30: 1–7). Четыре из них изготовлены из кремня (рис. 30: 3–6) и два – из сланца различных оттенков (рис. 30: 2, 7). Как правило, все они ассиметричны и имеют прямое лезвие и плоское брюшко. Среди них можно выделить следующие типы:

1. Узкообушные долота с выпуклой спинкой (рис. 30: 2, 4, 5–7), следует отметить, что два из них изготовлены из сланца (рис. 30: 2, 7).
2. Полуовальные в сечении узкообушковые долота (рис. 30: 3).
3. Желобчатые долота (рис. 30: 1).

Среди деревообрабатывающих орудий не меньшего внимания заслуживают тесла (10 экз.). Они были получены в результате исследований Русско-Азиебейской III и Дубовогривской II стоянок, а так же стоянки Золотая Падь II (рис. 29; 30). Как правило, все эти орудия ассиметричны. Тесла отличаются от долот характером обработки лезвия. Боковые стороны их расширяются к слегка округлому лезвию. Среди данной категории орудий выделяются следующие типы:

1. Трапециевидные короткие долота, линзовидные в сечении, с выпуклым лезвием (рис. 29: 1, 2) – два экземпляра. Орудия изготовлены из белого мелового кремня и окремненного известняка, высота их не превышает 6 см при ширине лезвия 2–3 см. По всей поверхности орудия имеют обработку способом плоской отжимной ретуши.

2. Короткие трапециевидные в сечении долота, также имеют клиновидные очертания (рис. 30: 8–10) – три экземпляра. Орудия изготовлены из кремнистого сланца различных оттенков зеленого цвета. Длина находок не превышает 5 см при ширине лезвия 2,5–3 см. Все орудия прекрасно отшлифованы.

3. Длинное широкообушковое долото подтрапециевидной формы (рис. 29: 7). Орудие изготовлено из белого кремня, по всей поверхности обработано плоской отжимной ретушью. Его длина составляет 12,5 при ширине лезвия 5,5 см;

4. Узкообушковые долота (рис. 29: 2, 4, 6) исчисляются тремя экземплярами и делятся на следующие подтипы:

- а) линзовидное в сечении долото (рис. 29: 4). Длина орудия составляет 9,5 см при ширине лезвия 4,5 см;

- б) клиновидные в сечении долота (рис. 29: 5) – два экземпляра.

Данные орудия изготовлены из белого кремня или окремненного известняка, одно орудие изготовлено из галечника коричневого цвета. Боковые стороны их расширяются к слегка округлому лезвию, длина составляет от 7,5 до 9 см, при ширине лезвия от 3,5 до 5 см. Все три орудия выше обозначенной разновидности тщательно шлифованы по всей поверхности.

5. Прямолезвийное долото, полуовальное в сечении (рис. 29: 3). Оно изготовлено из белого кремневого известняка. По всей поверхности орудие тщательно заполировано. Лезвие имеет выпуклые, объемные очертания, его ширина составляет 3,5 см.

Рассмотренные рубящие орудия, прежде всего, тесла и долота были широко распространены в неолите и энеолите по всей Северной Евразии. Ареал их распространения не ограничивается рамками какой-либо из природно-географических зон. Столь же широки и хронологические рамки их бытования. Связь данных находок с волосово-гаринской общностью подтверждается присутствием в культурных напластованиях Дубовогривской II стоянки и стоянки Золотая Падь II керамики позднего облика волосовской и гаринской культур.

Ножи (24 экз.) (рис. 31, 32) изготавливались на плитках, ножевидных пластинах и на отщепках, в том числе пластинчатых. Они подразделяются на следующие типы: прямолезвийные, округлые, подтрапцевидные, подтреугольные и скошенные с приостренным лезвием.

Прямолезвийные ножи (рис. 31: 3, 5, 7–8; 32: 4, 7, 10, 12). В рамках этой разновидности присутствуют орудия, изготовленные на ножевидных кремневых пластинах (рис. 31: 3, 5, 7–9; 32: 12). Выполнены они, как правило, с помощью плоской отжимной ретушью с одной (рис. 31: 5, 9) или двух (рис. 31: 7, 8) сторон. Преимущественно длина их колеблется в интервале от 8 до 10 см при ширине лезвия от 1,6 до 3 см. Лишь один нож имеет сравнительно небольшие размеры: его длина составляет 3,3 см при ширине лезвия 1,4 см.

Среди прямолезвийных ножей, выполненных на ножевидных пластинах, заслуживают внимания два ножа, лезвие которых скошено под углом в 60° (рис. 31: 3, 5). Обнаружены они были в ходе исследования Игимской стоянки. Ширина лезвия одного экземпляра составляет 2 см при длине 6 см (рис. 31: 3), второе орудие имеет длину 8,3 см, а ширина лезвия составляет 3 см (рис. 31: 5).

Наиболее близкие аналогии этим ножам прослеживаются в материалах среднестоговской культуры. Подобные орудия были получены в ходе исследований на Украине стоянки Александрия III (Телегин, 1973, с. 36, рис. 7: 1). Возможно, данная форма ножей имела распространение на протяжении всей эпохи энеолита, включая и волосово-гаринское время. Территория Икско-Бельского междуречья в этом отношении не стала исключением. Основанием для подобного предположения служит факт обнаружения типологически близких ножей на сопредельных территориях, а именно на III Новоильинском поселении одноименной культуры (Шорин, 1999, с. 168, рис. 34: 7), а так же на поселении Бор V гаринской культуры (Бадер, 1961а, с. 97, рис. 62: 4, 5).

Среди прямолезвийных орудий присутствуют такие, которые изготовлены на пластинчатых отщепках (рис. 32: 4, 10). Их длина составляет от 4,5 до 7 см при

ширине лезвия от 1,3 до 2,1 см. Исключение составляют: фрагмент прямолезвийного ножа на массивном пластинчатом отщепе с шириной лезвия 3,5 см, а также заготовка прямолезвийного орудия рассматриваемой категории, длина которого составила 9 см, а ширина 3,5 см.

Прямолезвийные ножи, изготовленные на кремневых плитках, исчисляются тремя экземплярами (рис. 32: 5, 7, 13). Одно орудие (рис. 32: 7) имеет узкое лезвие, кремнь из которого оно изготовлено, отличается розоватым цветом, вероятно, орудие было покрыто охрой. Данная находка была сделана при исследовании Игимской стоянки. Ширина лезвия этого ножа в наибольшей его части составила 3 см при длине 6 см. В сечении нож имеет клиновидную форму.

Второе орудие (рис. 32: 13), происходящее со стоянки Золотая Падь II, изготовлено из светло-серого плитчатого кремня. Его длина составила 8,5 см при ширине лезвия 3,5 см. Ретушь была нанесена по одному краю, но с двух сторон орудия. В культурном слое данное изделие хорошо увязывается с керамикой волосово-гаринского типа. По своей форме это орудие сближается с ножами, выполненными на ножевидных пластинах, что делает возможным поместить их в один хронологический ряд и связать с волосово-гаринской общностью.

Третье орудие (рис. 32: 5) изготовлено из плитчатого кремня коричневого цвета, оно несколько меньше по размерам. Этот нож также был найден в ходе исследования стоянки Золотая Падь II (рис. 9; 10). Его длина составила 5,3 см при ширине лезвия 2 см.

Прямолезвийные формы ножей, изготовленные как на пластинчатых отщепах, так и кремневых плитках, являются типичными для эпохи энеолита в Иско-Бельском междуречье. Немаловажно, что они получили широкое распространение в среде носителей волосово-гаринской общности лесной полосы Восточной Европы. Аналогичные орудия были отмечены на энеолитических поселениях в Среднем Прикамье, таких как Гагарское и Басенький Борок (Бадер, 1961а, с. 155, рис. 106: 13; 107: 9; Липсон, 1961, с. 36, рис. 7: 8). Наиболее близкие черты сходства прослеживаются на памятниках волосовской культуры в Марийском Поволжье (Никитин, 1991, рис. 15: 1–6).

При рассмотрении ножей, происходящих с позднеэнеолитических поселений Иско-Бельского междуречья, нельзя обойти вниманием орудия, имеющие округлые очертания лезвия. Данные находки были обнаружены при исследовании Игимской, Дубовогривской II стоянок (Габяшев, Старостин, Отчет, 1972, с. 15–40, 79–92). Эти орудия были выполнены на отщепах (рис. 30: 2; 32: 5, 8, 11) и кремневых плитках (рис. 30: 1; 31: 5, 7) сравнительно хорошего качества.

Ножи, изготовленные на пластинчатых отщепах, имеющие округлое лезвие, исчисляются восемью экземплярами (рис. 31: 2, 4; 32: 3, 8, 9). Их длина преимущественно укладывается в пределы от 4 до 6,5 см при ширине лезвия от 2 до 3 см.

Как правило, краевая ретушь прослеживается по двум краям каждого орудия. Для их изготовления применялся белый, светло-серый, а также серо-дымчатый кремль. Их поперечное сечение имеет подтреугольные или полукруглые очертания. Эти ножи находят широкие аналогии на поселенческих памятниках эпохи энеолита как на территории Нижнего Прикамья, так и за его пределами. Наибольшее сходство обнаруживается с ножами из поселенческих памятников волосовской культуры, расположенных в Марийском Поволжье и в зоне Чебоксарского водохранилища. Такие ножи с округлым лезвием были получены при исследовании Майданского, Майданского III, Руткинского, Сутырского и Сутырского V поселений (Никитин, 1978, с. 53, рис. 8: 17; 9: 11; 1987, с. 27, рис. 2: 20, 28, 40; 1991, рис. 15: 2; Большов и др., 1989, рис. 3: 12).

Заслуживает внимания нож, обнаруженный в ходе исследования Игимской стоянки и увязываемый стратиграфический с волосово-гаринской керамикой (рис. 4; 5). Нож имеет сравнительно небольшие параметры: его длина составляет 4,3 см при ширине лезвия 1,3 см (рис. 31: 2). Близкий по облику нож был найден при исследовании стоянки Кубенино (Фосс, 1952, с. 112, рис. 63: 4). Также сходный по форме нож происходит с поселения Чашкинское озеро VI (Лычагина, 2007, с. 115, рис. 5: 11). Учитывая то обстоятельство, что описываемый нож в культурном слое Игимской стоянки увязывается с керамикой волосово-гаринского типа, можно предположить, что данная форма ножей получила свое распространение в среде населения волосово-гаринской общности. Дополнительным доказательством такого предположения служит находка аналогичного ножа на поселении Тюремка I в Пермской области, где она была зафиксирована совместно с поздней гаринской керамикой в жилище № 2 (Бадер, 1961б, с. 212, рис. 76: 4), что помимо всего прочего может указывать на весьма широкое распространение орудий подобной формы.

В рамках рассматриваемой разновидности ножей несколько неординарным представляется узколезвийное орудие светло-серого цвета, изготовленное на пластинчатом отщепе (рис. 31: 4). Оно найдено в культурном слое Игимской стоянки (рис. 4; 5) и планиграфический хорошо увязывается с керамикой волосово-гаринского типа. Дополнительным аргументом в пользу позднеэнеолитической принадлежности данного орудия служит то, что ни в неолите, ни в предшествующие этапы энеолита подобные формы орудий не были отмечены в рамках рассматриваемого региона и сопредельных территориях. Не прослеживаются аналогии ему и в более позднее время, что дает возможность поместить орудие в достаточно узкие хронологические рамки. Рассматриваемый нож имеет горбатую спинку, его длина составила 8,4 см, а ширина лезвия 1,7 см. Краевая ретушь прослеживается лишь с одного края орудия. Поперечное сечение имеет подтреугольную форму.

Данную находку, условно, по формально-типологическому подходу, следует отнести к категории так называемым ножам-ложжарям.

Ножи, изготовленные на кремневых плитках и имеющие округлое лезвие, исчисляются семью экземплярами (рис. 31: 1; 32: 2, 11, 15). Как правило, ретушь на них наносилась как по одному, так и по двум краям. Для изготовления орудий применялся плитчатый кремнь светло-серого, серо-дымчатого и коричневого цвета. Длина орудий преимущественно составляет от 4 до 7 см при ширине лезвия от 1,7 до 3 см.

Примечателен нож, изготовленный из плитчатого кремня коричневого цвета (рис. 32: 15), происходящий из заполнения жилища № 1 Игимской стоянки, где он увязывается с керамикой волосово-гаринского типа. Он имеет горбатую спинку, дуговидное острие и рукоятку, оформленную в виде пуговики. Его длина составляет 10,2 см при ширине лезвия 5 см. Орудие имеет двустороннюю обработку способом отжимной краевой ретуши, в сечении оно клиновидное. Аналогии данному ножу прослеживаются в среде носителей гаринской культуры, в материалах поселения Бор I (Бадер, 1961а, с. 43, рис. 18: 5). В хронологическом отношении данное орудие занимает весьма широкие хронологические рамки и может датироваться первой половиной III – рубежом III–II тыс. до н. э.

Близкое по облику орудие было получено при исследовании стоянки Золотая Падь II (рис. 9; 10; 32: 11). В культурном слое памятника данный нож увязывается с керамикой волосовской и гаринской культур, что дает основание связывать его с населением Икско-Бельского междуречья волосово-гаринской культурной принадлежности. Нож изготовлен из плитчатого кремня темно-серого цвета. Он был тщательно обработан с двух сторон способом плоской отжимной ретуши. Примечательной особенностью данного орудия является то, что оно имеет, также как и вышеописанное, выделенный черешок. Длина ножа составляет 6,5 см при ширине лезвия 3 см. Подобный по форме нож присутствует среди находок каменного инструментария позднегаринского времени в Среднем Прикамье (Бадер, 1961а, с. 43, рис. 18: 5). Исходя из приведенных аналогий, следует заключить, что подобные формы ножей получают распространение на территории Икско-Бельского междуречья в пределах III – рубежа III–II тыс. до н. э.

Не меньшего внимания заслуживает нож подтрапецевидной формы, происходящий с Игимской стоянки (рис. 4–5; 32: 14), в культурном слое которой он увязывается с керамикой волосово-гаринского типа. Орудие изготовлено из серого плитчатого кремня, имеет длину 5 см при ширине лезвия 5,2 см. Он также несет фасетки двухсторонней краевой ретуши, его сечение имеет клиновидную форму, а рабочая часть несколько закруглена. Аналогии данному орудию прослеживаются в материалах поздних гаринских поселений Среднего Прикамья, таких как Басенький Борок и Бор I (Бадер, 1961а, с. 41; 43; 155, рис. 16: 14; 18: 10; 106: 12).

Подтреугольная форма ножей представлена двумя экземплярами (рис. 31: 6, 32: 1). Орудия были получены в ходе исследования Игимской стоянки. В культурном слое они сопровождалась керамикой волосово-гаринского типа. Орудия были изготовлены из плитчатого кремня сравнительно высокого качества. Они демонстрируют двухстороннюю краевую ретушь, которая присутствует лишь по одному краю орудия. Длина обеих находок составляет около 5 см, при ширине лезвия одного орудия 3,5 см, а другого – 1,5 см.

К категории редких находок рассматриваемой группы орудий следует отнести нож саблевидной формы, происходящий с Русско-Азибейской III стоянки (рис. 7–8; 32: 6). Находка связана с жилищем, в заполнении которого фиксировалась керамика гаринского облика (Габяшев, 1981, с. 12). Орудие изготовлено из белого мелового плитчатого кремня. По всей поверхности оно было обработано двусторонней отжимной ретушью. При его длине 6,2 см ширина лезвия составляет 1,7 см. Близкий по облику нож был отмечен в материалах Астраханцевского поселения в Среднем Прикамье, которое принадлежит гаринской культуре и укладывается в хронологические рамки рубежа III–II тыс. до н. э. (Бадер, 1959б, с. 108, 111; рис. 15: 1-2).

В среде населения волосово-гаринской общности в процессе изготовления орудий и, в частности, ножей начинает преобладать бифасиальная технология их изготовления. Орудия становятся более массивными. Тем не менее, наблюдается значительное разнообразие в их формах. Ножи приобретают довольно тщательную обработку. Возможно, в период присутствия на рассматриваемой территории представителей волосово-гаринской общности широкое употребление получают ножи, изготовленные на кремневых плитках, о чем говорит расположение их в слоях совместно с керамикой волосовского и гаринского типов. Представляется также важным отметить присутствие ножей вышеописанных форм в заполнении жилищ, изученных в Икско-Бельском междуречье, имеющих принадлежность к волосово-гаринской общности.

Наиболее распространенным видом каменных орудий на поселенческих памятниках волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья являются скребки (73 экз.) (рис. 32–33). Данные орудия применялись для обработки шкур животных. С учетом разной степени сложности операций по выделке шкур и разного качества самого обрабатывавшегося сырья, скребки имеют многочисленные вариации как по форме и размерам, так и по специфике оформления рабочего края. На основе формально-типологического подхода было выделено четыре типа скребков: прямоугольные, треугольные, округлые и полукруглые.

Скребки первого типа – прямоугольные (29 экз.) (рис. 32: 1–11) подразделяются на три разновидности: с округлым лезвием (рис. 32: 1–5), с прямым лезвием (рис. 32: 6–8) и со скошенным лезвием (рис. 32: 9–11).

Скребки второго типа – подтреугольные (27 экз.) (рис. 32: 12–16; 33: 2, 3) подразделяются на две разновидности: округлолезвийные (рис. 32: 13, 14, 16; 33: 2, 3) и прямолезвийные (рис. 32: 15). Все скребки, имеющие отношение к данному типу, принадлежат к концевым. Подавляющая их часть изготовлена на отщепах.

Скребки третьего типа (15 экз.) принадлежат группам концевых-боковых (рис. 33: 1) и круговых (рис. 32: 17). У последних, как правило, лишь небольшой участок по периметру был оставлен без обработки. Среди скребков этого типа, выполненных в подавляющем числе на отщепах, присутствуют пять экземпляров с высокой спинкой.

Скребки четвертого типа – полукруглые (рис. 32: 18, 19) представлены семью экземплярами, которые изготовлены на отщепах.

Являясь древним и широко распространенным видом орудий, скребки с большим трудом поддаются культурно-хронологическому членению вообще, хотя на отдельных памятниках они могут отражать типологическую или количественную специфику.

Прямоугольные и треугольные скребки, рассмотренные выше, находят прямые аналогии в материалах волосовских поселенческих памятников Среднего Поволжья (Никитин, 1987, с. 26, рис. 1). Данные орудия получили распространение также на поселенческих памятниках более поздних археологических эпох. Основанием для отнесения к волосово-гаринской общности прямоугольных и треугольных скребков, послужило то, что они сопровождалась керамикой волосовского и гаринского типов, которая фиксировалась в заполнении жилищных котлованов и в культурных напластованиях памятников, расположенных на территории Икско-Бельского междуречья.

Большинство перфораторов (32 экз.) (рис. 34), обнаруженных на стоянках позднего энеолита, изготовлено из отщепов, причем обработке с помощью крутой ретуши было подвергнуто лишь самое острие. Острие было отретушировано со стороны спинки и брюшка. Расположение острия по отношению к центральной оси отщепа различно. Из всей группы изученных нами перфораторов только пять были изготовлены из тонких ножевидных пластин. Сами пластины отличаются правильной параллельной огранкой. Их рабочая часть, или жальце, расположено строго по линии центральной оси и обработано тщательной тонкой ретушью.

В целом в технике изготовления перфораторов из стоянок Икско-Бельского междуречья можно проследить некоторую «небрежность», такую же, как при изготовлении скребков из отщепов. Среди данных перфораторов можно выделить четыре разновидности.

К первой разновидности можно отнести орудия подтреугольной формы (3 экз.) (рис. 34: 3, 4, 9), обнаруженные на Дубовогривской II и Русско-

Азибейской III (рис. 7; 8) стоянках. Орудия имеют обработку с двух сторон способом плоской отжимной ретуши. Близкие по облику орудия были встречены в заполнении жилища № 1 поселения Тюремка III (Бадер, 1961б, с. 241, рис. 98: 8, 9) совместно с керамикой гаринского облика, что позволило О.Н. Бадеру связать эти находки с гаринской культурой. Представляется наиболее вероятным, что и такие перфораторы, обнаруженные в Икско-Бельском междуречье, имеют принадлежность к материальной культуре населения волосово-гаринской общности. Среди орудий данной разновидности, одно орудие следует отнести к категории проколов (рис. 34: 3).

Ко второй разновидности относится два перфоратора на плоских отщепах с одним плечиком (рис. 34: 7, 11). По всей поверхности эти орудия демонстрируют обработку плоской отжимной ретушью. Особенно тщательно было оформлено их жало. Длина перфораторов не превышает 6 см при ширине лезвия 1,7 см. Сходные с данными орудиями перфораторы выявляются в каменном инвентаре волосовских памятников Примокшанья, например, таких поселений как Имерка 1-Б и Имерка 8 (Королев, Ставицкий, 2006, с. 66, рис. 36: 18; с. 74, рис. 43: 31), где хронологические рамки выявленных комплексов определяются серединой – последней третью III тыс. до н. э. (Королев, Ставицкий, 2006, с. 90).

К третьей разновидности относятся прямолезвийные перфораторы, которые исчисляются 16 экземплярами, шесть из которых были изготовлены на ножевидных пластинах (рис. 34: 6, 8, 12). На рабочей части этих орудий краевая ретушь присутствует с двух сторон. С данной разновидностью сближаются десять прямолезвийных перфораторов, изготовленных на пластинчатых отщепах (рис. 34: 1, 2, 13). Длина их не превышает 5,5 см при ширине лезвия 1,5 см. В целом в группе перфораторов третьей разновидности два орудия следует отнести к категории проколов (рис. 34: 2, 12), а остальные – к сверлам (рис. 34: 1, 6, 8, 13).

Близкие по облику орудия были обнаружены в волосовских жилищах поселения Имерка VIII и в кремневом комплексе находок стоянки Волгапино (Королев, Ставицкий, 2006, с. 73, рис. 42: 31; 44: 34). Подобная находка также фиксировалась в заполнении жилища № 1 на гаринском поселении Бор I в Среднем Прикамье (Бадер, 1961а, с. 65).

Четвертая разновидность представлена одним перфоратором, изготовленным на отщепе (рис. 34: 5). Орудие имеет срединное жало и овальные плечики. По всей поверхности оно было тщательно отретушировано.

Все перфораторы, происходящие с вышеперечисленных памятников, в культурных слоях увязываются с керамикой преимущественно гаринского типа, что дает основание связывать их в Икско-Бельском междуречье с носителями данной культурной общности. Сравнительно небольшое количество проколов, выявленных на территории Икско-Бельского междуречья (рис. 34: 2, 3, 12),

обусловлено, прежде всего, ограниченностью исследованных территорий и площадей.

Наиболее выразительны среди каменного инвентаря поселенческих памятников волосово-гаринского типа орудия охоты и рыболовства.

Орудия охоты в Икско-Бельском междуречье представлены наконечниками стрел и дротиков. Каменные, и в частности, кремневые наконечники являются одной из наиболее существенных категорий инвентаря для стоянок эпохи неолита и раннего металла. Отметим, что разделение наконечников на стрелы и дротики основано на определении степени их массивности и, в известной мере, является условным, а потому они рассматриваются нами в рамках одной классификации.

По форме пера наконечники позднего энеолита можно разделить на четыре типа: листовидные, подтреугольно-черешковые, миндалевидные и подромбические.

Листовидные наконечники (рис. 35: 1–5, 10, 12–17) изготовлены преимущественно на кремневых отщепах белого, светло-серого и светло-коричневого цвета. Пять экземпляров следует отнести к категории дротиков (рис. 35: 12–15, 17), два из них сохранились в фрагментированном виде (рис. 35: 12, 14). В обработке наконечников использовалась техника двухстороннего скалывания и отжимной ретуши.

Среди них можно выделить два лавролистных наконечника (рис. 35: 12, 13). Один был обнаружен в ходе исследования Игимской стоянки (рис. 35: 13). Он изготовлен из отщепа светло-серого цвета и имеет тщательную двухстороннюю обработку, выполненную способом отжимной ретуши. Его длина составляет 6,5 см, а ширина 2,7 см. Второе орудие дошло до нас во фрагментарном виде и происходит с Дубовогривской II стоянки (рис. 35: 12). По классификации Н.Н. Гуриной и Р.В. Козыревой, его следует отнести к категории лавролистно-черешковых наконечников (Гурина, 1978, с. 57–70; Козырева, 1986, с. 149–153). Наконечник изготовлен на отщепе светло-коричневого кремня и имеет тщательную двухстороннюю обработку. Длину рассматриваемого наконечника установить не представилось возможным, но ширина пера у основания составляет 2,5 см.

Исходя из параметров, эти орудия можно интерпретировать как наконечники дротиков. Основанием для отнесения их к волосово-гаринской общности послужили стратиграфические наблюдения, которые позволили установить их совместное залегание в культурных напластованиях с керамикой гаринского типа.

Кроме вышеописанных листовидных наконечников стрел, обнаруженных в Икско-Бельском междуречье, заслуживают внимания так называемые иволистные обоюдоострые наконечники, найденные в количестве пяти экземпляров. Они были найдены на стоянках Игимская (рис. 4; 5; 35: 10), Каентубинская остров-

ная (рис. 35: 1), Золотая Падь II (рис. 9; 10; 35: 2, 3), и Татарско-Азибейская II (рис. 35: 5).

К данной разновидности следует отнести наконечники дротиков, которые также происходят с Игимской (рис. 35: 13), Каентубинской островной (рис. 35: 15), Золотая Падь II (рис. 9; 10; 35: 14) и Дубовогривской II (рис. 35: 16) стоянок. Все изделия были выполнены на кремневых отщепках белого и светло-серого цвета. Они демонстрируют вторичную обработку с двух сторон с разной степенью качества, от грубой обивки до тщательного отжимного ретуширования. Самые ближайшие аналогии листовидным обоюдоострым наконечникам, которые можно было бы связать с эпохой энеолита, прослеживаются в Марийском Поволжье – на Майданском, Уржумкинском и Руткинском поселениях (Никитин, 1987, рис. 2, 3, 30, 35, 37). Имеются они и в материалах стоянки Володары (Цветкова, 1958, рис. 8: 2, 3) где наконечники были обнаружены в составе ритуальных кладов кремневых орудий. И.К. Цветкова отмечала, что все изделия, обнаруженные в них, характерны для волосовской культуры и датировала их концом III – началом II тыс. до н. э. (Цветкова, 1975 с. 102). Близкие по облику наконечники фиксируются в кремневом инвентаре Вашутинской стоянки в Ярославской области, отнесенной И.К. Цветковой также к волосовской культуре (Цветкова, 1960, с. 50–51, рис. 1: 2, 3).

Необходимо заметить, что в поздненеолитических поселениях листовидные наконечники являются единственным типом, поэтому мы склонны рассматривать их как древнейший в Икско-Бельском междуречье тип стрел и в то же время наиболее характерный для рассматриваемой эпохи.

К категории миндалевидных наконечников относится лишь один, происходящий с Игимской стоянки (рис. 35: 11). Он изготовлен на кремневом отщепе серого цвета. Орудие было обработано с двух сторон по всей поверхности способом отжимной ретуши. Подобный наконечник был получен в ходе исследований стоянки Сауз II из заполнения жилища эпохи энеолита (Выборнов, Елизаров, Овчинникова, 1985, рис. 1, 4, 6, 17).

Не меньшего внимания заслуживают подтреугольно-черешковые наконечники стрел. Орудия изготовлялись из кремня хорошего качества. Среди них выделяются наконечники стрел с заостренным черешком и резко выраженными шипами. Они были обнаружены в ходе исследования Дубовогривской II стоянки и исчисляются тремя экземплярами (рис. 35: 6–8). Орудия изготовлены на кремневых отщепках способом отжимной ретуши. С рассматриваемой разновидностью наконечников следует также связать и заготовку, происходящую с Игимской стоянки (рис. 35: 9).

Наиболее близкие аналогии подтреугольно-черешковым наконечникам из стоянок Икско-Бельского междуречья прослеживаются в материалах волосовско-

го времени из Кубашской и Чирковской стоянок (Никитин, 1982, рис. 3: 40, 47). Имеются они и в составе кремневого инвентаря стоянки Володары (Цветкова, 1948, рис. 4: 5).

Черешковые наконечники с шипами более характерны уже для поздних стадий лесного энеолита, а также для памятников эпохи бронзы лесостепной и степной зон Восточной Европы. Иногда их называют наконечниками «сейминского» типа (Крижевская, Халиков, 1959, с. 123, табл. 1: 1).

Выявленные на рассматриваемой территории формы наконечников стрел обладают широким кругом аналогий в лесной полосе Среднего Поволжья и Урала, которые позволяют говорить о принадлежности энеолитического населения Икско-Бельского междуречья к лесным охотничьим племенам.

Помимо этого, все вышеописанные наконечники стрел, происходящие с поселенческих памятников Икско-Бельского междуречья, в культурных слоях были связаны с керамикой волосово-гаринского типа, что позволяет относить их к культурной традиции именно этой общности.

Каменные орудия, связанные с рыбной ловлей, представлены изделиями из крупных галек, которые на основе прослеженных аналогий можно интерпретировать, как грузила для рыболовных сетей. Среди них заслуживают внимания два грузила, найденные на стоянке Золотая Падь II (рис. 36: 1, 2). Они были изготовлены из галек продолговатой формы светло-коричневого и бордового цвета и имеют противоположные выемки для крепления их к рыболовным сетям. Аналогии данным орудия отчетливо прослеживаются в Среднем Прикамье, они происходят со стоянок Кряжская (Денисов, 1961а, с. 20, рис. 13: 3–6), Боровое озеро VI и Бор IV (Бадер, 1961а, с. 117, рис. 80: 12–13; с. 132, рис. 91: 4–6). Все три грузила, обнаруженные на стоянке Золотая Падь II, были связаны в культурном слое с керамикой волосовского и гаринского типов и с жилищем этого же времени.

Учитывая то, что находки специально изготовленных рыболовных грузил на стоянках Икско-Бельского междуречья немногочисленны, можно предположить, что в этом качестве использовались чаще всего естественные округлые камни, в том числе и гальки определенных размеров. Как показывают результаты исследований стоянки Репище IV на северном Валдае, их завертывали в бересту, крепившуюся к сети. Такого рода находки хорошо документируют распространение сетевого лова рыбы в среде лесных неолитических и энеолитических племен Восточной Европы (Зими́на, 1984, с. 233, рис. 62: 3, 4).

Орудия металлообработки представлены массивными крупными каменными молотами, изготовленными из галек (2 экз.) (рис. 36: 3, 4). В наиболее широкой части они имеют желобки, служившие для прикрепления их к рукояти. На рабочей части заметна сильная сбитость. В функциональном назначении молоты применялись для дробления руды (Никитин, 1991, с. 43). Наиболее близкие ана-

логии данным молотам представляют молоты, происходящие с Баркужерского III, Уржумкинского (Никитин, 1987, рис. 6: 4–6), Старо-Мазиковского III (Халиков, 1960, рис. 19: 1) поселений Среднего Поволжья. Широкое распространение они получили и в Среднем Прикамье. Такие молоты были обнаружены на поселениях Кама-Жулановское III (Денисов, 1960, с. 56, рис. 17: 5, 6, 8), Камский Бор II (Коноворова (Ширинкина), 1961, с. 89, рис. 12: 1), Бойцовское II (Бадер, 1961б, с. 141, рис. 21).

На позднеэнеолитических поселенческих памятниках Икско-Бельского междуречья каменные молоты характеризуются совместным расположением с керамикой волосовского и гаринского облика в культурных напластованиях.

Представляется необходимым отметить, что подобные формы каменных молотов сохраняются и в более позднее время. Они получили распространение в среде носителей фатьяновской культуры. Подобный молот был обнаружен Д.А. Крайновым при исследовании Вауловского могильника, имеющего принадлежность к фатьяновской культуре (Крайнов, 1941, с. 147, табл. IV: 6).

Среди изделий из камня отдельного внимания заслуживают украшения и амулеты. К данной категории находок следует отнести пять сланцевых подвесок, происходящих со стоянок Игимская, (рис. 4: 6; 37: 3, 4), Дубовогривская II (рис. 38: 2) и Золотая Падь II (рис. 9–10; 37: 1). К этой же категории изделий следует отнести находку округлой формы, происходящую с Русско-Азиевской I стоянки, которую следует интерпретировать, на наш взгляд, как заготовку для подвески (рис. 37: 5). Некоторые подвески представлены фрагментарно. Форма их, как правило, зависит от естественной формы каменной пластины, в силу чего они имеют несколько неправильные очертания (рис. 37: 3). Поверхность сланцевых подвесок всегда тщательно отшлифована, чаще с двух, иногда с одной стороны, а в верхней части подвесок имеется круглое отверстие. Встречаются подвески округлой формы с круглым отверстием, просверленным посередине (рис. 37: 2, 5).

Плоские каменные, в том числе и сланцевые, подвески самых различных форм встречаются по всей лесной полосе от Урала до Прибалтики в погребениях и культурных слоях поселенческих памятников эпохи неолита и энеолита (Ошибкина, 1980, рис. 22: 2, 3, 5, 6, 8, 9; Морозов, 1984, с. 56, рис. 8; Гадзятская, Уткин, 1989, с. 129, рис. 3: 2–6; Цветкова, 1948, рис. 5: 8, 11, 14; Цветкова, 1969, с. 31, рис. 3: 1, 3, 9; Сидоров, 1975, с. 112, рис. 4: 27; Чижевский, Шипилов, 2018, рис. 1: 1–13). Выявленные аналогии подвескам, обнаруженным в Икско-Бельском междуречье, охватывают широкие хронологические рамки и датируются в пределах середины V – начала II тыс. до н. э. (Чижевский, Шипилов, 2018, с. 81; Сериков, 2004, с. 102; Гадзятская, Уткин, 1989, с. 130; Лозе, 1969, с. 126; Зимица, 1984, с. 70, рис. 3: 39–41). Обычно такие подвески составлялись в ожерелья и служили

шейным украшением как у женщин, так и мужчин, что наглядно иллюстрируют археологические данные могильников Тенишевский (Беговатов, Габяшев, 1984, с. 77, рис. 4: а; Габяшев, 1992, с. 39, рис. 2), Гулькинский (Старостин, Шипилов, 2006, с. 145, рис. 7–8) и Мурзихинский II (Чижевский, Отчет, 1999, рис. 105, 117), исследованных в Нижнем Прикамье.

Энеолитическое население Икско-Бельского междуречья в совершенстве владело обработкой других пород камня (известняк, галечник, диорит, сланец гранит, кварцит), успешно используя их при создании различных орудий труда. Однако фигурные находки из этих пород камня чрезвычайно редки. Таковыми являются: фигурки водоплавающих птиц, изготовленные из сланца, найденные на Кара-Якуповской стоянке (Чишминский район Башкортостана) (Морозов, 1984, рис. 8), а также фигурка медведя, изготовленная из кварцитового отщепы, найденная на Малококузинской стоянке на р. Свяга (Республика Татарстан) (Халиков, 1969, рис. 37: 6; Шипилов, 2009, рис. 1: 1).

В творчестве местного энеолитического населения, также как и у племен других культурных очагов лесной полосы Восточной Европы нашли свое отражение две главные темы – человек и зверь. Анализ зооморфной скульптуры показал, что наибольшее распространение здесь получили изображения двух самых могучих лесных животных: лося и медведя (Студзицкая, 1994, с. 74), культ которых проявлялся, вероятно, в самых разнообразных формах.

Территория Икско-Бельского междуречья к настоящему времени не уступает по количеству находок кремневых фигурок аналогичным находкам, сделанным в сопредельных районах. Наиболее крупная серия находок происходит с Каентубинской стоянки, расположенной в Мензелинском районе Республики Татарстан (Чижевский, 2007, рис. 145; Шипилов, 2009, рис. 1: 6–8; 2: 1, 4, 6–8; Шипилов, 2015, рис. 2–3). Памятник исследовался Чижевским А.А. и Капленко Н.М. совместно с автором данных строк (Чижевский, Отчет, 2007; Шипилов, 2009, с. 77; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015.). Находки кремневых фигурок происходят также с Игимской (Габяшев, Старостин, Отчет, 1971, с. 15–40, табл. XI: 4; Шипилов, 2009, рис. 2: 5) и Дубовогривской II (Шипилов, 2009, рис. 2: 2) стоянок.

Проблемы, связанные с антропоморфными и зооморфными изображениями эпохи камня и раннего металла, не раз поднимались в археологической литературе. Они и по сей день привлекают внимание исследователей. Авторы в разной степени детальности поднимают вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, смыслового назначения и использования находок, несущих на себе антропоморфные и зооморфные изображения. Эти изображения интерпретировались и как памятники искусства, но в большинстве своем их относили к культурно-ритуальным предметам.

Находки, сделанные как в Икско-Бельском междуречье, так и на сопредельных территориях, изготовлены из различных материалов. Среди этих находок преобладают изделия на кремневых отщепах.

Среди кремневых фигурок, найденных в Икско-Бельском междуречье, можно выделить две группы, различающиеся способами обработки предметов. В одном случае использовался отщеп, который ретушировался по контуру изделия, в другом – изделие выполнялось с помощью тщательной двухсторонней обработки всей поверхности. Фигурки, выполненные различными способами, по всей вероятности, бытовали одновременно. Цвет используемого кремня – белый, темно-красный, желтый, серый и темно-серый. Морфологически фигурки подразделяются на антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные. Большинство изображений было выполнено профильно, но встречаются и единичные фронтальные.

К антропоморфным изображениям отнесена кремневая фигурка, найденная в ходе исследования Каентубинской островной стоянки в Мензелинском районе РТ, (рис. 39: 2). Она изготовлена из кремневого отщепа серого цвета хорошего качества и несет по всей поверхности фасетки двусторонней ретуши. Ретушью были выделены голова, туловище, руки и межножное пространство фигурки. Прямых аналогий данной фигурке проследить не удалось. Тем не менее, по своим типологическим особенностям она сближается с антропоморфной фигуркой из стоянки у озера Мстино и по классификации А.В. Уткина и Е.Л. Костылевой может быть отнесена ко второму типу антропоморфной скульптуры (Уткин, Костылева, 1996, рис. 2: 26). Следует отметить, что по своей типологии данная находка типична для абсолютного большинства известных на настоящий момент антропоморфных кремневых скульптур. Принято считать, что антропоморфные изображения являются отличительной чертой волосовской культуры и преобладают над всеми остальными сюжетами (Замятнин, 1948, с. 102).

К зооморфным следует отнести три кремневые фигурки (рис. 38: 1, 2, 4). Как нам представляется, они были изготовлены в виде голов лося. Эти фигурки происходят с Игимской (рис. 38: 2) и Каентубинской островной (рис. 38: 1, 4) стоянок. Они изготовлены на кремневых отщепах хорошего качества с помощью двухсторонней отжимной ретуши. Изображение на всех трех фигурках профильное. Автор усматривает ближайшие аналогии с кремневыми фигурками, происходящими с Ахмыловской, Старомазиковской III, Удельношумецкой VI стоянок в Среднем Поволжье (Никитин, 1996, рис. 64: 1–3). В.В. Никитин склонен относить эти фигурки к волосовской культуре. Исследования в Икско-Бельском междуречье не противоречат этой точке зрения. Так фигурка, обнаруженная на Игимской стоянке (рис. 38: 2), была зафиксирована в культурном слое совместно с керамикой волосовского облика. Фигурки, происходящие с Каентубинской островной стоянки, были обнаружены в ходе осмотра памятника и таким образом относятся

к категории подъемного материала. По этой причине связать кремневые фигурки с каким либо хронологическим периодом затруднительно, поскольку памятник носит многослойный характер. Тем не менее, это не исключает принадлежность каентубинских фигурок к волосовской культуре, так как в ходе раскопок Каентубинской стоянки на памятнике была выявлена керамика волосовского облика.

Анализируя костяные составные Г-образные «жезлы-посохи», С.В. Студзицкая усматривает их воспроизведение в кремневой волосовской скульптуре. По ее мнению, находка кремневой фигурки, сделанная В.В. Никитиным на р. Илеть, по своим очертаниям напоминает свои костяные прототипы – «жезлы-посохи», (Студзицкая, 2004, с. 250; рис. 2: 7). Вероятно, и вышеописанные находки, сделанные в Икско-Бельском междуречье, тоже могли быть изготовлены по образцу таких прототипов.

Помимо изображений лосей из Икско-Бельского междуречья происходит кремневая скульптура, которую можно связать с изображением медведя (рис. 39: 3). Она была найдена в ходе исследования Каентубинской островной стоянки (Шпилов, 2009, с. 78). В данном случае изображение носит силуэтный характер. Находка изготовлена на кремневом сколе сероватого цвета. С обеих сторон фигурка была оформлена краевой ретушью.

Данная находка свидетельствует о том, что на территории Икско-Бельского междуречья в эпоху энеолита, по всей вероятности, получает распространение культ медведя. Находки фигурок, изображающие медведей, наглядно убеждают нас в том, что истоки многих представлений, связанных с медвежьим культом, многократно зафиксированные этнографией, уходят в глубокую древность. Так, например, шкура медведя рассматривалась сибирскими аборигенами как верхняя одежда, под которой скрывается человеческий облик (Косарев, 1984, с. 184). Священное отношение к шкуре медведя с головой и лапами наиболее ярко проявлялось как у обских угров, так и у финно-язычных народов (Косарев, 1988, с. 89-90).

Распространение медвежьего культа зафиксировано и на сопредельных с рассматриваемой территорией районах. Кремневая фигурка, изображающая медведя, была обнаружена при исследовании Тенишевского могильника. Свидетельством проявления медвежьего культа могут служить находки глиняных скульптур медведя со стоянки Мольбище III в Марийском Поволжье (Шадрин, 1989, рис. 6; Никитин, Никитина, 2004, с. 30, рис. 23; с. 79, рис. 2), а также находка костяного жезла со стоянки Давлеканово в Башкирии (Матюшин, 1982, рис. 38).

Не меньшего внимания заслуживает находка на Удельно-Шумецкой III стоянке. При исследовании данного памятника в одном из заполнений были обнаружены обгорелые кости лап медведя. Аналогичная картина наблюдалась и на Чирковской стоянке (Никитин, 1980, с. 67; Халиков, 1960, с. 60, 116–118).

В свете выявленных находок и приведенных аналогий можно предположить, что в эпоху энеолита территория Икско-Бельского междуречья не была исключением с точки зрения распространения культа медведя, который, как было отмечено выше, на гипотетическом уровне был тесно связан и сосуществовал с культом лося в среде местного энеолитического населения.

Вместе с тем, вышеописанная фигурка, обнаруженная на Каентубинской стоянке (рис. 39: 3), не исключает и другой интерпретации. Ее можно связать и с изображением кабана, так как в этой находке прослеживаются черты сходства, с фигуркой, происходящей с поселения Юртик (Ошибкина, 1980, рис. 21: 1).

К категории кремневой скульптуры следует отнести фигурку ящерицы (рис. 39: 4), происходящую также из культурного слоя Каентубинской стоянки. Данная находка изготовлена на отщепе качественного темно-серого кремня. Ближайшие аналогии ей прослеживаются с фигуркой, найденной на Волосовской стоянке (Замятнин, 1948, рис. 3: 10).

В трактовке данного образа, возможно, следует обратиться к данным этнографии. Например, в возрениях кетов змея и ящерица были наиболее полезными помощниками шамана в его путешествиях по «нижним» дорогам» (Косарев, 2003, с. 70). Принимая во внимание эти мифологические данные, можно предположить, что и в повериях энеолитического населения рассматриваемой территории ящерицу относили к представителям нижнего мира.

Примечательно, что самыми распространенными сюжетом пермско-печорских шаманских «образков» является ящер, изображение которого размещено, как правило, в нижней части блях. Как отмечал Б.А. Рыбаков, «Владыка подземно-подводного мира ящер, заглатывающий каждый вечер солнце и уводящий его в подземные пространства, хорошо известен в фольклоре многих народов» (Рыбаков, 2002, с. 62).

Исходя из имеющегося археологического круга аналогий и данных этнографии, кремневую фигурку Каентубинской островной стоянки следует, вероятнее всего, связывать с представлениями о нижнем мире.

Орнитоморфные изображения представлены самой многочисленной группой находок в Икско-Бельском междуречье. Среди них наиболее выразителен образ водоплавающей птицы (утки). Условно среди орнитоморфных изображений, встреченных в рассматриваемом регионе, можно выделить два основных типа.

Первый тип представлен тремя кремневыми профильными фигурками, изображающими головы птиц. Данные фигурки происходят с Дубовогривской II (рис. 38: 5) и Каентубинской (рис. 38: 4, 6) стоянок. Они выполнены на кремневых отщепах белого, желтого цвета хорошего качества. По всей поверхности фигурки были обработаны двусторонней отжимной ретушью. Ближайшие аналогии дан-

ным фигуркам прослеживаются в кремневой фигурке со стоянки Векса (Недомолкина, 2000, рис. 5: 2), а также в фигурке из Ахмыловского II поселения в Марийском Поволжье (Никитин, 1991, рис. 64: 10). Немаловажно, что стилистически рассматриваемые изображения сближаются с изображениями лосей, найденных в Икско-Бельском междуречье.

Второй тип орнитоморфных изображений представлен силуэтной кремневой фигуркой водоплавающей птицы (рис. 39: 1). Данная находка также происходит с Каентубинской стоянки и была обнаружена среди подъемного материала. По своим морфологическим признакам фигурка напоминает плывущую утку.

О культурно-ритуальном назначении рассматриваемых категории предметов может свидетельствовать наличие орнитоморфных фигурок в погребениях Тенишевского (Беговатов, Габяшев, 1984, рис. 7: а) и Мурзихинского II (Чижевский, 2008, рис. 1: 7, 14) могильников, расположенных в приустьевой части камской долины, сопредельной с Икско-Бельским междуречьем. Существует мнение, что образ птицы в среде древнего населения лесной полосы был связан с представлениями о загробном мире и переселением души (Карабельников, Москвин, 2004, с. 25). Об этом косвенно говорит фигурка птицы с Тенишевского могильника, которая была зафиксирована в области черепа погребенного (Габяшев, 1992, рис. 2: а).

Материалы по этнографии народов Сибири свидетельствуют о бытовании верований, согласно которым голова была местом обитания души-птицы, которая после смерти переселялась в новорожденного и тем самым являлась основой наследования жизни от поколения к поколению (Косарев, 1984, с. 190). Возможно, с такими представлениями о душе был связан и известный по фольклорным и историческим данным обычай скальпирования врага у обских угров, как способ уничтожения вражеской души (Чернецов, 1959, с. 137–138).

Культ водоплавающей птицы хорошо прослеживается в мифологии евразийских лесных народов – это основной персонаж в творении всего окружающего мира. Важным источником, подтверждающим важную роль утки в идеологических представлениях финно-угорских народов является финский эпос Калевала. Особый интерес в этом плане имеет первая руна, повествующая о творении неба, земли, и небесных святил из яйца утки (Калевала, 1949, с. 6–7).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что памятники финального неолита и энеолита в Икско-Бельском междуречье дали сравнительно богатый материал по рассматриваемой теме. Дальнейшее их исследование пополнят источниковедческую базу по духовной культуре древнего населения не только в рамках рассматриваемого региона, но и лесной полосы Восточной Европы.

V.3. Изделия из кости

В эпоху энеолита кость и рог, наряду с различными породами камня и деревом, являлись важнейшим сырьем для изготовления орудий труда, предметов вооружения, украшений и других изделий различного назначения. Обработка кости и рога, достигшая определенного совершенства в позднем неолите, получила дальнейшее развитие в эпоху энеолита, что нашло отражение как в разнообразии изделий из этих материалов, так и в их широком распространении на территории северной Евразии.

Изделия из кости, которые можно было бы связать с эпохой энеолита, на территории Икско-Бельского междуречья крайне малочисленны. С известной долей осторожности к рассматриваемой эпохе можно отнести два гарпуна. Они были зафиксированы на Русско-Азибейской III (рис. 7; 8; 40: 3) и Игимской стоянках (рис. 4; 5; 40: 4) и располагались вблизи жилых сооружений волосово-гаринского времени. Судя по внешнему облику, это однорядные орудия с редкими зубцами по всей длине пера. Один гарпун достигает 6,5 см в длину, другой же – 5 см. Оба орудия являются односторонними, с достаточно крупными зубцами, имеют округлое сечение.

Костяные и роговые наконечники гарпунов распространяются в лесной зоне Евразии, начиная с эпохи верхнего палеолита. Сравнение орудий, обнаруженных в Икско-Бельском междуречье, с материалами сопредельных и отдаленных территорий, позволило выявить ряд аналогий. Близкие по облику гарпуны широко распространены в неолитических и энеолитических памятниках Прибалтики и Европейской России (Жилин, 2001, с. 99–100). Аналогичные орудия были найдены на Гундоровском поселении волосовского времени в Самарской области (Овчинникова, 2000, с. 329, рис. 4). Определенные черты сходства прослеживаются с гарпунами из многослойного поселения Липецкое Озеро (Синюк, Клоков, 2000, рис. 93: 11).

Судя по археологическим и этнографическим материалам, гарпуны использовались для охоты на воде. Данными орудиями могли добывать крупную рыбу, например щуку, а также охотиться на таких животных как выдру и бобра. В неолитическом слое поселения Сахтыш I в Верхнем Поволжье был найден череп бобра с застрявшим в нем обломком острия костяного наконечника гарпуна (Жилин, 2004, с. 44).

К разряду украшений следует отнести костяную подвеску каплевидной формы, линзовидную в сечении (рис. 40: 1), происходящую из заполнения жилища гаринской культуры Русско-Азибейской III стоянки (рис. 7; 8). Самые ближайшие аналогии этой подвеске прослеживаются среди находок, сделанных на поселении Черная Гора в Рязанской области, где костяные и сланцевые подвески распола-

гались стратиграфически в одном слое (Цветкова, 1969, рис. 1: 7, 8, 11; 3: 1, 3, 7, 8, 9). Следует отметить, что совместное присутствие сланцевых и костяных подвесок также было зафиксировано в погребальном инвентаре ряда погребений энеолитического Мурзихинского II могильника в приустьевой части долины Камы в Татарстане (Чижевский, Отчет, 1999). Для этих погребений были получены радиоуглеродные даты, указывающие на середину V тыс. до н. э. (Чижевский, Шпилов, 2018, с. 81).

Ареал распространения костяных подвесок не ограничивается приведенными выше аналогиями. Подвески из кости находят обширный круг аналогий по всей лесной полосе Восточной Европы, в материалах поселенческих и погребальных памятников эпохи неолита и энеолита и занимают в те же хронологические рамки, что и сланцевые подвески, т.е. с середины V по начало II тыс. до н. э.

Среди изученных нами костяных изделий заслуживает внимания орудие подтрапециевидной формы (рис. 40: 5), происходящее с Игимской стоянки. По определению А.Г. Петренко, орудие было изготовлено из кости животного, имеющего принадлежность к третичной фауне. Его параметры составляют 7 см в высоту и 4,5 см в ширину. В сечении оно полукруглое. Орудие было тщательно заполировано. В верхней его части имеются следы сработанности. По своим типологическим признакам данную находку следует отнести к костяным ложилам, применявшимся для затирания швов при изготовлении одежды.

Среди костяных находок, происходящих с территории Икско-Бельского междуречья, примечательна костяная проколка (рис. 40: 2), изготовленная из зуба барсука (определение д.б.н. А.Г. Петренко). Проколка была выявлена в ходе исследования Игимской стоянки. Орудие имеет овальное сечение. Его длина составляет 3,5 см, а диаметр в наиболее широкой части – 0,5 см.

Малочисленность находок костяных орудий на энеолитических поселениях Икско-Бельского междуречья объясняется, видимо, неблагоприятными условиями сохранения органических остатков.

V.4. Металлообработка

Результаты исследований, проведенных на поселенческих памятниках, таких как стоянки Русско-Азибейская III (рис. 7; 8), Игимская (рис. 4; 6), Дубовогривская иллюстрируют проявления практики металлообработки в среде носителей волосово-гаринской общности на территории Икско-Бельского междуречья. На перечисленных стоянках были зафиксированы обломки тиглей, которые были стратиграфически связаны с керамикой и орудиями волосово-гаринской общности.

Формовочная масса тиглей носила пористый характер, в качестве примесей в ней наблюдается песок и органические остатки. Толщина стенок тиглей колеблется в пределах 2–3 см, а высота составляет около 4 см. Фрагменты оказались деформированы огнем, внутренние стороны стенок и днищ были сильно зашлакованы. Имеющиеся фрагменты этих сосудов позволяют реконструировать их форму. Вероятнее всего, это были тигли чашевидной формы (рис. 41: 6–9, 11, 12). Аналогии им прослеживаются достаточно широко. Подобные чашевидные тигли были встречены в ходе исследования средневожжских поздневолосявских поселений, таких как Руткинское, Уржумкинское и Баркужерское III (Архипов, Никитин, 1977, рис. 11: 1; Архипов, Никитин, 1978, рис. 6: 5; Никитин, 1982, рис. 10: 1, 2; Никитин, Соловьев, 1990, рис. 23: 1). Достаточно четкие аналогии отмечаются и в материалах позднеэнеолитических памятников, исследованных в бассейне р. Вятки, таких как Усть-Лудяна II и Лобань I (Наговицын, 1980, рис. 12: 5; Гусенцова, Сенникова, 1980, рис. 3: 13).

К категории уникальных находок, связанных с меднолитейной деятельностью в среде позднеэнеолитического населения рассматриваемой территории, следует отнести литейную форму для отливки тесел. Эта находка была сделана в ходе раскопок Русско-Азиевской III стоянки (рис. 41: 10).

В культурных напластованиях поселенческих памятников волосово-гинской общности Икско-Бельского междуречья помимо тиглей были обнаружены медные сплески и кусочки шлака.

Кроме отдельных капель меди, кусочков руды и медных шлаков на поселениях Икско-Бельского междуречья были встречены единичные изделия из меди, которые представляется возможным, руководствуясь стратиграфическими наблюдениями, связать с волосово-гаринской общностью.

Наиболее выразительной среди этих изделий является медная подвеска-лунница (рис. 41: 5), найденная на Рысовском III селище (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 19: 3). Данное украшение было изготовлено из овальной в плане медной пластины толщиной 0,3 см и диаметром 3,6 см, которая имела линзовидное сечение. Концы подвески не были замкнуты, в средней части присутствует округлое отверстие. Подобные украшения известны на Средней Каме на гаринских поселениях Старушка (Бадер, 1964, рис. 122: 11), Усть-Паль, Выстелишна (Бадер, 1959а, рис. 47: 2, 3; Бадер, 1961а, рис. 45: 1; Бадер, 1964, рис. 122: 12). Аналогичная подвеска была встречена в Марийском Поволжье на Уржумкинском поселении (Архипов, Никитин, 1977, рис. 11: 6).

С волосово-гаринской общностью, вероятно, следует также связать медные шилья (рис. 41: 1–4), происходящие с Русско-Азиевской III стоянки, (Габяшев, 1981, рис. 7: 1–2). Шилья залегали в культурном слое, а также в заполнении жилища, где они увязывались с керамикой волосово-гаринского типа. Шилья имеют

следы проковки, длина их колеблется от 5 до 7 см, они имеют подчетыреугольное сечение. Аналогии подобным шильям прослеживаются достаточно широко. Ближайшее сходство с этими орудиями имеют шилья, присутствующие в материалах волосовских памятников Среднего Поволжья. Они были получены в ходе исследований Подборица-Щербинской стоянки (Цветкова, 1961, с. 184) и Уржумкинского поселения (Никитин, 1991, рис. 61: 5–7).

Среди находок, связанных с волосово-гаринской металлургией Иско-Бельского междуречья, заслуживают отдельного рассмотрения каменные молоты с перехватами (рис. 36: 3, 4), применявшиеся, вероятно всего, для дробления медной руды (Никитин, 1991, с. 43). Находки их были зафиксированы на стоянках Золотая Падь и Игимская (рис. 39). Молоты изготовлялись преимущественно из галек, они имеют самые различные параметры от 15 до 25 см в высоту и от 12 до 20 см в ширину. Диаметр их колеблется от 5 до 10 см. Подобные орудия встречены на гаринских поселениях Среднего Прикамья, таких как Бор I, Выстелишна, Боровое Озеро VI и IV, Смолокурное, Кама-Жулановское III, Камский Бор II, Бойцовские IV и VII, Тюремка I, III и IV (Бадер, 1961а, рис. 22: 6; 35: 3; 44: 9; 80: 11, 13; 91: 5, 6; 118; Денисов, 1961б, рис. 17: 6, 8; Коногорова (Ширинкина), 1961, рис. 12: 1; Бадер, 1961б, рис. 21; 57: 5; 85: 3; 103: 2, 3; 108: 1). Аналогии этим молотам с перехватом выявляются также в поздневолосовских памятниках Марийского Поволжья. Такие орудия были найдены на Уржумкинском, Баркужерском III, Ахмыловском II поселениях (Никитин, 1987, рис. 6: 4-6; Никитин, 1978, рис. 18: 2, 5), а также на Старо-Мазиковской III стоянке (Халиков, 1960, рис. 19: 1).

В видоизмененном облике данные орудия получают распространение, видимо, и в эпоху бронзы, поскольку находки каменных молотов зафиксированы при изучении рудников эпохи бронзы в Самарской области (Горашук, Колев, 2004, рис. 2: 1).

Исследование металла, руды и шлаков, найденных на энеолитических памятниках Иско-Бельского междуречья, показало, что это фактически чистая медь с незначительными примесями (Кузьминых, 1976, с. 48–49). Подобная химическая картина примесей характерна для медистых песчаников Нижнего Прикамья (Кузьминых, Черных, 1976, с. 48; Кузьминых, 1977, с. 27).

Таким образом, исследования в Иско-Бельском междуречье подтвердили наличие собственной металлургии меди у энеолитического населения этого района (Кузьминых, Черных, 1976, с. 53).

V.5. Хозяйство населения волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье

При рассмотрении историко культурных процессов, происходивших в позднем энеолите на территории Икско-Бельского междуречья, весьма важное значение имеет характеристика хозяйства.

Расположение поселков вблизи водоемов предоставляло возможность носителям культур волосово-гаринской общности заниматься рыболовством круглогодично. Зародившись еще в эпоху мезолита, коллективные способы рыбной ловли с применением различного рода сооружений типа «заколов» и загородей продолжают, вероятно, бытовать и в последующие времена. Возможно, существовал также способ такого зимнего лова, как оглушение рыбы по перволедку (Никитин, 1990, с. 38; Халиков, 1969, с. 331).

Наряду с этим рыбная ловля носила также индивидуальный характер, об этом свидетельствуют находки костяных клювовидных гарпунов, обнаруженные на Игимской и Русско-Азибейской III стоянках. Вероятно, практиковался также лов рыбы с помощью сетей, о чем свидетельствуют находки каменных грузил со стоянок Золотая Падь II и Игимской. Как правило, они изготовливались из галек и имели самую различную форму и размеры. На грузилах фиксируются желобки и выемки для привязывания.

Другой немаловажной отраслью хозяйства являлась охота. По сравнению с предшествующим периодом, на позднеэнеолитических поселениях становится разнообразнее каменный инвентарь, связанный с добычей мяса и обработкой шкур.

Наблюдается большое разнообразие наконечников стрел, копий, дротиков, появляются новые типы ножей, скребков и проколов. Среди наконечников стрел можно выделить миниатюрные наконечники листовидной и подтреугольно-черешковой формы, применявшиеся, вероятно, для охоты на мелкого зверя и птицу. Дротики имеют листовидную форму и достигают 8 см. Наконечники копий имеют удлиненное перо, их размеры варьируют от 10 до 11 см.

В Икско-Бельском междуречье немалое значение занимала охота на птицу и лося. Об этом ярко могут свидетельствовать фаунистические остатки. Косвенным свидетельством в пользу данного вывода могут служить кремневые скульптурки, изображающие травоядных животных и птиц. Изображение птицы присутствует на фрагменте керамики гаринского типа, обнаруженном на Игимской стоянке (рис. 71: 2). Зооморфные и орнитоморфные кремневые фигурки были обнаружены в ходе исследования Игимской, Дубовогривской II и Каентубинской островной стоянок.

О большом значении промысловой охоты свидетельствует и богатый набор каменных орудий для обработки шкур. По сравнению с предшествующим перио-

дом увеличивается ассортимент таких орудий. Особенно это заметно среди скребков и ножей, которые становятся разнообразней в формах и размерах, что свидетельствует о возросшем функциональном значении этих орудий в различных трудовых операциях. Последнее свидетельствует, вероятно, о совершенствовании техники обработки кожи.

Население Икско-Бельского междуречья в позднеэнеолитическое время, видимо, начинает осваивать выплавку и использование меди. Фрагменты тиглей были обнаружены в жилищах Русско-Азибейской III (Габяшев, 1981, с. 22) и Игимской (Габяшев, Старостин, Отчет 1972, с. 15–36) стоянок. Кусочки и капли металла были найдены на стоянке Золотая Падь II (Габяшев, Старостин, Отчет, 1972, с. 41–69).

Обломки тиглей и медные изделия известны из раскопок на волосовских и гаринских памятниках, расположенных за пределами Икского-Бельского междуречья, в частности на Подборица-Щербинской стоянке (Цветкова, 1961, с. 184), а также на Уржумкинском (Архипов, Никитин, 1977, с. 33–34), Ахмыловском II (Никитин, 1977, с. 66) и других поселениях.

Таким образом, в среде позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья ведущими отраслями хозяйства продолжали быть рыболовство, охота и собирательство. Вместе с тем проявляются признаки нового вида хозяйственной деятельности в виде металлообработки.

Природно-географическая среда лесной полосы восточной Европы, куда входит и Икско-Бельском междуречье, обусловила единый охотничье-рыболовческий культурно-хозяйственный уклад. Вся деятельность древнего населения в данных экологических рамках в эту эпоху была крайне ограничена и сводилась, в основном, к приспособлению к окружающей среде, что выразилось в однотипности жилищ и размещении поселков вблизи охотничьих угодий (122, с. 44).

Завершая рассмотрение материальной культуры и хозяйства позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья, следует сделать ряд выводов.

Население Икско-Бельского междуречья на заключительной стадии эпохи энеолита размещало свои поселения на останцах надпойменных террас различных водоемов, нередко на площадках, которые ранее были заняты коллективами охотников, рыболовов, собирателей неолитической эпохи и более ранних этапов эпохи энеолита.

Жилищные постройки позднеэнеолитического этапа представлены полуназемными сооружениями подчетыреугольной формы с тамбурами. Площадь их, вероятно, варьировала в зависимости от количества жильцов, располагавшихся в пределах жилищ.

Судя по особенностям материальной культуры, население Икско-Бельского междуречья в этот период принадлежало волосово-гаринской общности.

Посуда волосово-гаринской общности, обнаруженная в Икско-Бельском междуречье, по своим формально-типологическим признакам очень резко отличается от посуды предшествующих этапов энеолита рассматриваемой территории. Данная лепная посуда содержит в формовочной массе обильную примесь толченой раковины. Судя по фрагментам керамики, преобладающими формами посуды были плоскодонные банки и горшки. По характеру орнаментации выделяются сосуды с густой и разреженной системой нанесения узоров. Узоры несложны и представлены преимущественно горизонтальными поясами косо- или вертикально поставленных оттисков штампов. Из сложных элементов выделяются пояса из заштрихованных ромбов.

Руководствуясь анализом керамики, можно сделать предположение о то, что на сложение материальной культуры носителей традиций волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья значительное влияние оказали носители керамики новоильинской культуры. Следует также отметить, что в материальной культуре позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья преобладали традиции гаринской энеолитической культуры. В материальной культуре позднеэнеолитического населения рассматриваемой территории волосовские культурные традиции заметно уступают по своей роли гаринским.

Каменный инвентарь, обнаруженный на поселениях позднего энеолита, сохраняет традиции волго-камской неолитической культуры. Преемственность прослеживается в составе каменного сырья, приемах окончательной отделки орудий и основном типологическом составе орудий. Вместе с этим, в массиве каменного инвентаря преобладают орудия, изготовленные на отщепях. В типологическом ряде орудий прослеживаются обширные аналогии в массивах каменного инструментария поздневолосовских и гаринских памятниках Среднего Поволжья и Прикамья.

Свидетельства использования металла в позднем энеолите на территории Икско-Бельского междуречья хорошо маркируется совместным расположением медных предметов и артефактов, имеющих принадлежность к металлообработке с керамикой волосовского и гаринского типов, обнаруженной в заполнении жилищ и в культурных отложениях поселенческих памятников. В пользу принадлежности медных изделий, обнаруженных на поселениях Икско-Бельского междуречья, к позднему энеолиту убедительно говорят аналогии, выявленные на сопредельных территориях.

Радиоуглеродные датировки, полученные по керамике, найденной на рассматриваемой и сопредельных территориях, дают основания полагать, что памятники волосово-гаринской общности в пределах Икско-Бельского междуречья следует относить к первой половине III – первой четверти II тыс. до н. э.

В хозяйственном отношении в среде позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья значительную роль продолжала играть охотничье-промысловая деятельность с неизменным присутствием в ней рыболовства и собирательства.

Принимая во внимание существующие радиоуглеродные датировки, а также выявленные аналогии, памятники волосово-гаринского типа Икско-Бельского междуречья следует связывать с завершающей эпохой энеолита.

Глава VI. Сравнительная характеристика памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья

VI.1. Сравнительная характеристика керамических комплексов эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья

Большое значение керамики, как особой категории археологических источников заключается, прежде всего, в массовости ее распространения. Никакой другой вид археологических источников не встречается так часто и в таком изобилии, как керамика. Керамика, как массовый материал требует строгой и единой системы обработки, чтобы получить надежные и объективные данные, для сравнительного анализа. Здесь широко должна быть применена математическая статистика.

В данном анализе керамики предпринимается попытка выявить стилистические орнаментальные традиции на территории Икско-Бельского междуречья в эпоху энеолита, которые являются основным историко-культурным признаком. Именно стилистика орнамента на сосуде определяла зрительно воспринимаемый внешний облик изделия, что позволяло древним людям отличать «свою» посуду от «чужой» (Цетлин, 2008, с. 19).

Первым (исходным) уровнем «орнаментальной стилистики» являются элементы орнамента, т.е. «отпечатки» или динамические «следы» на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт (Цетлин, 2008, с. 19). По мнению Ю.Б. Цетлина, «Особенности элементов орнамента могут анализироваться по их ориентации на поверхности сосуда, по общей форме следа, его размеру, структуре и ориентации внутренних компонентов» (Цетлин, 2008, с. 19).

Важно подчеркнуть, что элементы орнамента, относясь, с одной стороны, к технике и технологии, а с другой стороны, к стилистике орнамента, представляют собой тот «мостик», который связывает между собой эти две стороны орнаментальных традиций. Важнейшей составляющей этого уровня являются не только реальные элементы орнамента в виде следов или отпечатков, но и локальные участки поверхности «без орнамента».

Элементы орнамента могут быть организованы в «узоры». Узор – это локализованное изображение, состоящее из одинаковых или разных элементов орнамента и выполненное за несколько трудовых актов (Цетлин, 2008, с. 19).

По особенностям своей структуры узор сходен со сложным элементом орнамента, который состоит из нескольких компонентов. Отсюда следует, что сложные по структуре элементы орнамента занимают как бы промежуточное положение между простыми элементами и узорами. В этом, в частности, проявляется естественная и органичная связь двух разных структурных уровней стилистики уровней элементов и узоров орнамента. Особенности узоров характеризуются

различиями в общей форме, составе компонентов узора, его структуре и ориентации на поверхности сосуда.

Элементы орнамента могут быть организованы в «мотивы». Как полагает Ю.Б. Цетлин, «Мотив – это определенный способ многократного повторения элементов орнамента на керамике» (Цетлин, 2008, с. 19). Немаловажным представляется отметить, что мотив может состоять как из одинаковых элементов, так и разных элементов орнамента и включать один или несколько рядов.

Для выявления степени сходства между памятниками эпохи энеолита рассматриваемого района по орнаментальным традициям, был разработан алгоритм, который позволяет производить анализ структуры орнамента, оценивать сходство и различие орнаментальных мотивов (Бушуев, Чижевский, Шипилов, 2010, с. 19). Были привлечены методы математико-статистической обработки данных (частотный и кластерный анализ, анализ средних). Для анализа была использована база данных, охватывающая комплекс керамики эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья. В базе данных учтено 3957 фрагментов керамики ($n = 3957$).

На первом этапе исследования, отталкиваясь от понимания орнамента как сочетания повторяющихся и чередующихся элементов (Генинг, 1973, с. 126), всем его элементам были присвоены цифровые значения. Они были учтены с помощью 30 дихотомических шкал с позициями 0 – «признак отсутствует» и 1 – «признак присутствует». С помощью этих шкал фиксировалось использование на керамике 27 форм штампов² и трех приемов орнаментации – шагающей гребенки, налепного валика и пальцевого защипа. Учитывалась принадлежность керамики к археологическому памятнику и культуре. Первый признак был учтен в виде простой номинальной шкалы. Второй признак стандартизирован по ранговой шкале, где как 1 была закодирована самая древняя культура – памятники русско-азийского типа (*РАТ*), как 2 – икско-бельский вариант новоильинской культуры (*НИК*), как

² Овальный одночастный, подтреугольный одночастный, клиновидный одночастный, линзовидный одночастный, саблевидный одночастный, сегментовидный одночастный, подпрямоугольный одночастный, круглый одночастный, подтрапециевидный одночастный, овальный двухчастный слитный, подтреугольный двухчастный слитный, линзовидный двухчастный, овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный, подтреугольный многочастный слитный, саблевидный многочастный слитный, сегментовидный многочастный слитный, подпрямоугольный многочастный слитный, овальный двухчастный разреженный, саблевидный двухчастный разреженный, подпрямоугольный двухчастный разреженный, овальный многочастный разреженный, линзовидный разреженный, клиновидный многочастный разреженный, саблевидный многочастный разреженный, подпрямоугольный многочастный разреженный. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

3 – самая поздняя – волосовско-гаринская общность (**ВГО**). Таким образом, был очерчен круг учитываемых в дальнейшем анализе признаков.

На втором этапе было предпринято исследование орнамента как определенной структуры элементов. Для этой цели был привлечен метод кластерного анализа, который позволяет выделить в исследуемом массиве схожие между собой объекты и объединить их в группы. Необходимо отметить, что кластер и орнаментальный мотив (Цетлин, 2008, с. 19) не всегда тождественны, так как кластер объединяет совокупность элементов орнамента без учета угла наклона штампа и их расположения на сосуде (кластер лишь учитывает элементы орнамента на одном объекте). Внутри каждого кластера при учете вышеупомянутых признаков может быть выделено еще от одного до нескольких орнаментальных мотивов.

Ввиду большого количества исследуемых объектов, провести кластерный анализ агломеративным иерархическим способом не представляется возможным, поэтому мы прибегли к использованию итеративного алгоритма группировки изучаемых объектов по принципу k -средних (Олдендерфер, Блэшфилд, 1989, с. 178). При этом выбирается определенное количество максимально отдаленных друг от друга k -точек в n -мерном пространстве (k – количество выделяемых кластеров, а n – число учитываемых при группировке признаков). Эти точки на первом этапе рассматриваются как центры будущих кластеров. Затем вычисляется Евклидово расстояние каждого из оставшихся объектов (единиц наблюдения) до всех имеющихся k -центров (Олдендерфер, Блэшфилд, 1989, с. 157),

$$d_{ij} = \sqrt{\sum_{k=1}^p (x_{ik} - x_{jk})^2},$$

где d_{ij} – расстояние между объектами i и j , x_{ik} – значение k -й переменной для i -го объекта.

Все единицы наблюдения распределяются по k кластерам в зависимости от того, к какому из кластерных центров они ближе. Далее в каждом кластере заново вычисляются координаты центра как средние по координатным значениям кластеров в n -мерном пространстве с учетом вновь включенных в кластер наблюдений. После чего все единицы наблюдения вновь перераспределяются. Итерации повторяются до тех пор, пока не будут найдены оптимальные (устойчивые) кластерные центры, то есть пока соотношение дисперсий внутри и вне кластера не примет максимальное значение. Последнее будет математическим свидетельством того, что объекты в кластерах существенно более схожи между собой, чем объекты из соседних кластеров. Основной проблемой на данном этапе является определение

исходного числа кластеров, так как использование итеративного метода не дает возможности определить число кластеров в процессе анализа, а требует определить его изначально. Эту непростую задачу мы решили, прибегнув к простому частотному анализу.

На основе частотного анализа было установлено, что вся керамика орнаментирована с неодинаковой плотностью³. Первоначально было изучено частотное распределение имеющихся в базе данных фрагментов, на которых использовался один вид штампа, таких разновидностей оказалось 29. Затем были изучены комбинации из двух, трех, четырех штампов. Это дало нам приблизительное число возможных кластеров (178) для проведения кластерного анализа, отдельный кластер учитывал сосуды без орнаментации. Далее был проведен кластерный анализ с использованием итеративного метода группировки по принципу k -средних (Олдендерфер, Блэшфилд, 1989, с. 178), что позволило распределить имеющуюся керамику по 179 кластерам (рис. 42–220).

На третьем этапе происходит оценка распространения кластеров по культурам. Из сравнения выпадают 104 кластера, в каждом из которых менее четырех наблюдений, как статистически незначимых для выборки в 3957 единиц при вероятности 0,95. В результате мы можем сравнить лишь 75 оставшихся кластеров. Используя частотное распределение кластеров по культурам, определяем, где разница процентных распределений значима, а где – нет (Рычков, 1982 с. 169). Так как формула применима только для выборок более 20, то из сравнения выпадают еще 37 кластеров, и в обработке остается лишь 38 кластеров. Разница между памятниками русско-азибейского типа (далее – РАТ) и новоильинской культуры (далее – НИК) значима в 32 случаях и незначима в шести случаях, между РАТ и волосово-гаринской общности (далее – ВГО) – в 37 случаях и в одном случае соответственно, между НИК и ВГО – в 11 и 27 случаях соответственно. Ту же картину имеем при вычислении степени сходства между культурами (Федоров-Давыдов, 1987, с. 145):

$$C_3 = \frac{a^2}{L_1 L_2},$$

где a – число объектов, присутствующих на обоих памятниках, L_1 и L_2 – признаки, встречающиеся только на одном из сравниваемых объектов.

Коэффициент сходства между памятниками РАТ и НИК составил 1,45, между РАТ и ВГО – 0,53, тогда как между НИК и ВГО – 146,28. При вычислении меры

³ Степень орнаментированности по количеству использованных штампов колеблется от 0 до 4.

сходства учитывались кластеры с минимальным значением в четыре единицы наблюдения, то есть статистически значимые при имеющемся объеме выборки и вероятности 0,95. Наибольшее сходство по сочетанию элементов орнамента проявляется между НИК и ВГО, а наименьшее – между памятниками РАТ и ВГО. Хронологически следующие друг за другом памятники РАТ и НИК менее схожи, чем сменяющие друг друга НИК и ВГО. Единственный кластер, по которому разница между всеми тремя культурами незначима – 88-й. Его можно признать равно характерным для всех культур. Данный кластер немногочислен и включает лишь 25 фрагментов керамики.

На четвертом этапе аналогичным способом производим оценку распространения кластеров по памятникам внутри культур и по культурным слоям на памятниках. Ввиду того, что подвыборки разделились по культурам, а затем по памятникам, конечное количество сравниваемых кластеров здесь будет еще меньше, так как из обработки как статистически незначимые выпадают кластеры, представленные менее чем 20 фрагментами в каждой культуре. Оставшиеся кластеры по методике Н.А. Рычкова распределяются на всеобщие, локальные и частные (Рычков, 1982, с. 172, 175–177, табл. 1).

Судя по данным, показанным в таблице 1, для памятников РАТ характерны только частные кластеры, представленные находками керамики с Русско-Азиевской I стоянки – 21 кластер. Какой либо общности между памятниками этой культуры не выявлено. Однако говорить об отсутствии связей между памятниками было бы неправильно, ввиду малочисленности находок керамики на остальных памятниках этого времени. Так, на Игимской стоянке учтен 21 фрагмент, на Золотой Пади II – 15 фр., на Дубовогривской II стоянке – 9 фр., на Каентубинской островной стоянке – 1 фрагмент, тогда как на Русско-Азиевской I стоянке учтено 1235 фрагментов.

Для НИК характерно наличие одного всеобщего кластера (38-й), встречаемого на всех памятниках. Он представлен лишь 46 фрагментами, но их распределение по памятникам статистически не различается, то есть при вероятности 0,95 можно утверждать, что этот кластер был всеобщим, хотя и немногочисленным. Также здесь встречается ряд локальных кластеров.

ВГО характеризуется наличием условно-локальных и частных кластеров, причем 75-й кластер претендует на всеобщность, он присутствует на большинстве стоянок этого времени, его нет только на Каентубинской островной стоянке и Рысовском III селище.

На имеющемся материале можно выявить динамику распространения кластеров (орнаментальных традиций) во времени и пространстве. Кластер 1 не характерен для РАТ (16 фрагментов), зато в НИК он локализуется для целого ряда стоянок: Игимской, Золотая Падь II и Дубовогривской II. В ВГО он сохраняется лишь на Игимской стоянке. Второй кластер в РАТ был частным для одного памятника,

в НИК он уже является условно-локальным для двух памятников. В ВГО данный кластер вновь становится частным, теперь – для Игимской стоянки. Кластер 3 – частный для памятников РАТ – больше нигде не фиксируется, то же относится к кластерам 6, 10, 11, 13–15, 18, 23–25, 31, 33, 47, 63, 67, 70, 79, 111, 170. Таким образом, в последующих культурах прослеживается только второй кластер из всех кластеров, относящихся к РАТ.

Кластер 134, частный для Игимской стоянки, в НИК больше не встречается. Кластер 34, частный для Золотой Пади II в НИК, становится частным для Игимской стоянки в ВГО. Кластер 26, частный для Дубовогривской II стоянки в НИК, становится условно-локальным для Дубовогривской II и Игимской стоянок. Кластер 107 был частным для Дубовогривской II стоянки, и стал частным для Игимской стоянки. Локальный для стоянок Игимской, Золотой Пади II и Дубовогривской II кластер 30, в ВГО сохраняется лишь на Игимской стоянке. Кластер 138, локальный для Игимской и Дубовогривской II стоянок в НИК, в ВГО не прослеживается. Кластер 150, локальный для Игимской и Дубовогривской II стоянок, в ВГО становится частным лишь для Игимской стоянки. Кластер 36, локальный для Русско-Азибейской III и Дубовогривской II стоянок, также становится частным для Игимской стоянки. Единственный всеобщий в НИК 38-й кластер в ВГО становится частным для Игимской стоянки.

В ВГО появляется ряд ранее не встречающихся статистически значимых кластеров – это частный для Игимской стоянки 37-й, а также частные для Дубовогривской II стоянки кластеры 72, 90, 139. Условно-локальными являются: кластер 19 – для Игимской и Дубовогривской II стоянок и кластер 75 – для стоянок Игимская, Золотая Падь II, Татарско-Азибейская II, Русско-Азибейские I и III, Дубовогривская II. Таким образом, Игимская стоянка в ВГО становится реликтовым памятником, сохраняющим многие ранее широко распространенные кластеры.

Меры сходства между памятниками внутри культур представлены в таблице 2. Существенной проблемой при анализе этих коэффициентов выступает тот факт, что плохо изученные памятники имеют такой же высокий коэффициент, как и памятники, где прослеживается культурная преемственность. Это можно видеть на примере памятников русско-азибейского типа (табл. 2). Значение коэффициента сходства высоко там, где присутствует малое количество единиц наблюдения, там же, где единиц наблюдения достаточно, коэффициенты сходства с остальными памятниками низкие. Если в последнем случае мы можем проследить эту зависимость, так как известно, что 96,4% всей РАТ керамики найдено на Русско-Азибейской I стоянке, то в других случаях сделать это непросто. Зачастую невозможно понять, где присутствует культурная связь, а где – простое отсутствие признака на обоих памятниках ввиду малочисленности единиц наблюдения. Весьма трудно

интерпретировать коэффициент сходства при сравнении памятников с разной степенью изученности, так как объем выборки, оказывающий существенное влияние на расчеты, напрямую не учитывается.

Итак, представленные выше результаты расчетов по формуле коэффициента сходства вида не позволяют полноценно охарактеризовать сходство и различия неодинаково изученных памятников. Это происходит из-за нестандартизированности расчетов по данной формуле.

Поэтому мы предприняли более упрощенные расчеты меры сходства между культурами и памятниками на основе изучения простого отношения числа схожих кластеров в каждой паре культур (или памятников) к общему числу рассматриваемых кластеров:

$$C = \frac{a}{n},$$

где a – число совпадающих признаков, n – общее число учитываемых при сравнении признаков.

По этой формуле мы получим долю совпадающих признаков в каждой паре сравниваемых объектов. Результаты расчетов легко интерпретируется, так как лежат в интервале от 0 до 1. Абсолютное сходство сравниваемых объектов даст коэффициент, равный 1, абсолютное отсутствие сходства – 0. Воспользуемся формулой Н.А. Рычкова для выявления статистической значимости разности процентных распределений признака на двух сравниваемых объектах (Рычков, 1982, с. 169). Случаи, где разница будет признана незначимой, будут считаться случаями сходства признаков. Равно отсутствующие на памятниках кластеры учитываются как несхожие, так как взаимное отсутствие признака, на наш взгляд, нельзя в чистом виде считать сходством.

Итак, на третьем этапе происходит оценка распространения кластеров по культурам. По этой формуле доля сходства между РАТ и НИК составляет 0,11, между РАТ и ВГО – 0,03, между НИК и ВГО – 0,34. Можно говорить о преемственности в орнаментальных традициях между НИК и ВГО и отрицать эту преемственность между ними и РАТ.

Такой же расчет на четвертом этапе сделаем для памятников внутри культур (табл. 3; 4). Все расчеты проведены только с учетом статистически значимых кластеров, в которых количество наблюдений на всех памятниках данной культуры составляет не менее 20 единиц. Таким образом, в материалах РАТ учтен 21 кластер (2, 3, 6, 10, 11, 13-15, 18, 23–25, 31, 33, 47, 63, 67, 70, 79, 111, 170), в НИК – 11 кластеров (1, 2, 26, 30, 34, 36, 38, 107, 134, 138, 150), в ВГО – 15 кластеров (1, 2, 19, 26, 30, 34, 36-38, 72, 75, 90, 107, 139, 150).

Судя по полученным данным, для РАТ сходство между стоянками относительно невелико. Это объясняется следующими причинами: 1) слабой изученностью памятников (за исключением Русско-Азибейской I стоянки); 2) значительным количеством кластеров (21). Наибольшее сходство прослеживается между стоянками Игимская и Золотая Падь II. К этой степени сходства стремятся также пары: Игимская и Дубовогривская II, Золотая Падь II и Дубовогривская II стоянки. Анализ средних значений коэффициентов сходства по памятникам показывает, что Игимская, Золотая Падь II, Каентубинская островная и Дубовогривская II стоянки могут быть отнесены к одной группе памятников. Но все эти объекты недостаточно изучены к настоящему моменту. Самое изученное поселение этого времени – Русско-Азибейская I стоянка – обнаруживает слабое сходство с другими объектами. Вероятно, дополнительные материалы раскопок других памятников позволили бы выявить некоторое сходство Русско-Азибейской I стоянки с ними.

Иная ситуация с памятниками НИК, которые объединены достаточно высокими коэффициентами сходства, которые в ряде случаев объясняются снижением числа учитываемых (статистически значимых) кластеров. Наиболее сильные связи обнаруживаются между стоянками Игимская, Золотая Падь II, Русско-Азибейская III и Татарско-Азибейская II. Отличается чуть большей индивидуальностью Дубовогривская II стоянка, хотя и незначительно. Эти наши выводы подтверждает и анализ средних (табл. 4).

Самая интересная ситуация связана с поселениями ВГО, которые являются наиболее изученными. Все связи между памятниками этого времени можно разделить на «очень сильные», когда доля сходства между памятниками 70% и выше, «сильные», когда доля сходства составляет от 50 до 70%, «средние» (от 20 до 50% сходства), «слабые» (от 10 до 20% сходства) и «очень слабые» (менее 10% сходства).

В результате отмечаются: три очень сильные связи между стоянками (Золотая Падь II с Татарско-Азибейской II и Русско-Азибейской I, Татарско-Азибейская II и Русско-Азибейская III), 12 сильных связей, 10 средних, две слабые (Игимская с Каентубинской островной и Рысовской III стоянками) и одна очень слабая (Каентубинская островная – Рысовская III стоянки).

На основании данных таблицы 3 было выделено три группы поселений ВГО.

Наиболее сильные связи (0,67–0,80) в орнаментальных традициях обнаруживают стоянки Русско-Азибейская I, Русско-Азибейская III, Золотая Падь II и Татарско-Азибейская II. Учитывая силу связи этих памятников и принимая во внимание, что стилевые изменения в орнаменте очень мобильны (Зданович, Куприянова, 2002, с. 128, 129), можно предположить единовременное существование всех поселений этой группы.

К этой же группе памятников через стоянку Золотая Падь II обособленной группой примыкают Рысовская III и Каентубинская островная стоянки (сила связи 0,67).

Вторую группу составляют памятники, объединенные связями средней силы (0,27), но имеющие сильные связи с отдельными памятниками первой группы – это Рысовская III, Дубовогривская II и Каентубинская островная стоянки. Они продолжают орнаментальные традиции первой группы памятников, так как Каентубинская островная и Рысовская III стоянки имеют сильную связь со стоянкой Золотая Падь II. Вероятно, и в этом случае можно говорить о некоторой синхронности данных памятников. Вторая группа поселений более поздняя, об этом говорят материалы Рысовского III селища, где в волосовском слое обнаружена абашевская керамика (Чижевский, Шипилов, Писарев, 2004, с. 125), датируемая второй четвертью II в. до н. э. (Соловьев, 2000, с. 70). Особняком стоит Игимская стоянка, которая имеет самый низкий средний показатель сходства с другими памятниками (табл. 4). Это поселение концентрирует керамику с редко встречающимися мотивами орнаментации. По всей вероятности, Игимская стоянка является самым поздним памятником, когда вместе с угасанием ВГО угасают и ее орнаментальные традиции.

Анализ силы связей между поселениями ВГО показал, что наибольшая монолитность орнаментальных традиций наблюдается в материалах самых древних памятников. В более позднее время, во второй четверти II тыс. до н. э., начинается распад волосовской орнаментальной традиции, выразившийся в употреблении разных сочетаний элементов орнамента на разных поселениях ВГО. Финал орнаментальной традиции ВГО проявляется на Игимской стоянке.

VI. 2. Сравнительная характеристика каменного инвентаря эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья

Обращаясь к сравнительной характеристике каменного инвентаря эпохи энеолита на территории Икско-Бельского междуречья, следует отметить, что на протяжении всей рассматриваемой эпохи основным материалом для изготовления орудий служил кремьнь различных расцветок, среди которых преобладал светло-серый полосчатый яшмовидный кремьнь. В количественном отношении изделиям из кремья уступали находки, изготовленные из кварцита, сланца и гальки.

В среде носителей керамики русско-азибейского типа характерными отличительными признаками в изготовлении каменного инвентаря является широкое распространение техники отделения крупных пластин и, как следствие этого, высокий процент орудий, выполненных на крупных пластинах с краевой односторонней крутой ретушью (55,2%). Ведущими типами заготовок являются пластины

шириной от 0,7 до 1,5 см. Наиболее массовыми группами орудий из пластин являются ножи (19,04%), концевые скребки с округлым лезвием (24,76%) и проколки (3,8%). Сравнительно редко встречаются резцы на углу пластины (1,9%), скобели (1,9%), резчики (1,9%). Единична находка наконечника стрелы кельтеминарско-го типа. В процентном отношении значительно уступают им орудия из отщепов (27,61%). Они представлены скребками с округлым или прямым лезвием, а также случайных форм (17,14%), наконечниками стрел листовидной и подромбической формы со сплошной двусторонней пологой ретушью (2,85%), угловыми резцами (0,95%), проколками (0,95%) и сверлами (1,9%). Присутствуют в этих кремневых комплексах и отдельные орудия из плитчатого кремня (8,57%), в том числе и ножи с округлыми лезвиями (2,85%).

Сравнительно малочисленны деревообрабатывающие орудия – долота и тесла (14,28%), среди которых преобладают миниатюрные сланцевые долотца (6,66%), в том числе и орудия типа «круммайзель» (0,95%).

Наличие орудий на крупных ножевидных пластинах и пластинчатых отщепах, имеющие принадлежность к носителям керамики русско-азийского типа в рассматриваемом районе, а также выявленные в сопредельных районах аналогии позволяет рассматривать это явление не как хронологический, а как культурный локальный признак.

При анализе особенностей каменного инвентаря памятников русско-азийского типа выявляется следующая картина. По сочетанию своих основных технологических признаков эта индустрия отчетливо сохраняет традиции обработки кремня населением волго-камской неолитической культуры. Но вместе с этим обращает на себя внимание возрастание роли пластинчатой техники в этих комплексах, причем изменяется и характер исходной пластины-заготовки, которая становится крупнее по сравнению с неолитической. Так в массиве каменного инвентаря, имеющего отношение к носителям воротничковой керамики русско-азийского типа, доля орудий, выполненных на крупных широких пластинах, составляет 58%. В целом, это явление (переход от относительно мелкой к крупной пластине-заготовке) ранее было отмечено для эволюции каменной индустрии юго-западных районов Восточной Европы, в частности для племен трипольской культуры и населения, оставившего памятники типа Мариупольского, Никольского, Лысогорского и других могильников, относимых к мариупольскому типу (Телегин, 1991, рис. 8: 8, 9, 12, 13; 9; 24: 11–19; 29: 1; 35: 11–16).

С появлением населения новоильинской культуры в рассматриваемом районе, в изготовлении каменного инвентаря прослеживаются изменения, которые выражаются в проявлении архаических черт, в сохранении неолитических традиций. Вероятно, отличительной чертой этого каменного инвентаря можно считать преобладание орудий, выполненных на сравнительно более узких пластинах (68%),

что собственно и отличает их от орудий предшествующего периода.

Для сравнительной характеристики каменной инвентаря памятников новоильинского типа может быть использован каменный инвентарь, увязываемый с жилищами №№ 1 и 3 Татарско-Азибейской II стоянки. Каменный инвентарь, полученный из культурного слоя и заполнения хозяйственных сооружений и жилищ, который может быть связан с носителями керамики новоильинского типа, состоит из 216 находок.

Основным сырьем для изготовления орудий служил серый полосчатый и синева-черный кремль хорошего качества. Сравнительно реже и только для изготовления деревообрабатывающих орудий использовались окремнелый известняк и зеленова-серый хлоритовый сланец.

Наиболее многочисленными группами орудий являются скребки (46,75%) и ножи (8,33%). Большинство ножей представляет собой пластины с прямым лезвием, оформленным крутой краевой ретушью (6,48%), но встречаются ножи на пластинах с клиновидным или округлым лезвиями. Скребки представлены концевыми с округлыми лезвиями формами (29,62%) и случайными формами на отщепках (17,12%). Сравнительно много резцов на углу пластины (13,88%). Отмечены находки проколов на пластинах (4,16%) и отщепках (0,92%), сверел (2,31%) и скошенных острий на пластинах. Наконечников стрел мало и они представлены бесчерешковыми формами, а также пластинчатыми типами с короткими черешками и частичной краевой обработкой (4,16%). Из других форм отмечены подромбические и листовидные наконечники со сплошной двусторонней обработкой (0,92%). Сравнительно малочисленны деревообрабатывающие орудия, такие как тесла (7,4%). Они отличаются небольшими размерами. Длина их не превышает 7 см при ширине лезвия 4–5 см. Тем не менее, основные типологические признаки каменной индустрии к каковым относятся, преобладание пластинчатой техники изготовления орудий, односторонней краевой ретуши при отделке орудий и соответственно сохранение архаичных типов орудий на пластинах, выявляются достаточно четко.

Таким образом, кремневый инвентарь представителей новоильинской культуры в Икско-Бельском локальном варианте обладает ярко выраженными чертами, характерными для неолитических памятников Приуралья.

Значительным разнообразием отличается каменный инвентарь поселенческих памятников волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье.

Для объективной сравнительной характеристики особенностей каменной «индустрии» волосово-гаринской общности в рассматриваемом районе могут быть использованы лишь находки, происходящие из заполнения жилищ, а так же хозяйственных ям Игимской стоянки, стоянки Золотая Падь II и Русско-Азибейской III стоянки. Помимо этого, привлекались находки, происходящие с

Дубовогривской II, Татарско-Азибейской II и Каентубинской островной стоянок, в культурных напластованиях которых они увязывались с керамикой волосово-гаринского типа (всего 2699 находки).

В изготовлении орудий (193 орудия) прослеживается преобладание бифасиальной технологии. Так орудия-бифасы составляют 66,32%.

Из каменных орудий наиболее выразительны наконечники стрел, оформленные двусторонне обработанные пологой сплошной ретушью (8,8%) листовидной и миндалевидной форм. Единично встречаются наконечники дротиков листовидной и подтреугольной форм. Сравнительно многочисленны различные ножи (12,43%), изготовленные из отщепов (6,21%), пластин (3,1%) и плиток коричневатого-красного кремня (3,1%). Ножи из отщепов имеют преимущественно округлое лезвие. Значительно реже встречаются ножи на отщепах с прямым или клиновидным лезвиями.

Из единичных типов отметим ножи саблевидной формы с «пуговкой». Проколки (12,43%) изготовлены на пластинах (3,1%) и отщепах (9,32%). На отщепах изготовлены и скребки различных форм (40,41%). Выделяются скребки с прямыми, округлыми лезвиями, выполненными крутой краевой ретушью. Рубящие орудия (10,36%) представлены теслами, двумя топорами, миниатюрными сланцевыми желобчатыми долотцами и крупными долотами. Из прочих каменных орудий следует особо упомянуть молоты с перехватом (1,03%).

В инвентаре сохраняются орудия из пластин, но удельный вес пластинчатой индустрии резко падает и основную массу орудий составляют изделия из отщепов. Таким образом, судя по находкам из жилищ, каменный инвентарь поселений волосово-гаринского типа сохраняет традиции волго-камской неолитической культуры. Об этом свидетельствует каменный инвентарь, происходящий из заполнения жилищ волосово-гаринской общности Игимской и Русско-Азибейской III стоянок. Преемственность прослеживается в составе каменного сырья, приемах окончательной отделки орудий и основном типологическом составе орудий. Вместе с этим, она находит аналогии в кремневых комплексах поздневолосовских и гарино-борских памятниках Среднего Поволжья и Прикамья, отличаясь от них лишь общей малочисленностью.

Таким образом, завершая сравнительную характеристику материальной культуры эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья, можно сделать следующие выводы:

Поселенческие памятники на протяжении эпохи энеолита располагались на останках надлуговых террас вблизи различных водоемов.

На всем протяжении эпохи энеолита форма жилищных сооружений оставалась неизменной. Это были полуназемные сооружения подпрямоугольной формы. Изменялась лишь площадь жилищ.

Сходство по орнаментальным традициям памятников русско-азибейского типа невысоко. Однако говорить об отсутствии связей между памятниками было бы неправильно, ввиду слабой изученности поселений этого времени.

Памятники новоильинского типа объединены достаточно высокими коэффициентами сходства. Наиболее сильные связи обнаруживаются между стоянками Игимской, Золотая Падь II, Русско-Азибейской III и Татарско-Азибейской II.

Наличие высокого коэффициента сходства между поселенческими памятниками новоильинского типа может свидетельствовать о сложении единой культурной традиции в материальной культуре населения новоильинской культуры в рамках рассматриваемой территории.

Значительная сила связи между поселенческими памятниками новоильинского (НИК) и волосово-гаринского (ВГО) типа может свидетельствовать о значительном воздействии носителей новоильинской керамики на сложение материальной культуры населения волосово-гаринской общности на рассматриваемой территории и образовании локального варианта волосово-гаринской общности на территории Икско-Бельского междуречья.

Среди поселенческих памятников волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья выделяются три группы памятников, одновременных по своему характеру. Наиболее ранние из них датируются концом III тыс. до н. э. Вероятно, самым поздним памятником волосово-гаринского типа является Игимская стоянка.

Сравнительный анализ каменного инвентаря поселенческих памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья показал, что на раннем этапе рассматриваемой эпохи наиболее прослеживается некоторое влияние самарской культуры. Это влияние выразилось в присутствии на памятниках русско-азибейского типа орудий на сравнительно широких, крупных ножевидных пластинах. В каменной индустрии поселенческих памятников новоильинского типа прослеживается возврат к неолитическим традициям. Преобладают орудия, изготовленные на пластинах, но на более узких, в отличие от орудий памятников русско-азибейского типа. В каменной индустрии волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья происходят значительные изменения. В среде населения данной общности начинают преобладать орудия, изготовленные на отщепах.

Наиболее вероятные свидетельства освоения металлопроизводства и металлообработки связаны с поселенческими памятниками волосово-гаринского типа. Данные свидетельства представлены в виде фрагментов меднолитейных тиглей и единичных изделий из меди.

На протяжении всей эпохи энеолита на территории Икско-Бельского междуречья преобладающими видами хозяйственной деятельности оставалась охота и рыболовство.

Заключение

Судя по палеогеографическим данным, в эпоху энеолита в Иско-Бельском междуречье природная среда была благоприятна для хозяйственной деятельности древнего населения.

Природно-географические условия Иско-Бельского междуречья: разнообразие рельефа при сохранении общего равнинного его характера, разветвленная речная сеть, высокопродуктивные почвы, континентальный климат и прочие факторы обеспечили богатство природных ресурсов рассматриваемого региона.

Анализ материальной культуры носителей воротничковой керамики русско-азийского типа позволяет утверждать, что поселенческие памятники, имеющие к нему отношение, являются наиболее ранними поселениями эпохи энеолита и собственно открывают эпоху меднокаменного века в Иско-Бельском междуречье.

Все известные поселенческие памятники русско-азийского типа размещались по берегам водоемов, на оконечностях первых надпойменных террас, по берегам пойменных озер и стариц. Основная масса этих памятников расположена на месте поселений камской неолитической культуры.

Единственным известным типом жилищных построек у носителей керамики русско-азийского типа были полужемлянки подпрямоугольной формы. Наглядным свидетельством тому могут служить остатки жилища, очагов и хозяйственных сооружений, выявленные на Русско-Азийской I стоянке.

Свидетельства использования меди в среде носителей керамики русско-азийского типа прослеживаются на Кара-Якуповской стоянке. Так при исследовании данного памятника, в нижнем горизонте культурного слоя, который связан с носителями керамики русско-азийского типа, было обнаружено два кусочка меди (Морозов, 1984, с. 55).

Воротничковая керамика русско-азийского типа по совокупности своих технолого-типологических признаков включает в себя несколько исходных компонентов. Среди них преобладал местный камский неолитический компонент.

Такой элемент декора как воротничковое оформление венчика был известен в культурах мариупольской культурно-исторической области. Более близкие аналогии профилировке, элементам орнаментации и орнаментальным мотивам воротничковой керамики прослеживаются в материалах самарской и хвалынской культур.

Каменная индустрия носителей керамики русско-азийского типа по основным технолого-типологическим признакам близка к камской неолитической индустрии. Вместе с тем нельзя не отметить и существенных отличий. Обращает на себя внимание возрастание роли пластинчатой индустрии и переход к крупным

пластинам как ведущему типу заготовок. Это явление было характерно для целого круга энеолитических культур юга и юго-запада Восточной Европы, относящихся к мариупольской культурно-исторической области. На основании этого можно утверждать, что и в каменной индустрии памятников русско-азийского типа прослеживается влияние культур мариупольской культурно-исторической области.

О культурных контактах с населением Приуралья и Зауралья косвенно может свидетельствовать находка стрелы кельтеминарского типа.

Принимая во внимание радиоуглеродную датировку, полученную по керамике, памятники русско-азийского типа следует датировать в пределах середины V – начала IV тыс. до н. э.

Расположение стоянок носителей «воротничковой» керамики русско-азийского типа вблизи водоемов способствовало занятию их рыболовством. Лов рыбы, вероятно, носил как индивидуальный, так и коллективный характер.

Охота в среде носителей воротничковой керамики русско-азийского типа, вероятно, не теряет своего значения. Об этом свидетельствует наличие кремневых наконечников стрел. О большом значении промысловой охоты свидетельствуем и богатый набор каменных орудий для обработки шкур.

Таким образом, хозяйство носителей керамики русско-азийского типа оставалось присваивающим и базировалось на рыболовстве, охоте и собирательстве.

Существующие радиоуглеродные датировки позволяют говорить о том, что памятники русско-азийского типа в Икско-Бельском междуречье в начале IV тыс. до н. э. (Выборнов, 2008, с.243; Лычагина, Выборнов, 2009, с. 35; Лычагина, 2018, с. 94) сменяются памятниками новоильинской культуры (Габяшев, 1994, с. 22; Габяшев, 2001, с. 48).

Топография нижнекамских памятников с новоильинской керамикой в целом типична для поселений неолита и энеолита Среднего Поволжья и Приуралья. Они располагаются на останцах песчаных надпойменных террасах вблизи пойменных озер и стариц, нередко занимая места предшествующих неолитических и энеолитических поселений.

Ведущим типом жилищ оставались полуземляночные подчетыреугольные сооружения. С известной долей осторожности можно утверждать, что с носителями новоильинской культуры связаны подчетыреугольные жилищные котлованы №№ 1, 3 и 5 Татарско-Азийской II стоянки.

Находки медных изделий, сделанные около очага в жилище новоильинской культуры на III Новоильинском поселении (Бадер, 1961б, с. 75), свидетельствует о правомерности отнесения новоильинской культуры к энеолиту. Помимо этого, в культурном слое Турганикского поселения в Оренбургской области, сосуд новоильинского типа стратиграфически также хорошо увязывается с медным ножом и четырехгранным шилом (Моргунова и др., 2017, с. 33–34), что является доста-

точно надежным основанием для отнесения памятников новоильинского типа к энеолитической эпохе.

Важнейшим критерием, который позволяет относить новоильинскую керамику к эпохе энеолита, является присутствие в формовочной массе сосудов новоильинского типа обильной примеси органики. Пористая лепная керамика с органическими примесями является неотъемлемым атрибутом материальной культуры металлоносных энеолитических культур Волго-Камского региона.

В изготовлении посуды прослеживается также сохранение неолитических традиций. Керамика новоильинской культуры Икско-Бельского междуречья по своим формально-типологическим признакам очень близка керамике волго-камской неолитической культуры. Она изготовлена из глиняного теста с примесями мелкого песка или мелкого шамота, тщательно заглажена с обеих сторон, что сближает ее с неолитической керамикой. Керамика содержит некоторые особенности, которые позволяют отнести ее к энеолитической эпохе.

Вместе с тем, имеются признаки, отсутствующие в керамике камской культуры. К таковым следует отнести наличие сосудов открытых форм, отсутствие характерных для неолита наплывов и утолщений на внутренней стороне венчиков. Орнаментация сосудов разреженная, в ней абсолютно отсутствует «шагающая гребенка», при этом прослеживается применение двойного зубчатого зигзага. Среди орнаментальных мотивов появляются новые – в виде ромба и флажка. В орнаментации получают распространение пояса из оттисков коротких саблевидных штампов. В массиве керамики присутствуют сосуды, в которых содержится примесь органики. Эти признаки в материальной культуре носителей керамики новоильинского типа не позволяют относить ее к неолиту и служат основанием для отнесения ее к энеолитической эпохе.

В изготовлении каменных орудий также проявляется следование неолитическим традициям. В орудийном комплексе отсутствуют артефакты, изготовленные на широких крупных пластинах. По своим формальным технологическим показателям каменная индустрия, представленная материалами Татарско-Азиевской II стоянки, относится к кругу каменных индустрий, характерных для культур лесостепной и степной полосы эпохи неолита и энеолита.

Принимая во внимание радиоуглеродные датировки, полученные на сопредельных территориях по керамике новоильинского типа, можно предполагать, что хронологические рамки памятников новоильинского типа в пределах Икско-Бельского междуречья помещаются в пределы начала IV – первой половины III тыс. до н. э.

Основу хозяйства носителей керамики новоильинской культуры на территории Икско-Бельского междуречья продолжала составлять охотничье-промысловая деятельность.

С известной долей осторожности можно говорить о том, что в среде носителей керамики новоильинского типа осваивается ткачество. В пользу этого может свидетельствовать находка глиняного пряслица в заполнении одного из жилищ новоильинской культуры Татарско-Азиевской II стоянки, а так же находки глиняных пряслиц на поселениях новоильинской культуры, изученных в Пермской области.

Население Икско-Бельского междуречья на заключительной стадии эпохи энеолита размещало свои поселения на останцах надпойменных террас различных водоемов, нередко на площадках, занятых ранее коллективами охотников, рыболовов, собирателей в неолитическую эпоху и в более ранние этапы эпохи энеолита.

Жилищные постройки позднеэнеолитического этапа представлены полуназемными сооружениями подчетырехугольной формы с тамбурами. Размеры их, вероятно, зависели от количества жильцов.

Судя по особенностям материальной культуры, население Икско-Бельского междуречья имело принадлежность к волосово-гаринской общности.

Керамика волосово-гаринской общности, обнаруженная в Икско-Бельском междуречье, по своим формально-типологическим признакам резко отличается от посуды предшествующих этапов энеолита рассматриваемой территории. Данная лепная посуда содержит в формовочной массе обильную примесь толченой раковины. Судя по фрагментам керамики, преобладающими формами в посуде были плоскодонные банки и горшки. По характеру орнаментации выделяются сосуды с густой и разреженной системой нанесения узоров. Узоры несложны и представлены преимущественно горизонтальными поясами косо- или вертикально поставленных оттисков штампов. Из сложных элементов выделяются пояса из заштрихованных ромбов.

Руководствуясь анализом керамики, можно предположить, что на формирование материальной культуры носителей волосово-гаринской общности Икско-Бельского междуречья значительное влияние оказали носители керамики новоильинской культуры. Следует также отметить, что в материальной культуре позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья преобладали традиции гаринской энеолитической культуры.

В материальной культуре позднеэнеолитического населения рассматриваемой территории прослеживается присутствие волосовских культурных традиций, которые заметно уступают по своему воздействию гаринским.

Каменный инвентарь, обнаруженный на поселениях позднего энеолита, по-прежнему сохраняет традиции волго-камской неолитической культуры. Преемственность прослеживается в составе каменного сырья, приемах окончательной отделки орудий и основном типологическом составе орудий. Вместе с этим, в

массиве каменного инвентаря преобладают орудия, изготовленные на отщепах. В типологическом ряду орудий прослеживаются обширные аналогии с каменным инструментарием поздневолосовских и гаринских памятников Среднего Поволжья и Прикамья.

Свидетельства использования металла в позднем энеолите на территории Икско-Бельского междуречья хорошо маркируются совместными находками медных предметов и артефактов, относящихся к металлообработке, с керамикой волосовского и гаринского типов, которая была обнаружена в заполнении жилищ и в культурных отложениях поселенческих памятников рассматриваемой территории.

В пользу принадлежности медных изделий, найденных на рассматриваемых поселениях Икско-Бельского междуречья, к позднему энеолиту, убедительно говорят аналогии, выявленные на сопредельных территориях.

Радиоуглеродные датировки, полученные для волосово-гаринской общности рассматриваемой и сопредельных территорий, дают основания полагать, что в пределах Икско-Бельского междуречья эти памятники следует относить к первой половине III – первой четверти II тыс. до н. э.

В хозяйстве позднеэнеолитического населения Икско-Бельского междуречья, значительную роль продолжала играть охотничье-промысловая деятельность с неизменным присутствием в ней рыболовства и собирательства.

Памятники волосово-гаринской общности завершают эпоху энеолита в рассматриваемом регионе.

Источники и литература

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Итоги раскопа Игимской стоянки и могильника // Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. Казань, 1971 / Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, 4566.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Игимская стоянка // Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб.-Челнинского районов ТАССР. Казань, 1972 / Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, 5137.

Старостин П.Н. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года. Казань, 1965 / Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, 2932.

Халиков А.Х., Генинг В.Ф., Хлебникова Т.А. Отчет о полевых работах археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР за 1958 г. Казань, 1958. / Архив ИА РАН, Ф-1, Р-1, № 1771.

Чижевский А.А. Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника) в 1998 году. Казань, 1999. Т. 1 / Архив ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, Ф № 4, оп. № 1, д. 99.

Чижевский А.А. Отчет об археологических работах в Мензелинском районе Татарстана (раскопки Каентубинской островной стоянки) в 2006 году. Казань, 2007. Ч. 1 / Архив ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, Ф. № 4, оп. № 1, д. 216.

Литература:

Археология: учебник /под. ред. академика РАН В.Л. Янина. М.: МГУ. 2006. 608 с.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Уржумкинское поселение // Археология и этнография Марийского края. Вып. 2 / Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 5–40.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Руткинское поселение // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3 / Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / Отв. ред. В.В.Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 64–89.

Архипов Г.А., Никитин В.В., Шикаева Т.Б. Выжумские памятники на Ветлуге // Археология и этнография Марийского края. Вып. 7 / Историография и источниковедением по археологии и этнографии Марийского края / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 5–47.

Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1956 году // КСИИМК. Вып. 74. М.: АН СССР, 1959а. С. 110–123.

Бадер О.Н. Астраханцевское поселение в устье Чусовой // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1959б. С. 87–112.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961а. 198 с.

Бадер О.Н. Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 60–75.

Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961в. С. 110–271.

Бадер О.Н. Древние металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964. 176 с.

Бадер О.Н. Археологическое изучение зоны строительства нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции 1968 и 1969 гг. // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.: Наука, 1972. С. 7–26.

Бакин О.В. Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья в голоцене // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга: Андерсен, 2009. С. 159–168.

Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 133–152.

Беговатов Е.А., Габяшев Р.С. Тенишевский («Сорокин Бугор») энеолитический могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8 / Новые памятники археологии Волго-Камья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 64–87.

Березина Н.С., Березин А.Ю., Мясников Н.С. «Утюжки» с Мукшумских неолитических стоянок Чувашского Заволжья // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / Отв. ред.: Н.С. Березина, Е.П. Михайлов. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 2010. С. 87–96.

Большов О.В., Инягин П.Г., Казаков А.Ю., Николаев В.В. Работы Марийского республиканского краеведческого музея в зоне водохранилища / Археология и этнография Марийского края. Вып. 15 / Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. С. 183–190.

Бушуев А.А., Чижевский А.А., Шипилов А.В. Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Книга 3. Часть 1. Казань. 2010. С. 19–29.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев: КГПИ, 1981. 129 с.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.

Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья / Межвузовский сборник научных статей. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 3–19.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы / Межвузовский сборник научных статей. Т. 235. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 151–188.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. А.А. Выборнов. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 3–23.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация) // Очерки истории и культуры Поволжья / Отв. ред. И.С. Колышева. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 73–96.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 216–277.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 153–179.

Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // ВАУ. Вып. 24. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 46–66.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. Вып. 23. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 63–80.

Вискалин А.В. Результаты исследования шестого жилища Ховринского энеолитического поселения // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И. Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 191–200.

Вискалин А.В., Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский университет, 2002. С. 58–80.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8 / Новые памятники археологии Волго-Камья / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 50–62.

Выборнов А.А. Неолит Прикамья. Самара: Тор, 1992. 148 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Поселение Бачки-Тау II – новый памятник неолита-энеолита Нижнего Прибелья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. А.А. Выборнов. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 195–209.

Выборнов А.А., Елизаров А.Б., Овчинникова Н.В. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 30–50.

Выборнов А.А., Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Поселение Сауз I в устье реки Белой // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 3–21.

Выборнов А.А., Овчинникова Н.В. Итоги изучения поселения Сауз II // Древние и средневековые культуры Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1981. С. 33–52.

Выборнов А.А., Шпилов А.В. Неолитический комплекс Балахчинской VI А стоянки в Приустьевом Прикамье // Поволжская археология. № 1. 2019. С. 47–58.

Габяшев Р.С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФ АН СССР, 1976. С. 35–46.

Габяшев Р.С. Русско-Азиебейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О. Н. Бадер. Казань: КФ АН СССР, 1978а. С. 22–39.

Габяшев Р.С. Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О. Н. Бадер. Казань: КФ АН СССР, 1978б. С. 40–66.

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиебейской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 11–24.

Габяшев Р.С. Поздний неолит и эпоха раннего металла восточных районов Татарии // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 28–36.

Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: КНЦ РАН, 1992. С. 31–47.

Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1994. С. 16–39.

Габяшев Р.С. Энеолит Нижнего Прикамья // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 44–55.

Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н. э. Казань: Фэн, 2003. 223 с.

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФ АН СССР, 1976. С. 3–34.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. О памятниках волосово-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3 / Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 148–159.

Гадзятская О.С., Уткин А.В. Новые раскопки на Вашутинской стоянке // СА. № 1. 1989. С. 125–142.

Галимова М.Ш. Кремневые комплексы мезолита-энеолита северной части Икско-Бельского междуречья // Поволжская археология. № 2. 2012. С. 6–28.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1. 1973. С. 114–136.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Евразии / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, 1982. С. 53–65.

Географическое описание Татарской С.С. Республики // Природа края. Ч. 1 / Под. ред. Б.Н. Вишневого. Казань: Госиздат, 1921. 279 с.

Горащук И.В. Каменные орудия хвалынской культуры // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов. / Сост. и нуч. ред. С. А. Агапов. Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 287- 356.

Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара Самарский университет, 2004. С. 89–104.

Горбунов В.С. Энеолитические памятники Приуралья // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: КГПИ, 1980. С. 137–150.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Орудия каменного века / Отв. ред. Д.Я. Телегин. Киев: Наукова Думка, 1978. С. 57–70.

Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовного и морского промысла на территории СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 5–24.

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Отв. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 70–95.

Гусенцова Т.М. Материалы поселения Кочуровское I (к вопросу об участии керамики с насечками в сложении новоильинской керамики) // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УНИИЯЛ, 1990. С. 70–81.

Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Отв. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 118–134.

Даниленко В.Н. Сурсько–дніпровська культура // Археологія Української РСР. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1971. С. 104–111.

Даниленко В.Н. Космогония первобытного общества // Начала цивилизации. Екатеринбург: Деловая книга, 1999. С. 3–216.

Денисов В.П. Хуторская неолитическая стоянка // Труды камской археологической экспедиции. Вып. 3 / Ученые записки. Т. XII, вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь, 1960. Вып. 3. С. 34–71.

Денисов В.П. Кряжская неолитическая стоянка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961а. С. 6–21.

Денисов В.П. Кама-Жулановское III поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961б. С. 39–59.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского Университета. Вып. 1 (24). Пермь, 2014. С. 44–52.

Дмитриев П.А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. № 21. М.: АН СССР, 1951. С. 7–27.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной полосы Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 328 с.

Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Академия, 2004. 144 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья Петропавловск: Наука, 1993. 245 с.

Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 85–123.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. «Uselife» глиняной посуды и динамика стилевых изменений (по поводу публикации материалов кургана 25 Большекараганского могильника) // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Книга 1 / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2002. С. 128–132.

Зимица М.П. Могильник на стоянке Репище // КСИА. Вып. 117. М.: Наука, 1984. С. 63–71.

Зимина М.П. Каменный век бассейна реки Мсты // РЭ. Вып. 16. М.: 1993. 268 с.
Калевала: карело-финский эпос / под ред. В. Казина, М. Шагинян; пер. Л.П. Бельского. М.: Госполитиздат, 1949. 580 с.

Карабельников Д.В., Москвин А.Ю. К вопросу о культе водоплавающей птицы на евразийском северо-западе (к двум новым находкам волосовской мелкой пластики из Нижегородской области). Нижний Новгород, 2004. 40 с.

Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 29–47.

Козырева Р.В. Типы кремневых наконечников стрел на стоянках эпохи неолита – раннего металла Северо-запада европейской части СССР // Палеолит и неолит / Отв. ред. В.П. Любин. Л.: Наука, 1986. С. 149–153.

Коногорова (Ширинкина) А.М. Жилища 3–8 поселения Камский Бор II // Отчеты Камской (воткинской) Археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 76–94.

Коробкова Г.Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях / Отв. ред. С.И. Руденко. М.; Л.: Наука, 1963. С. 215–233.

Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 106–115.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Поселение Волгапино на р. Мокше (предварительная публикация) // Исторические исследования. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Сам. ГПУ, 1998. Вып. 2. С. 226–253.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 243 с.

Косарев М.Ф. Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 84–113.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания М.: Ладога-100, 2003. 350 с.

Крайнов Д.А. Вауловский могильник // Тр. ГИМ. Вып. XII. М.: Изд-во ГИМ, 1941. С. 105–156.

Крижевская Л.Я. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла // Вопросы археологии Урала. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 27–32.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала // МИА. № 141. Л.: Наука, 1968. 189 с.

Крижевская Л.Я. Поздне- и посленеолитическое время на Южном Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1973. С. 110–117.

Крижевская Л.Я., Халиков А.Х. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье // Тр. КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР, 1959. С. 119–156.

Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гарино-борской металлургии // Тезисы докладов III конференции молодых ученых. Казань: КФ АН СССР, 1974. С. 65–68.

Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гарино-борской металлургии // СА. № 2. 1977. С. 20–34.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Анализы меди и бронз с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФ АН СССР, 1976. С. 47–54.

Липсон Г.М. Гагарское I поселение близ с. Частые // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961. С. 29–38.

Лозе И. Новый центр обработки янтаря в восточной Прибалтике // СА. № 3. 1969. С. 124–134.

Лычагина Е.Л. Неолитический комплекс поселения Чашкинское Озеро 6 (по материалам исследований 2005 г.) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. С. 105–115.

Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестник пермского университета. Вып. 1(15). 2011. С. 17-21.

Лычагина Е.Л. Хронологические рамки неолитических и постнеолитических культур Среднего Предуралья // Уральский исторический вестник. № 3. 2018. С. 87–96.

Лычагина Е.Л., Выборнов А.А. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. № 2. 2009. С. 33–36.

Матвеева Г.И. Итоги работ средневожской археологической экспедиции 1969–1974 годов // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. И.С. Колышева. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 5–73.

Матюшин Г.Н. О наконечниках стрел кельтеминарского типа на Урале // Памятники древней истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимица. М.: Наука, 1975. С. 143–151.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала М.: Наука, 1982. 327 с.

Молодин В.И. Преображенка III – памятник эпохи раннего металла // Из истории Сибири. Вып. 7 / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 26–30.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово 2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Матюшенко, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978. С. 17–29.

Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1980. С. 104–124.

Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы Самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 58–78.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 219 с.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Морозов Ю.А. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 71–82.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 43–58.

Наговицын Л.А. Поселение Усть-Лудяна II // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. / Отв. ред. С. В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 96–117.

Наговицын Л.А. Переодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1984. С. 89–123.

Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 28–34.

Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. / Отв. ред. И.Н. Ченых. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 224–232.

Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.: Наука, 1957. 404 с.

Немкова В.К. Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Приуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Приуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 4–45.

Никитин В.В. Ахмыловское II поселение // Археология и этнография Марийского края. Вып. 2 / Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 41–87.

Никитин В.В. Волосовские племена на Средней Волге // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3 / Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 21–63.

Никитин В.В. Древние культы финно-угров Средней Волги (по фольклорным и археологическим материалам // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2. / Науч. ред. А.Е. Китиков. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 62–68.

Никитин В.В. Баркужерское III поселение // Археология и этнография Марийского края. Вып. 6 / Поселения и жилища Марийского края / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 83–114.

Никитин В.В. Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги // Археология и этнография Марийского края. Вып. 13 / Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 21–31.

Никитин В.В. Материалы к изучению волосовской культуры Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 17 / Древности Поволжья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. Вып. 17. С. 7–38.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. 152 с.

Никитин В.В. Каменный век // Труды Марийской археологической экспедиции. Том IV. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. 179 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 469 с.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 150 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР // Эпоха камня и раннего металла. Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. 203 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 98–108.

Никулина Н.М. Художественная культура Древнего Востока // ВДИ. № 4. 1985. С. 122–136.

Обыденнов М.Ф. Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3 / Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: Мар. НИИ, 1978. С. 160–168.

Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19 / Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. / Отв. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 89–98.

Овчинникова Н.В. Жилища Самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СамГПУ, 1999. С. 97–105.

Овчинникова Н.В. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 326–336.

Окладников А.П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III–II тыс. до н. э. (Утюжки и «човники» – атлатль?) // СЭ. № 1. 1966. С. 119–126.

Олдендерфер М.С., Блэшфилд Р.К. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / Под ред. И.С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 139–214.

Очерки по географии Татарии / Под ред. Н.И. Воробьева, В.Н. Сементовского. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 357 с.

Ошибкина С.В. Стоянка Яковлево в Вологодской области // СА. № 1. 1966. С. 265–269.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик. Результаты исследования // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки / Отв. ред. С.В. Ошибкина. Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, 1980. С. 29–69.

Памятники природы Татарии / Под ред. В.А. Попова. Казань: КГУ, 1977. 143 с.

Патрушев В.С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3 / Лесная полоса Восточной Европы в волосово-турбинское время / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 90–115.

Петренко А.Г. Исследование остеологических материалов из древнейших археологических памятников Среднего Поволжья и Предуралья методами естественных наук, анализ проблем становления животноводческих основ в крае // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1. / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. С. 5–63.

Писларий И.А., Кротова А.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н. Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976. С. 21–28.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1982. С. 159–172.

Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 166–256.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян М.: София, 2002. 587 с.

Рычков Н.А. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1982. С. 167–178.

Сериков Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2004. С. 100–108.

Сидоров В.В. Стоянка на оз. Святом у Шатуры // СА. № 3. 1975. С. 107–117.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк: Липецкое издательство, 2000. 159 с.

Соловьев Б.С. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14 / Этногенез и этническая история Марийцев / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1988. С. 21–43.

Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19 / Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / Отв. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 46–83.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Спец. карта Европейской России. Издание картографического отдела корпуса военных топографов. 1921.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. 168 с.

Старостин П.Н., Шипилов А.В. Работы на Гулькином Бугре // Историко-археологические изыскания Поволжья и Урала / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 132–154.

Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 54–62.

Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: Уральский рабочий, 1986. С. 38–47.

Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 22–43.

Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки / Труды ГИМ. Вып. 85. М.: Изд-во ГИМ, 1994. С. 59–77.

Студзицкая С.В. Некоторые проблемы изучения первобытного искусства (эпохи неолита и раннего металла) // Проблемы первобытной археологии Евразии / Отв. ред. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 243–256.

Телегин Д.Я. Средньо-стогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 169 с.

Телегин Д.Я. О так называемых «челноках» или «утюжках» и их распространении в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тез. докл. Оренбург, 1980. С. 20–21.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Київ: Наукова думка, 1991. 94 с.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Средне-стоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск: Шлях, 2001. 152 с.

Третьяков В.П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.: Наука, 1966. 306 с.

Трефц М.И. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. № 4. 1985. С. 124–142.

Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень, 2005. С. 12–23.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1996. С. 259–270.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии М.: Высшая школа, 1987. 215 с.

Фосс М.Е. К методике определения каменных орудий // КСИИМК. Вып. XXV. М.: АН СССР, 1949. С. 14–21.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 279 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Среднего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Труды Марийской археологической экспедиции. Том 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1960. 185 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Введение // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФ АН СССР, 1978. С. 3–4.

Халиков А.Х. Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их культурная интерпретация // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. С. 43–45.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А., Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 136–139.

Халиков А.Х. Волосово-гаринская энеолитическая общность // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 10–16.

Хвостов В.А. Захоронение эпохи энеолита могильника Боровянка XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Зах. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 134–139.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 64 с.

Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР // КСИА. Вып. 153. М.: Наука, 1978. С. 7–14.

Цветкова И.К. Стоянка Володары // КСИИМК. Вып. XX. М.: АН СССР, 1948. С. 3–14.

Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Труды ГИМ. Вып. XXV. М.: Изд-во ГИМ, 1953. С. 19–52.

Цветкова И.К. Неолитические жилища стоянки Володары // СА. № 2. 1958. С. 112–123.

Цветкова И.К. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского // Труды ГИМ. Вып. 37. М.: Изд-во ГИМ, 1960. С. 48–55.

Цветкова И.К. Стоянка Подборица-Щербинская // СА. № 2. 1961. С. 172–185.

Цветкова И.К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции государственного исторического музея / Под ред. В.П. Левашовой. М.: Изд-во ГИМ, 1969. С. 25–38.

Цветкова И.К. Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древней истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 102–116.

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Тула: Гриф и К, 2008. 350 с.

Цыгвинцева Т.А. Орудийный комплекс энеолитического жилища (на примере сооружения 2 Кочуровского IV поселения) // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 7. Тверь: Триада, 2009. С. 230–248.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Т. 51. М., 1959. С. 114–156.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черныш Е.К. Трипольские орудия труда с поселения у с. Владимировки // КСИИМК. Вып. XL. М.: АН СССР, 1951. С. 85–95.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда. Т. I. М., 2008. С. 367–371.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива // Поволжская археология. № 1. 2012. С. 94–115.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Шипилов А.В. Рысовский археологический комплекс // Актуальные вопросы российской археологии. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Шаталов. Казань: НЦАИ, 2014. С. 23–53.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2018. С. 80–84.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Капленко Н.М. Каентубинская островная стоянка неолита – позднего периода эпохи бронзы (по итогам исследований 2005 г.) // Тверской археологический сборник. Т. 1. Вып. 10. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 184–194.

Чижевский А.А., Шипилов А.В., Писарев Т.Н. Исследование Рысовского археологического комплекса // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ Школа, 2004. С. 105–144.

Шадрин А.И. Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III // Археология и этнография Марийского края. Вып. 15 / Археологические работы 1980–1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1989. С. 67–78.

Шипилов А.В. Антропоморфные, орнитоморфные и зооморфные мотивы в искусстве неолита энеолита Икско-Бельского междуречья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2006. С. 100–107.

Шипилов А.В. Итоги исследования стоянки Золотая Падь II // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 220–229.

Шитлов А.В. Кремневая скульптура эпохи неолита – энеолита зоны водохранилищ Волго-Камского каскада // РА. № 1. 2009. С. 77–80.

Шитлов А.В. Мелкая кремневая пластика Каентубинской островной стоянки // Тверской археологический сборник. Т. 1. Вып. 10. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 468–473.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с

Шорин А.Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири / Отв. ред. В. А. Зах. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 151–169.

Шорин А.Ф. Святилище на холме // Культовые памятники горно-лесного Урала / Отв. ред. В.Д. Викторова, Н.В. Федорова, В.Н. Широков. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 87–93.

Янитс Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмай-ыги. Таллин: Типография им. Ханса Хейдеманна, 1959. 380 с.

Ярова С.Х. Кам'яні знаряддя праці з фондів Одеського державного археологічного музею // Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Вип. III. Одеса, 1960. С. 203–213.

Список сокращений:

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
БФ АН – Башкирский филиал Академии наук
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИЯЛИ КФ АН – Институт языка, литературы и истории Академии наук
МГУ – Московский государственный университет.
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской Академии наук
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
КФ АН – Казанский филиал Академии наук
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
СА – Советская археология
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СЭ – Советская этнография
ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей
ТИЭ – Труды института этнографии
УНИИЯЛ УрО АН СССР – Удмуртский научно-исследовательский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
УрГУ – Уральский государственный университет

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта расположения поселенческих памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья:

1 – Татарско-Азибейская II стоянка; 2 – Русско-Азибейская I стоянка; 3 – Русско-Азибейская III стоянка; 4 – Игимская I стоянка; 5 – стоянка Золотая Падь II; 6 – Дубовогривская II стоянка; 7 – Рысовское III селище; 8 – Каентубинская островная стоянка.

Рис. 2. План раскопа и жилищ Русско-Азибейской стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 24).

Рис. 3. План раскопа и жилищ Татарско-Азибейской II стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1978б, с. 42).

Рис. 4. Топографический план Игимской стоянки (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин. Отчет, 1971).

Рис. 5. План раскопа II и жилища Игимской стоянки (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин. Отчет, 1971).

Рис. 6. План раскопа VI Игимской стоянки (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972а).

Рис. 7. Топографический план Русско-Азибейской III стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1981, с. 11).

Рис. 8. План раскопа и жилища Русско-Азибейской III стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1981, с. 12).

Рис. 9. Топографический план стоянки Золотая Падь II. (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972 б. рис. 26).

Рис. 10. План раскопа и жилища стоянки Золотая Падь II. (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972 б).

Рис. 11. Воротничковая керамика русско-азибейского типа Дубовогривской II стоянки.

Рис. 12. Воротничковая керамика русско-азибейского типа Дубовогривской II стоянки.

Рис. 13. Воротничковая керамика русско-азибейского типа:

6 – Каентубинская островная стоянка; 1-5 – Игимская стоянка.

Рис. 14. Воротничковая керамика русско-азибейского типа стоянки Золотая Падь II.

Рис. 15. Каменный инвентарь носителей керамики русско-азибейского типа (по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 36).

Рис. 16. Каменный инвентарь носителей керамики русско-азибейского типа (по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 38).

Рис. 17. Керамика новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (Татарско-Азибейская II стоянка) (по: Р.С. Габяшев, 1978б, с. 59).

Рис. 18. Реконструкция сосудов («флажкового») новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (по: Р.С. Габяшев, 1994, с. 37).

Рис. 19. Индивидуальные находки носителей керамики новоильинского типа в Икско-Бельском междуречье: 1 – напрядло; 2 – глиняный «утюжок».

Рис. 20. Каменный инвентарь носителей керамики новоильинского типа в Икско-Бельском междуречье (по: Р.С. Габяшев, 1978б, с. 64).

Рис. 21. Керамика волосово-гаринской общности Русско-Азибейской I стоянки.

Рис. 22. Керамика волосово-гаринской общности Татарско-Азибейской II стоянки.

Рис. 23. Керамика волосово-гаринской общности Дубовогривской II стоянки.

Рис. 24. Керамика волосово-гаринской общности Игимской стоянки.

Рис. 25. Керамика гаринского типа Игимской стоянки.

Рис. 26. Керамика гаринского типа Игимской стоянки.

Рис. 27. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: нуклеусы (1-3) и топоры (4-5).

1 – Русско-Азибейская III стоянка; 2-3, 5 – Татарско-Азибейская II стоянка; 4 – Игимская стоянка.

Рис. 28. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: тесла.

1, 3, 5, 6 – Дубовогривская II стоянка; 2, 4, 7 – стоянка Золотая Падь II.

Рис. 29. Каменный инвентарь представителей волосово-гаринской общности: тесла (8-10) и долота (1-7).

1, 3, 6 – стоянка Золотая Падь II; 2, 5, 7 – Игимская стоянка; 8-10 – Русско-Азибейская III стоянка.

Рис. 30. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: ножи (Игимская стоянка).

Рис. 31. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: ножи.

1-4, 7, 9-12, 14, 15 – Игимская стоянка; 6 – Русско-Азибейская III стоянка; 8 – Дубовогривская II стоянка; 13 – стоянка Золотая Падь II.

Рис. 32. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, скребки: 1-9 – Игимская стоянка; 10-13 – стоянка Золотая Падь II; 14-19 – Дубовогривская II стоянка.

Рис. 33. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, скребки (Игимская стоянка).

Рис. 34. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: 2, 3, 12 – проколки; 1, 4-11 – сверла.

4-8 – Дубовогривская II стоянка; 2, 11 – стоянка Золотая Падь II; 3, 9, 12 – Русско-Азибейская III стоянка.

Рис. 35. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: наконечники стрел и дротиков:

1, 15 – Каентубинская островная стоянка; 2, 3, 14, 17 – стоянка Золотая Падь II; 5 – Татарско-Азибейская II стоянка; 6-8, 12, 16 – Дубовогривская II стоянка; 9-11, 13 – Игимская стоянка.

Рис. 36. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: 1, 2 – грузила; 3-4 – каменные молоты.

Рис. 37. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, украшения:

1 – стоянка Золотая Падь II; 2 – Дубовогривская II стоянка; 3-4 – Игимская стоянка; 5 – Русско-Азибейская стоянка.

Рис. 38. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, кремневые фигурки:

1, 3, 4, 6 – Каентубинская островная стоянка; 2 – Игимская стоянка; 5 – Дубовогривская II стоянка.

Рис. 39. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, каменные фигурки.

1-4 – Каентубинская островная стоянка.

Рис. 40. Костяной инвентарь волосово-гаринской общности: 1 – подвеска; 2 – проколка; 3, 4 – гарпуны; 5 – ложило

1, 4 – Русско-Азибейская III стоянка; 2, 3, 5 – Игимская стоянка.

Рис. 41. Предметы металлопроизводства и изделия из металла волосово-гаринской общности: 1-4 – шилья; 5 – лунница; 6-9, 11, 12 – тигли; 10 – литейная форма тесла.

1-4, 6-10 – Русско-Азибейская III стоянка; 5 – Рысовское III селище; 11, 12 – Дубовогривская II стоянка.

Рис. 42. Кластер № 1.

Рис. 43. Кластер № 2.

Рис. 44. Кластер № 3.

Рис. 45. Кластер № 4.

Рис. 46. Кластер № 5.

Рис. 47. Кластер № 6.

Рис. 48. Кластер № 7.

Рис. 49. Кластер № 8.

Рис. 50. Кластер № 9.

Рис. 51. Кластер № 10.

Рис. 52. Кластер № 11.

Рис. 53. Кластер № 12.

-
- Рис. 54. Кластер № 13.
Рис. 55. Кластер № 14.
Рис. 56. Кластер № 15.
Рис. 57. Кластер № 16.
Рис. 58. Кластер № 17.
Рис. 59. Кластер № 18.
Рис. 60. Кластер № 19.
Рис. 61. Кластер № 20.
Рис. 62. Кластер № 21.
Рис. 63. Кластер № 22.
Рис. 64. Кластер № 23.
Рис. 65. Кластер № 24.
Рис. 66. Кластер № 25.
Рис. 67. Кластер № 26.
Рис. 68. Кластер № 27.
Рис. 69. Кластер № 28.
Рис. 70. Кластер № 29.
Рис. 71. Кластер № 30.
Рис. 72. Кластер № 31.
Рис. 73. Кластер № 32.
Рис. 74. Кластер № 33.
Рис. 75. Кластер № 34.
Рис. 76. Кластер № 35.
Рис. 77. Кластер № 36.
Рис. 78. Кластер № 37.
Рис. 79. Кластер № 38.
Рис. 80. Кластер № 39.
Рис. 81. Кластер № 40.
Рис. 82. Кластер № 41.
Рис. 83. Кластер № 42.
Рис. 84. Кластер № 43.
Рис. 85. Кластер № 44.
Рис. 86. Кластер № 45.
Рис. 87. Кластер № 46.
Рис. 88. Кластер № 47.
Рис. 89. Кластер № 48.
Рис. 90. Кластер № 49.
Рис. 91. Кластер № 50.
Рис. 92. Кластер № 51.

-
- Рис. 93. Кластер № 52.
Рис. 94. Кластер № 53.
Рис. 95. Кластер № 54.
Рис. 96. Кластер № 55.
Рис. 97. Кластер № 56.
Рис. 98. Кластер № 57.
Рис. 99. Кластер № 58.
Рис. 100. Кластер № 59.
Рис. 101. Кластер № 60.
Рис. 102. Кластер № 61.
Рис. 103. Кластер № 62.
Рис. 104. Кластер № 63.
Рис. 105. Кластер № 64.
Рис. 106. Кластер № 65.
Рис. 107. Кластер № 66.
Рис. 108. Кластер № 67.
Рис. 109. Кластер № 68.
Рис. 110. Кластер № 69.
Рис. 111. Кластер № 70.
Рис. 112. Кластер № 71.
Рис. 113. Кластер № 72.
Рис. 114. Кластер № 73.
Рис. 115. Кластер № 74.
Рис. 116. Кластер № 75.
Рис. 117. Кластер № 76.
Рис. 118. Кластер № 77.
Рис. 119. Кластер № 78.
Рис. 120. Кластер № 79.
Рис. 121. Кластер № 80.
Рис. 122. Кластер № 81.
Рис. 123. Кластер № 82.
Рис. 124. Кластер № 83.
Рис. 125. Кластер № 84.
Рис. 126. Кластер № 85.
Рис. 127. Кластер № 86.
Рис. 128. Кластер № 87.
Рис. 129. Кластер № 88.
Рис. 130. Кластер № 89.
Рис. 131. Кластер № 90.

-
- Рис. 132. Кластер № 91.
Рис. 133. Кластер № 92.
Рис. 134. Кластер № 93.
Рис. 135. Кластер № 94.
Рис. 136. Кластер № 95.
Рис. 137. Кластер № 96.
Рис. 138. Кластер № 97.
Рис. 139. Кластер № 98.
Рис. 140. Кластер № 99.
Рис. 141. Кластер № 100.
Рис. 142. Кластер № 101.
Рис. 143. Кластер № 102.
Рис. 144. Кластер № 103.
Рис. 145. Кластер № 104.
Рис. 146. Кластер № 105.
Рис. 147. Кластер № 106.
Рис. 148. Кластер № 107.
Рис. 149. Кластер № 108.
Рис. 150. Кластер № 109.
Рис. 151. Кластер № 110.
Рис. 152. Кластер № 111.
Рис. 153. Кластер № 112.
Рис. 154. Кластер № 113.
Рис. 155. Кластер № 114.
Рис. 156. Кластер № 115.
Рис. 157. Кластер № 116.
Рис. 158. Кластер № 117.
Рис. 159. Кластер № 118.
Рис. 160. Кластер № 119.
Рис. 161. Кластер № 120.
Рис. 162. Кластер № 121.
Рис. 163. Кластер № 122.
Рис. 164. Кластер № 123.
Рис. 165. Кластер № 124.
Рис. 166. Кластер № 125.
Рис. 167. Кластер № 126.
Рис. 168. Кластер № 127.
Рис. 169. Кластер № 128.
Рис. 170. Кластер № 129.

-
- Рис. 171. Кластер № 130.
Рис. 172. Кластер № 131.
Рис. 173. Кластер № 132.
Рис. 174. Кластер № 133.
Рис. 175. Кластер № 134.
Рис. 176. Кластер № 135.
Рис. 177. Кластер № 136.
Рис. 178. Кластер № 137.
Рис. 179. Кластер № 138.
Рис. 180. Кластер № 139.
Рис. 181. Кластер № 140.
Рис. 182. Кластер № 141.
Рис. 183. Кластер № 142.
Рис. 184. Кластер № 143.
Рис. 185. Кластер № 144.
Рис. 186. Кластер № 145.
Рис. 187. Кластер № 146.
Рис. 188. Кластер № 147.
Рис. 189. Кластер № 148.
Рис. 190. Кластер № 149.
Рис. 191. Кластер № 150.
Рис. 192. Кластер № 151.
Рис. 193. Кластер № 152.
Рис. 194. Кластер № 153.
Рис. 195. Кластер № 154.
Рис. 196. Кластер № 155.
Рис. 197. Кластер № 156.
Рис. 198. Кластер № 157.
Рис. 199. Кластер № 158.
Рис. 200. Кластер № 159.
Рис. 201. Кластер № 160.
Рис. 202. Кластер № 161.
Рис. 203. Кластер № 162.
Рис. 204. Кластер № 163.
Рис. 205. Кластер № 164.
Рис. 206. Кластер № 165.
Рис. 207. Кластер № 166.
Рис. 208. Кластер № 167.
Рис. 209. Кластер № 168.

- Рис. 210. Кластер № 169.
Рис. 211. Кластер № 170.
Рис. 212. Кластер № 171.
Рис. 213. Кластер № 172.
Рис. 214. Кластер № 173.
Рис. 215. Кластер № 174.
Рис. 216. Кластер № 175.
Рис. 217. Кластер № 176.
Рис. 218. Кластер № 177.
Рис. 219. Кластер № 178.
Рис. 220. Кластер № 179.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

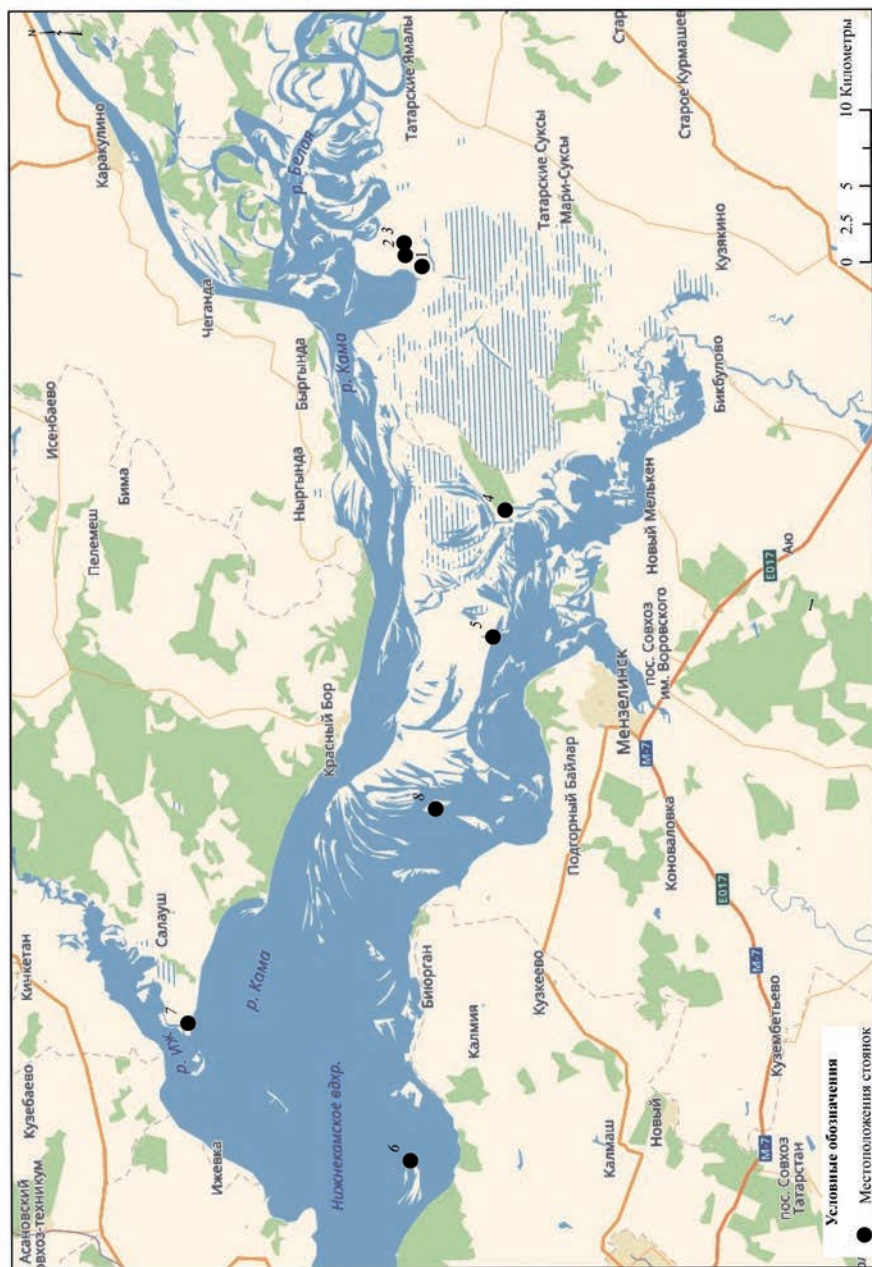


Рис. 1. Карта расположения поселенческих памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья.

- 1 – Татарско-Азбейская II стоянка; 2 – Русско-Азбейская I стоянка; 3 – Русско-Азбейская III стоянка;
 4 – Игмская I стоянка; 5 – стоянка Золотая Падь II; 6 – Дубовогриевская II стоянка; 7 – Рысовское III селище;
 8 – Каентубинская островная стоянка.

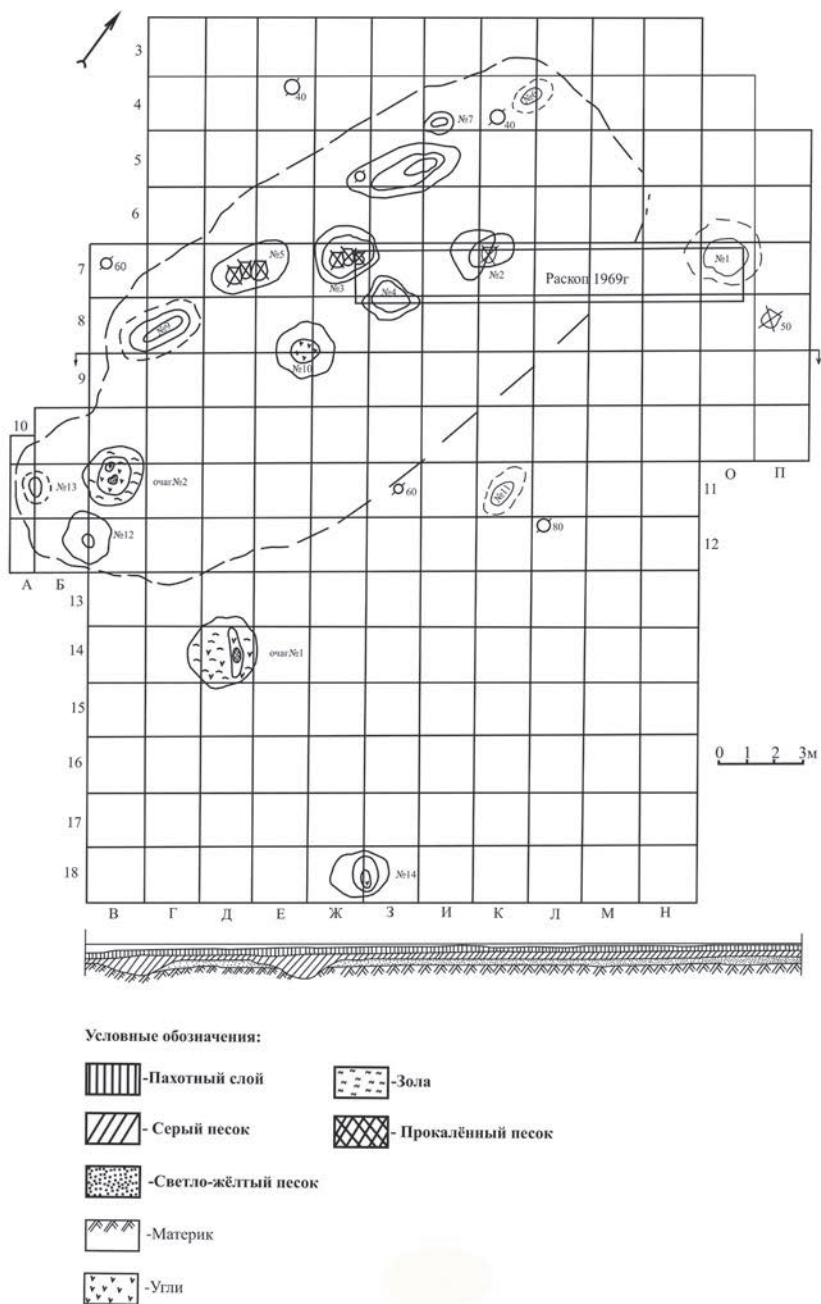


Рис.2 План раскопа и жилищ Русско-Азибейской стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 24).

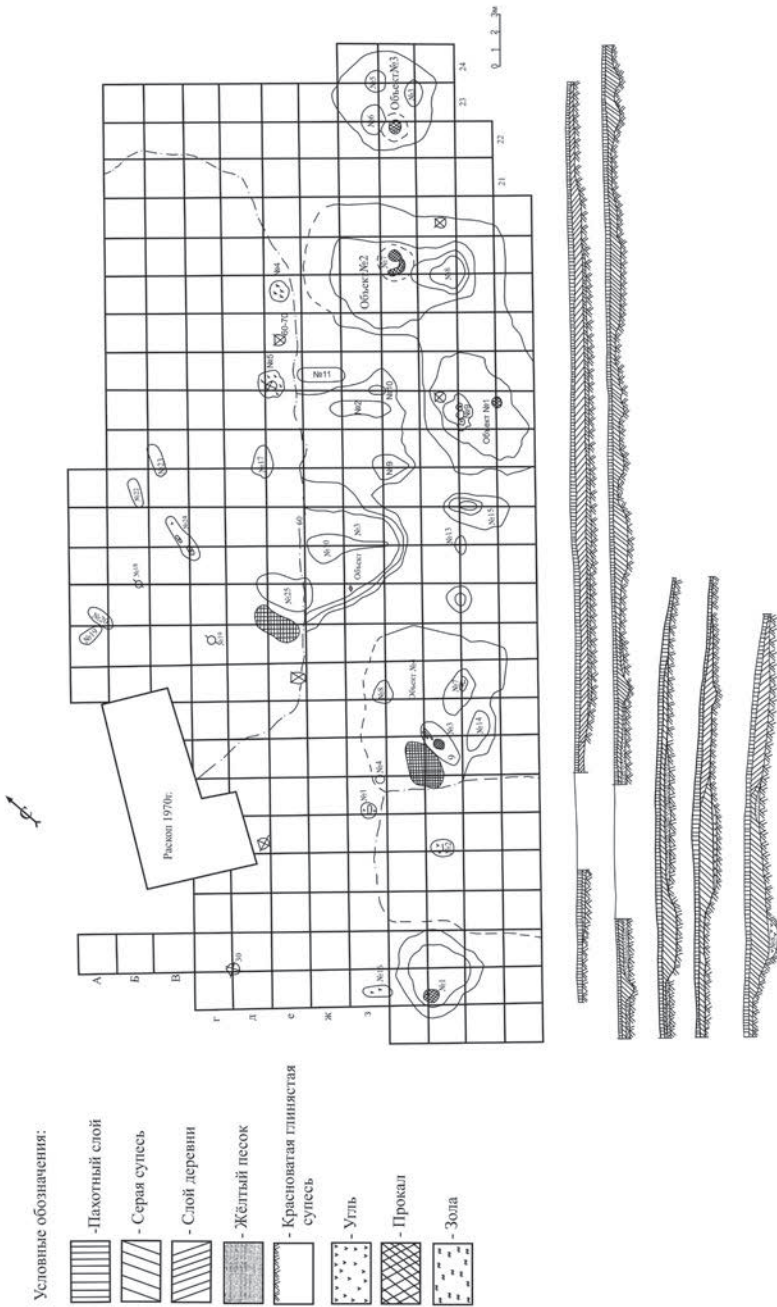
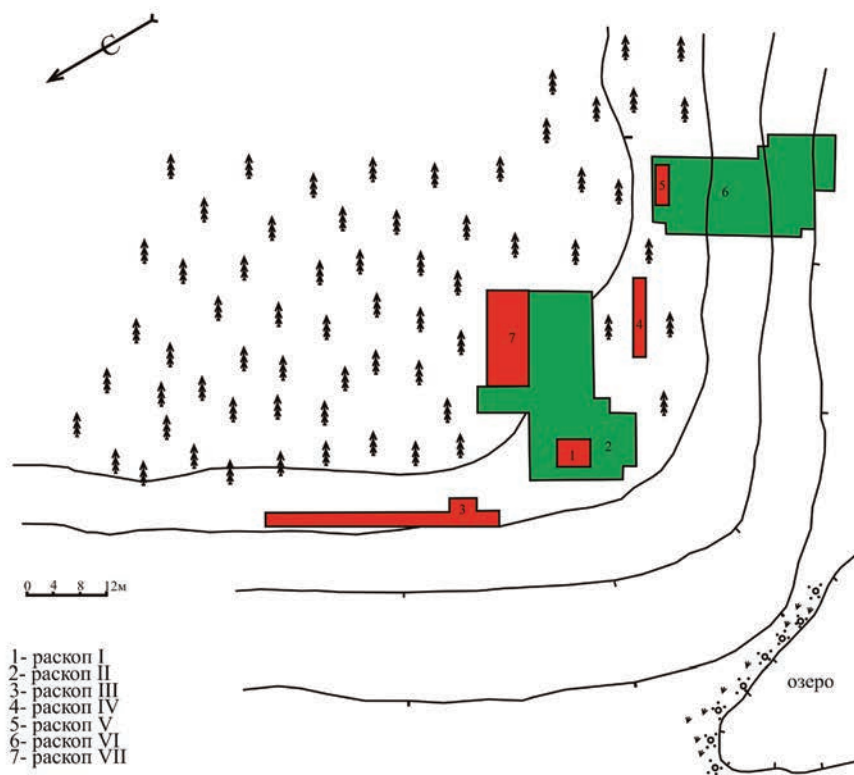


Рис.3. План раскопа и жилищ Татарско-Азбейской II стоянки (по: Р.С. Габяшев, 1978б, с. 42).

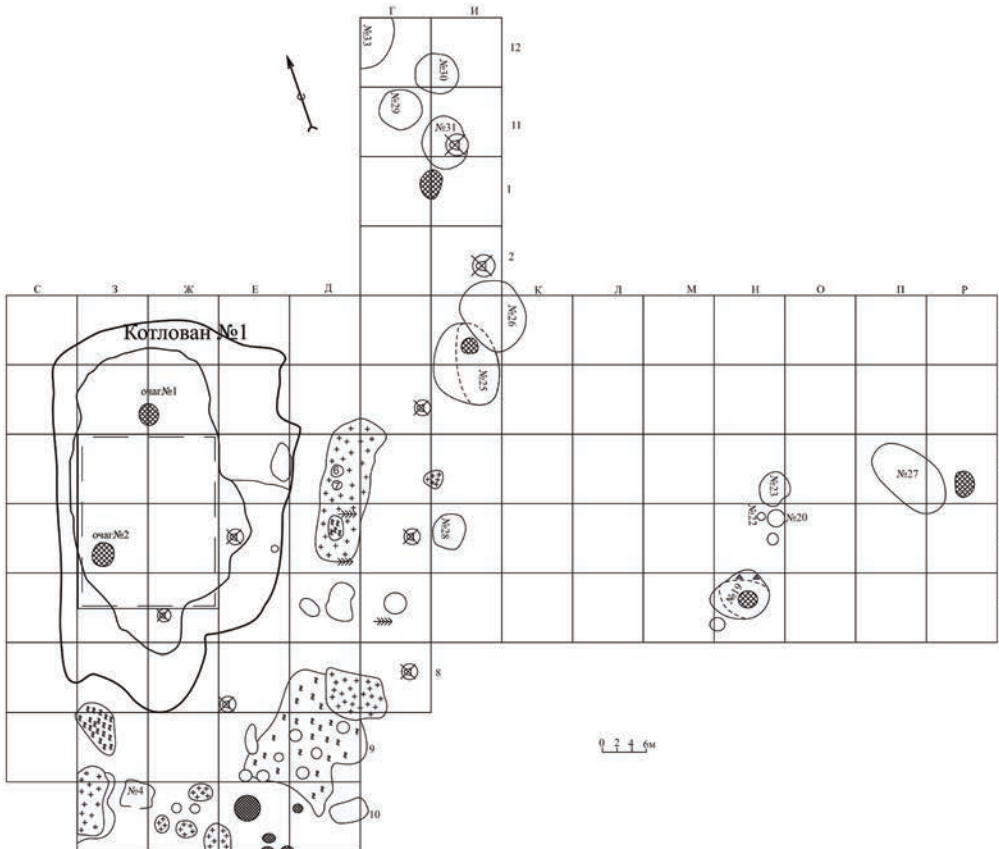


Горизонтالي через 1 метр

Условные обозначения:

-  -Деревья
-  -Раскопы
-  -Кустарник
-  -Дёрн
-  -Обнажения

Рис.4. Топографический план Игимской стоянки
(по: Р.С. Габяшев, П.Н.Старостин. Отчет, 1971).



Условные обозначения:

-  -Угли
-  -Золистые включения
-  -Прокал
-  -Деревья
-  -Развал сосуда

Рис. 5. План раскопа II и жилища Игимской стоянки (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин. Отчет, 1971).

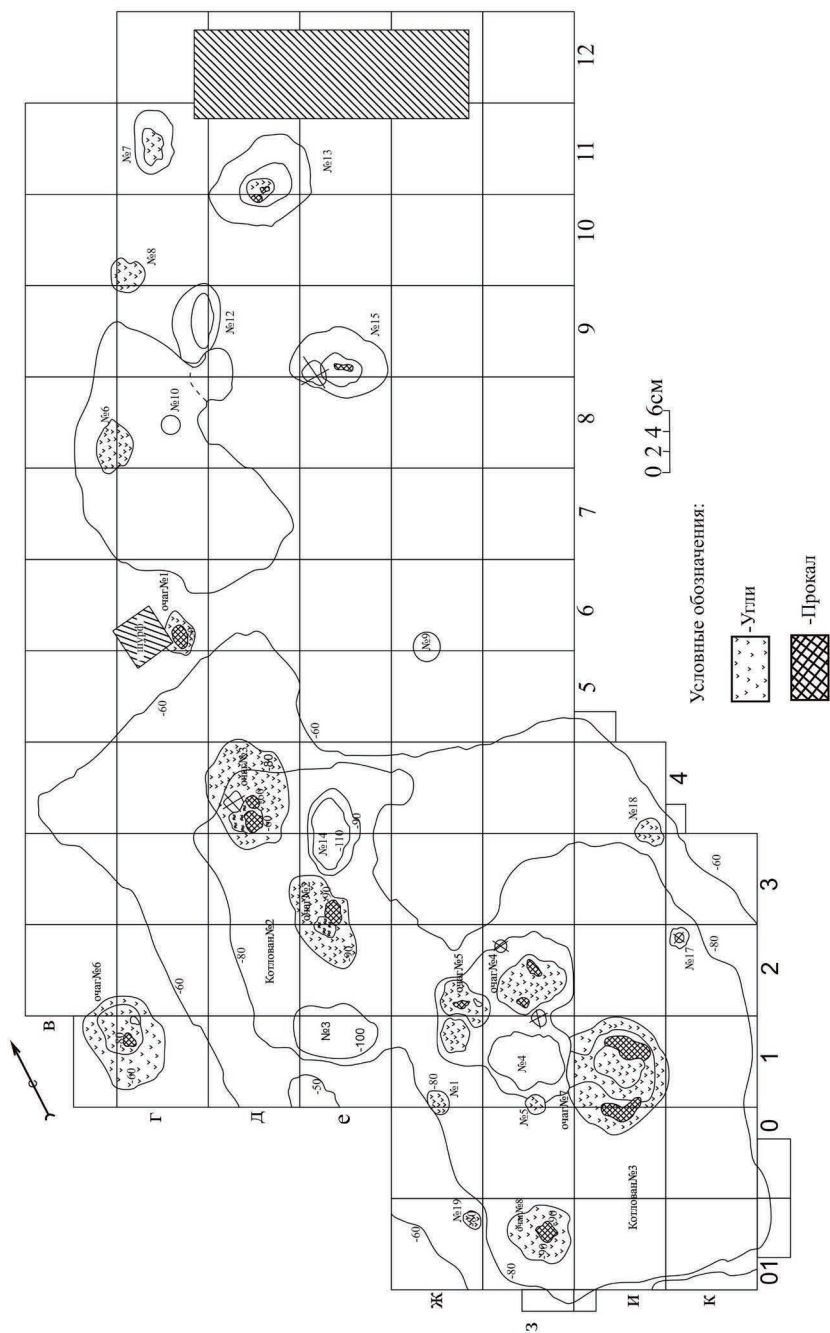
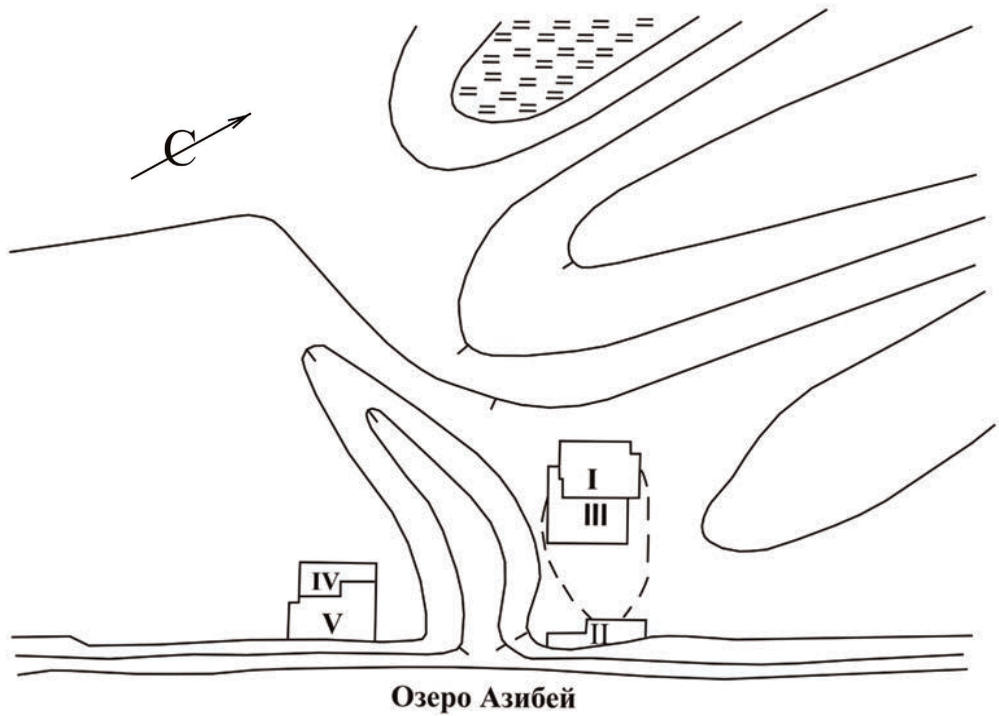



Рис. 6. План раскопа VI Игимской стоянки (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972а).



Условные обозначения:

 - Болото

 - Границы распространения
подъёмного материала

I-V-номера раскопов

**сечение горизонталей
через 1м**

0 10 20м

Рис.7. Топографический план Русско-Азибейской III стоянки
(по: Р.С. Габяшев, 1981, с. 11).

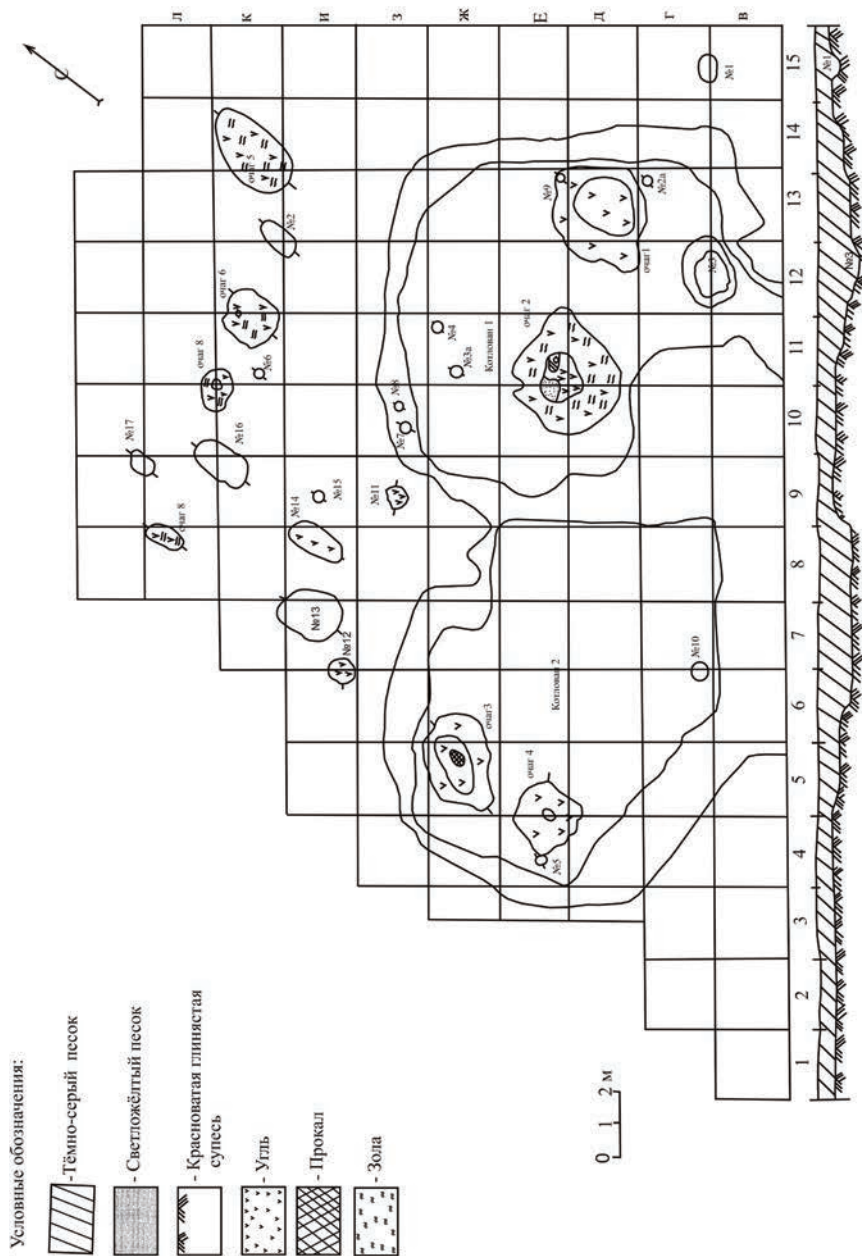


Рис.8. План раскопа и жилища Русско-Азиатской III стоянки (по: Р.С. Гаяшев, 1981, с. 12).

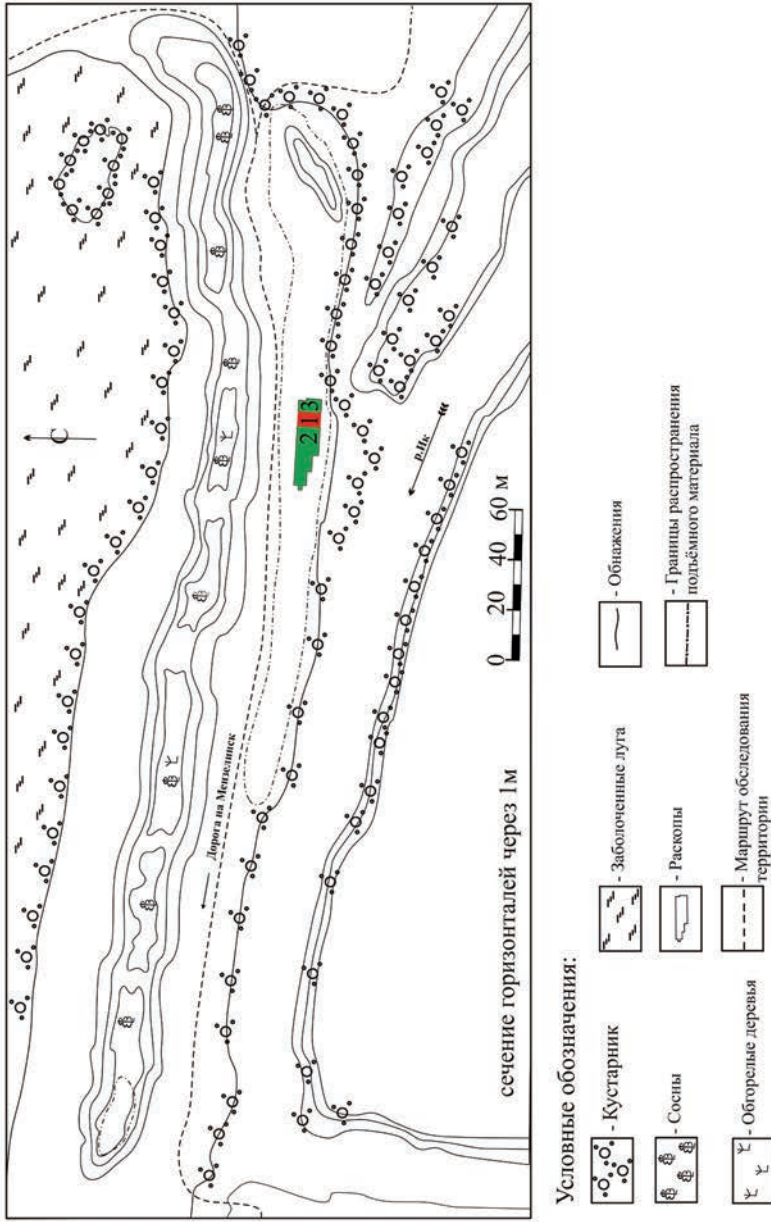


Рис. 9. Топографический план стоянки Золотая Падь II. (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972 б. рис. 26).

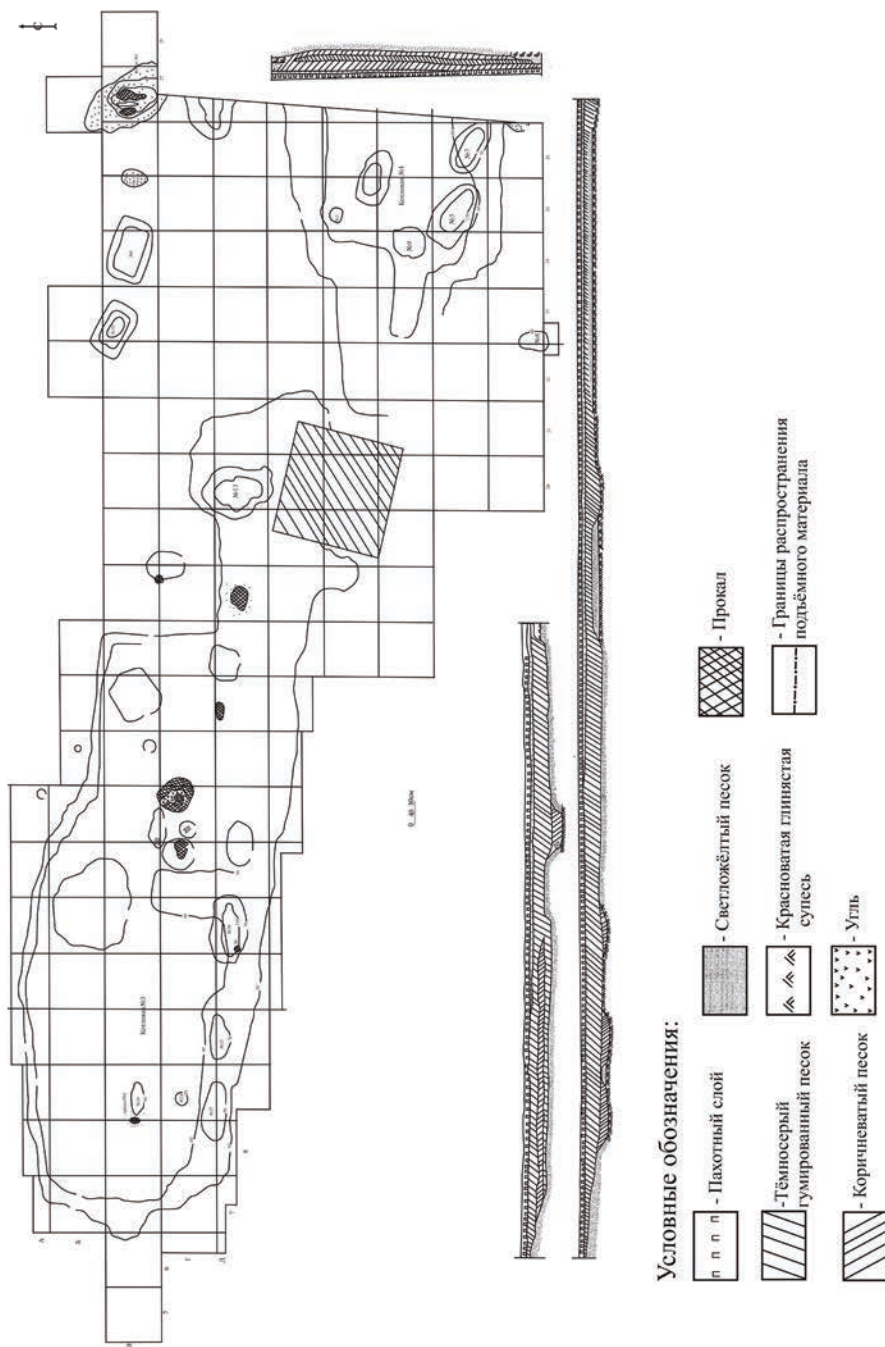


Рис. 10. План раскопа и жилища стоянки Золотая Падь II. (по: Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин, 1972б).

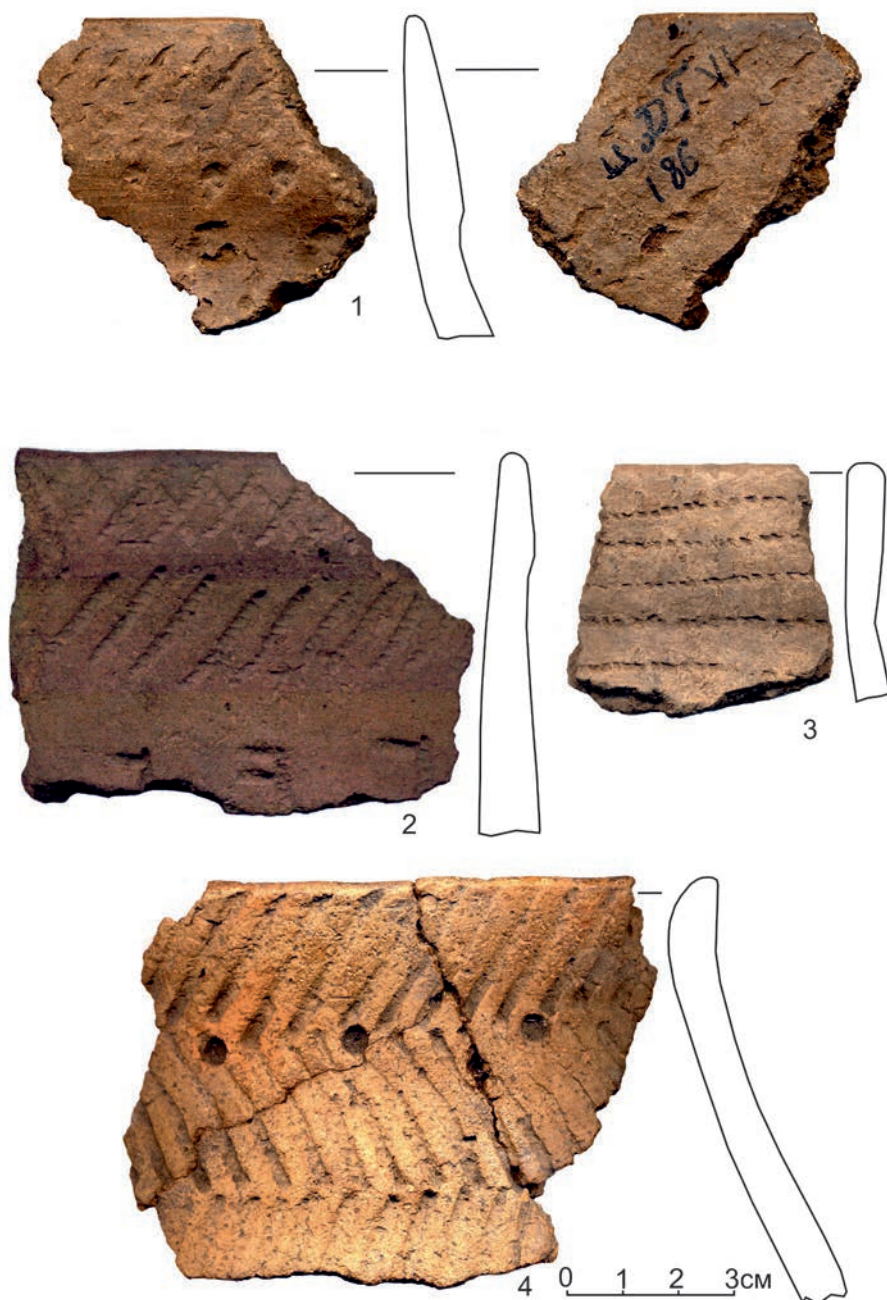


Рис. 11. Воротничковая керамика русско-азибейского типа Дубовогривской II стоянки.

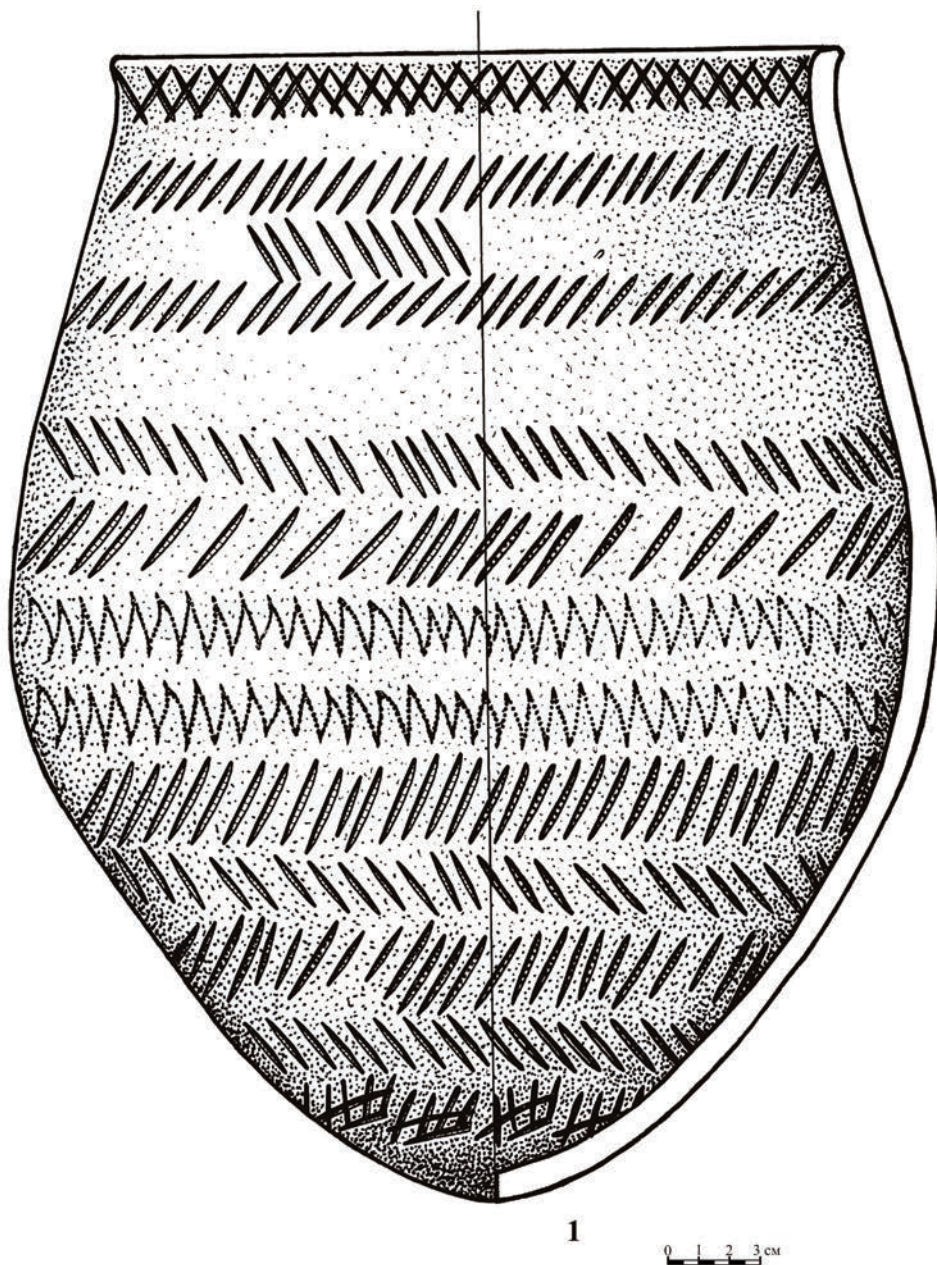


Рис. 12. Воротничковая керамика русско-азийского типа Дубовогривской II стоянки.

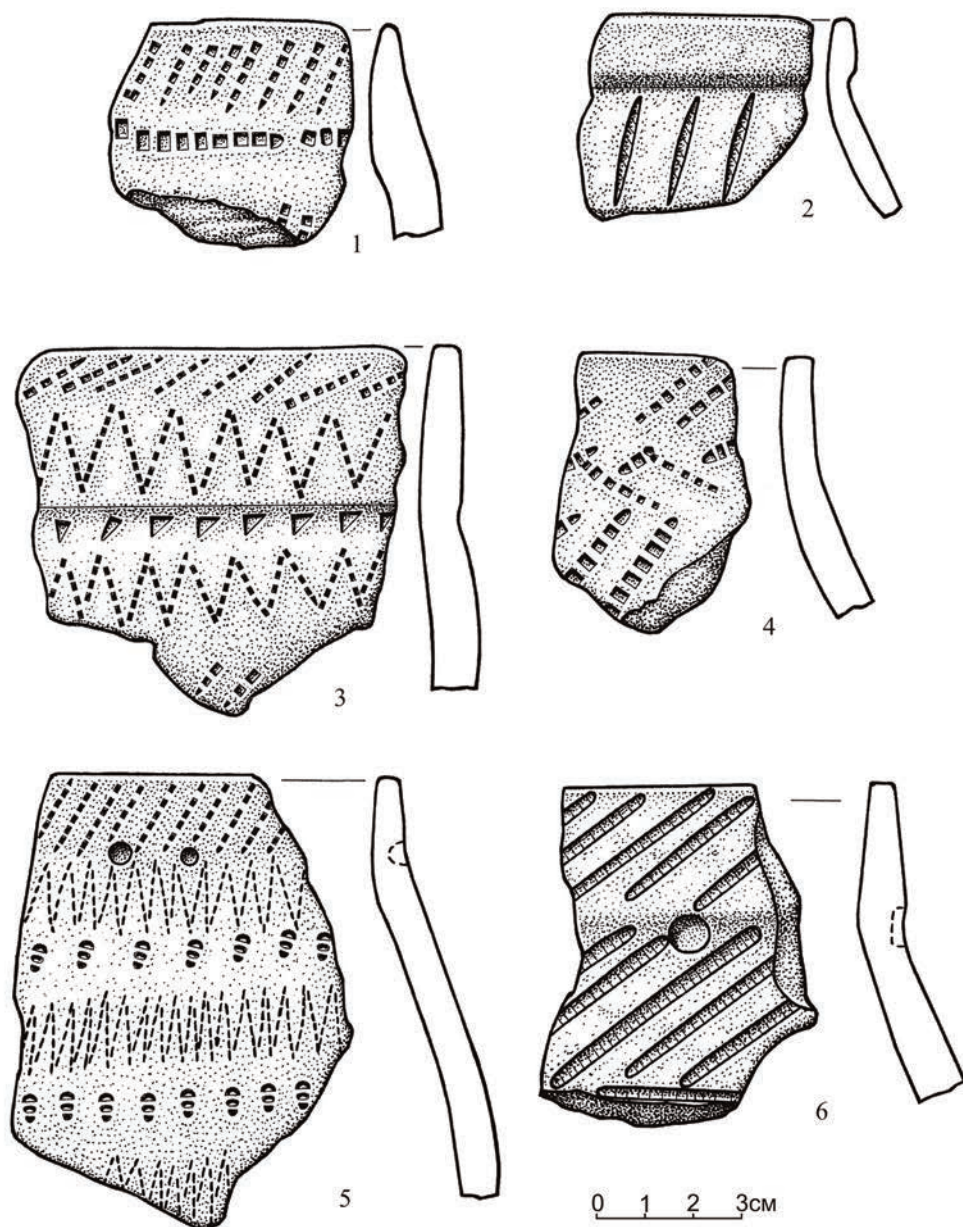


Рис. 13. Воротничковая керамика русско-азийского типа:
6 – Каентубинская островная стоянка; 1-5 – Игимская стоянка.

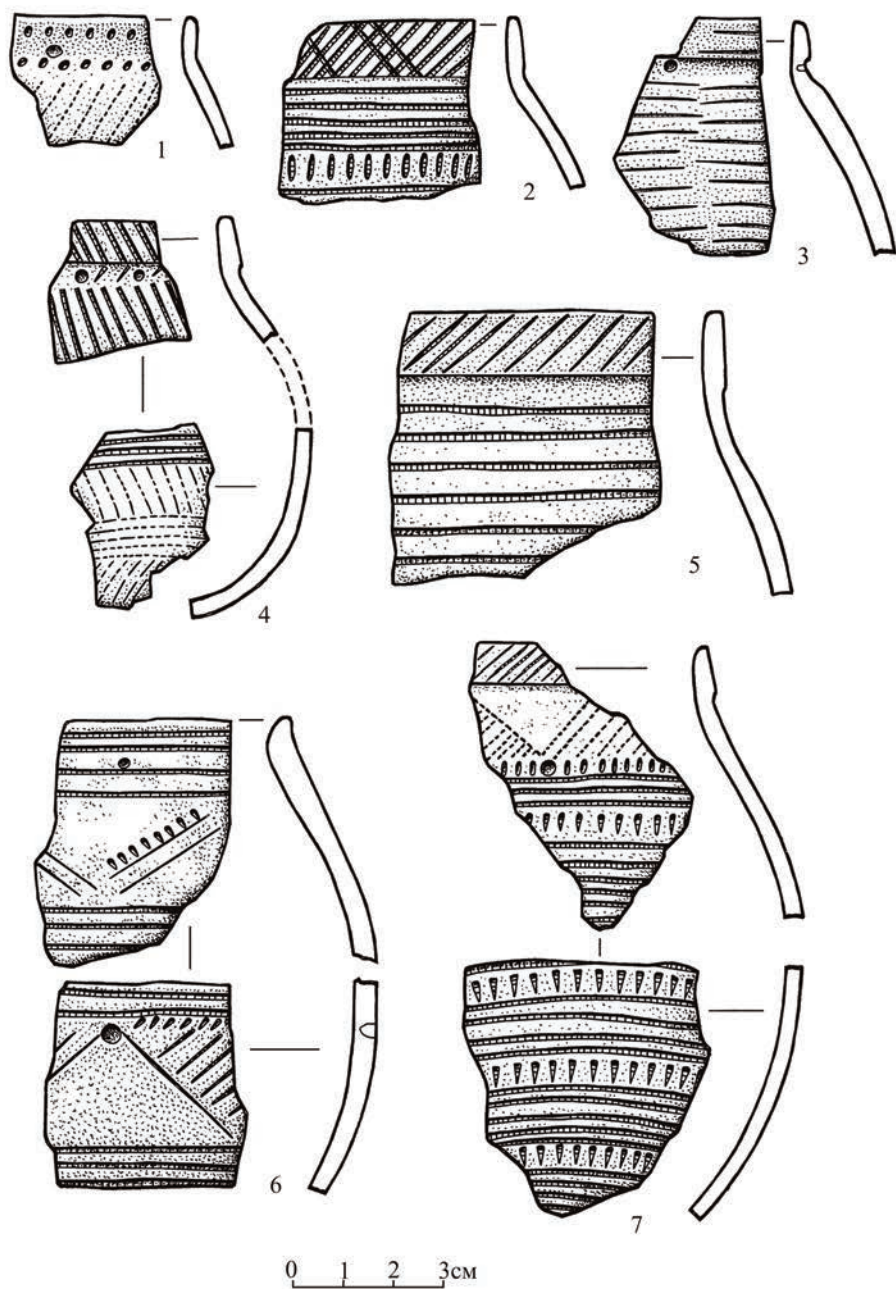


Рис. 14. Воротничковая керамика русско-азибейского типа стоянки Золотая Падь II.

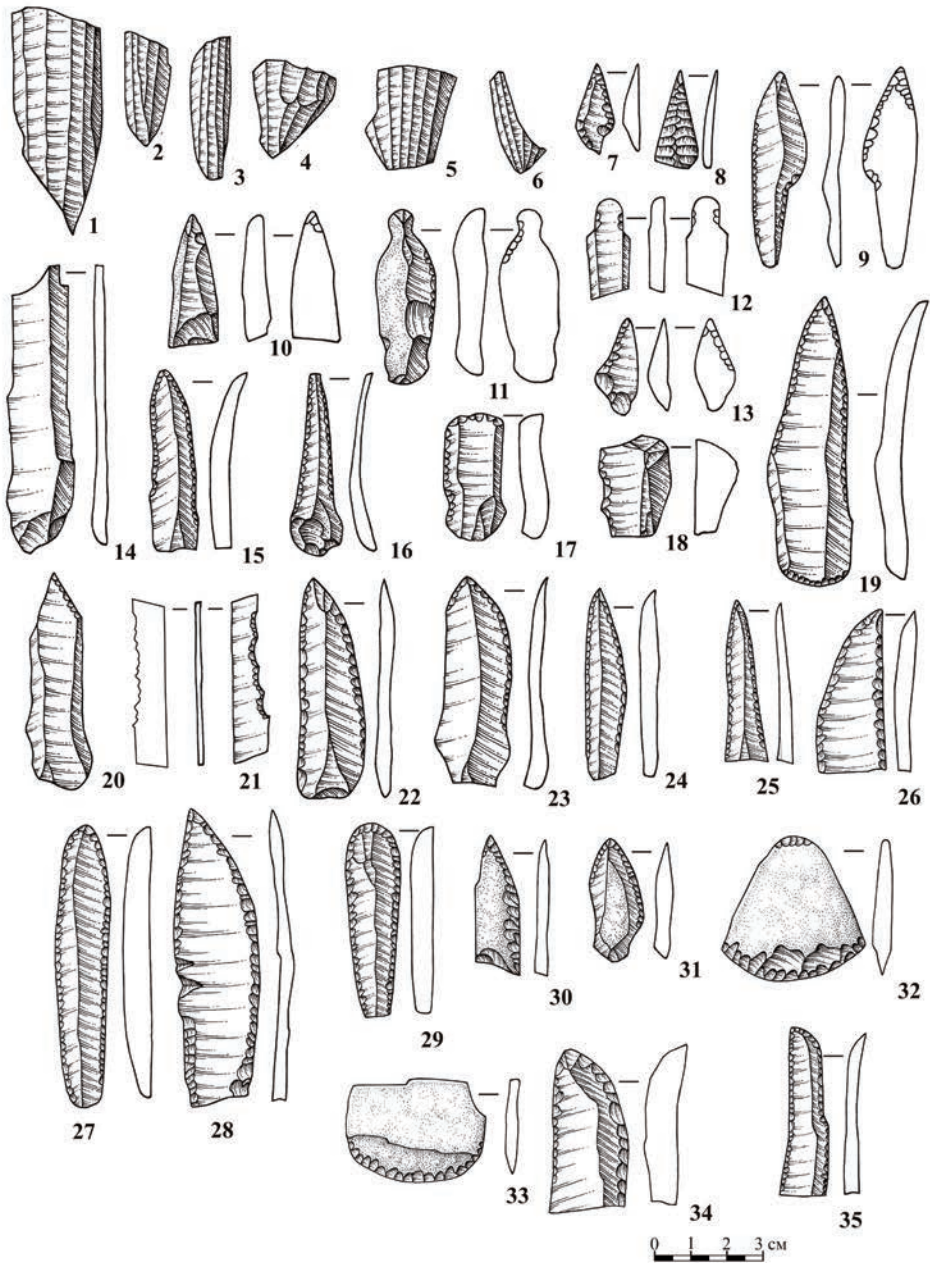


Рис. 15. Каменный инвентарь носителей керамики русско-азийского типа
(по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 36).

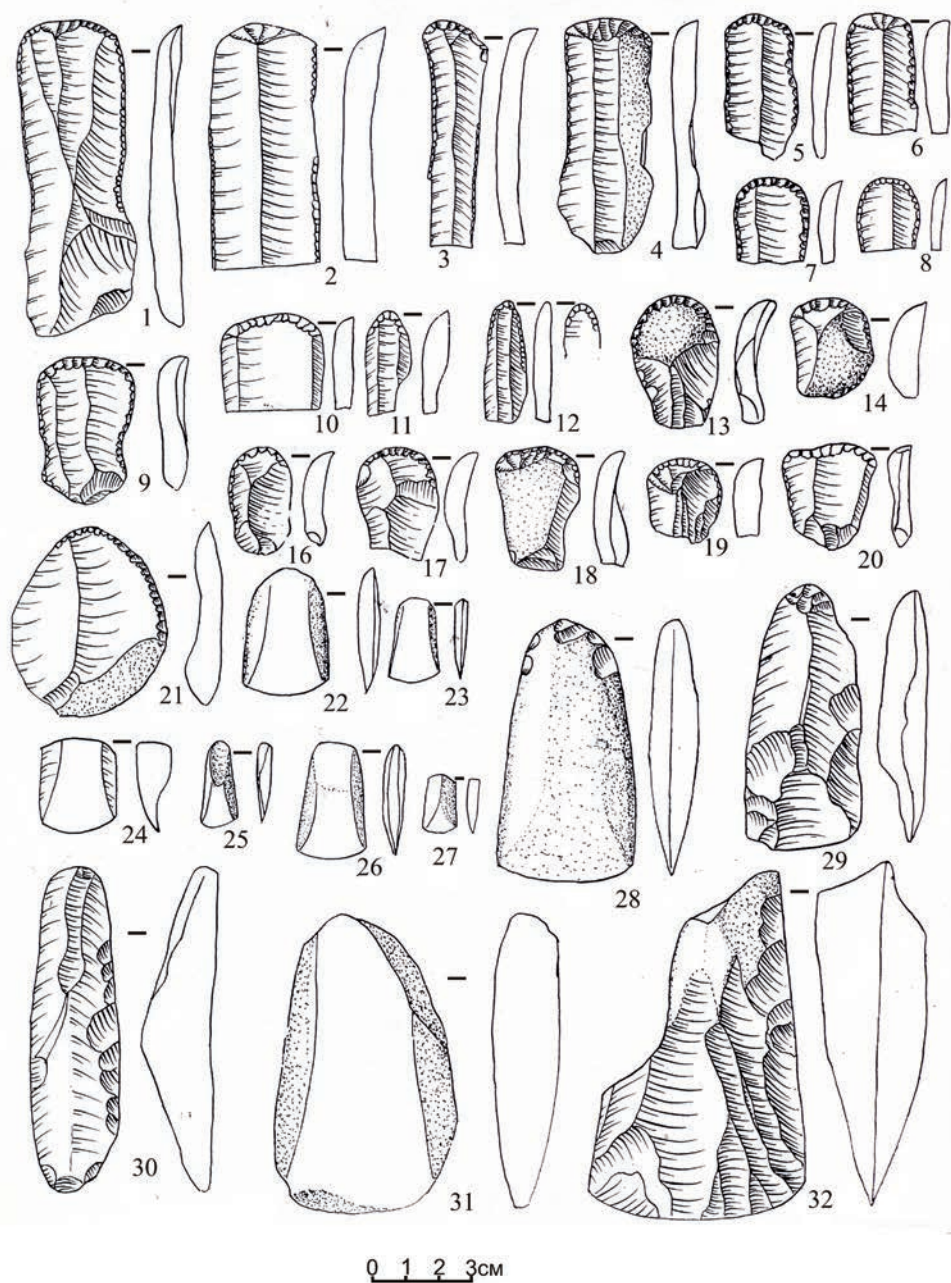


Рис. 16. Каменный инвентарь носителей керамики русско-азийского типа
(по: Р.С. Габяшев, 1978а, с. 38).

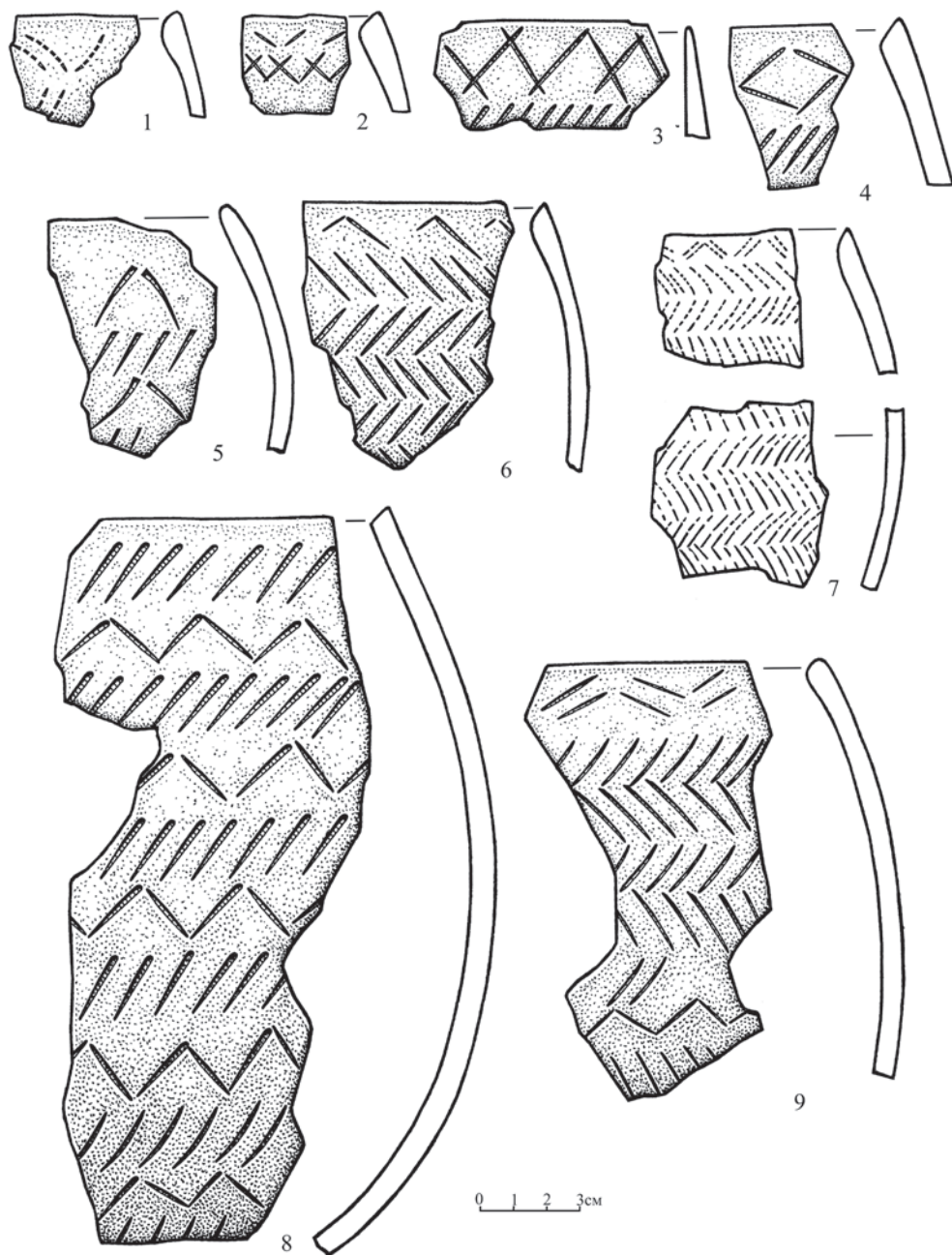


Рис. 17. Керамика новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (Татарско-Азибейская II стоянка) (по: Р.С. Габяшев, 1978б, с. 59).

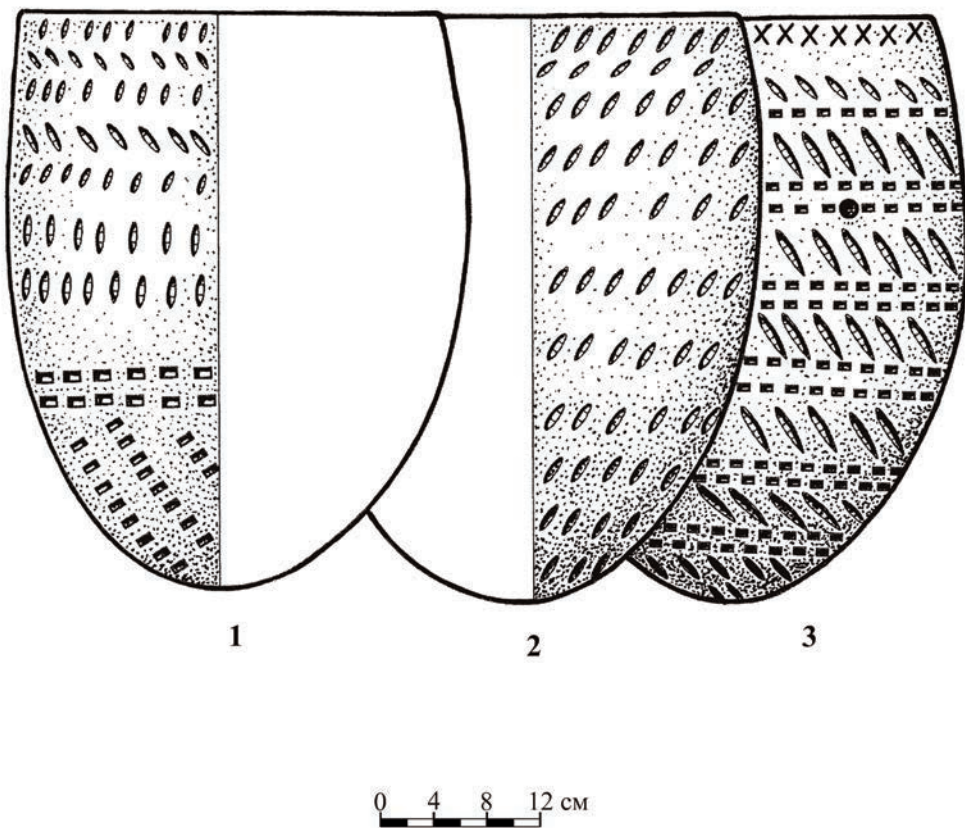


Рис. 18. Реконструкция сосудов («флажкового») новоильинского типа Икско-Бельского междуречья (по: Р.С. Габяшев, 1994, с. 37).

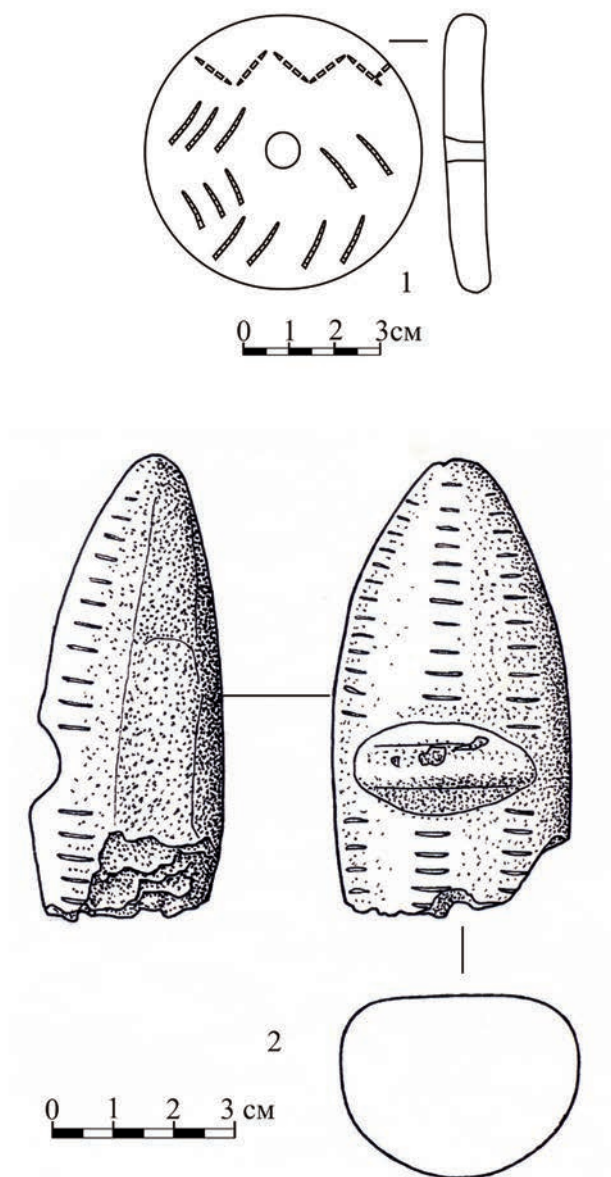


Рис. 19. Индивидуальные находки носителей керамики новоильинского типа в Иско-Бельском междуречье: 1 – напрясло; 2 – глиняный «утожок».

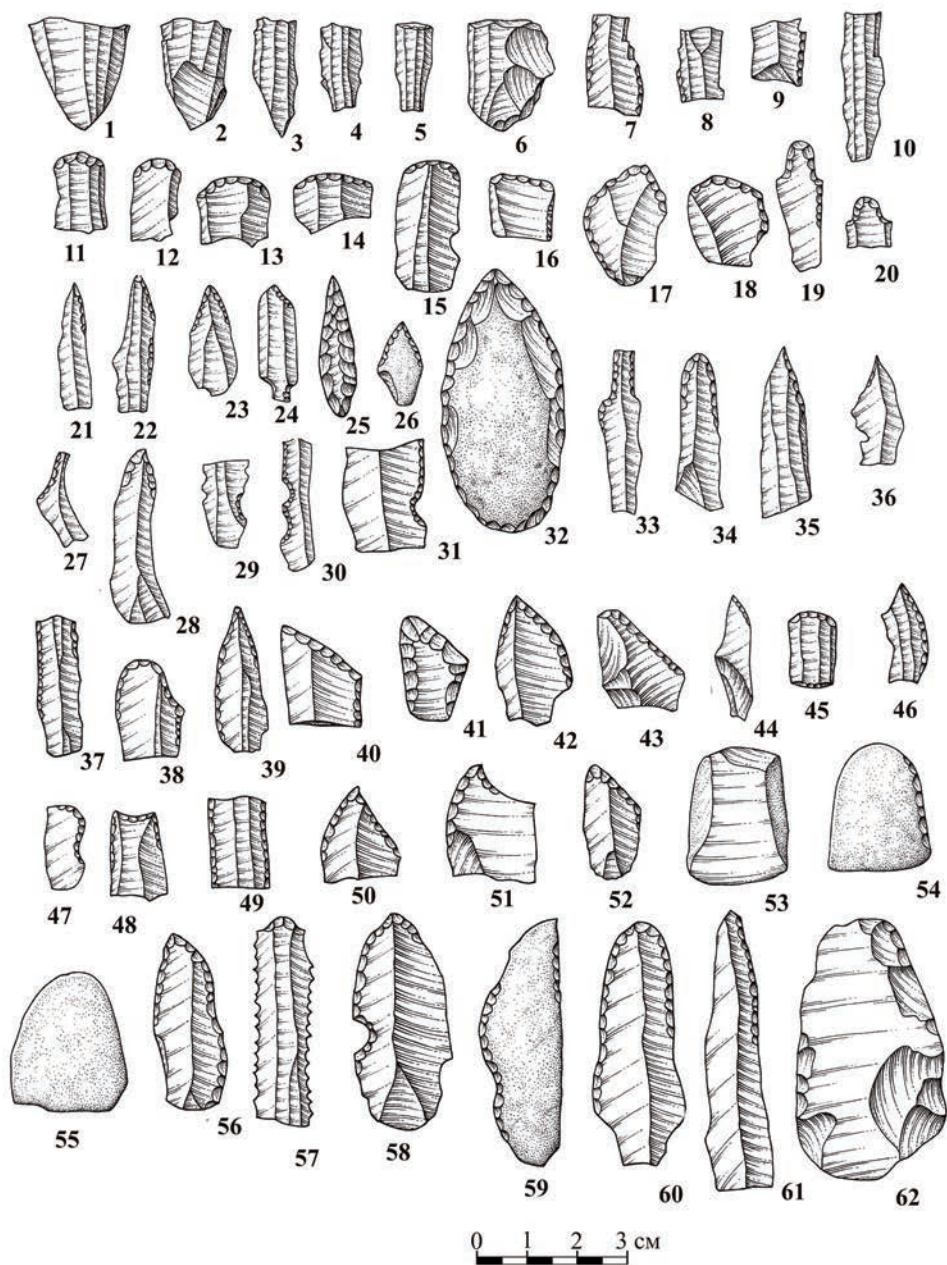


Рис. 20. Каменный инвентарь носителей керамики новоильинского типа в Икско-Бельском междуречье (по: Р.С. Габышев, 1978б, с. 64).

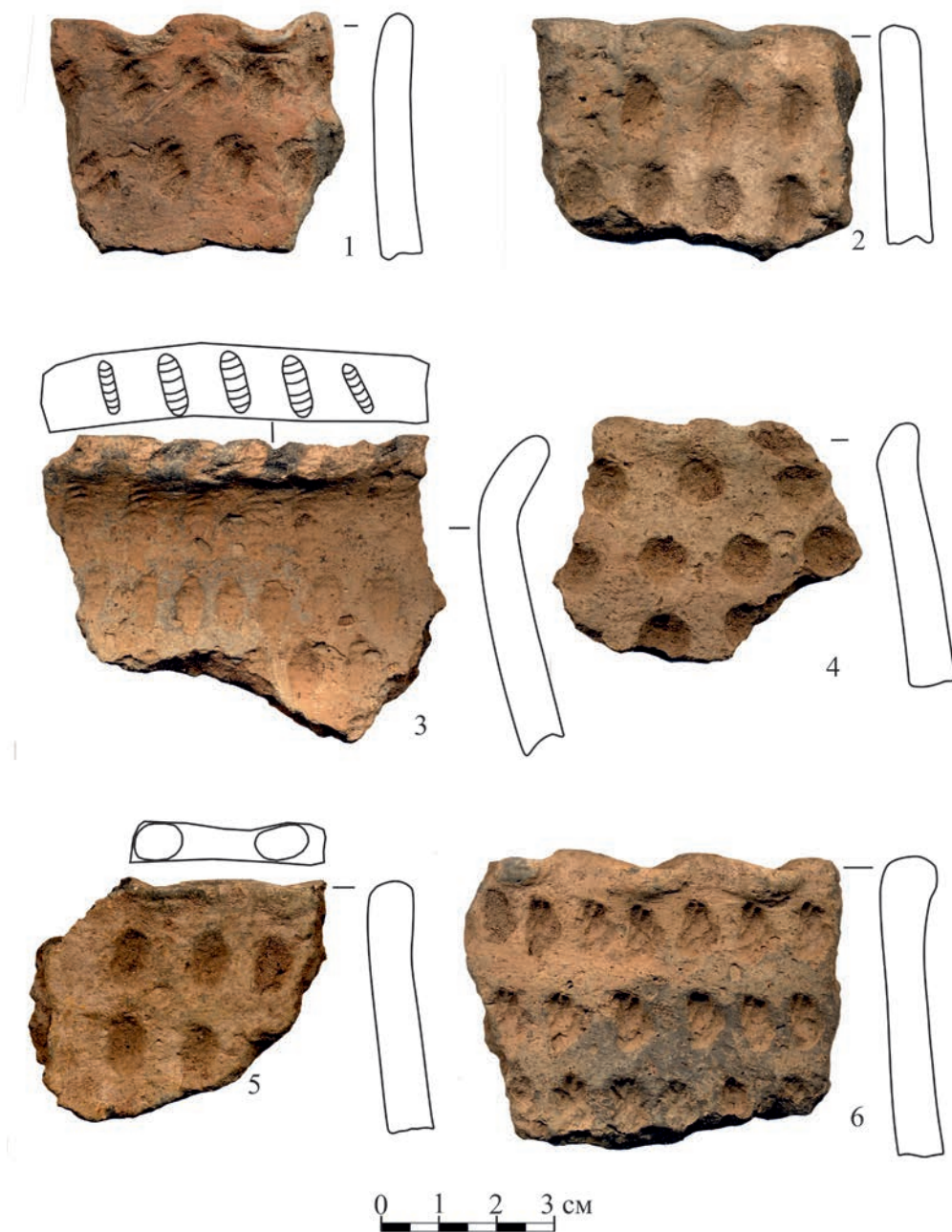


Рис. 21. Керамика волосово-гаринской общности Русско-Азибейской I стоянки.

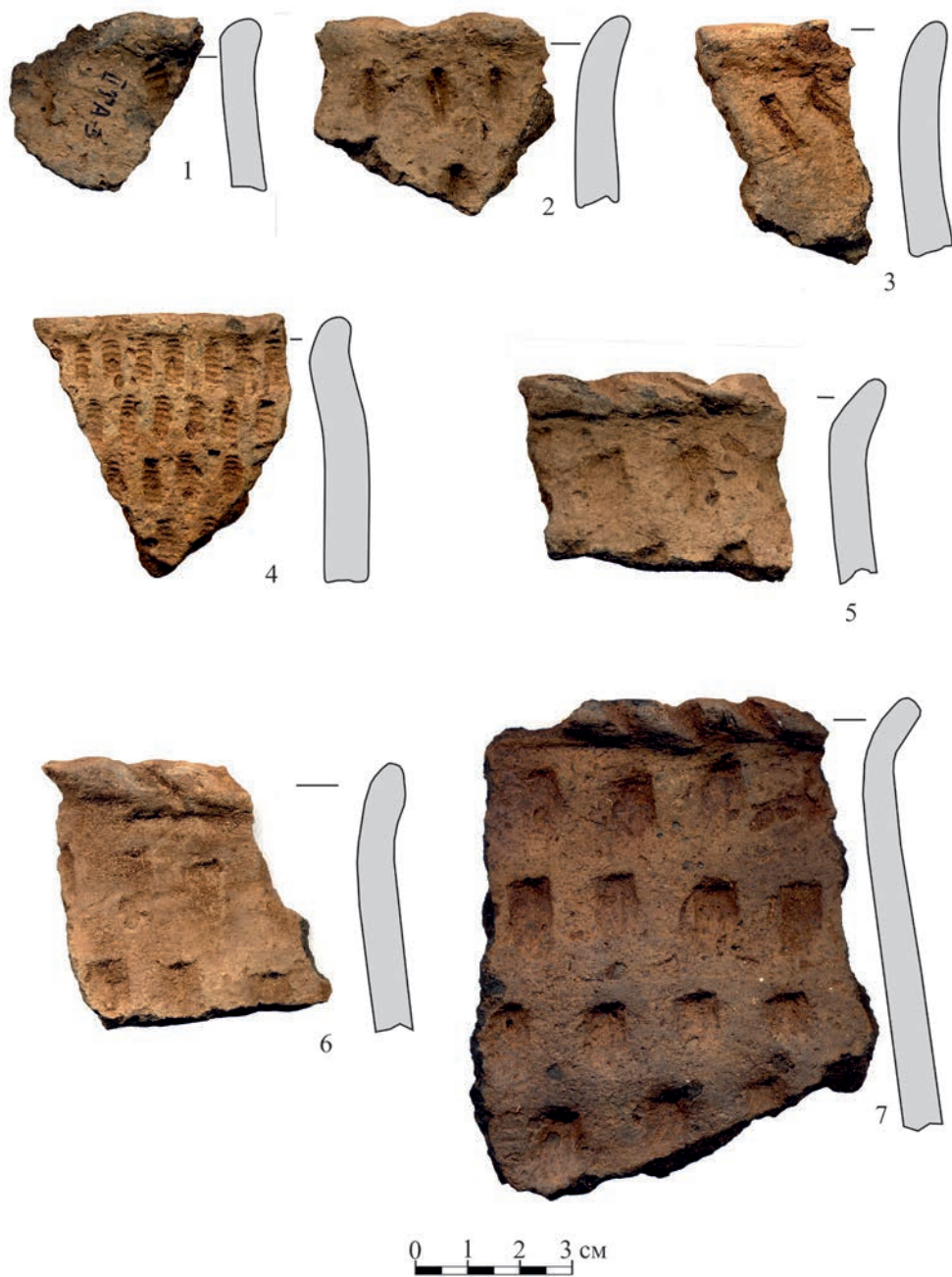


Рис. 22. Керамика волосово-гаринской общности Татарско-Азибейской II стоянки.

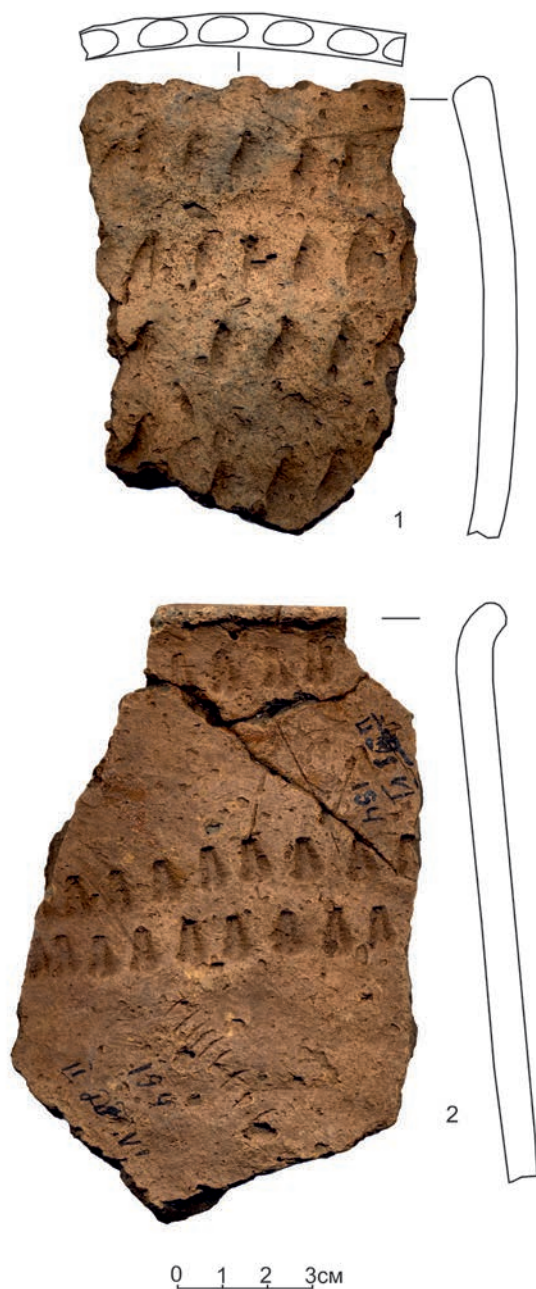


Рис. 23. Керамика волосово-гаринской общности Дубовогривской II стоянки.

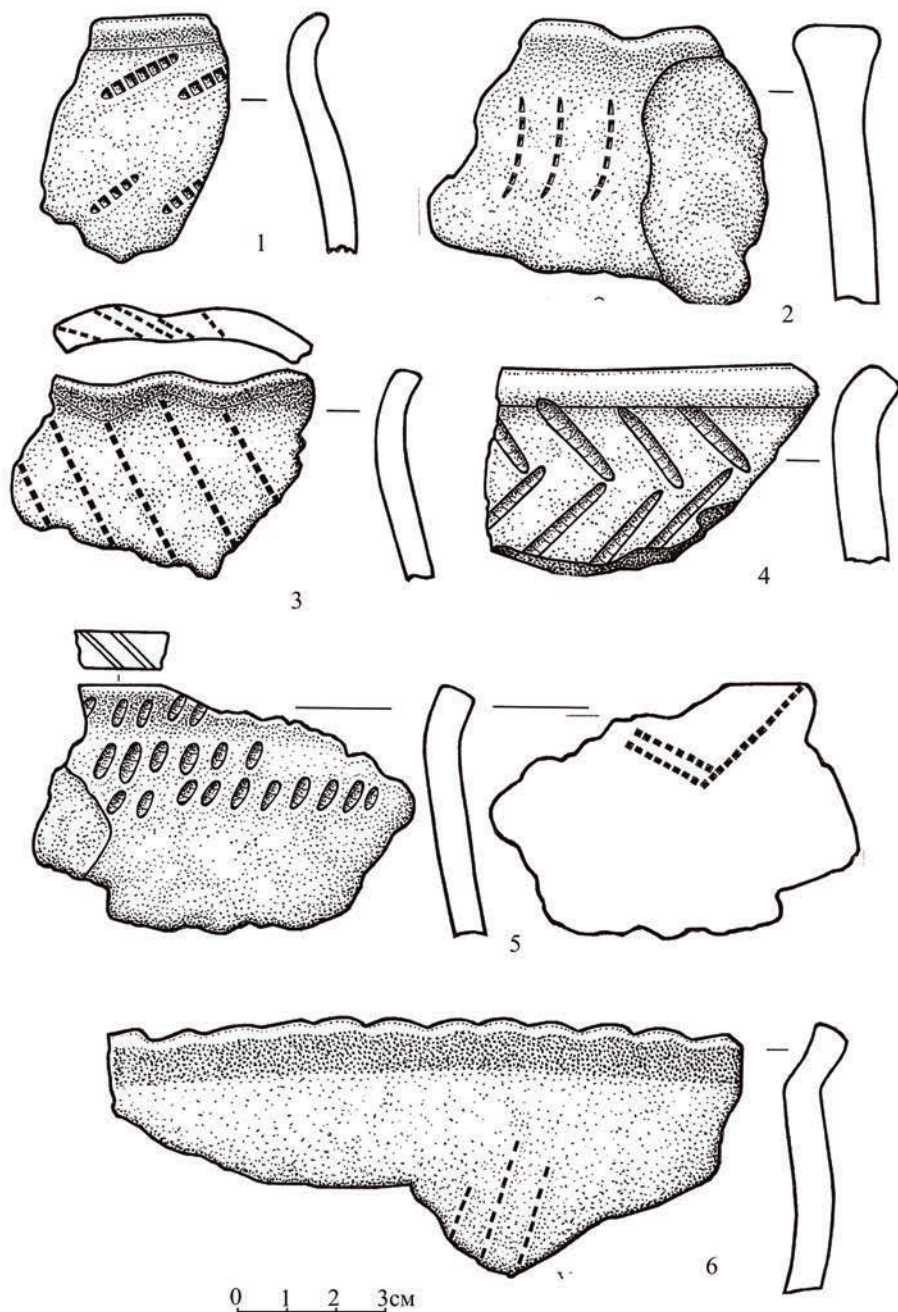


Рис. 24. Керамика волосово-гаринской общности Игимской стоянки.

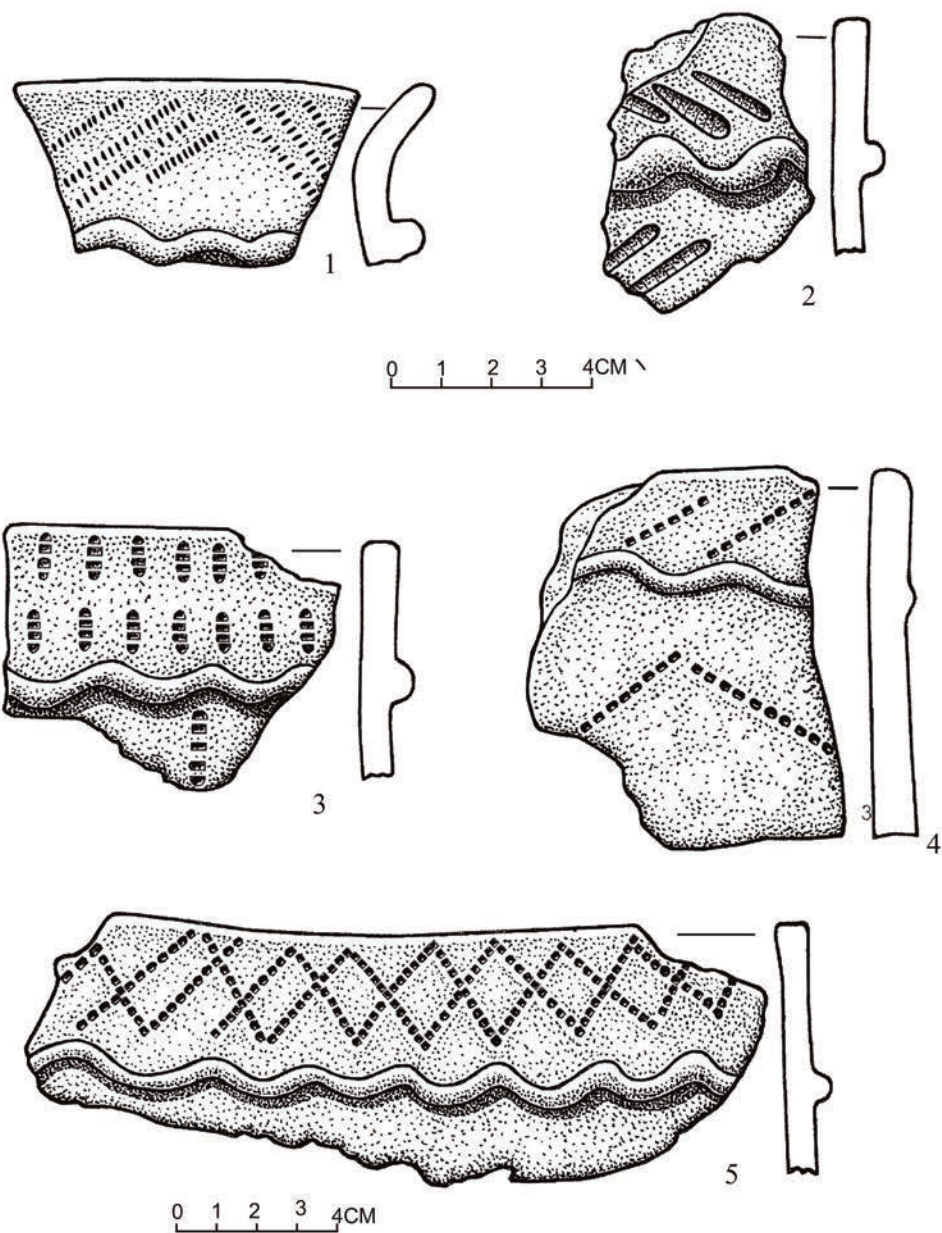


Рис. 25. Керамика гаринского типа Игимской стоянки.

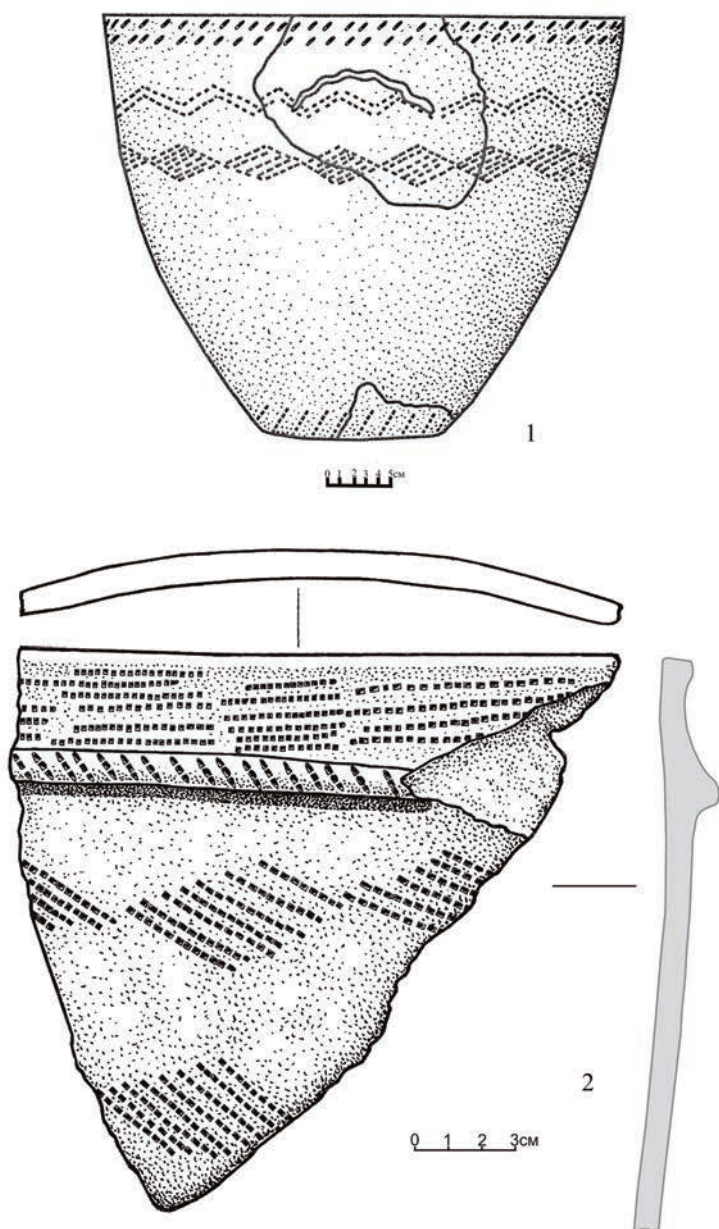


Рис. 26. Керамика гаринского типа Игимской стоянки.



Рис. 27. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности:
 нуклеусы (1-3) и топоры (4-5).
 1 – Русско-Азибейская III стоянка; 2-3, 5 – Татарско-Азибейская II стоянка;
 4 – Игимская стоянка.

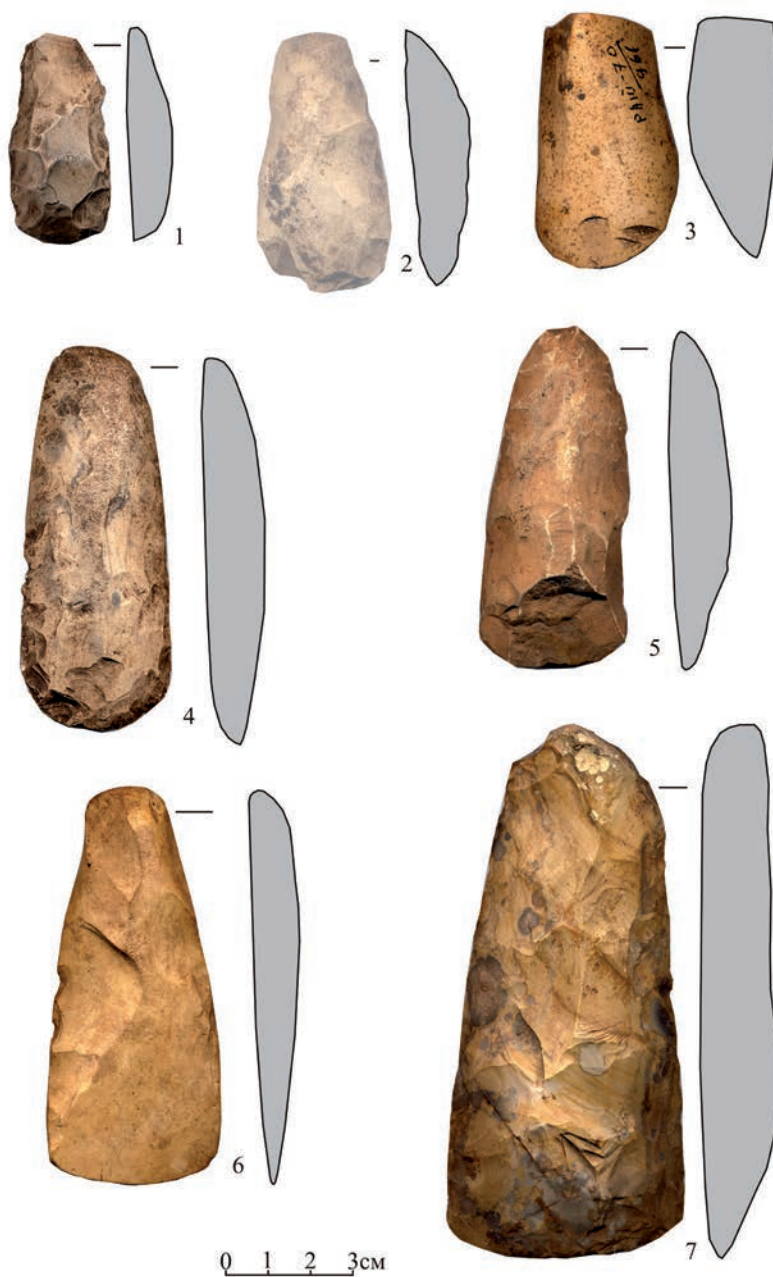


Рис. 28. Каменный инвентарь волосово-гаринской общины, тесла:
1, 3, 5, 6 – Дубовогривская II стоянка; 2, 4, 7 – стоянка Золотая Падь II.

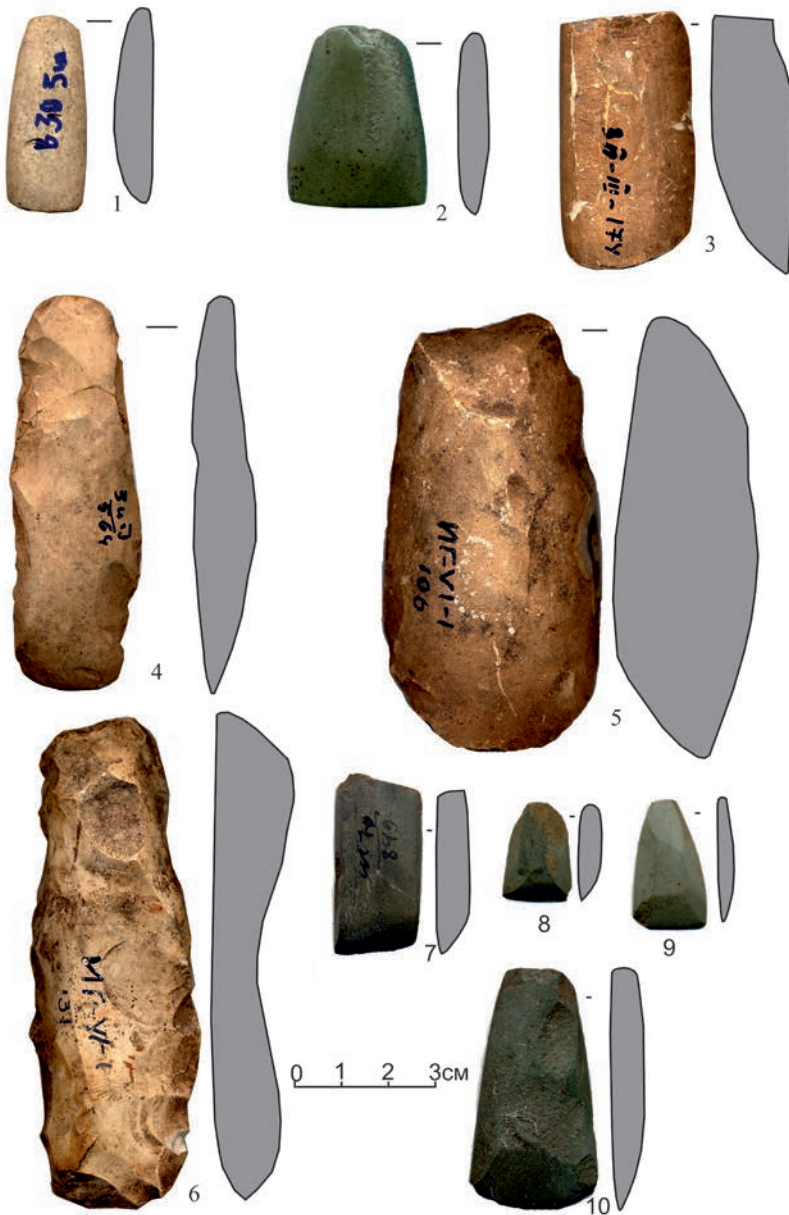


Рис. 29. Каменный инвентарь представителей волосово-гаринской общности:
 тесла (8-10) и долота (1-7).

1, 3, 6 – стоянка Золотая Падь II; 2, 5, 7 – Игимская стоянка;
 8-10 – Русско-Азибейская III стоянка.

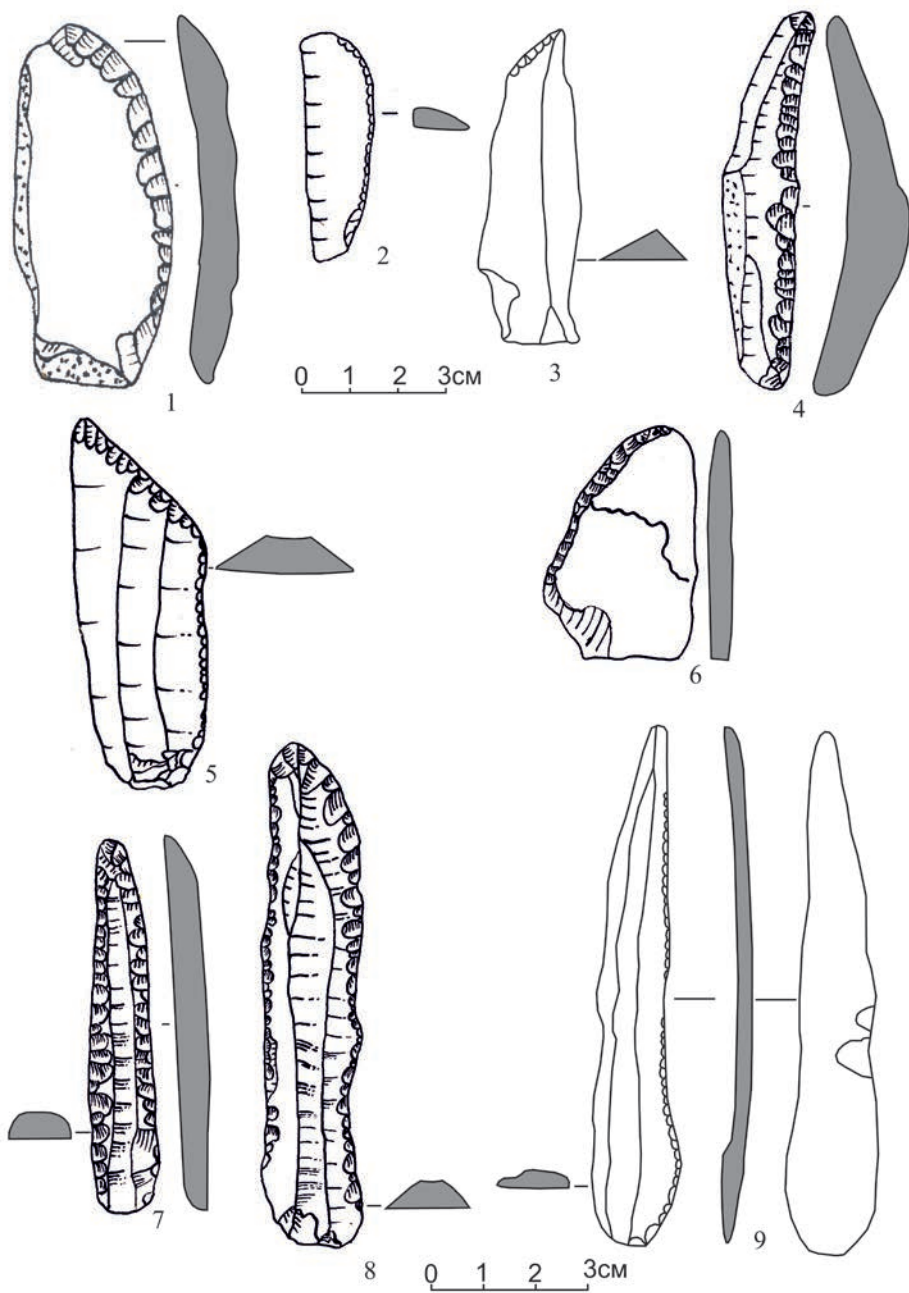


Рис. 30. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: ножи (Игимская стоянка).

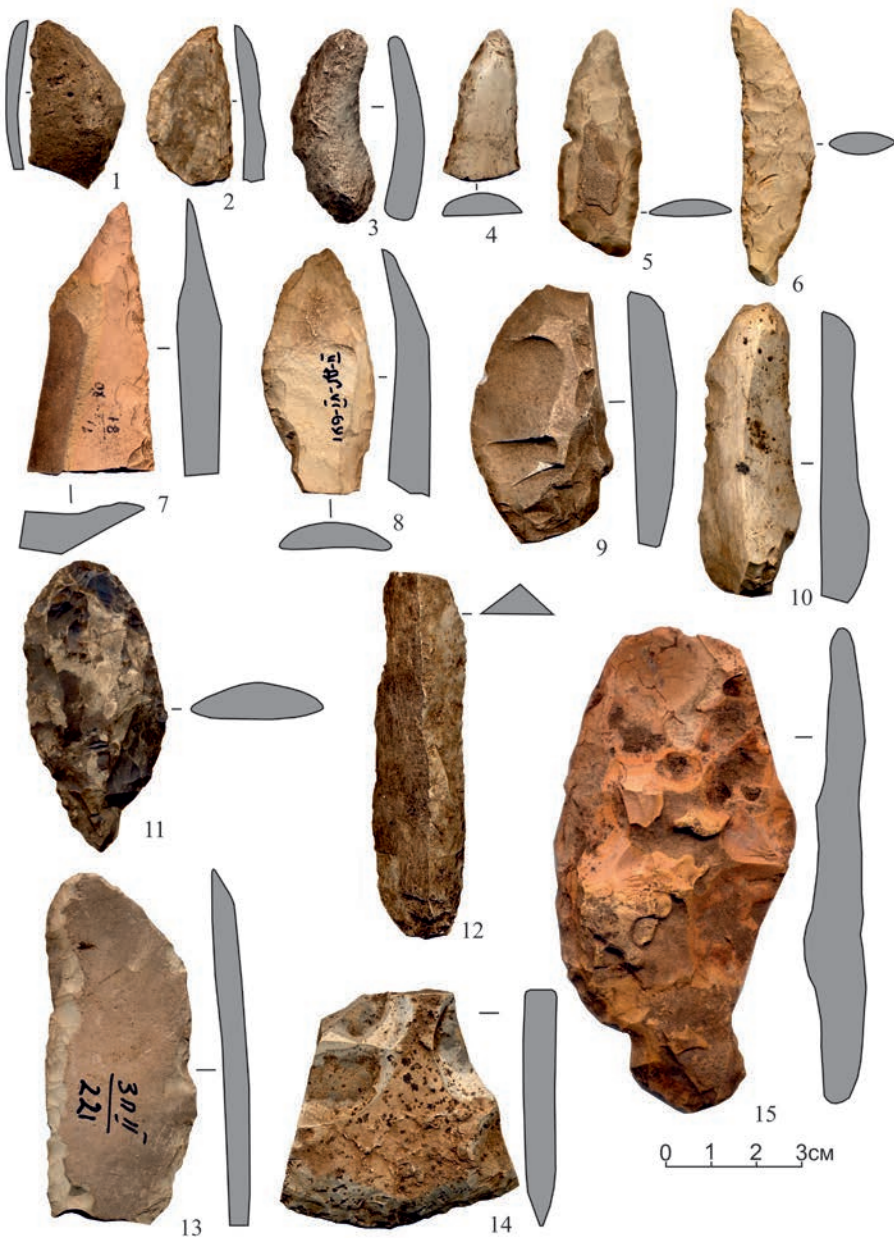


Рис. 31. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности: ножи.
 1-4, 7, 9-12, 14, 15 – Игимская стоянка; 6 – Русско-Азибейская III стоянка;
 8 – Дубовогривская II стоянка; 13 – стоянка Золотая Падь II.

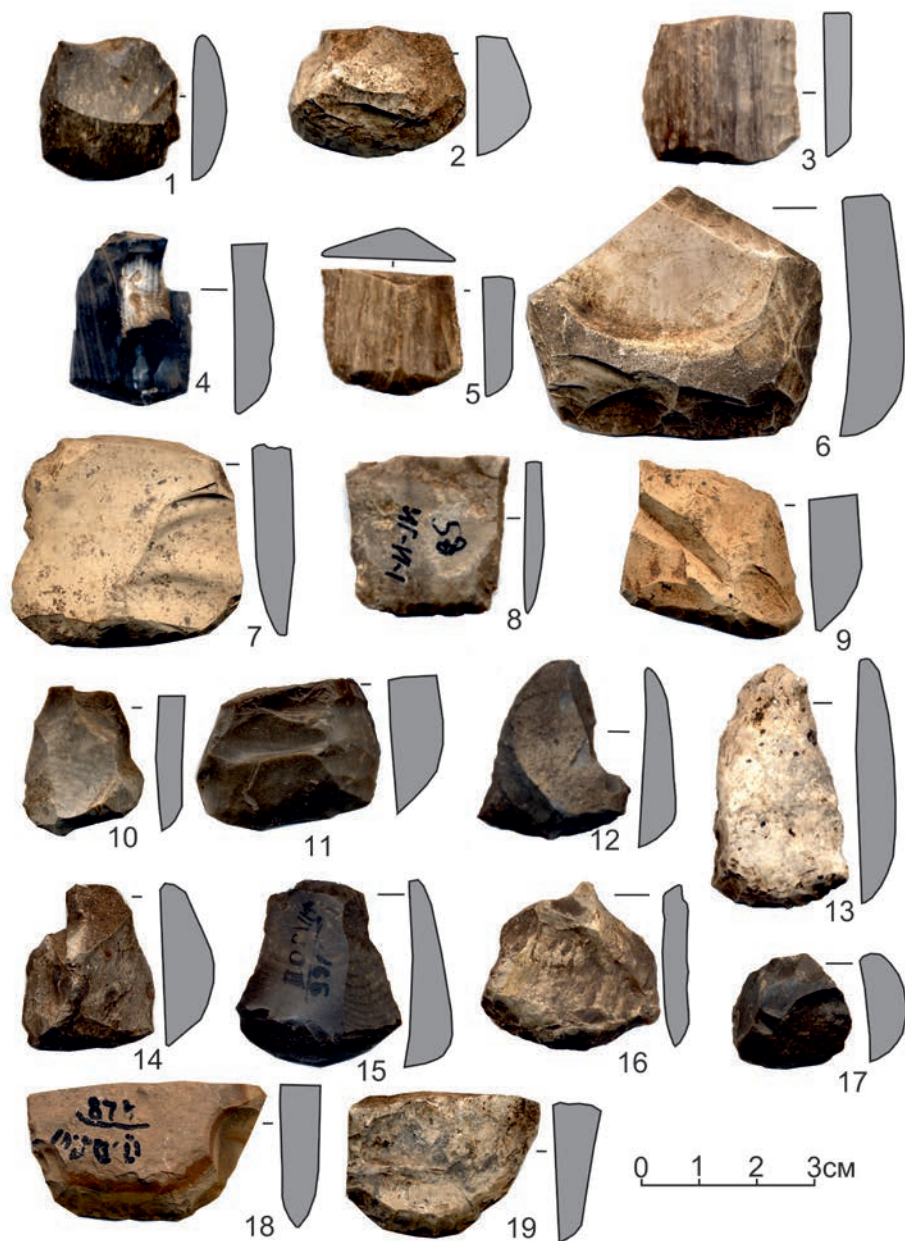


Рис. 32. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, скребки:
 1-9 – Игимская стоянка; 10-13 – стоянка Золотая Падь II;
 14-19 – Дубовогривская II стоянка.

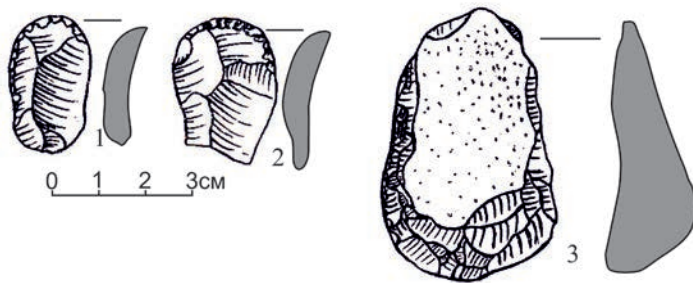


Рис. 33. Каменный инвентарь волово-гаринской общности, скребки (Игимская стоянка).

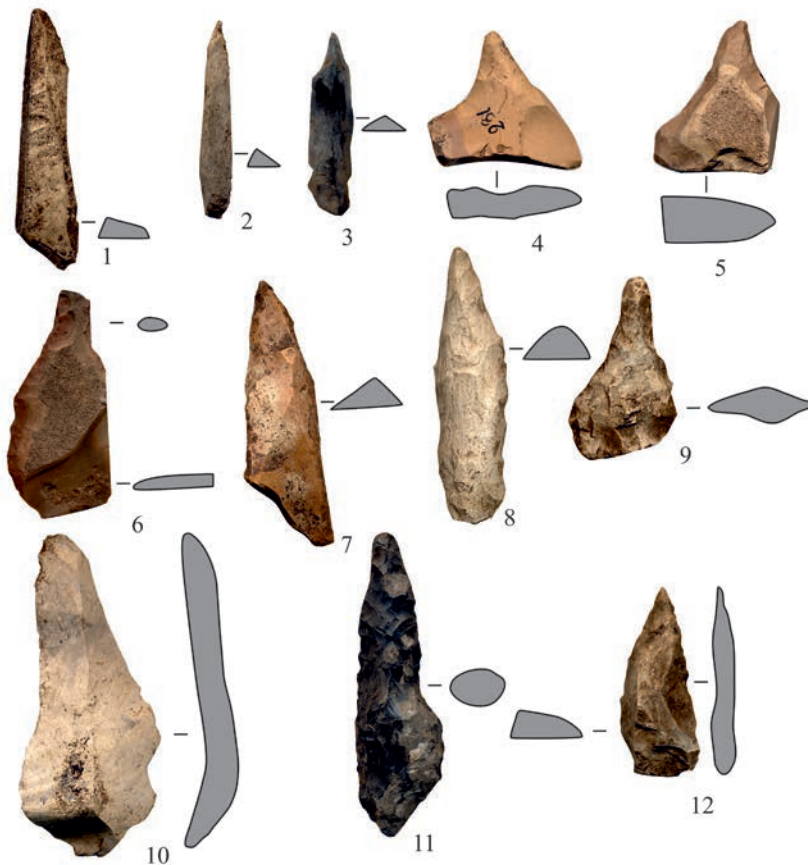


Рис. 34. Каменный инвентарь волово-гаринской общности:

2, 3, 12 – проколки; 1, 4-11 – сверла.

4-8 – Дубовогривская II стоянка; 2, 11 – стоянка Золотая Падь II; 3, 9, 12 – Русско-Азиевская III стоянка.

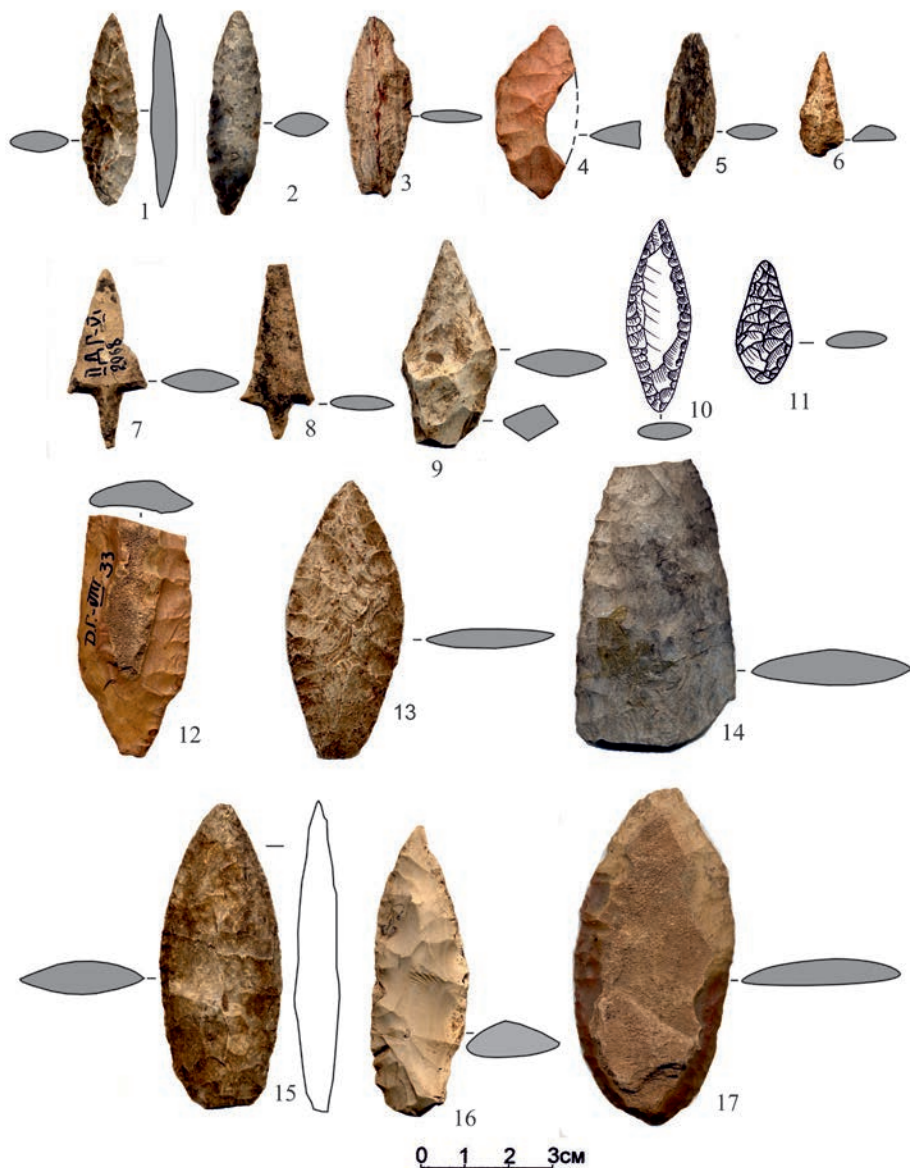


Рис. 35. Каменный инвентарь волово-гаринской общности:
наконечники стрел и дротиков:

1, 15 – Каентубинская островная стоянка; 2, 3, 14, 17 – стоянка Золотая Падь II;
5 – Татарско-Азибейская II стоянка; 6-8, 12, 16 – Дубовогривская II стоянка;
9-11, 13 – Игимская стоянка.

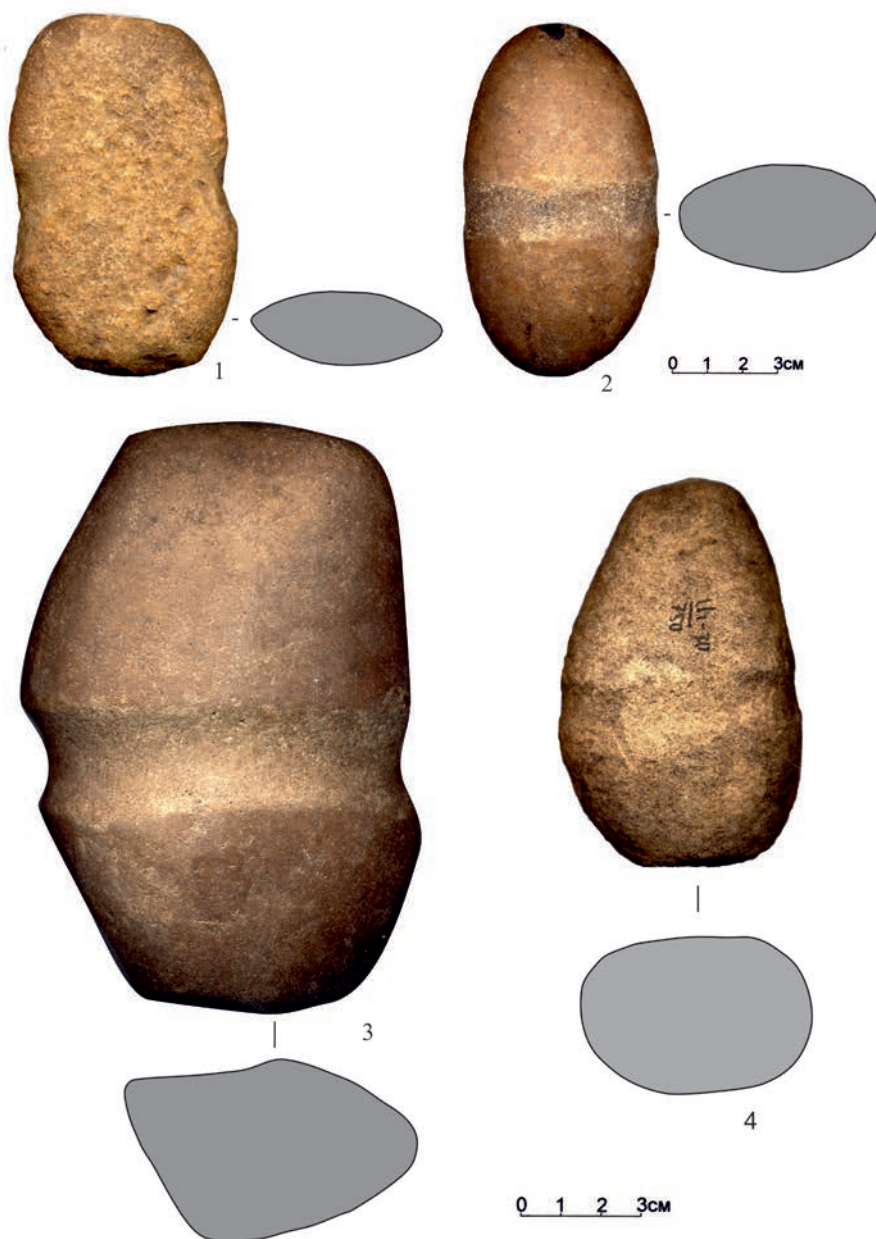


Рис. 36. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности:
1, 2 – грузила; 3-4 – каменные молоты.

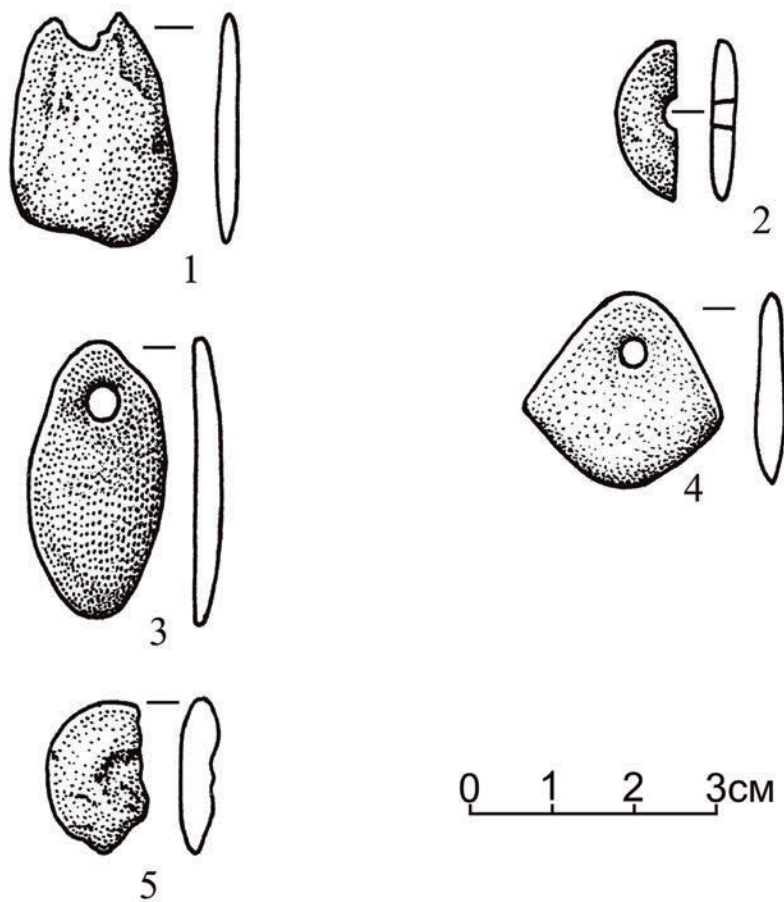


Рис. 37. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, украшения:
1 – стоянка Золотая Падь II; 2 – Дубовогривская II стоянка; 3-4 – Игимская стоянка;
5 – Русско-Азибейская стоянка.

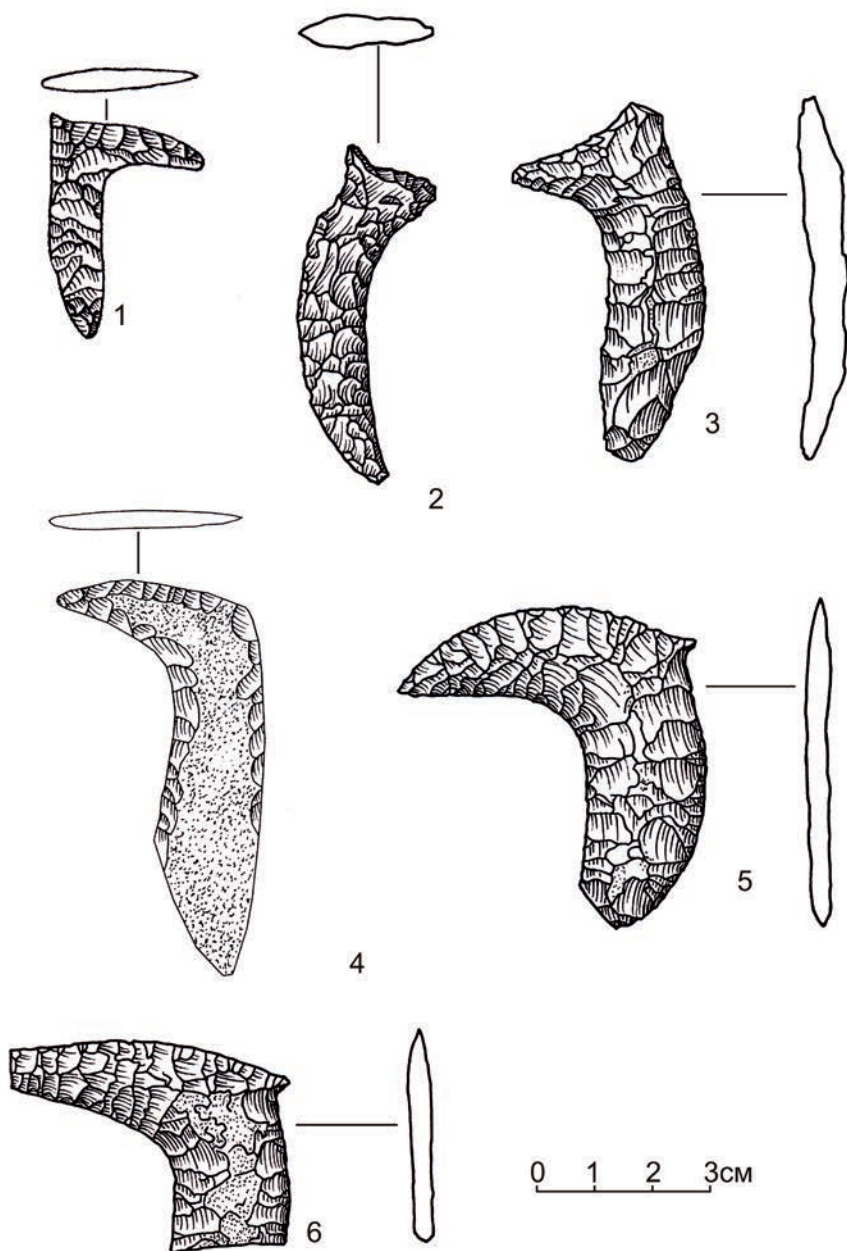


Рис. 38. Каменный инвентарь волосово-гаринской общины, кремневые фигурки:
 1, 3, 4, 6 – Каентубинская островная стоянка; 2 – Игимская стоянка;
 5 – Дубовогривская II стоянка.

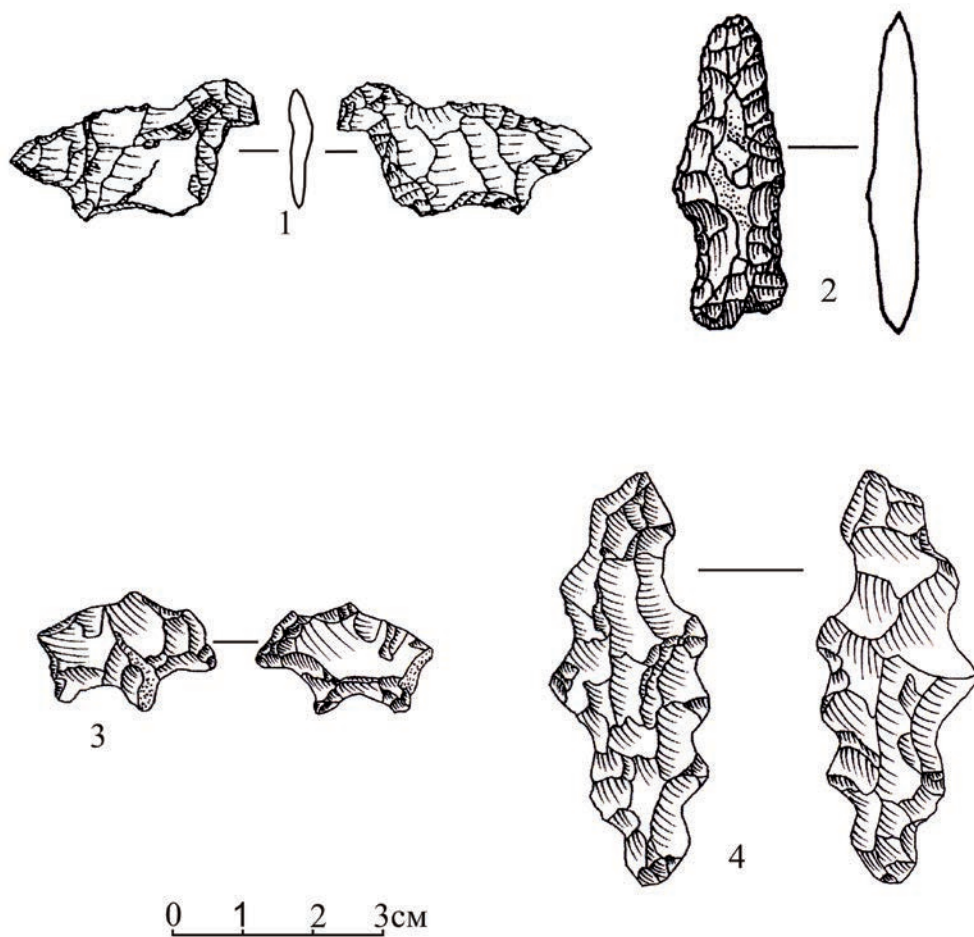


Рис. 39. Каменный инвентарь волосово-гаринской общности, каменные фигурки.
1-4 – Каентубинская островная стоянка.

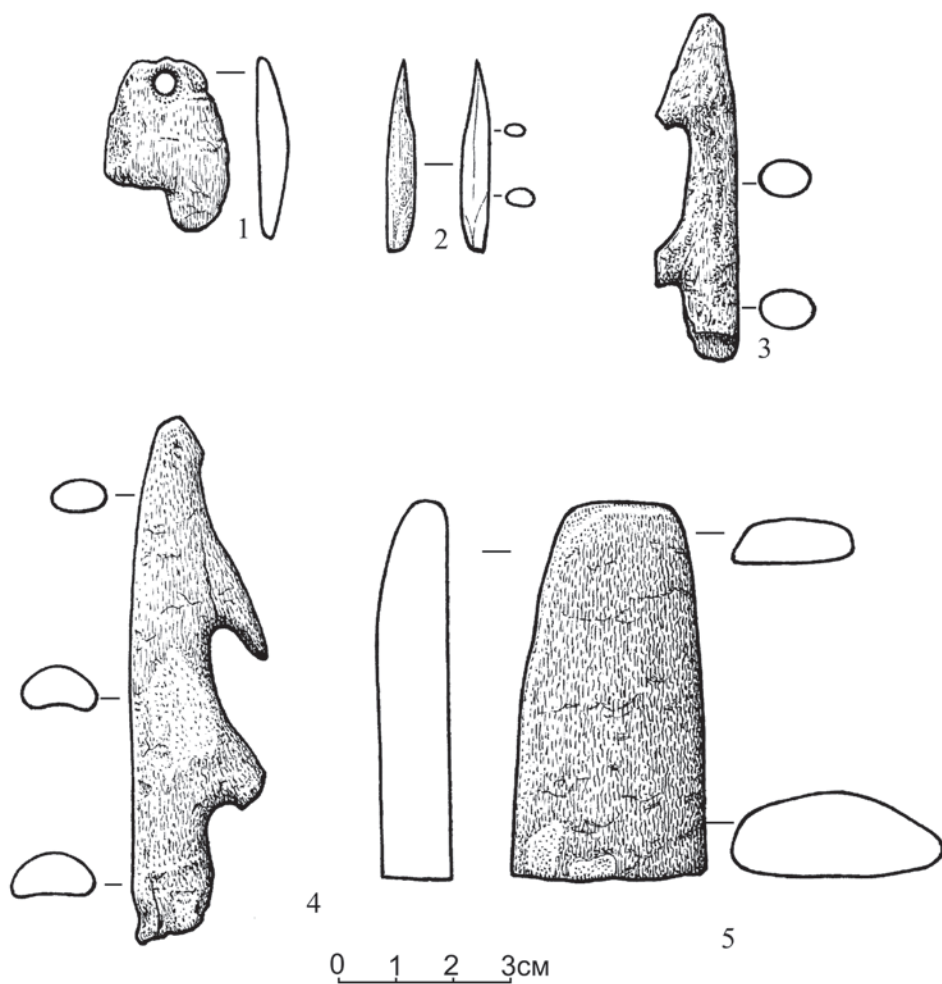


Рис. 40. Костяной инвентарь инвентарь волосово-гаринской общности:

1 – подвеска; 2 – проколка; 3, 4 – гарпуны; 5 – ложило

1, 4 – Русско-Азибейская III стоянка; 2, 3, 5 – Игимская стоянка.

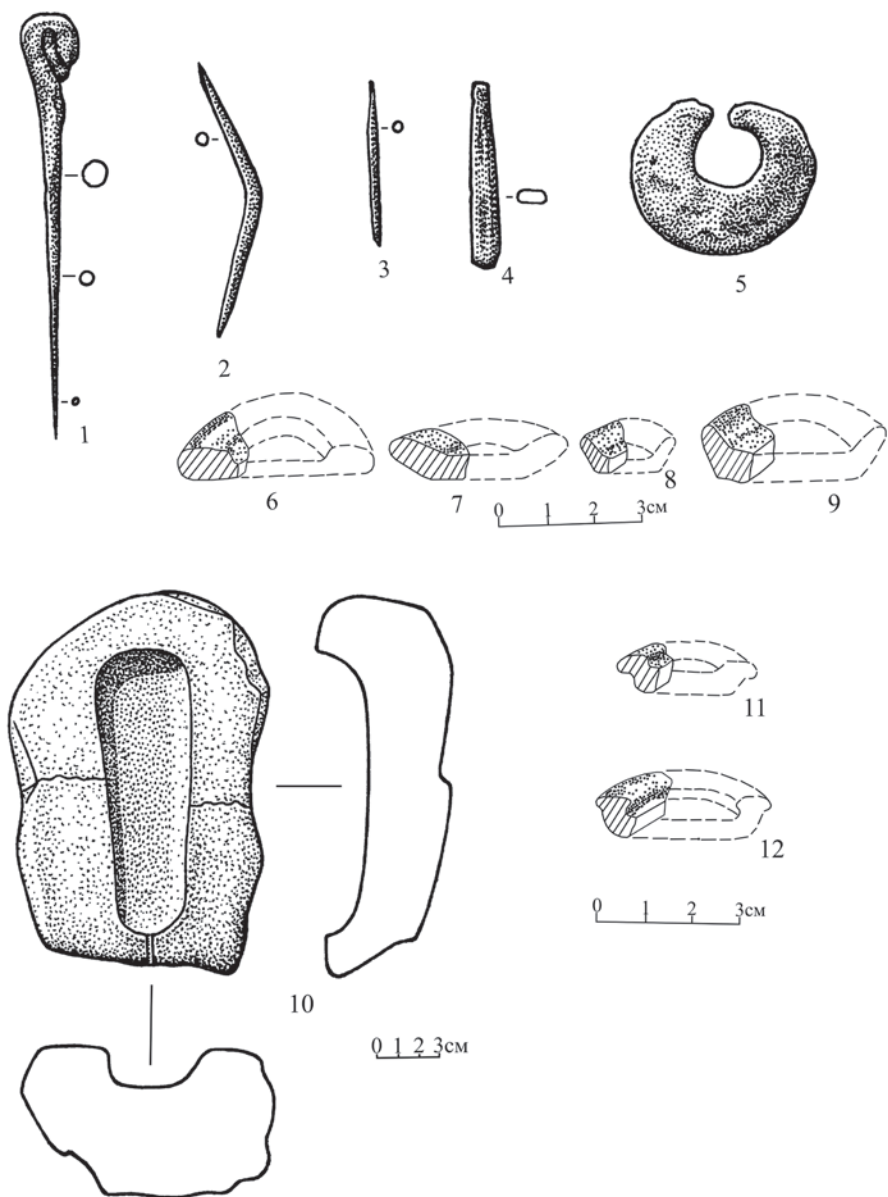


Рис. 41. Предметы металлопроизводства и изделия из металла волосово-гаринской общности: 1-4 – шилья; 5 – лунница; 6-9, 11, 12 – тигли; 10 – литейная форма тесла. 1-4, 6-10 – Русско-Азибейская III стоянка; 5 – Рысовское III селище; 11, 12 – Дубовогривская II стоянка.

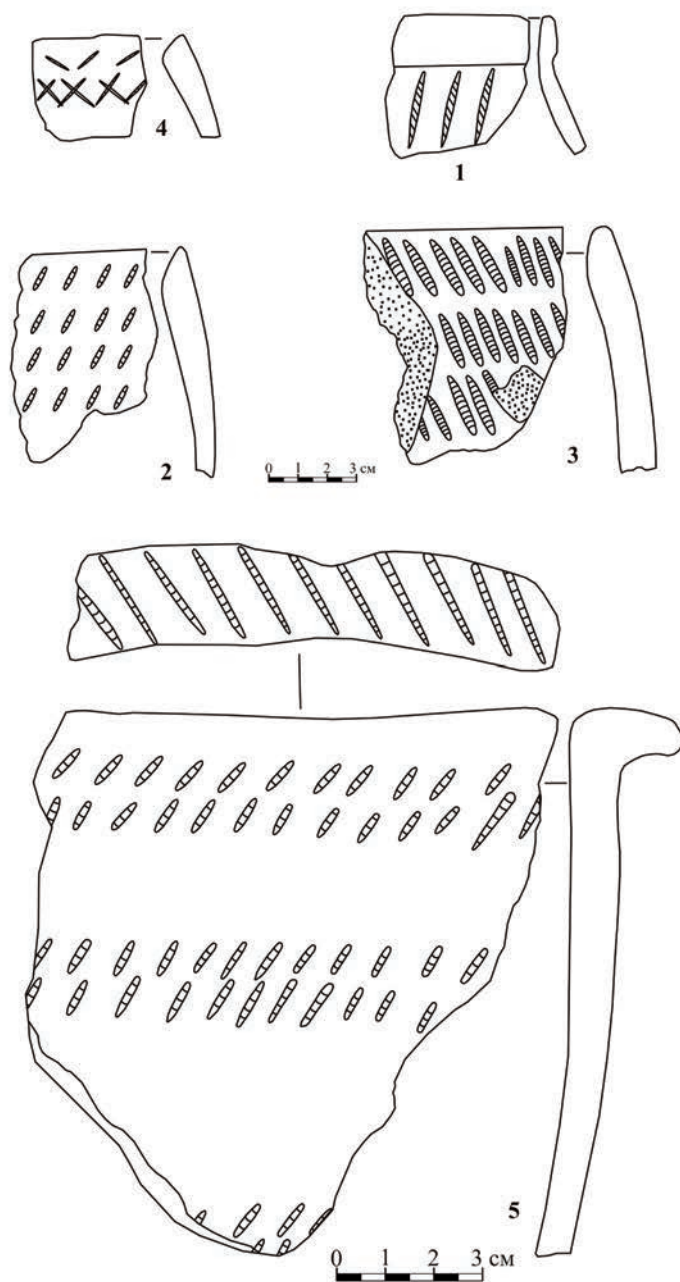


Рис. 42. Кластер № 1.

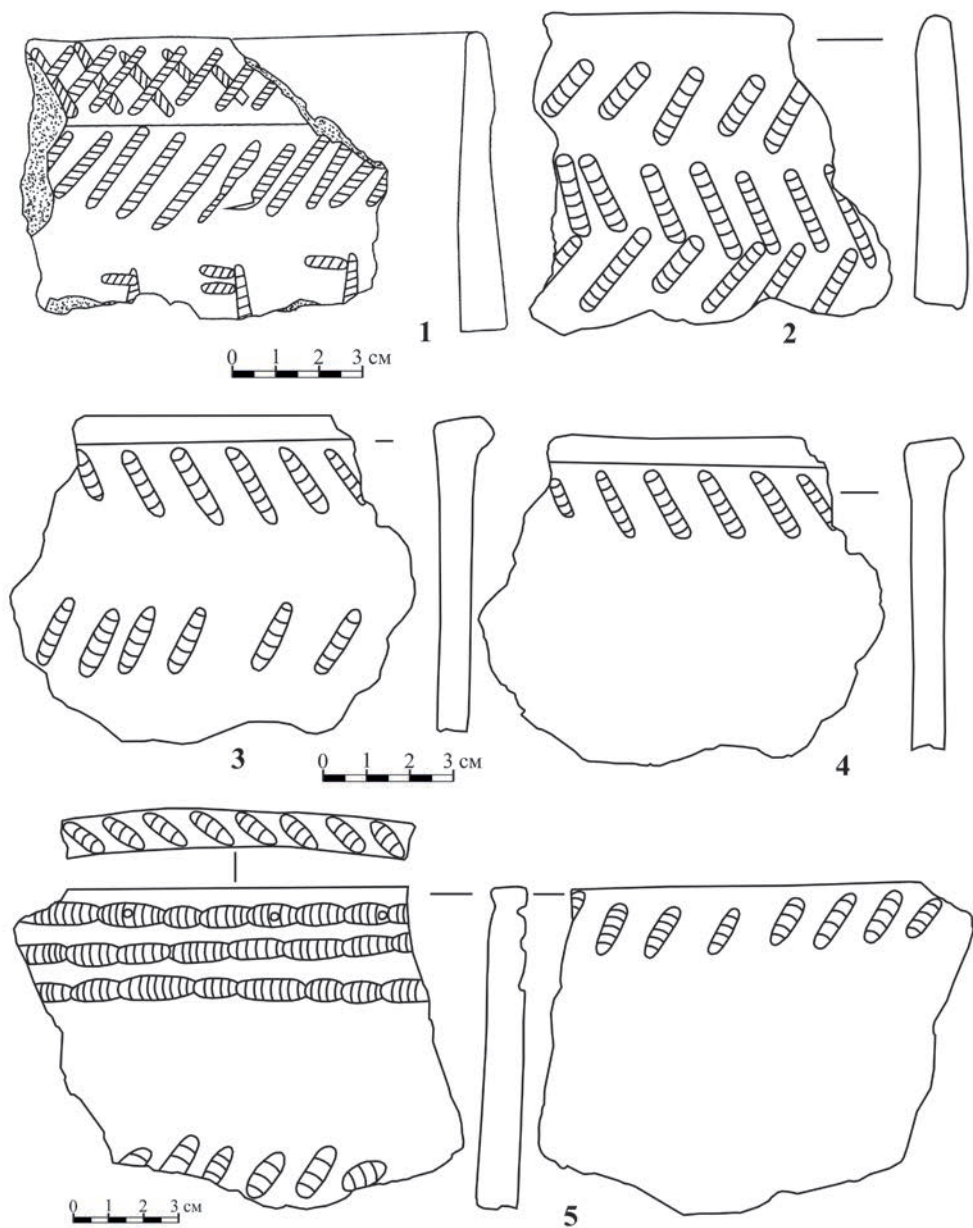


Рис. 43. Кластер № 2.

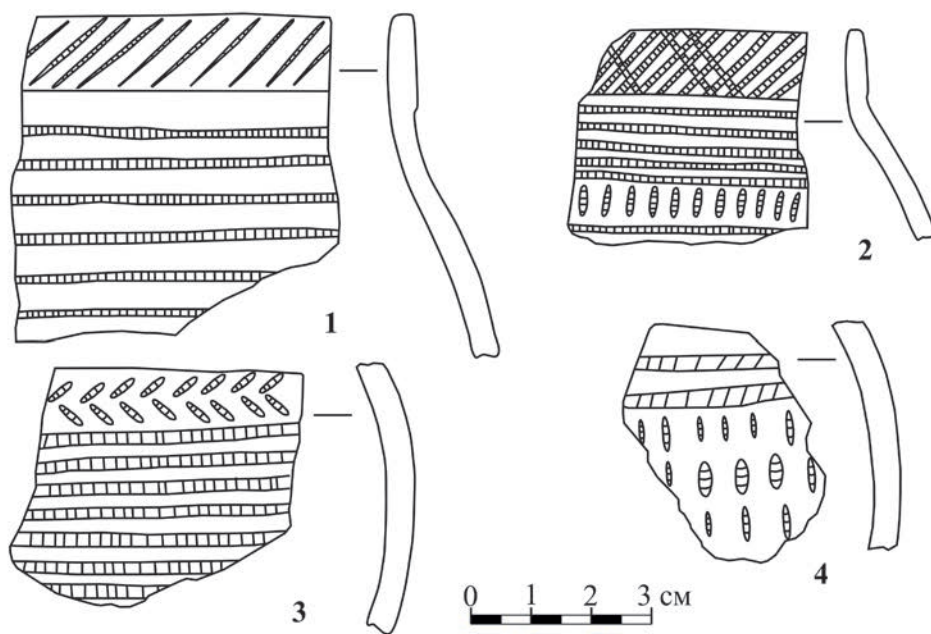


Рис. 44. Кластер № 3.

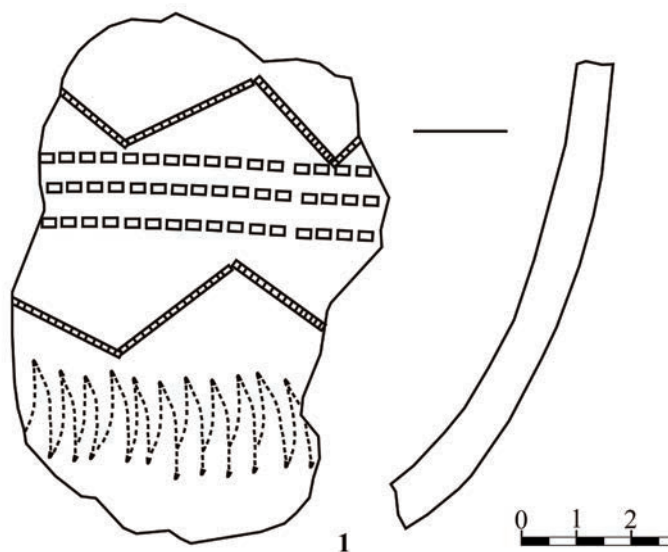


Рис. 45. Кластер № 4.

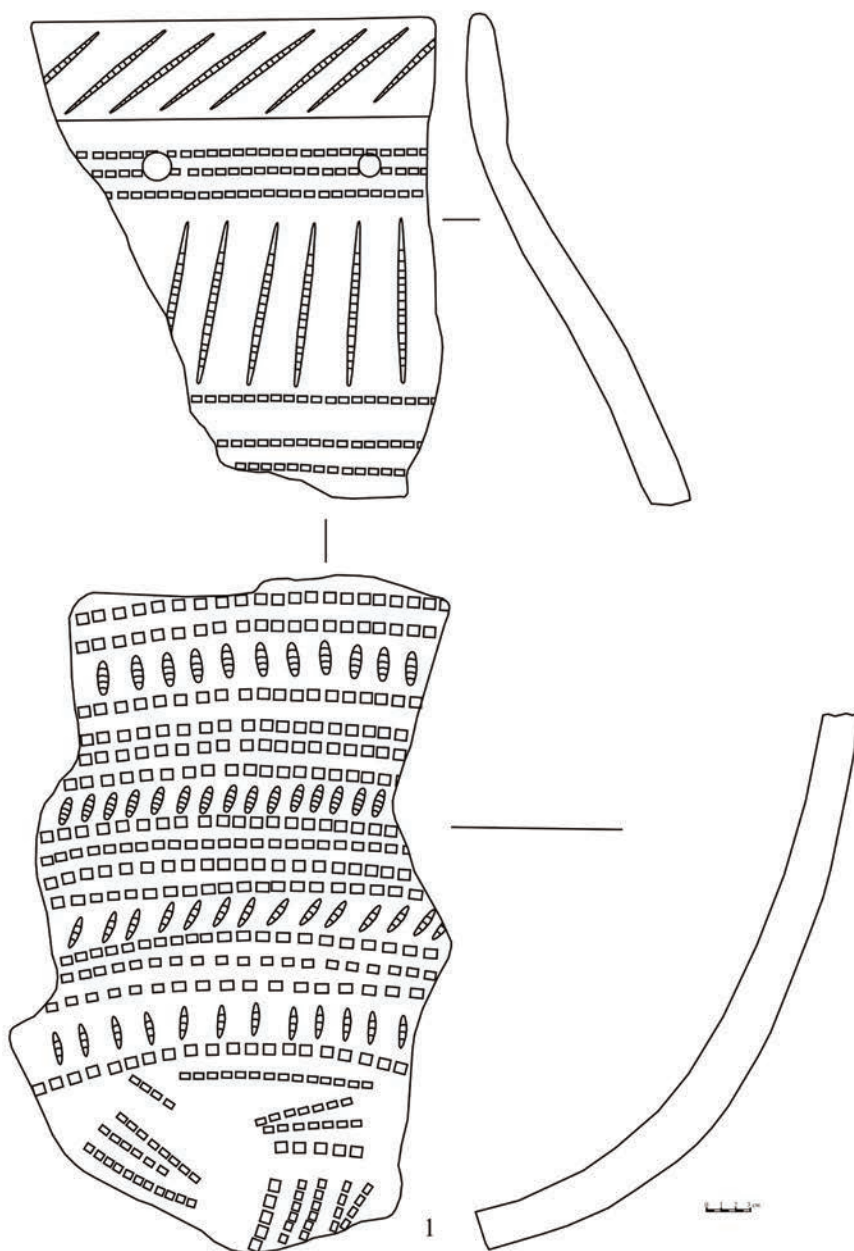


Рис. 46. Кластер № 5.

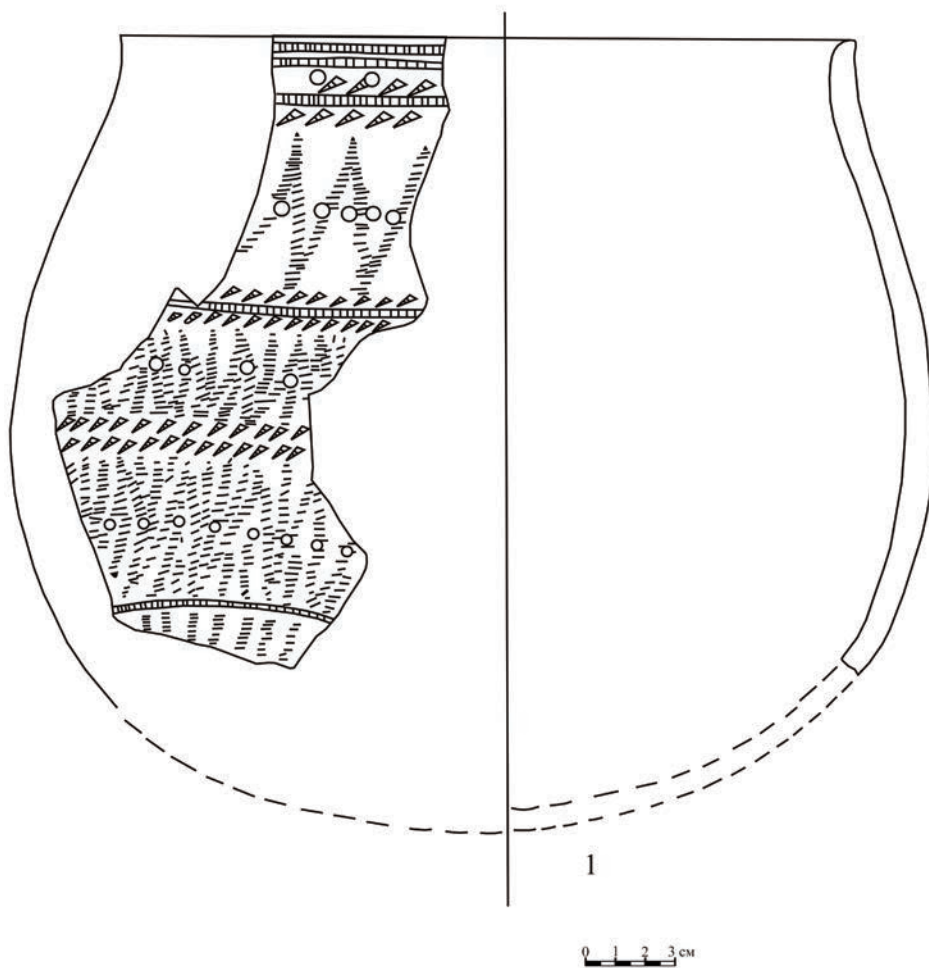


Рис. 47. Кластер № 6.

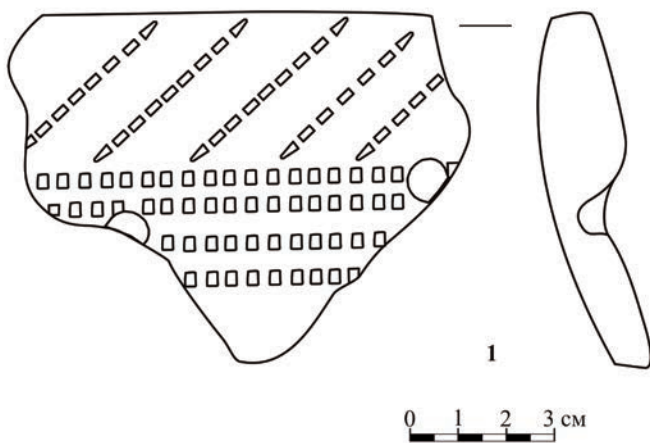


Рис. 48. Кластер № 7.

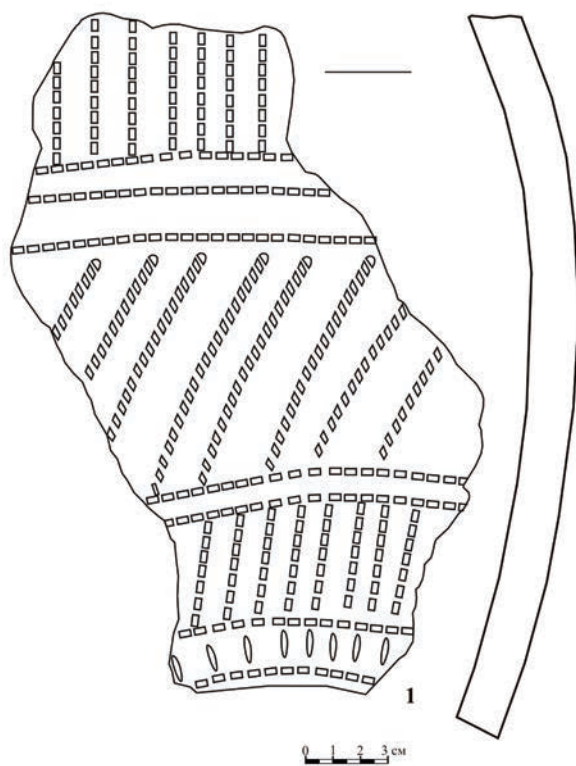


Рис. 49. Кластер № 8.

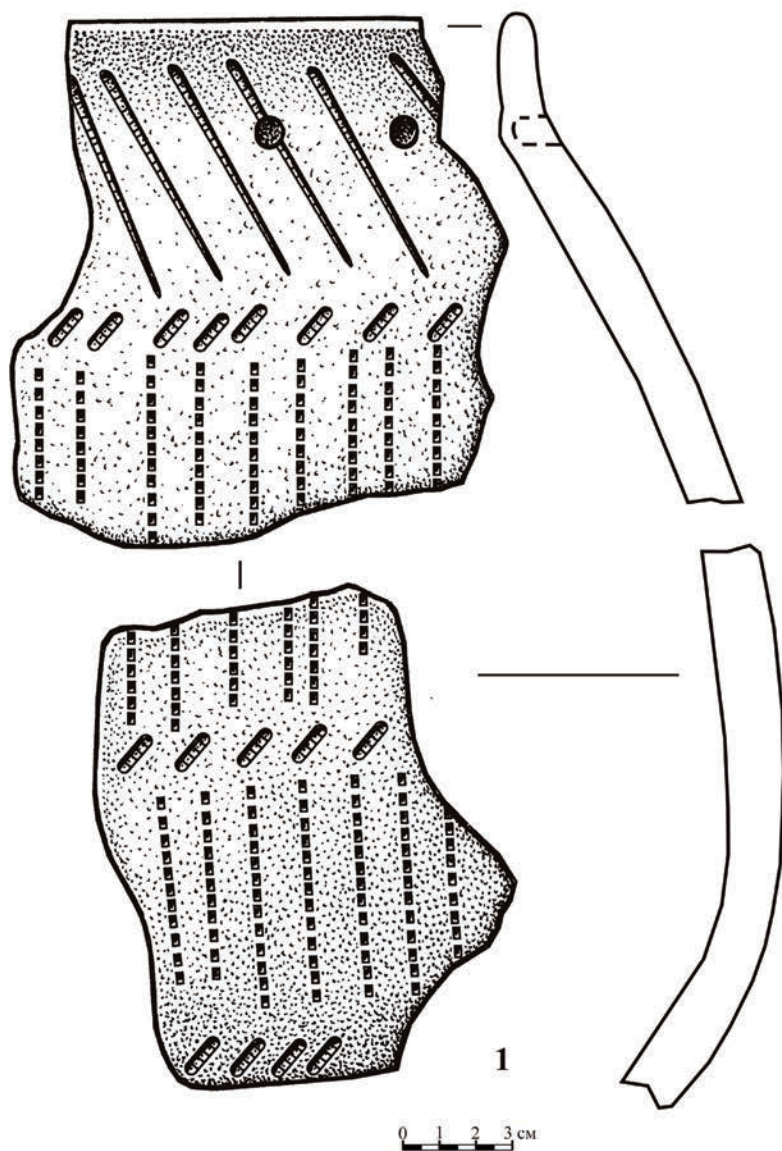


Рис. 50. Кластер № 9.

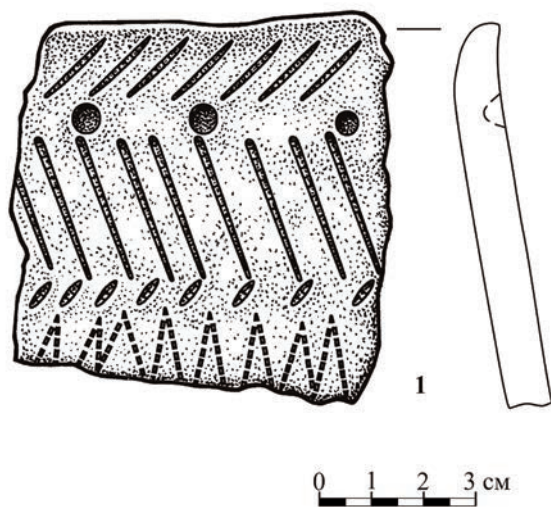


Рис. 51. Кластер № 10.

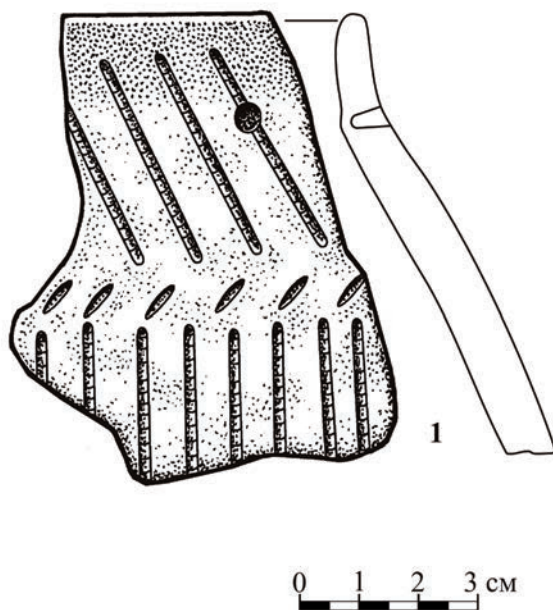


Рис. 52. Кластер № 11.

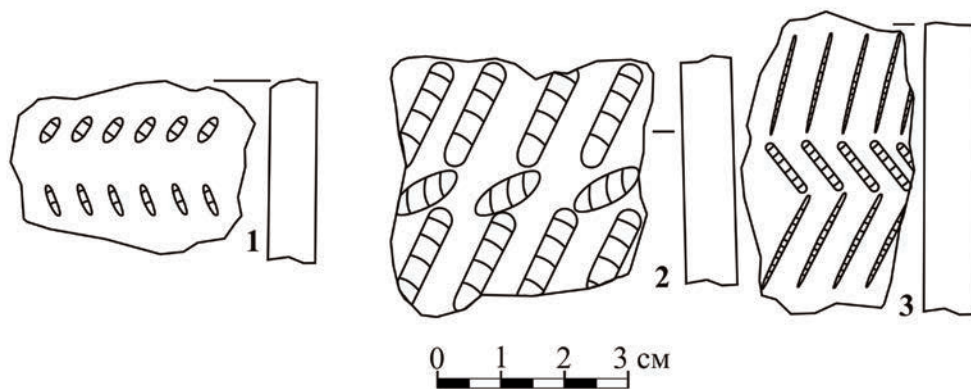


Рис. 53. Кластер № 12.

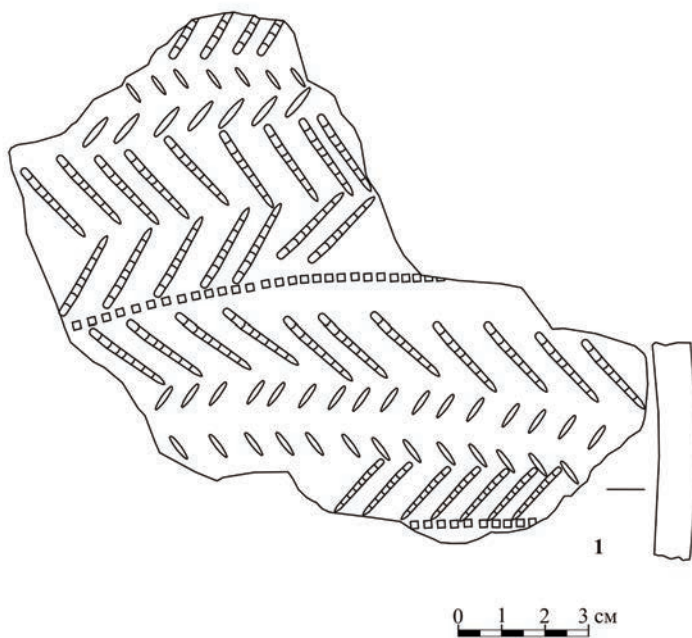


Рис. 54. Кластер № 13.

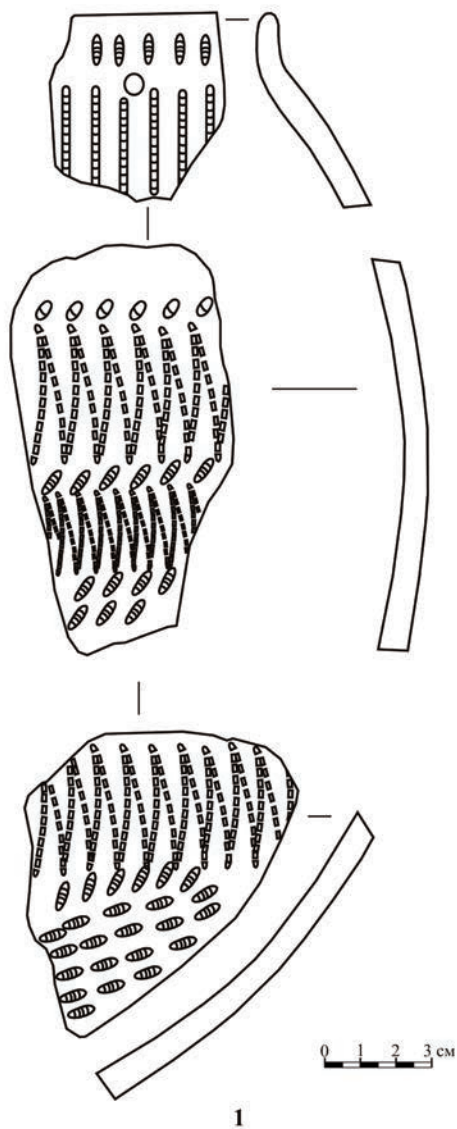


Рис. 55. Кластер № 14.

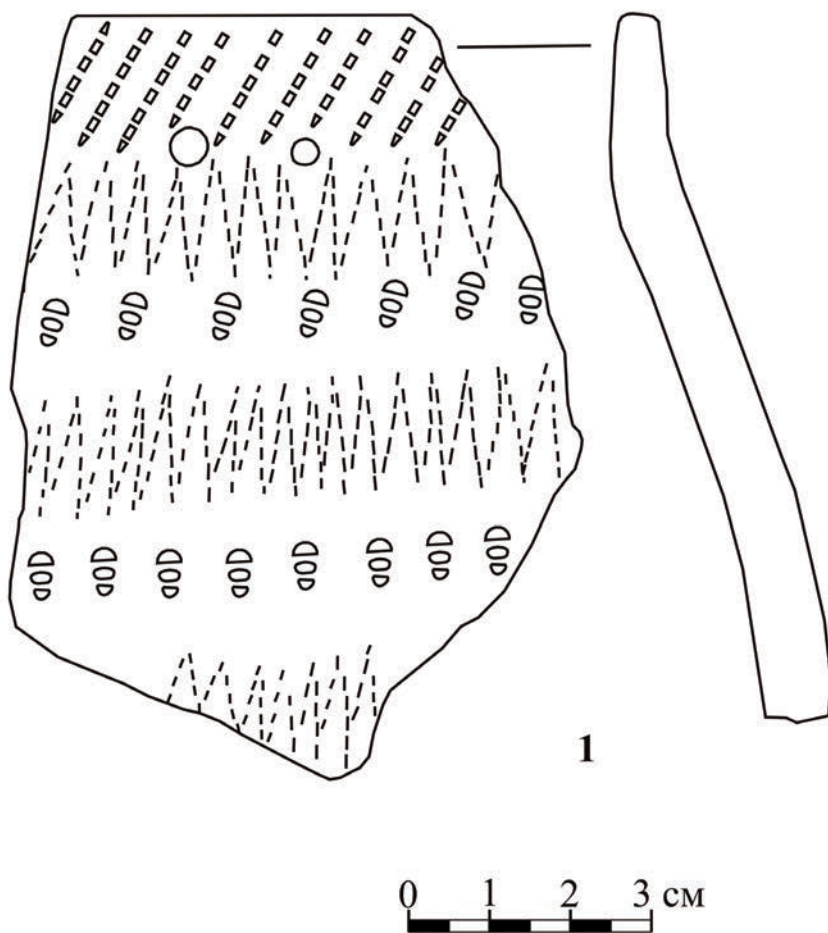


Рис. 56. Кластер № 15.

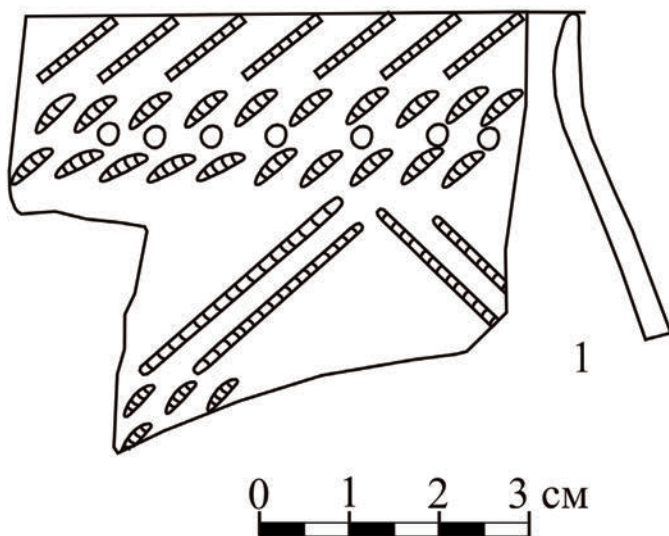


Рис. 57. Кластер № 16.

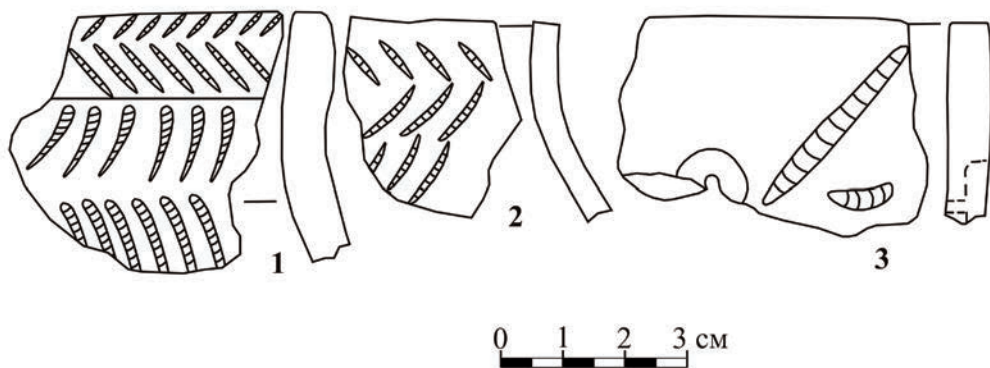


Рис. 58. Кластер № 17.

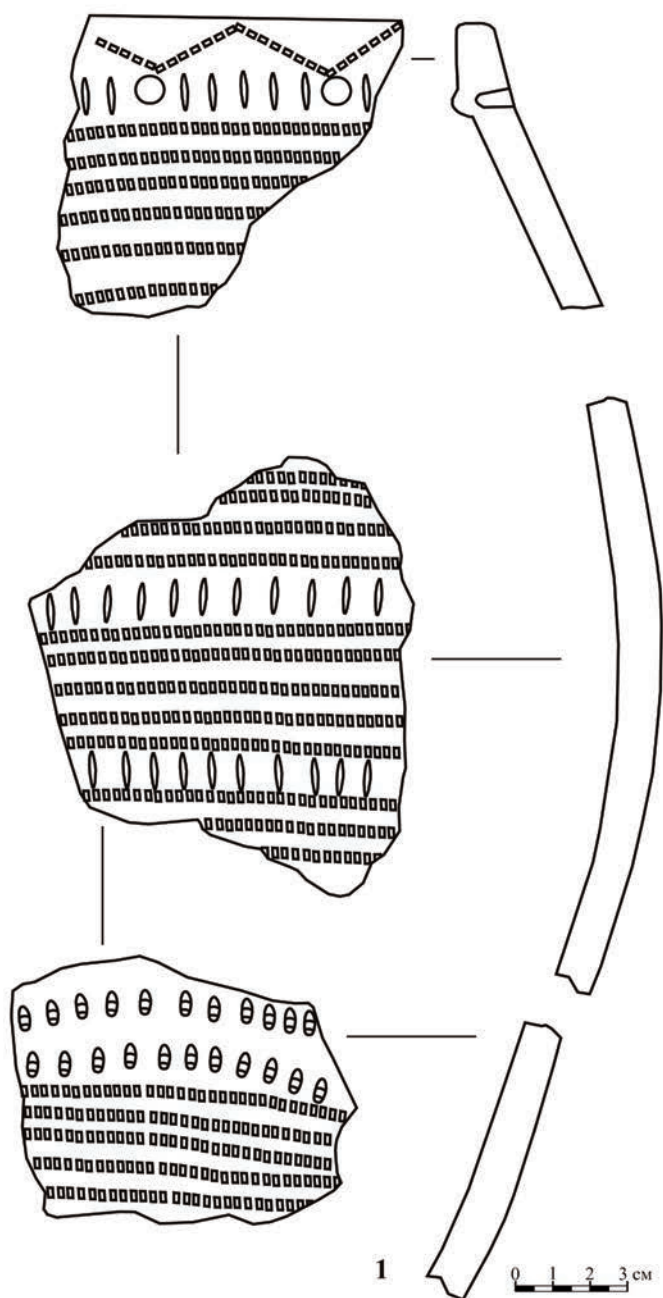


Рис. 59. Кластер № 18.

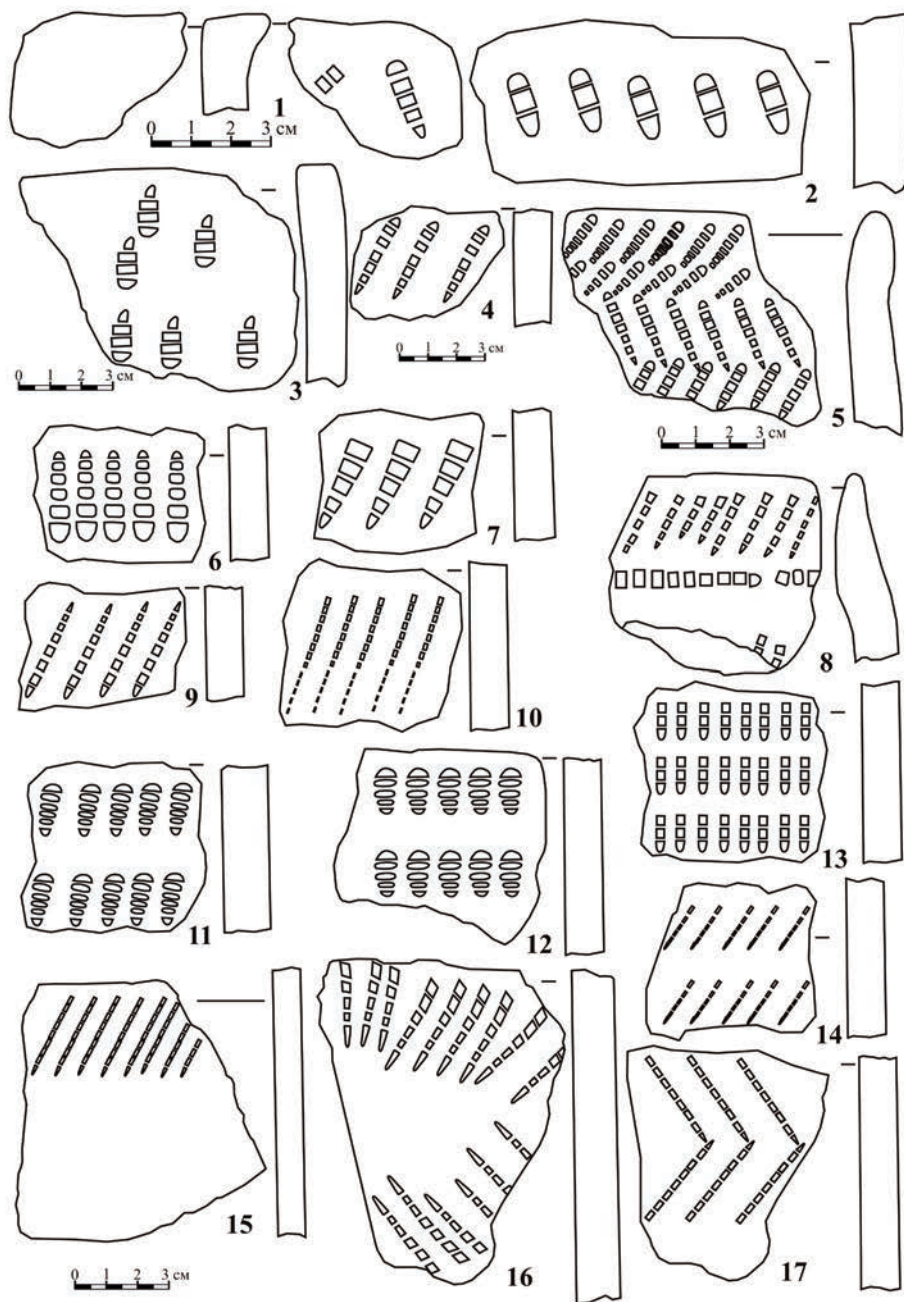


Рис. 60. Кластер № 19.

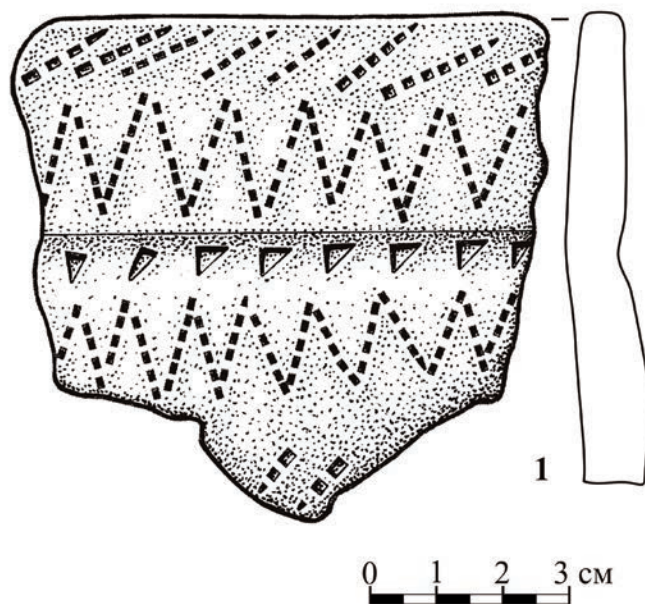


Рис. 61. Кластер № 20.

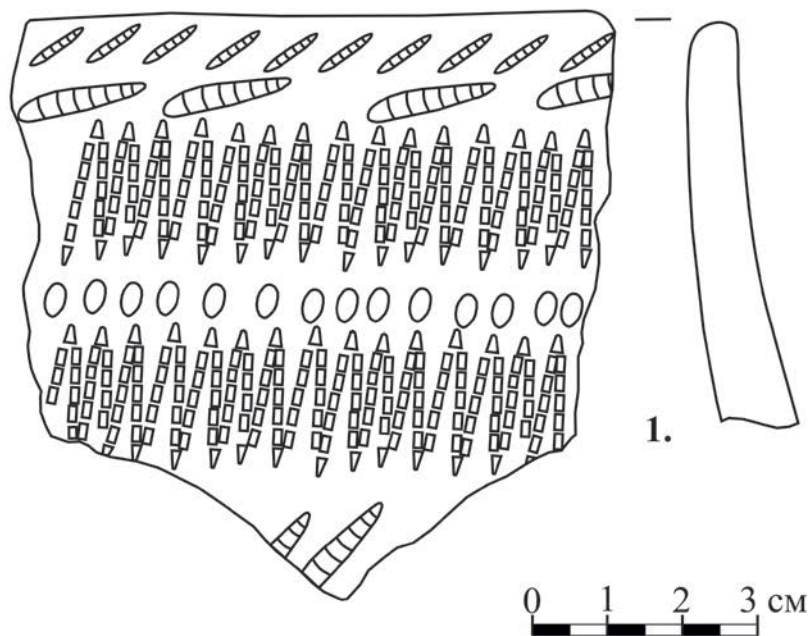


Рис. 62. Кластер № 21.

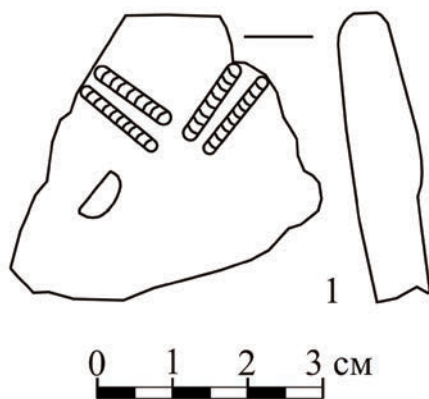


Рис. 63. Кластер № 22.

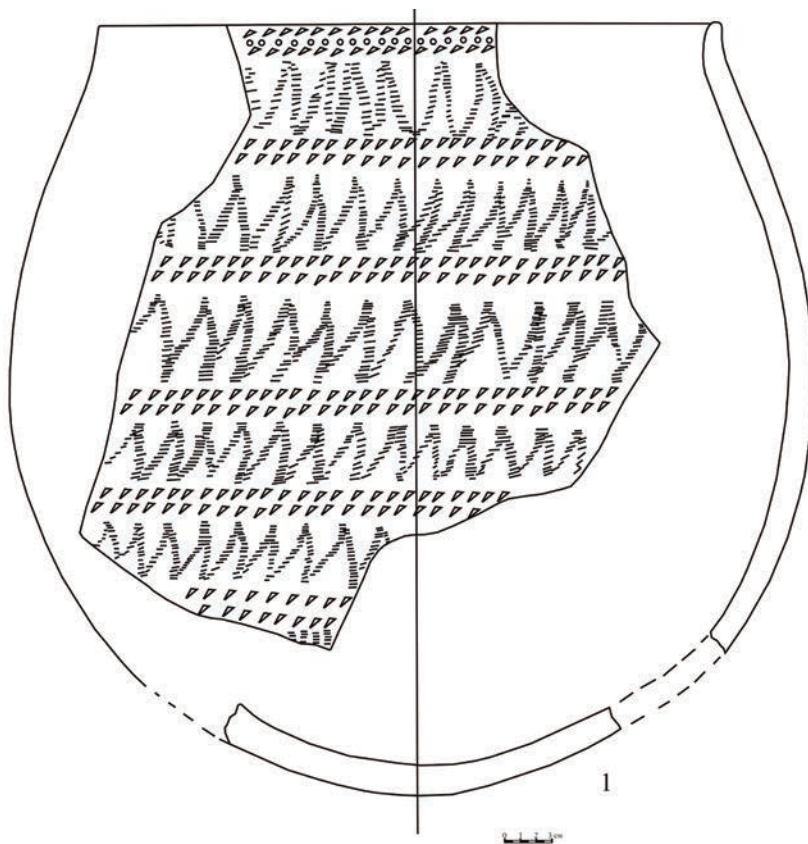


Рис. 64. Кластер № 23.

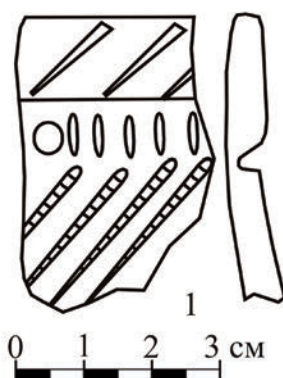


Рис. 65. Кластер № 24.

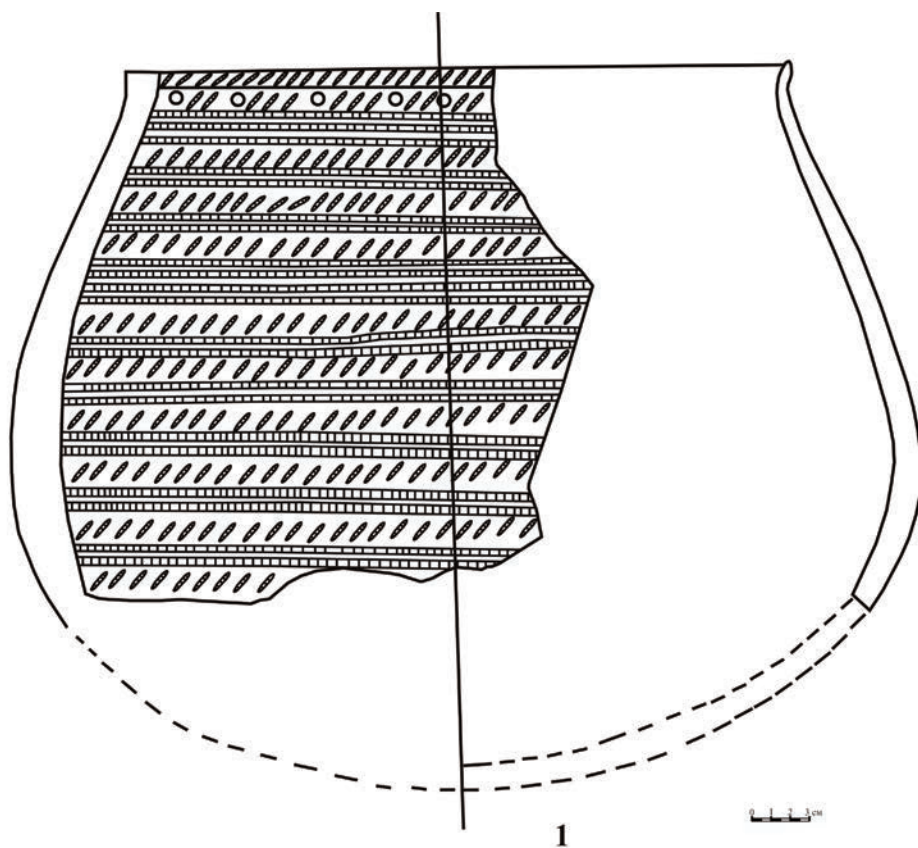


Рис. 66. Кластер № 25.

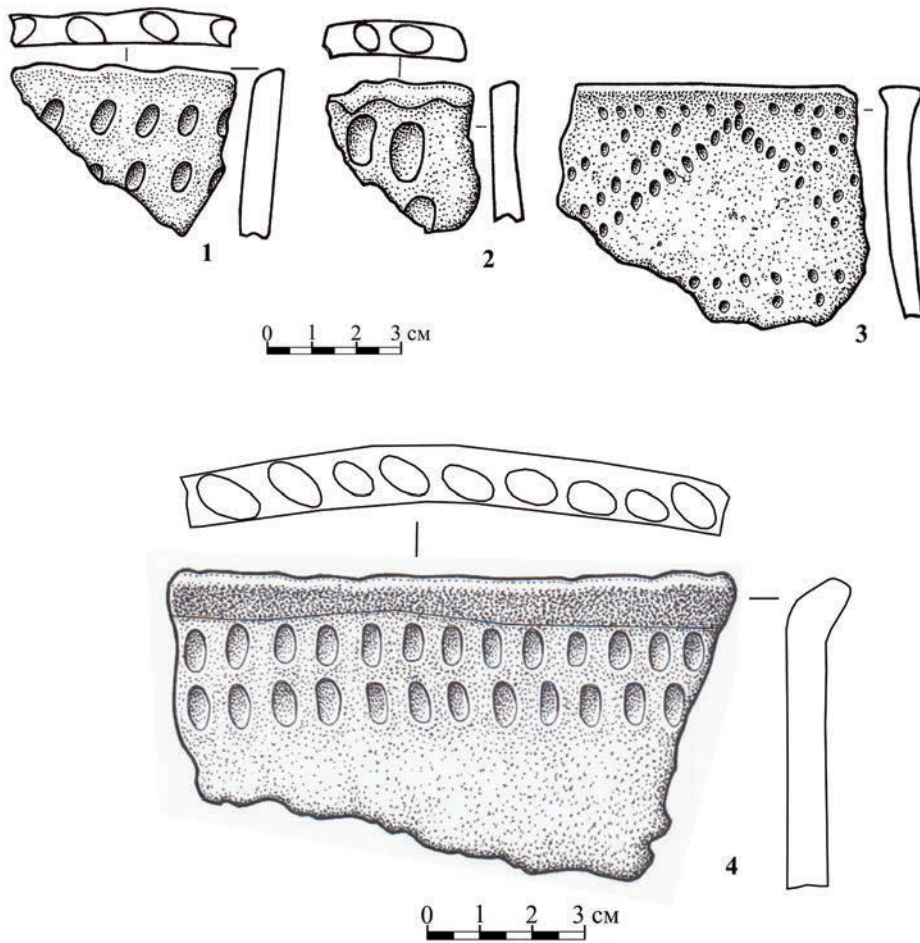


Рис. 67. Кластер № 26.

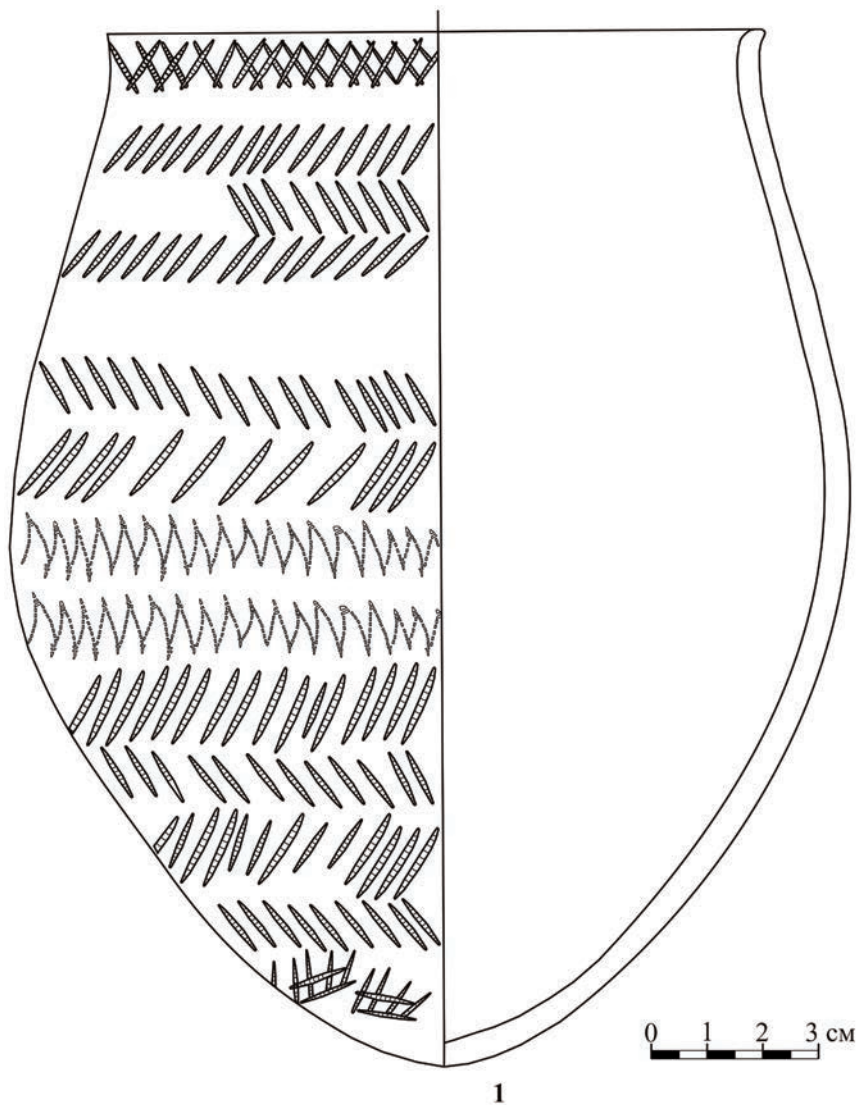


Рис. 68. Кластер № 27.

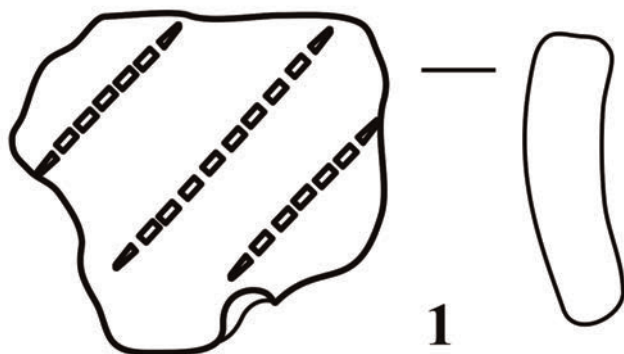


Рис. 69. Кластер № 28.

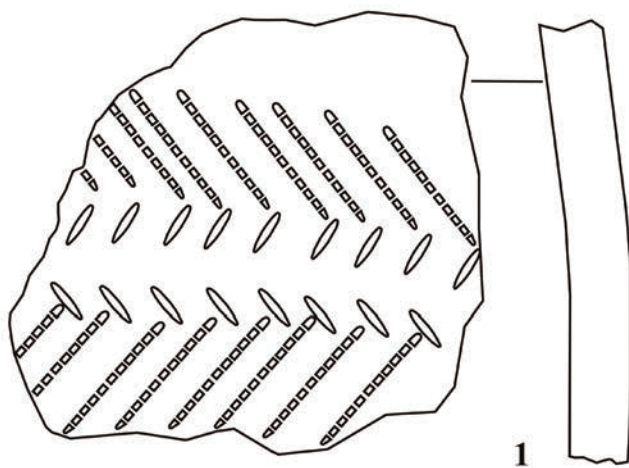


Рис. 70. Кластер № 29.

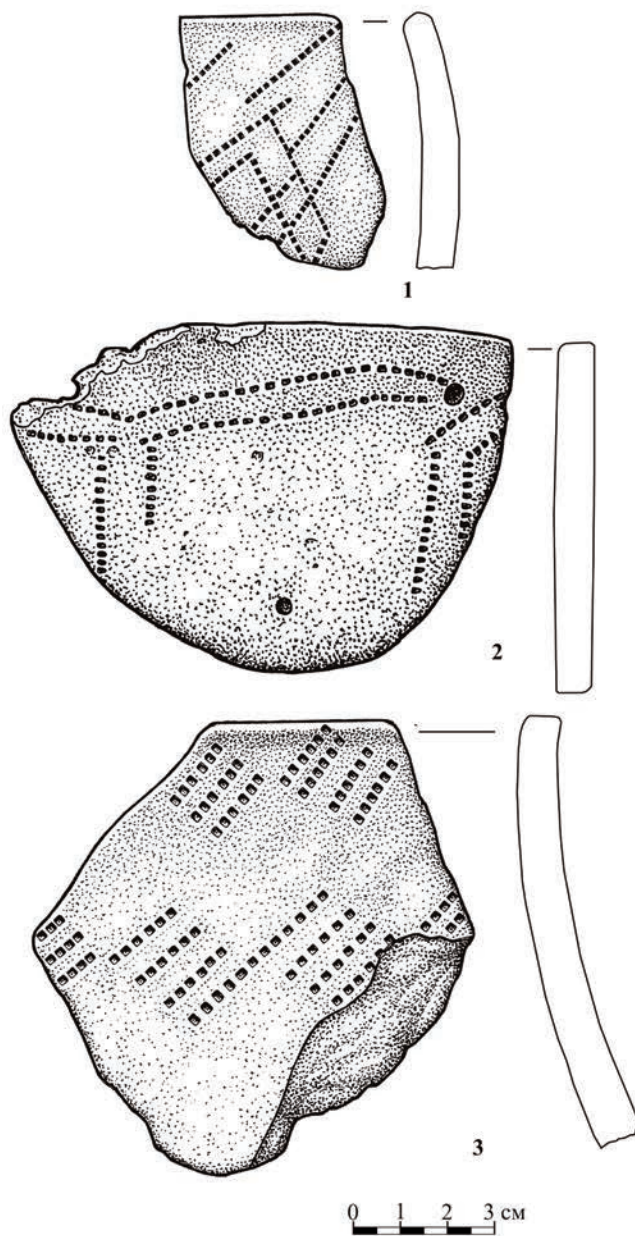


Рис. 71. Кластер № 30.

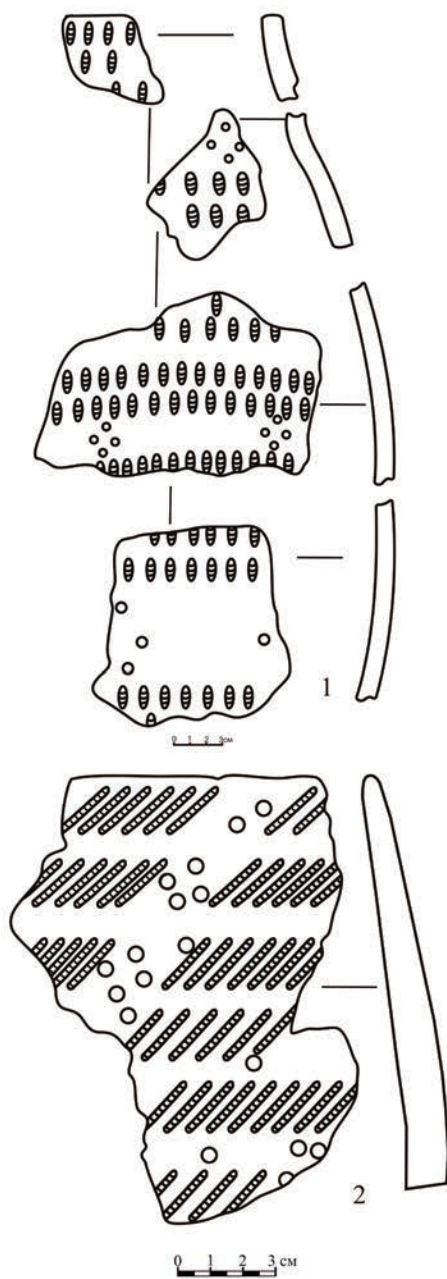


Рис. 72. Кластер № 31.

Рис. 73. Кластер № 32.

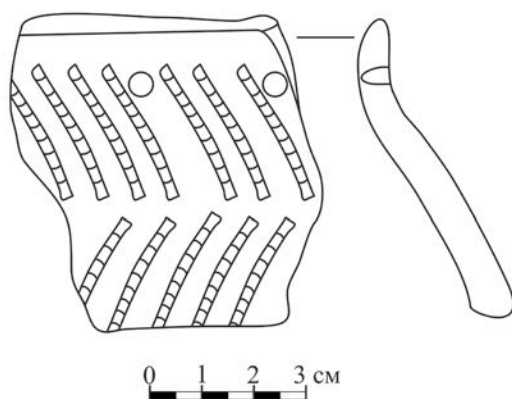
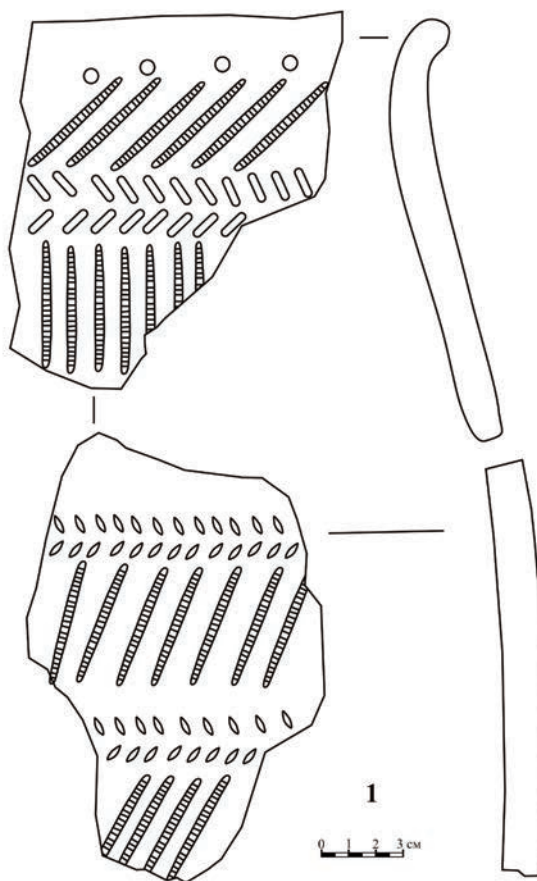


Рис. 74. Кластер № 33.



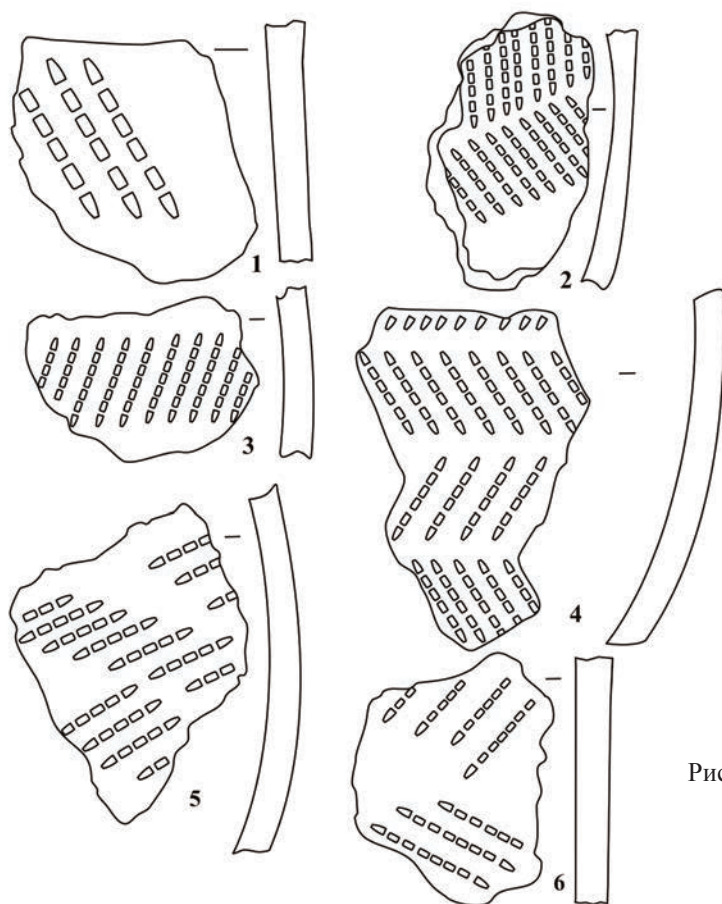


Рис. 75. Кластер № 34.

0 1 2 3 см

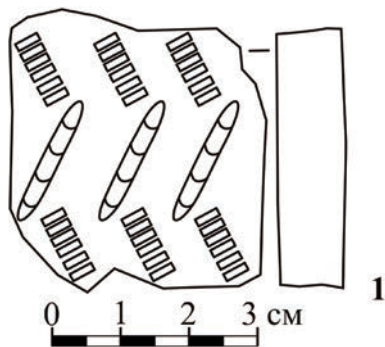


Рис. 76. Кластер № 35.

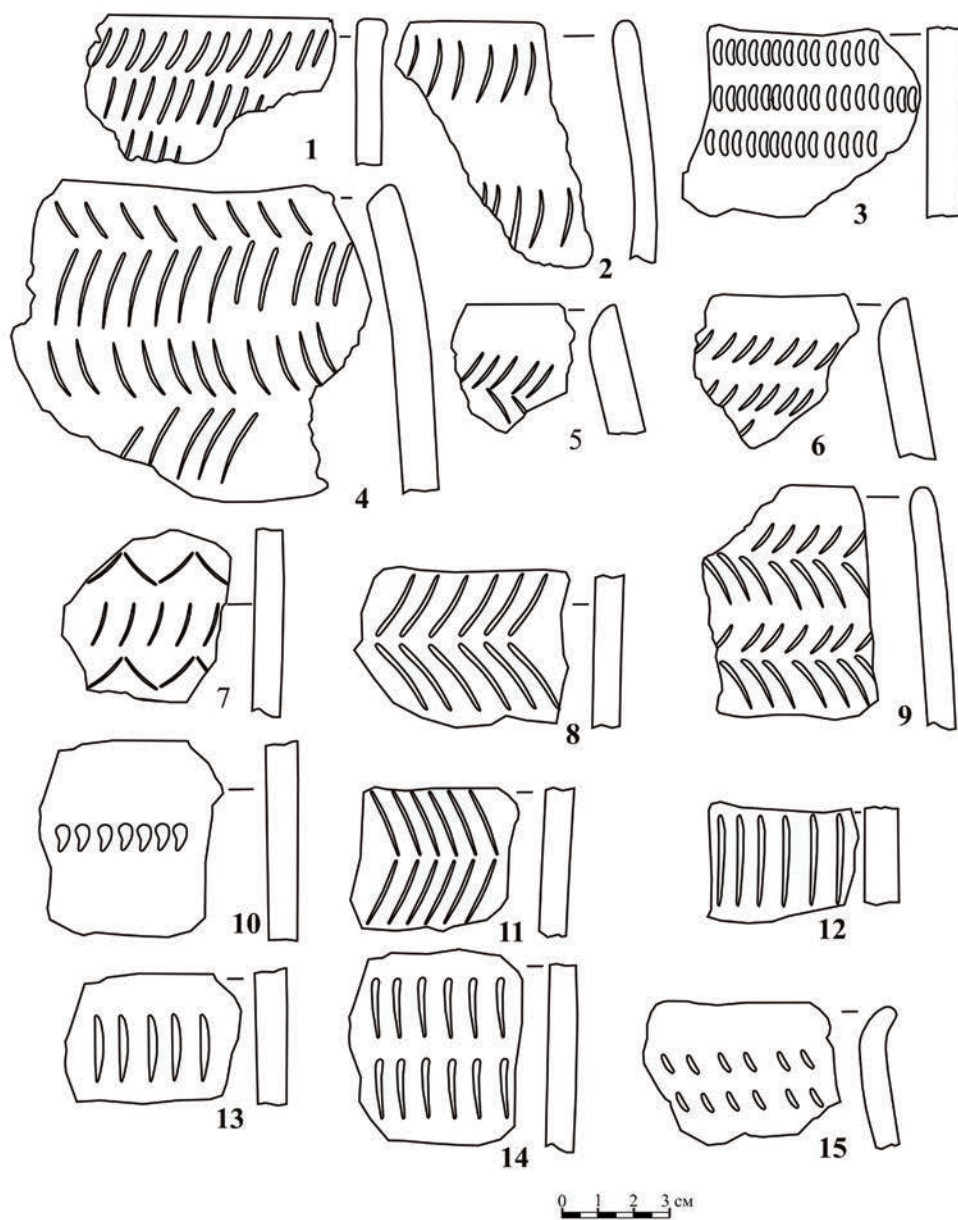
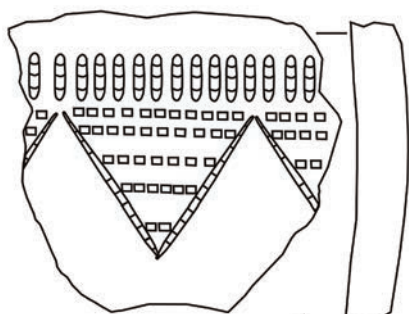


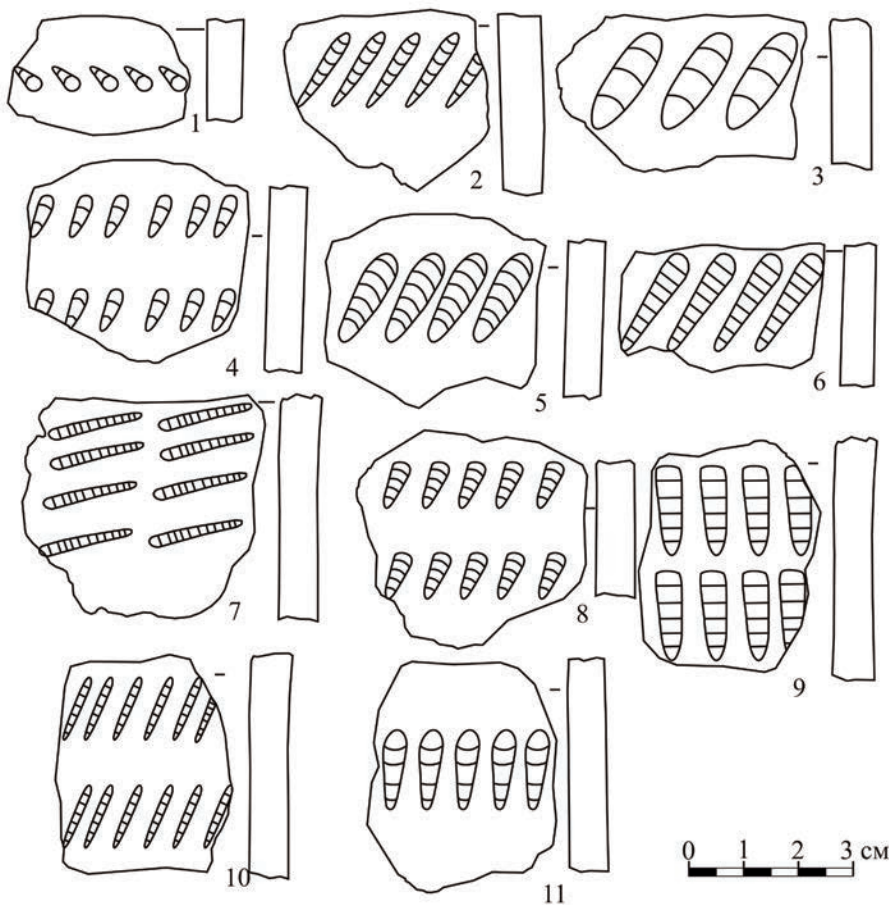
Рис. 77. Кластер № 36.



1

0 1 2 3 см

Рис. 78. Кластер № 37.



0 1 2 3 см

Рис. 79. Кластер № 38.

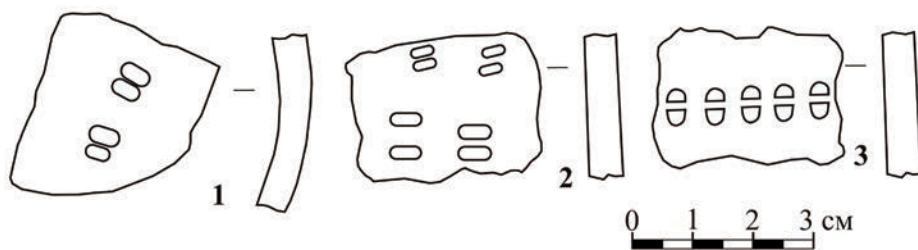


Рис. 80. Кластер № 39.

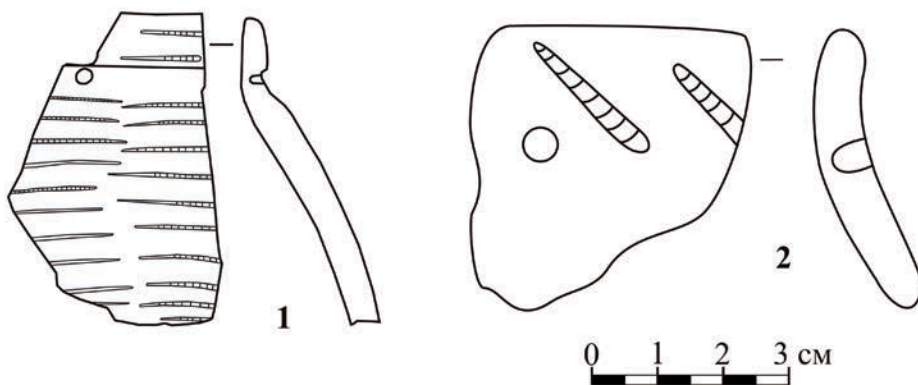


Рис. 81. Кластер № 40.

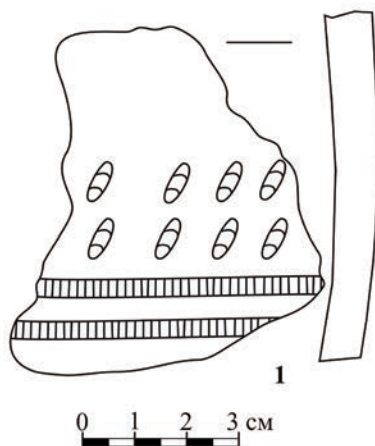


Рис. 82. Кластер № 41.

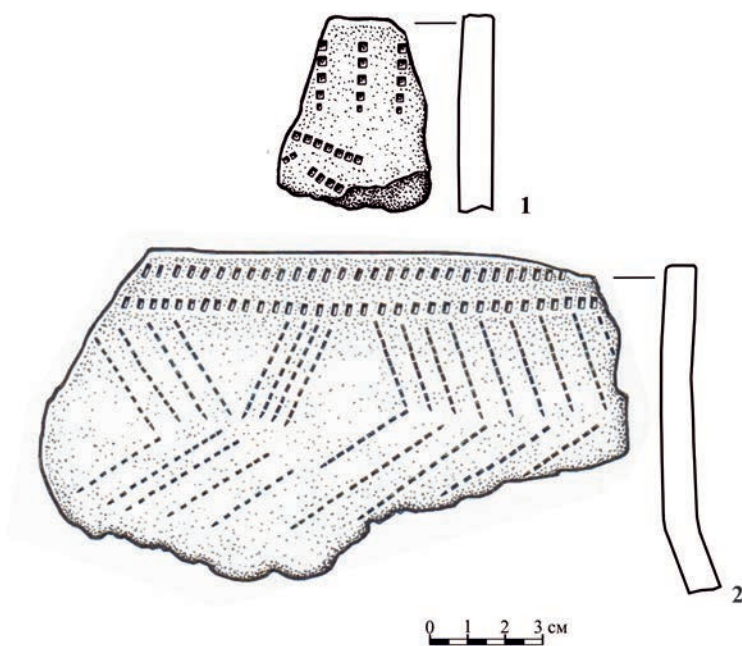


Рис. 83. Кластер № 42.

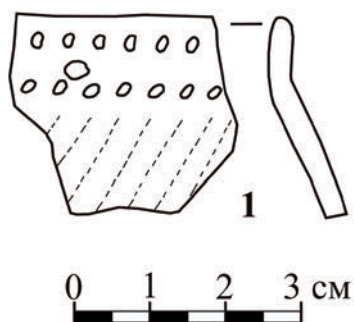


Рис. 84. Кластер № 43.

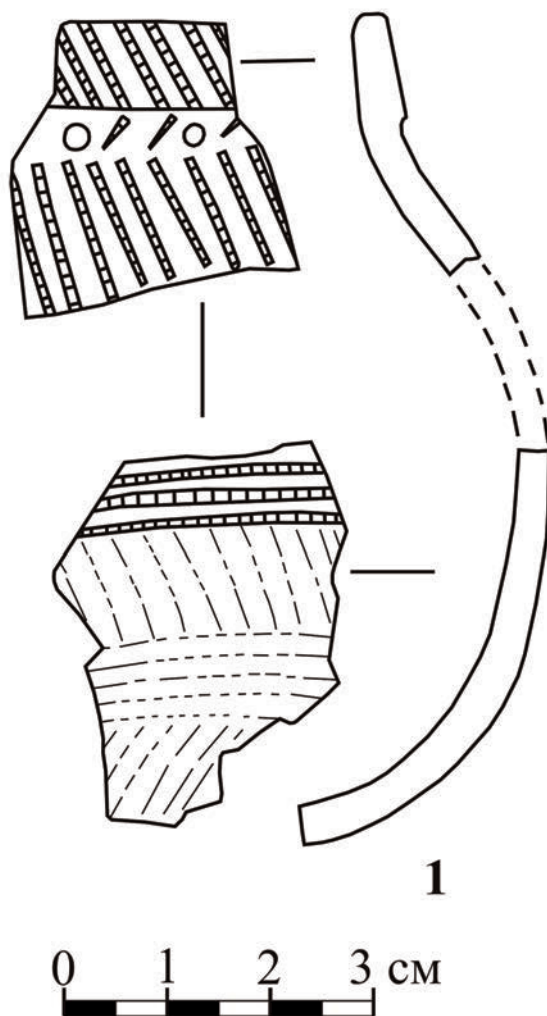
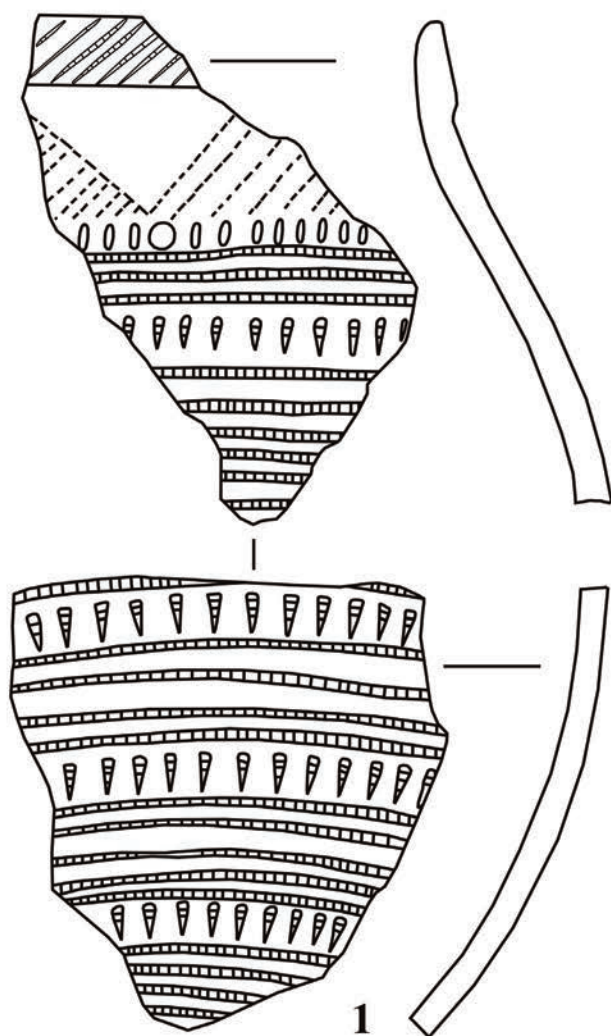


Рис. 85. Кластер № 44.



0 1 2 3 см

Рис. 86. Кластер № 45.

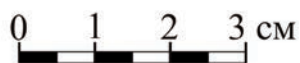
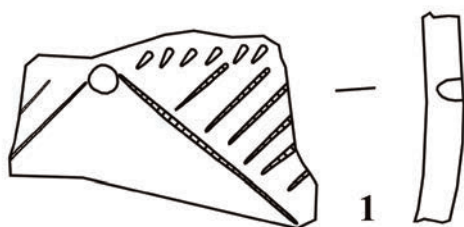


Рис. 87. Кластер № 46.

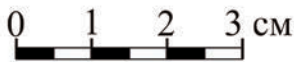
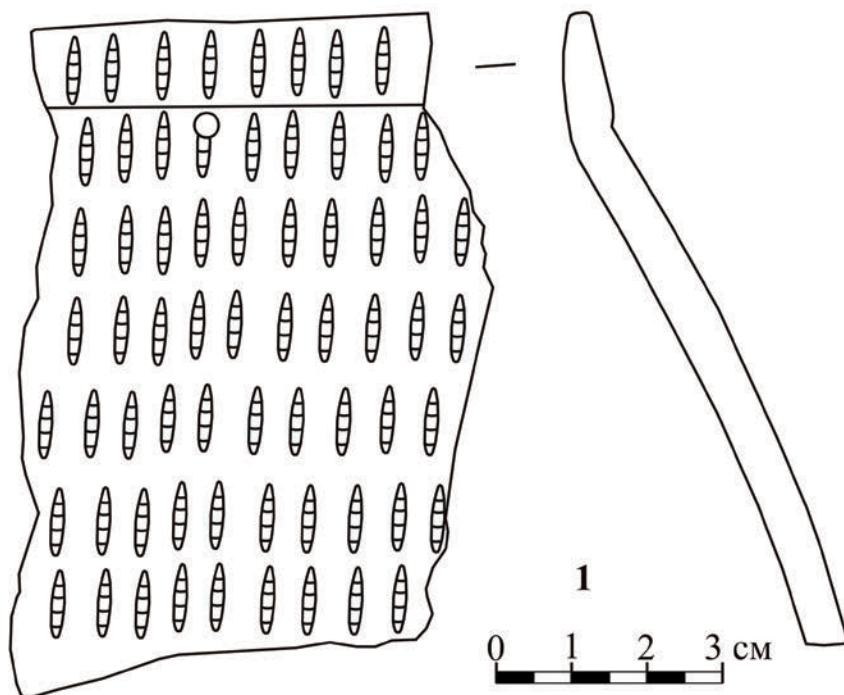


Рис. 88. Кластер № 47.

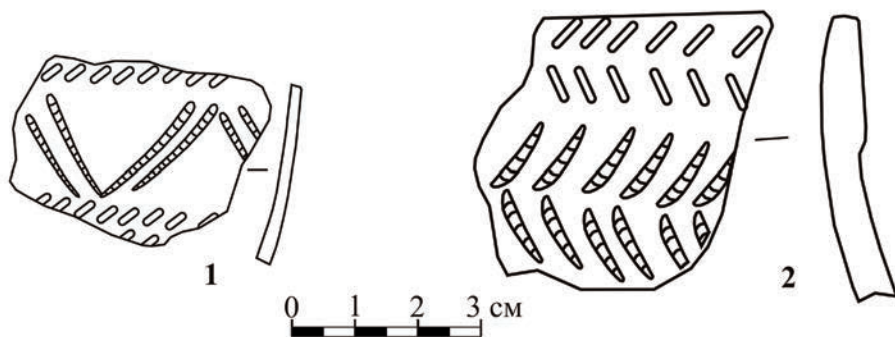


Рис. 89. Кластер № 48.

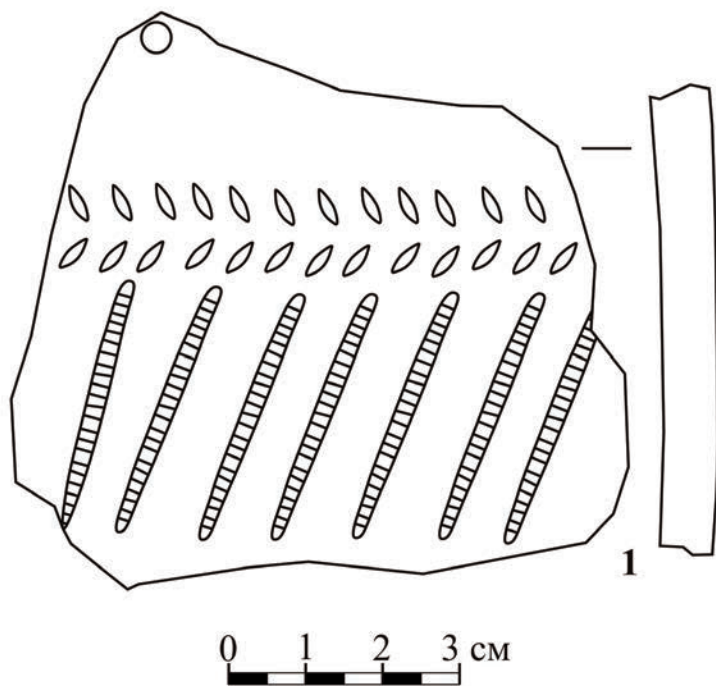


Рис. 90. Кластер № 49.

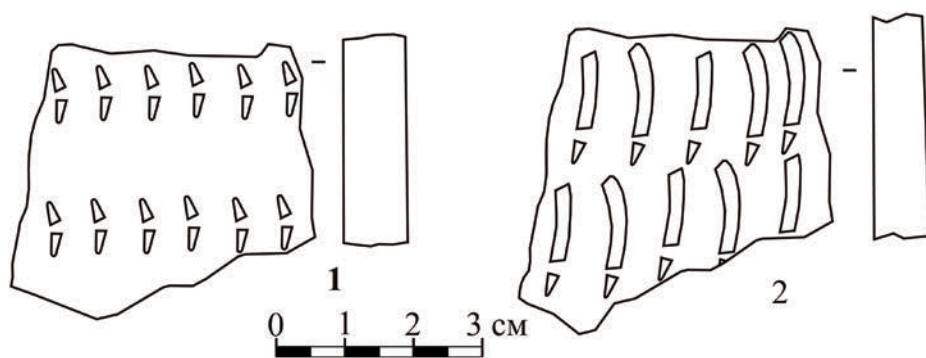


Рис. 91. Кластер № 50.

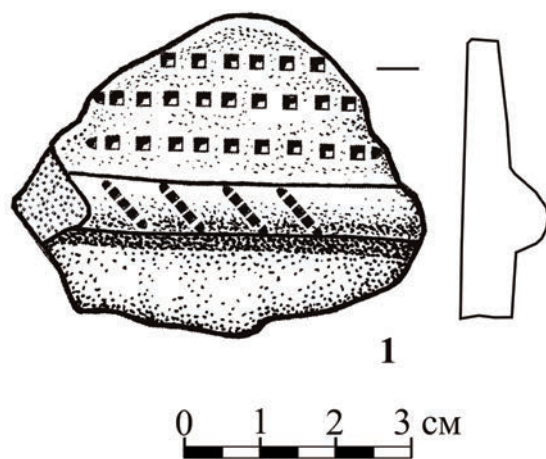


Рис. 92. Кластер № 51.

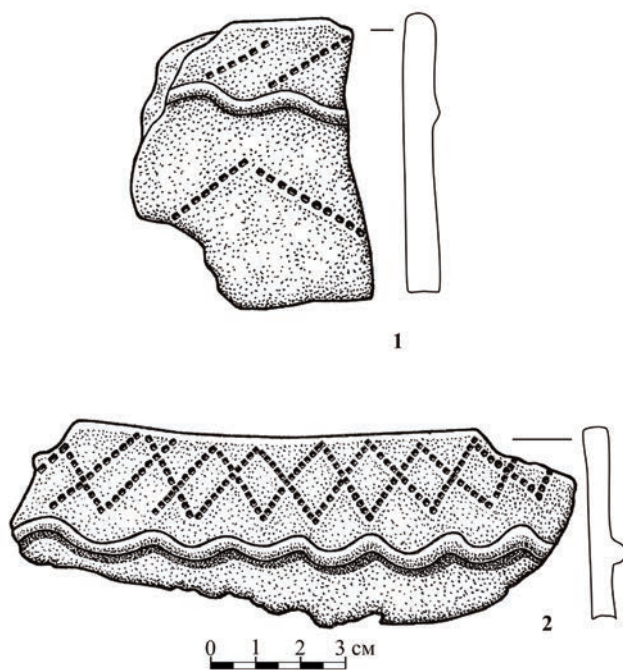


Рис. 93. Кластер № 52.

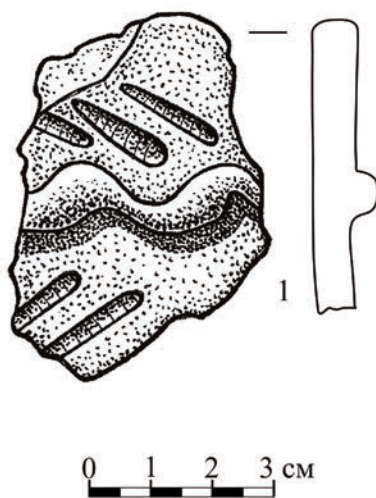


Рис. 94. Кластер № 53.

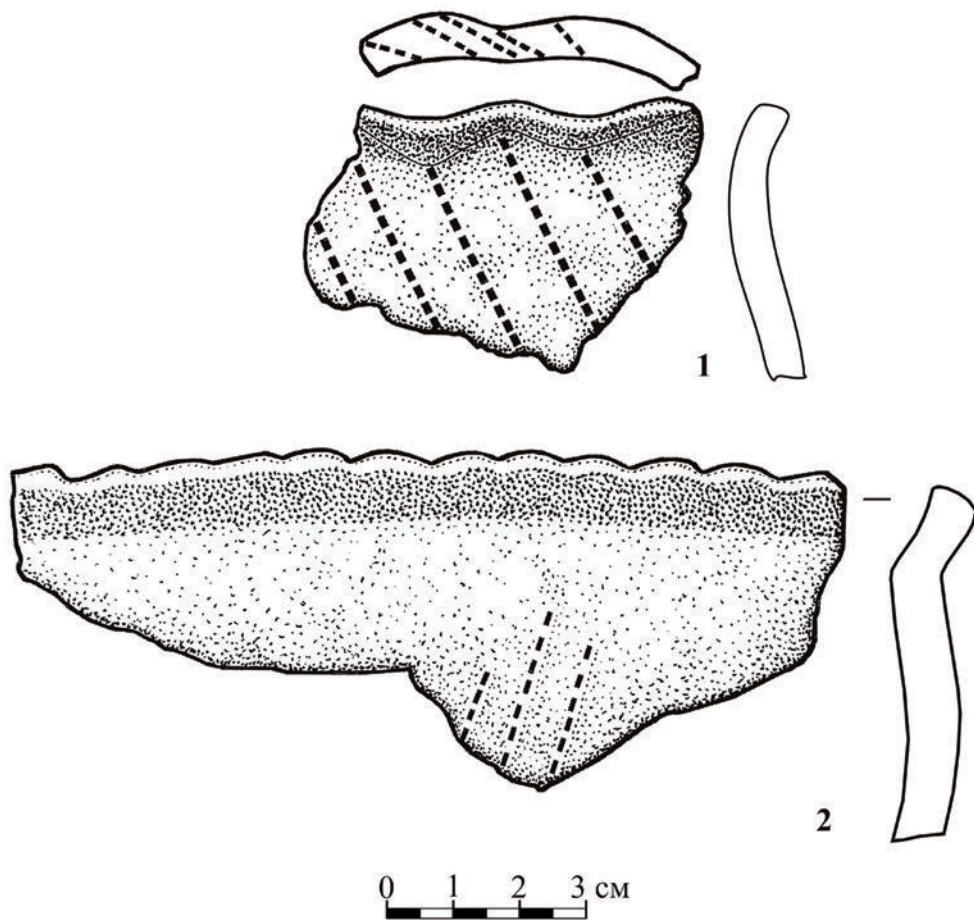


Рис. 95. Кластер № 54.

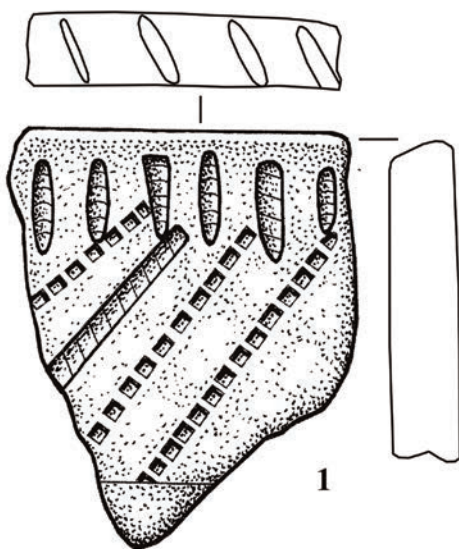


Рис. 96. Кластер № 55.

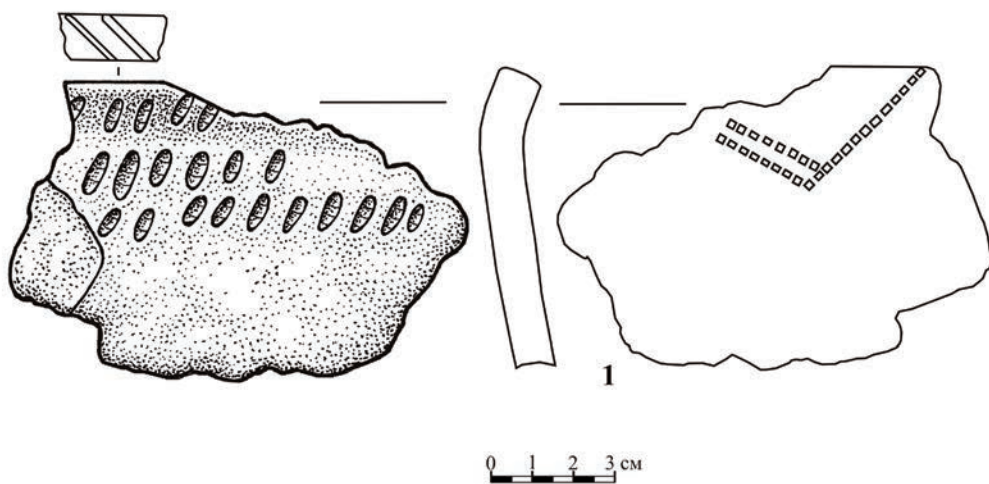


Рис. 97. Кластер № 56.

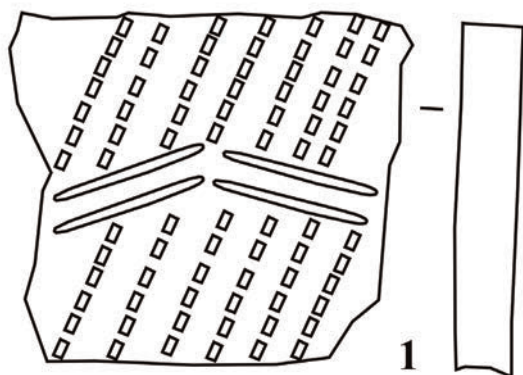


Рис. 98. Кластер № 57.

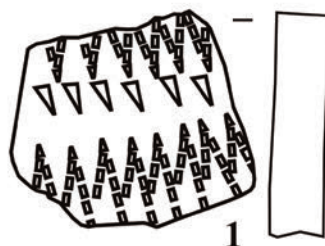


Рис. 99. Кластер № 58.

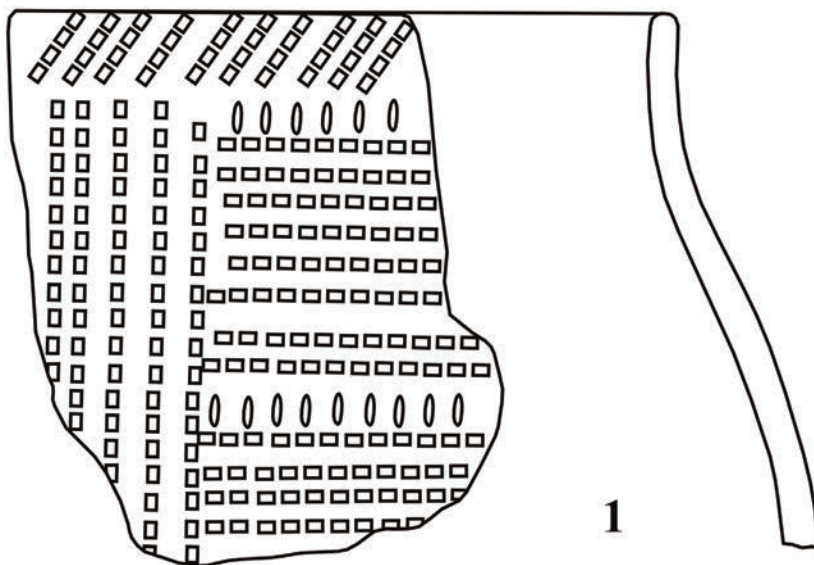


Рис. 100. Кластер № 59.

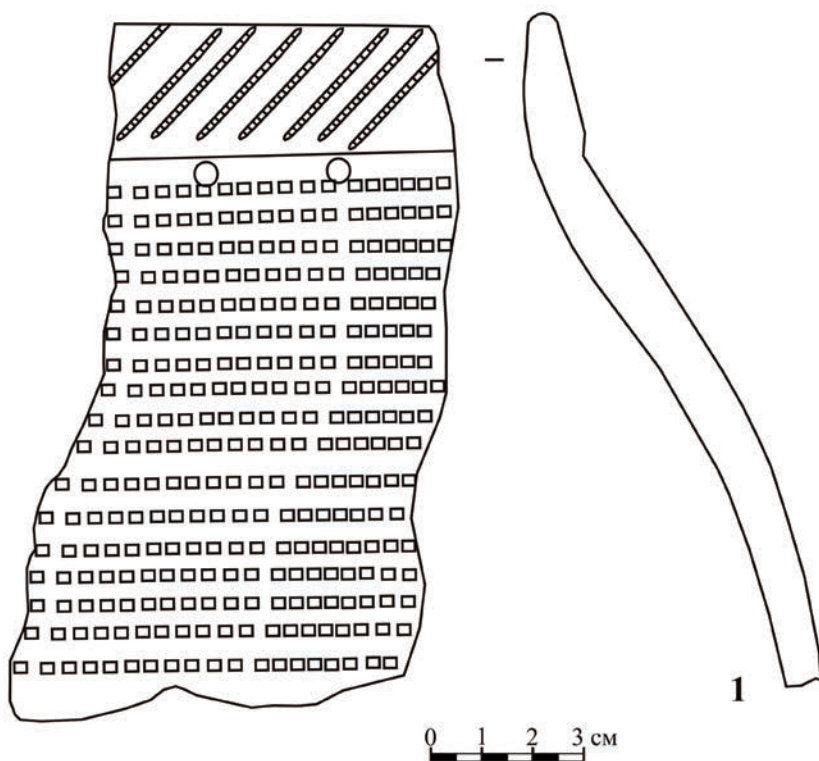


Рис. 101. Кластер № 60.

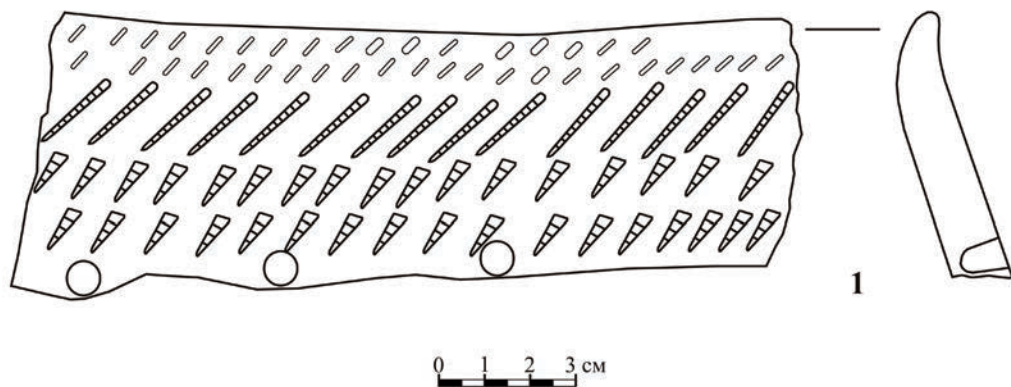


Рис. 102. Кластер № 61.

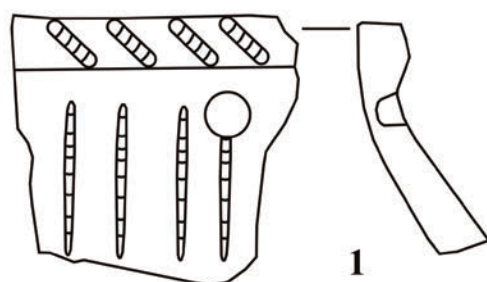


Рис. 103. Кластер № 62.

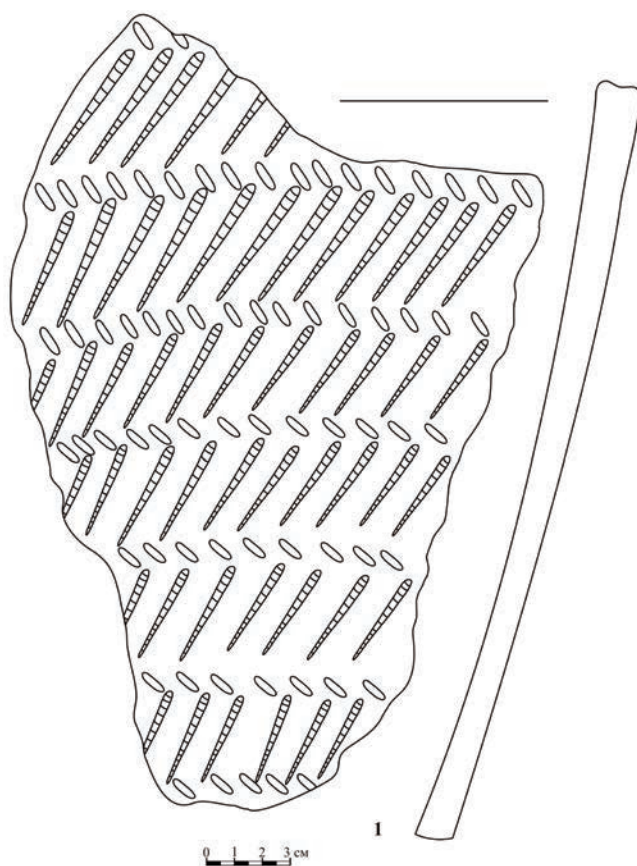


Рис. 104. Кластер № 63.

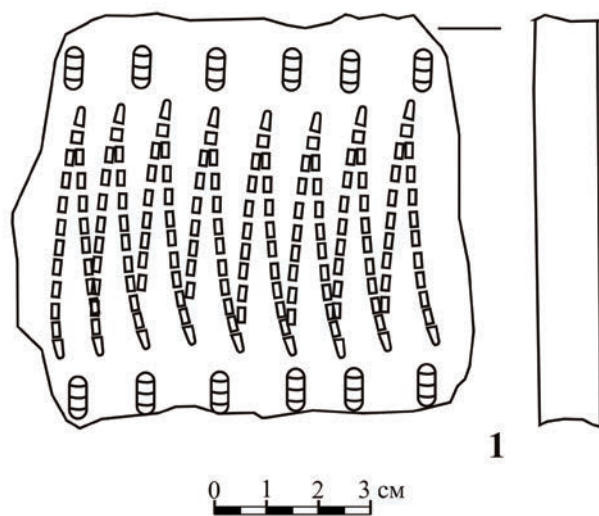


Рис. 105. Кластер № 64.

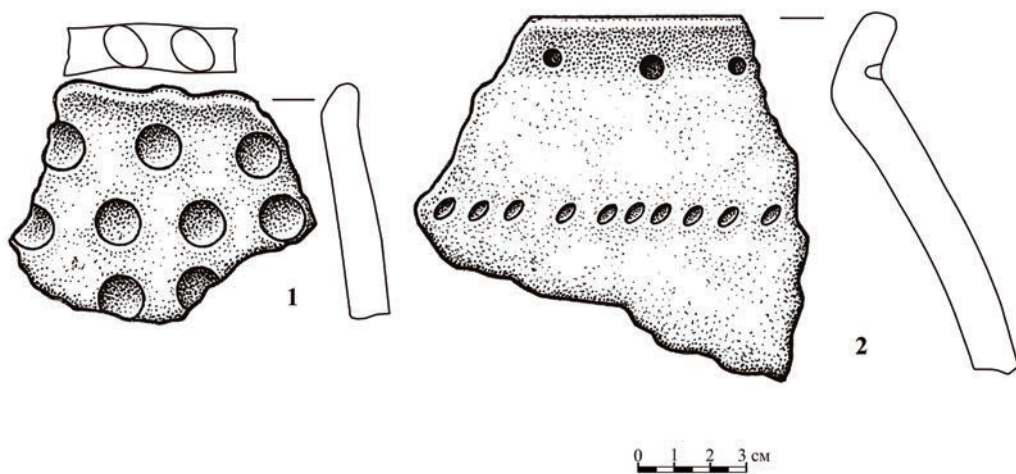


Рис. 106. Кластер № 65.

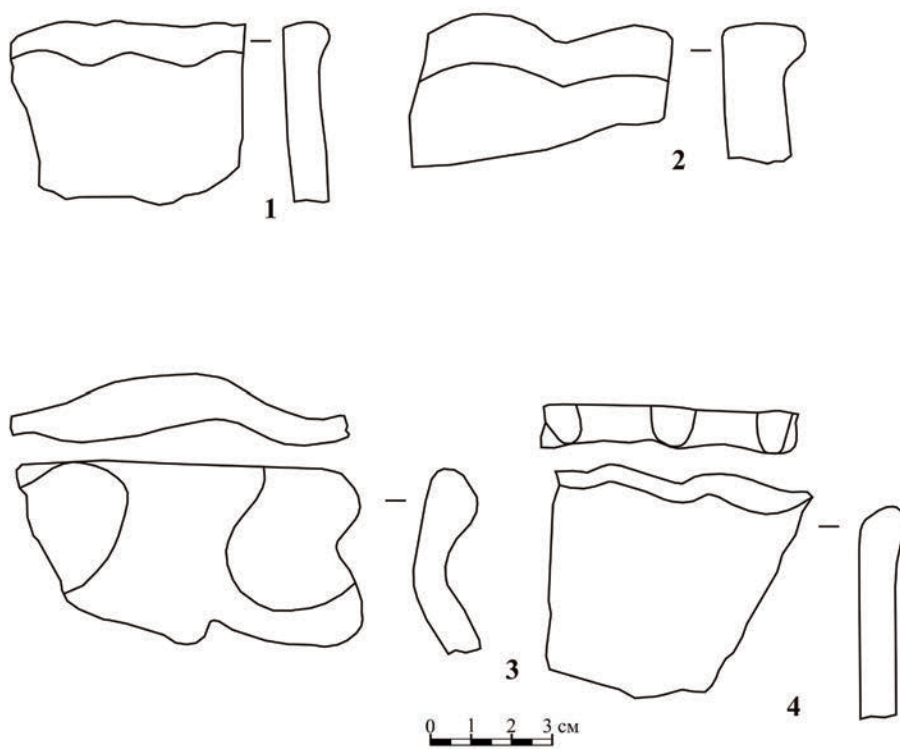


Рис. 107. Кластер № 66.

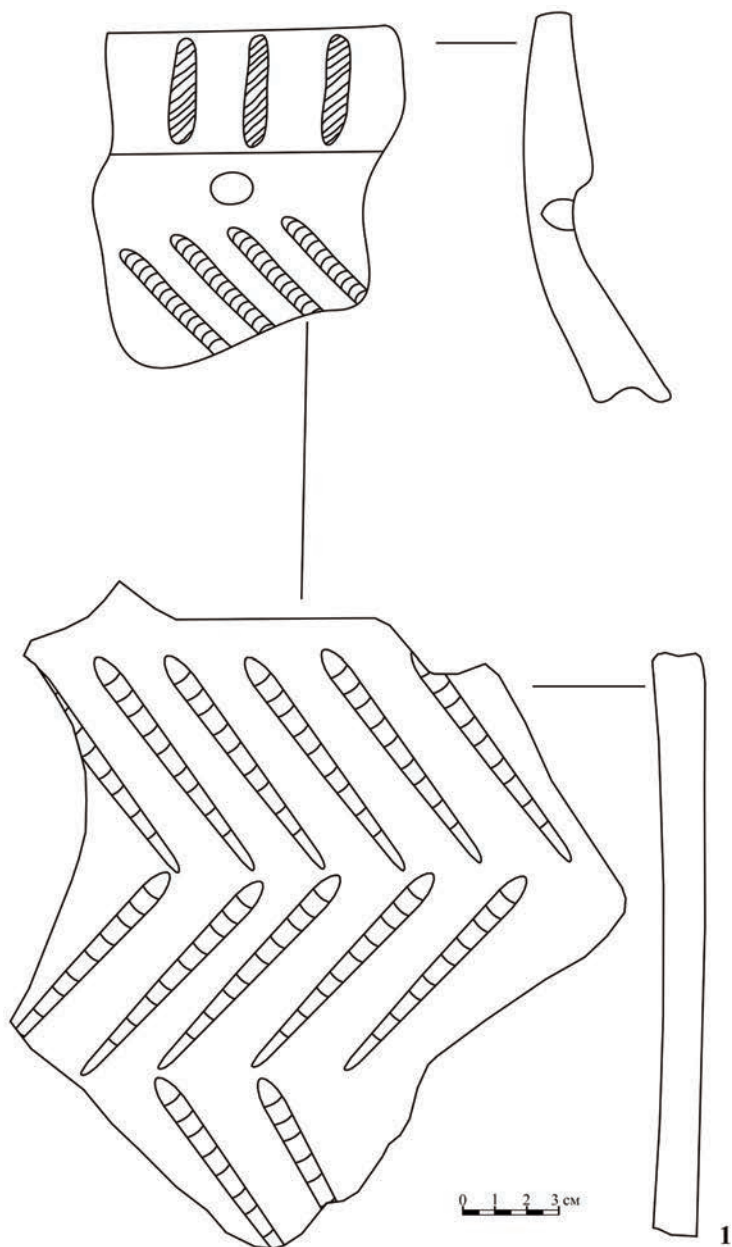


Рис. 108. Кластер № 67.

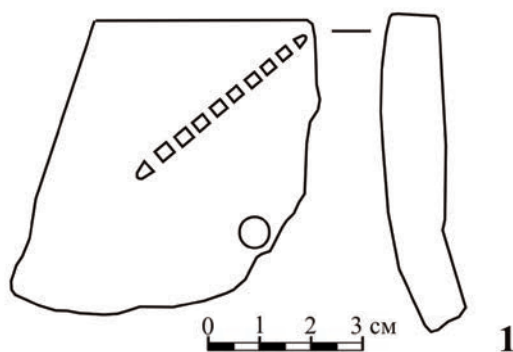


Рис. 109. Кластер № 68.

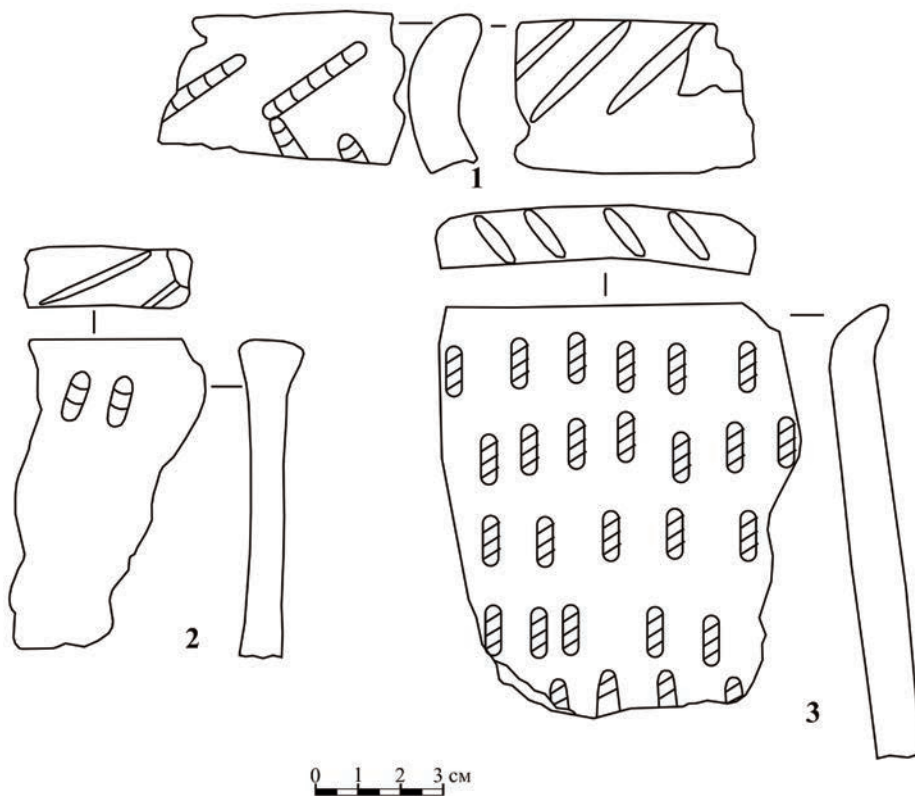


Рис. 110. Кластер № 69.

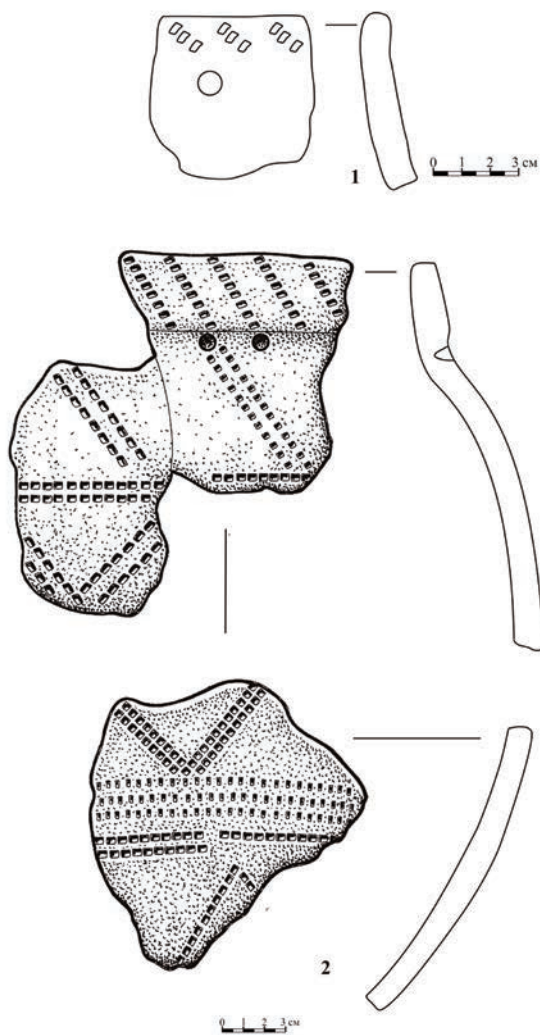
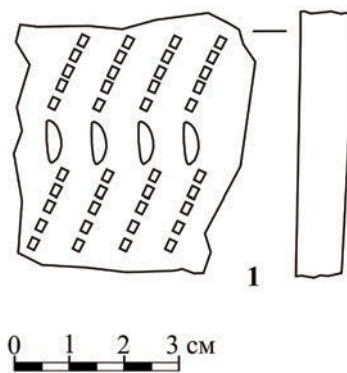


Рис. 111. Кластер № 70.

Рис. 112. Кластер № 71.



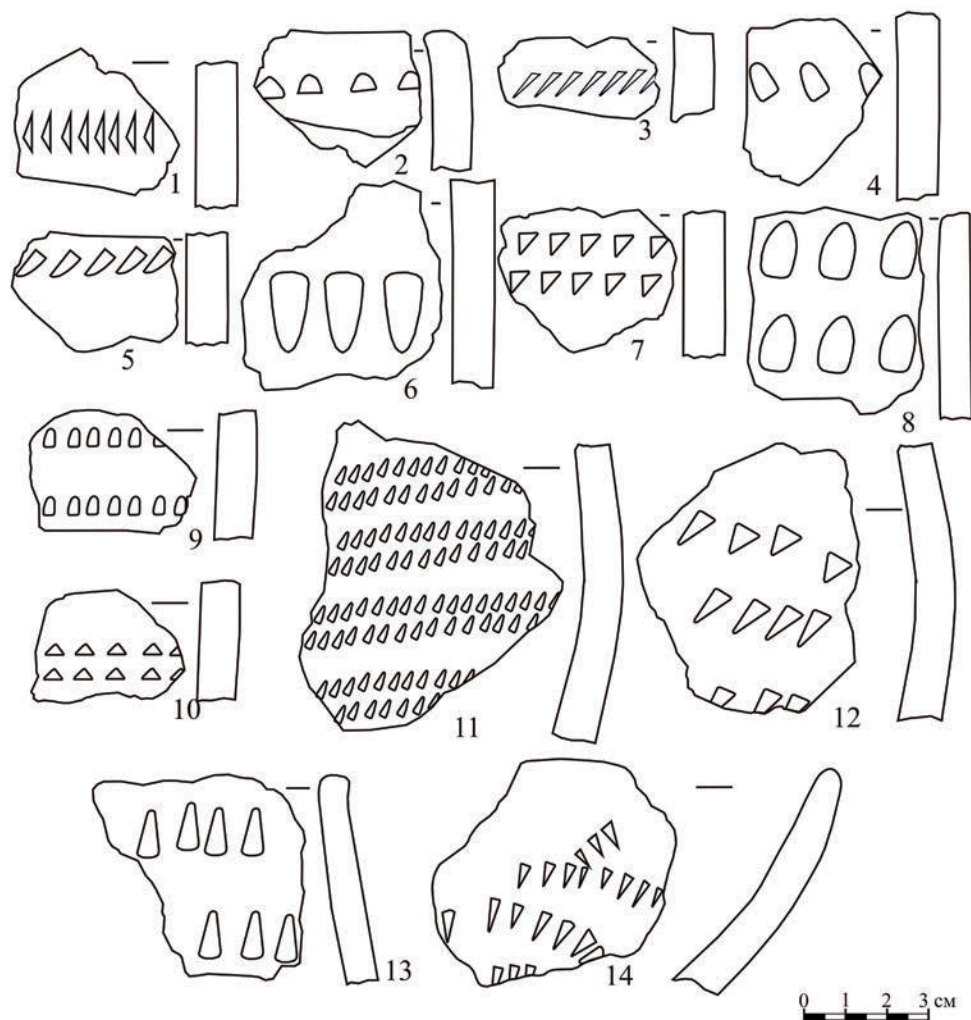


Рис. 113. Кластер № 72.

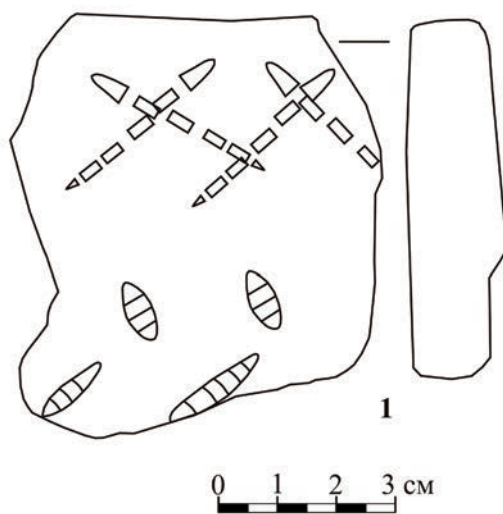


Рис. 114. Кластер № 73.

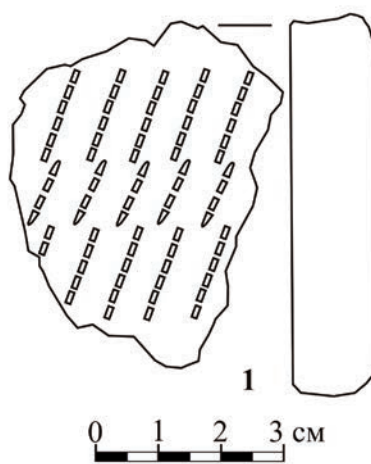


Рис. 115. Кластер № 74.

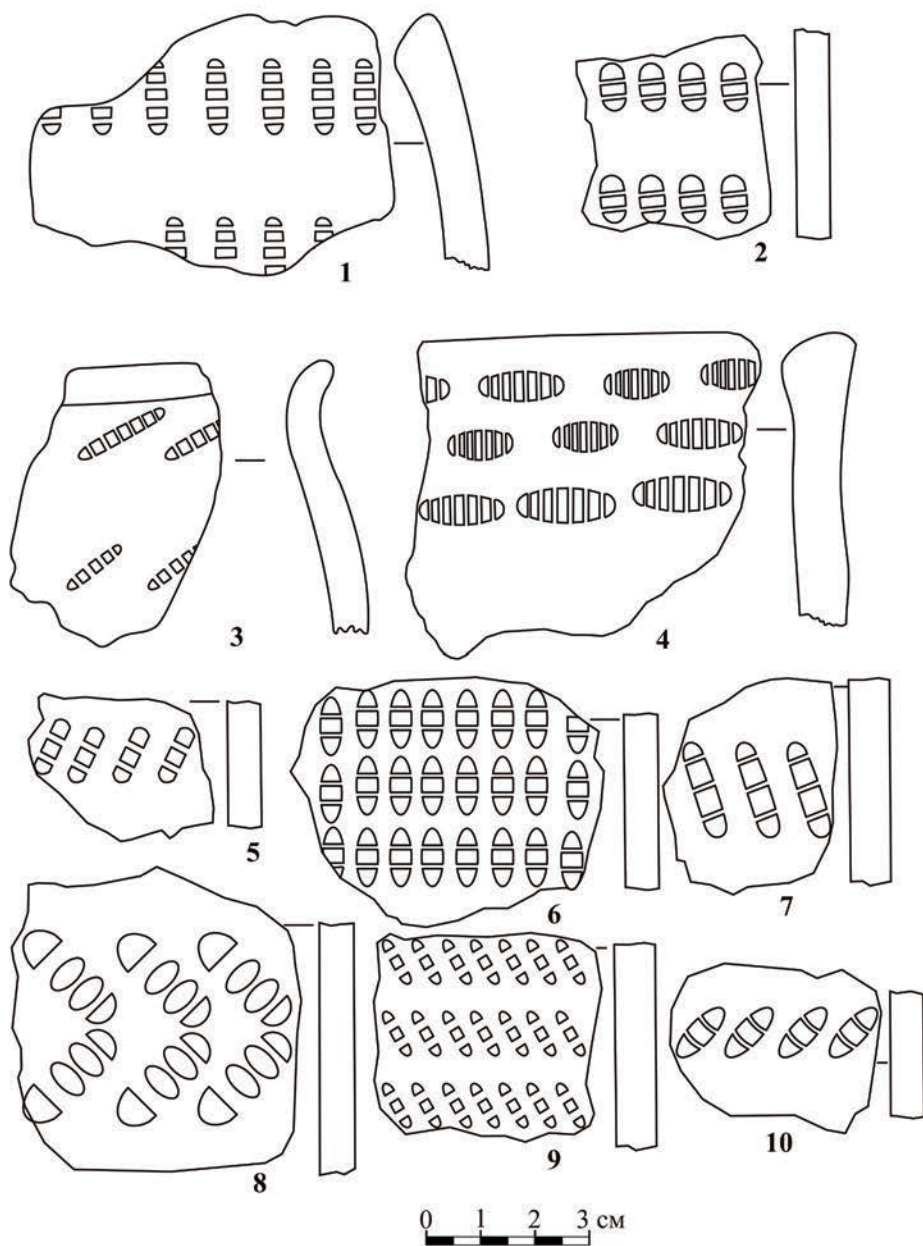


Рис. 116. Кластер № 75.

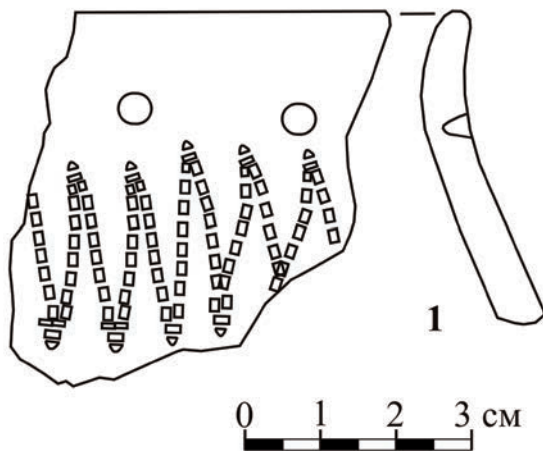


Рис. 117. Кластер № 76.

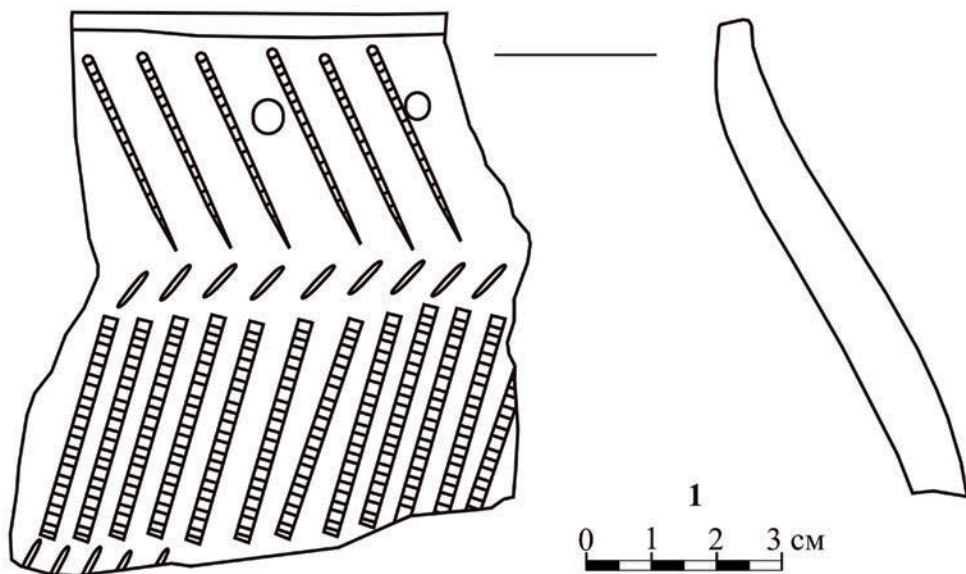


Рис. 118. Кластер № 77.

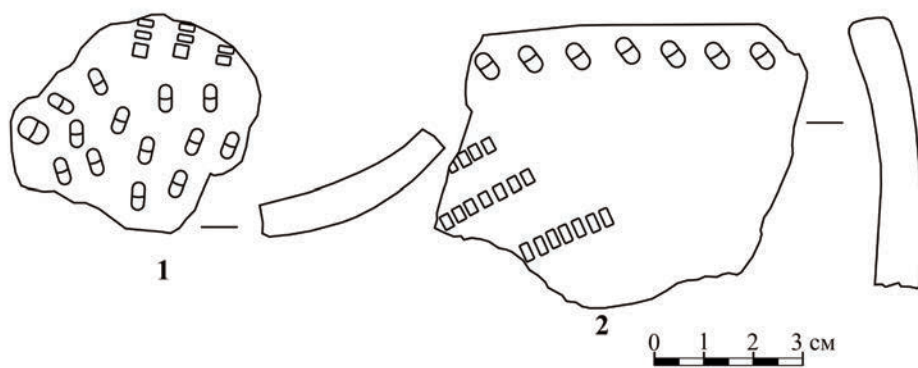


Рис. 119. Кластер № 78.

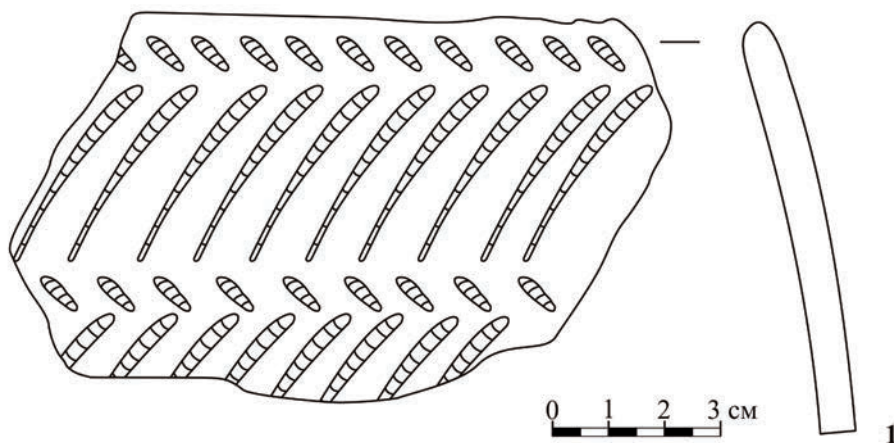


Рис. 120. Кластер № 79.

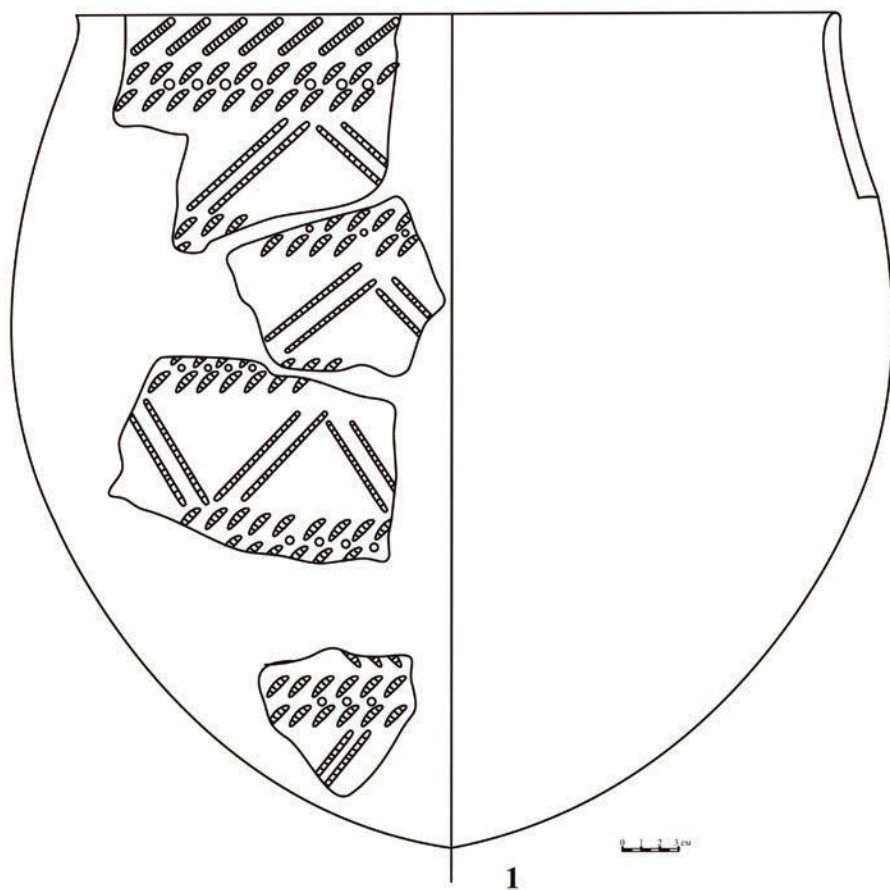


Рис. 121. Кластер № 80.

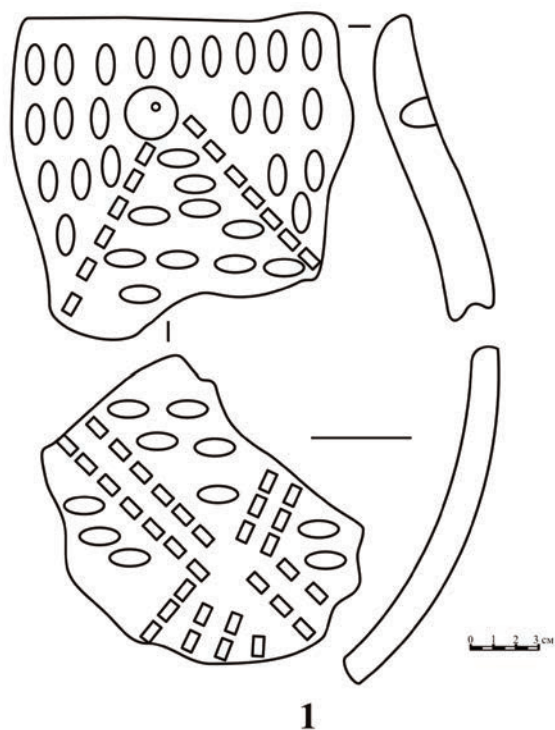


Рис. 122. Кластер № 81.

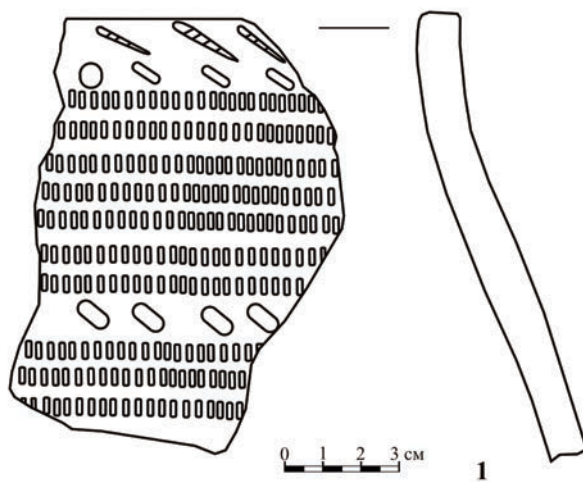


Рис. 123. Кластер № 82.

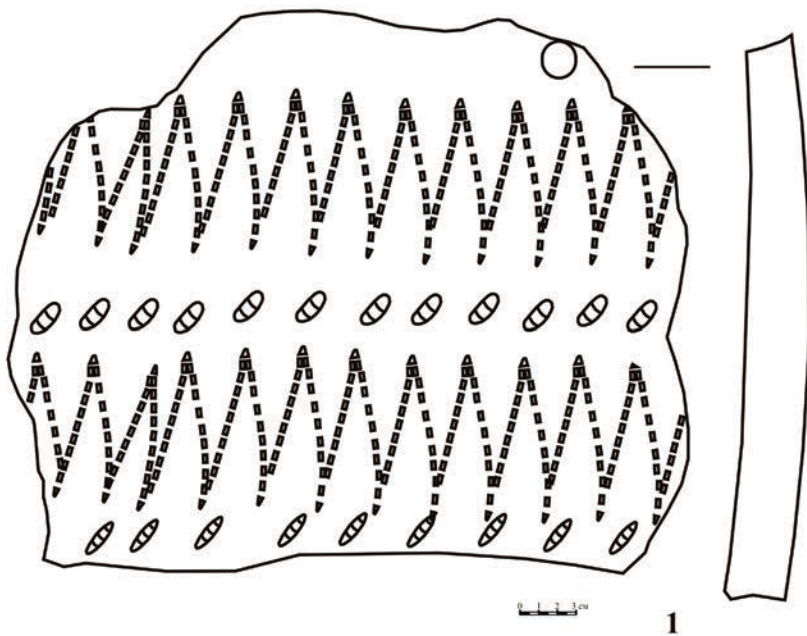


Рис. 124. Кластер № 83.

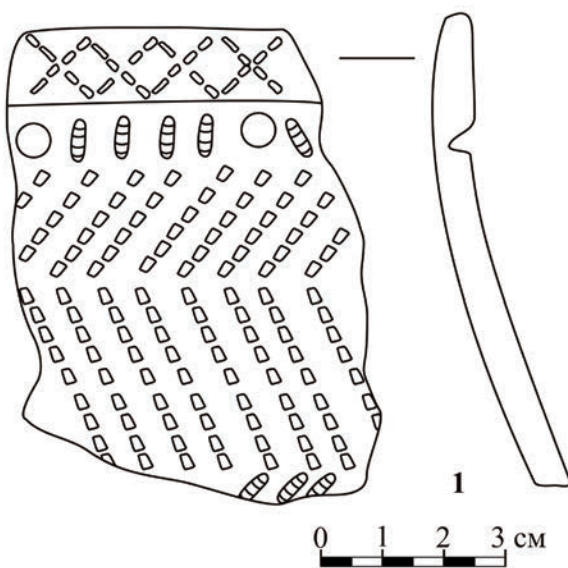


Рис. 125. Кластер № 84.

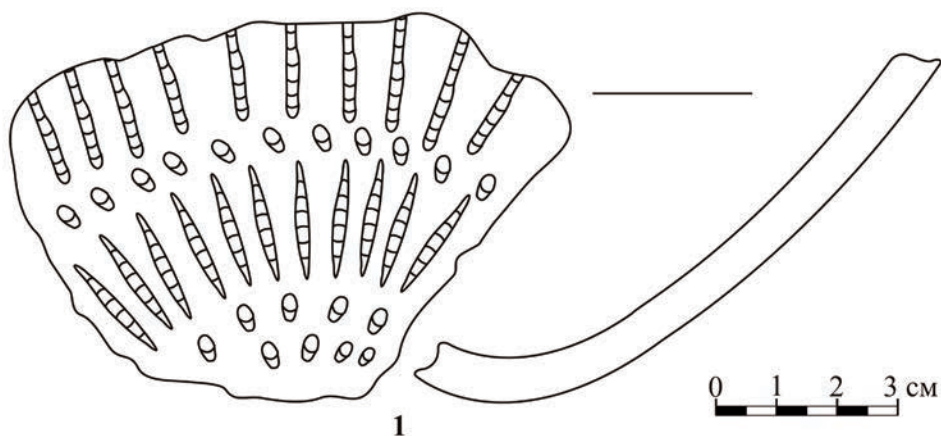


Рис. 126. Кластер № 85.

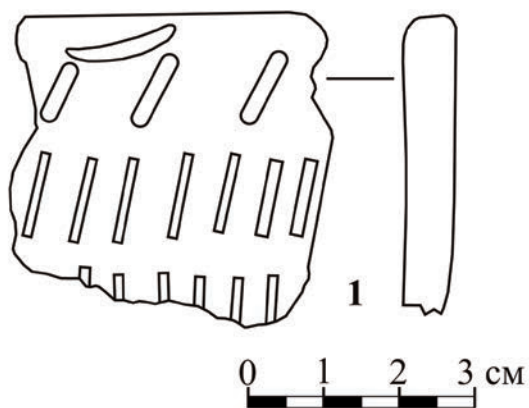


Рис. 127. Кластер № 86.

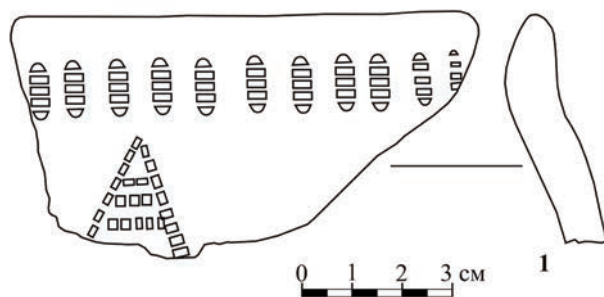


Рис. 128. Кластер № 87.

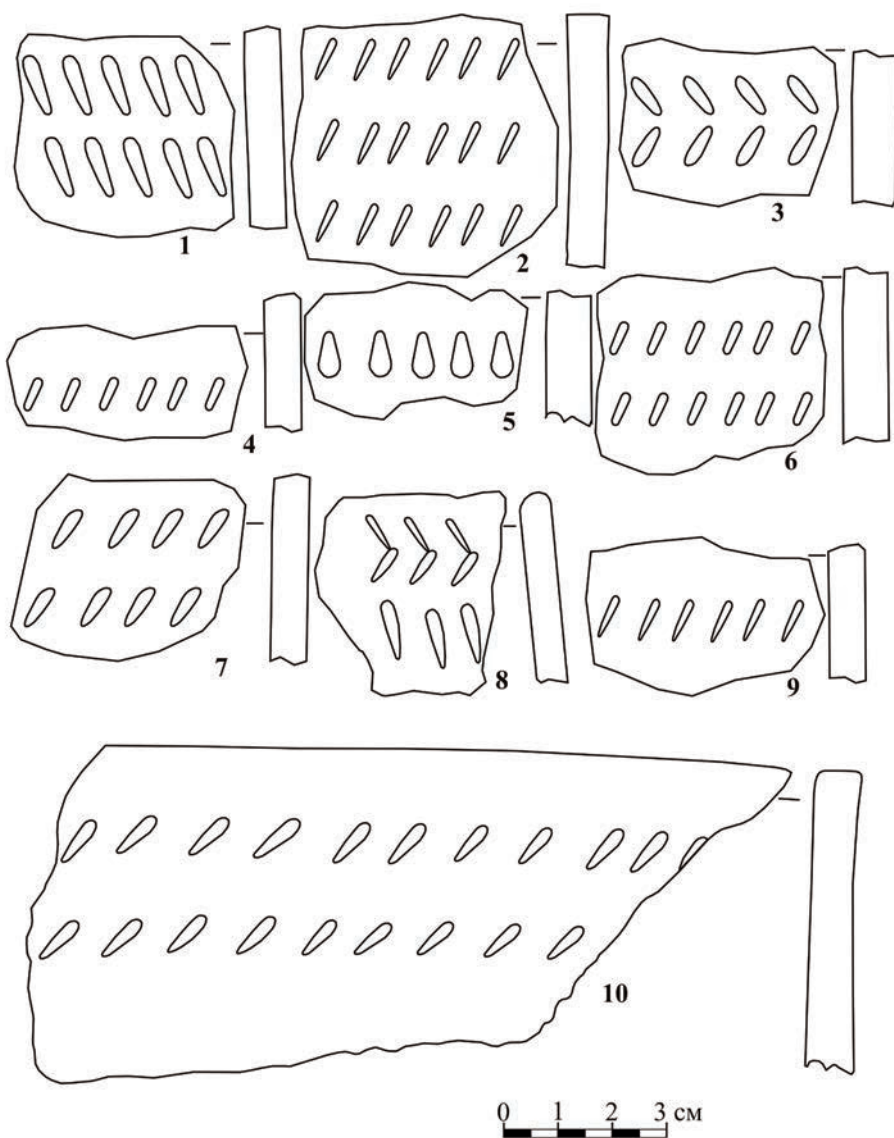


Рис. 129. Кластер № 88.

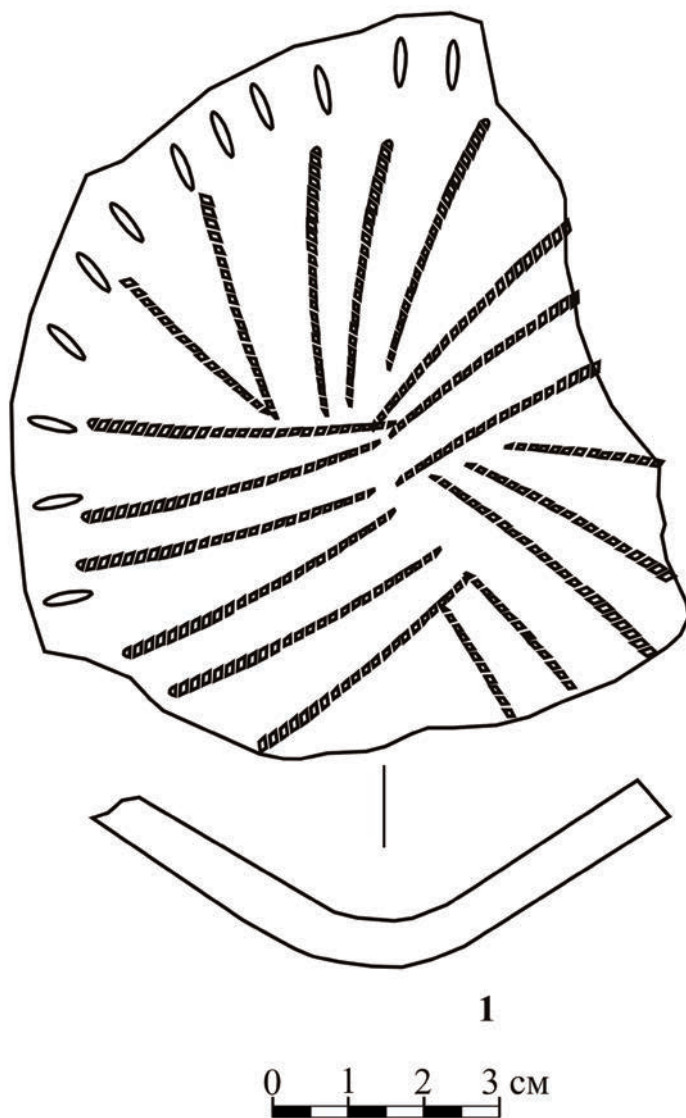


Рис. 130. Кластер № 89.

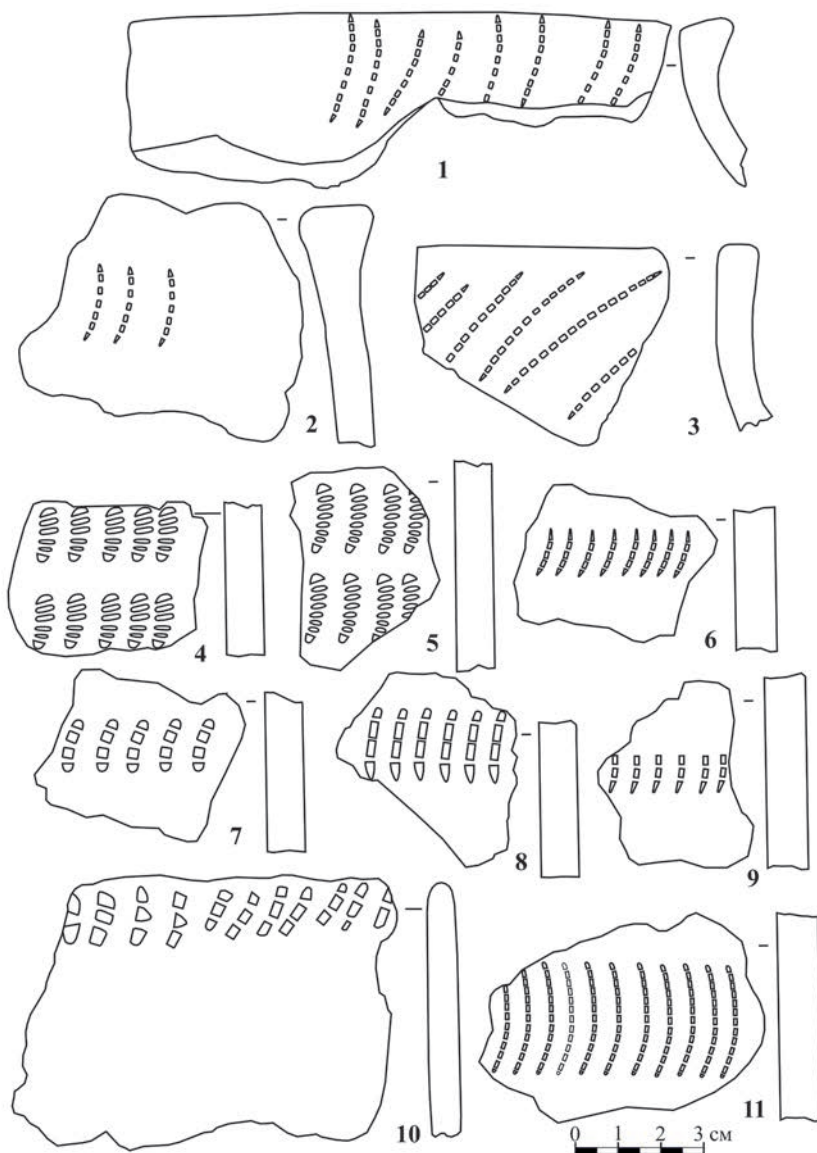


Рис. 131. Кластер № 90.

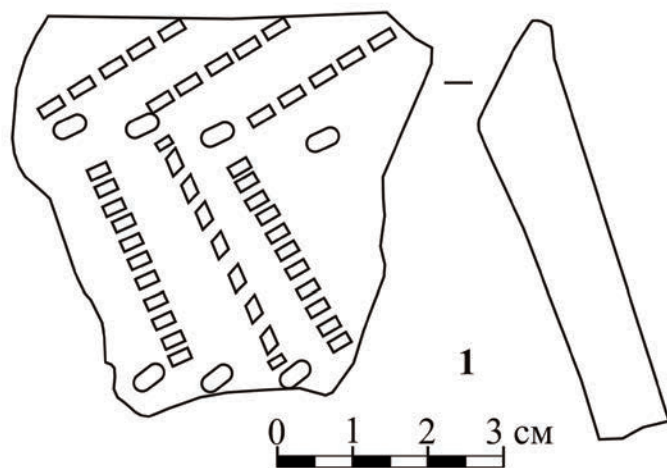


Рис. 132. Кластер № 91.

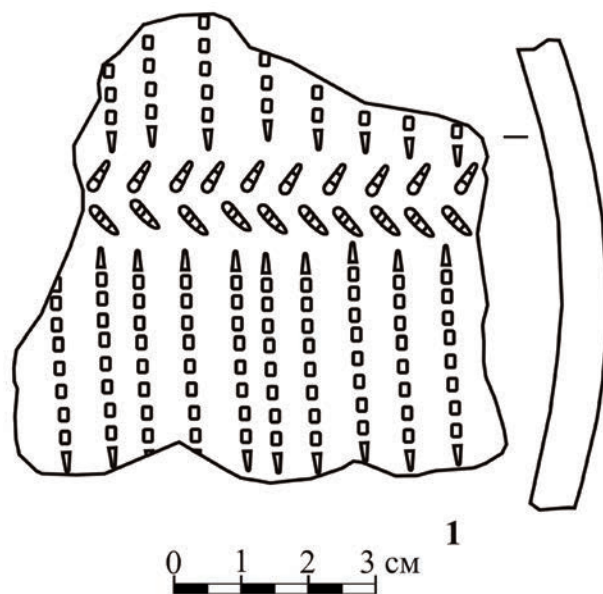


Рис. 133. Кластер № 92.

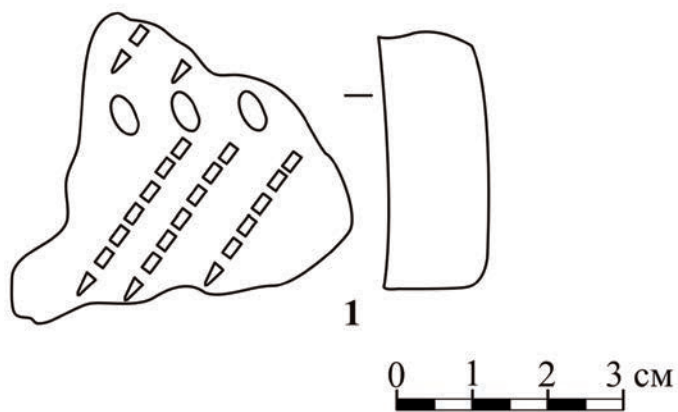


Рис. 134. Кластер № 93.

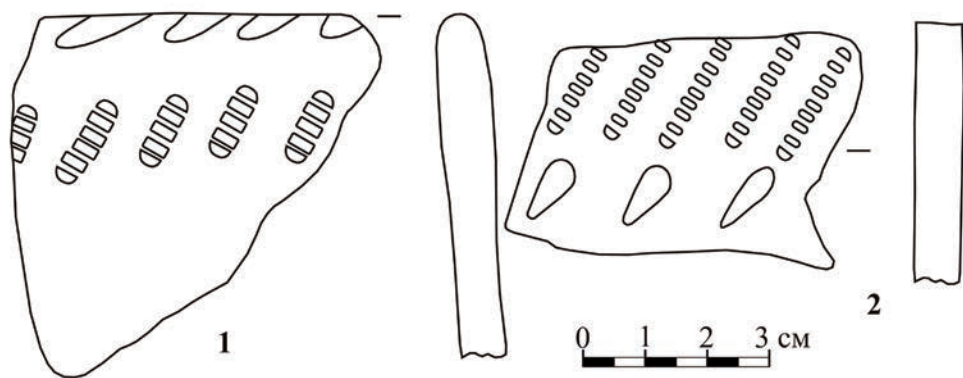


Рис. 135. Кластер № 94.

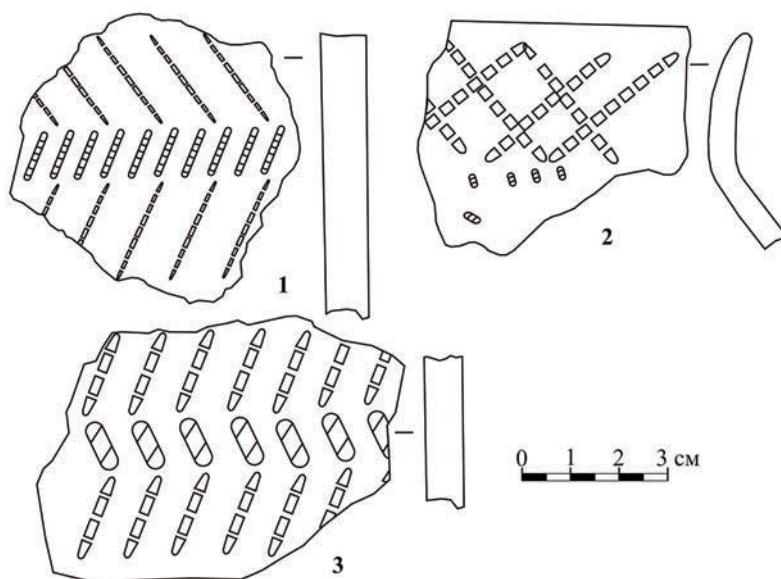


Рис. 136. Кластер № 95.

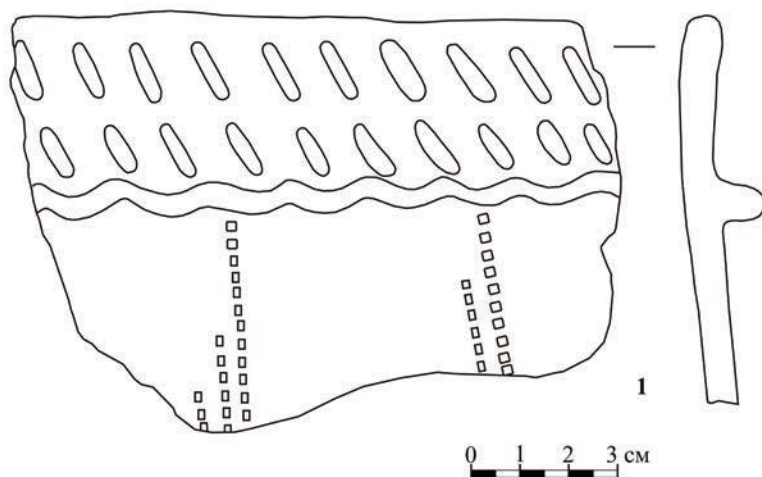


Рис. 137. Кластер № 96.

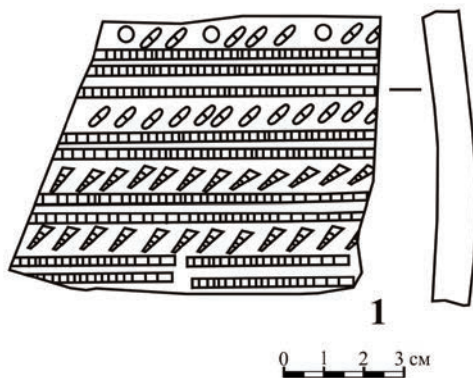


Рис. 138. Кластер № 97.

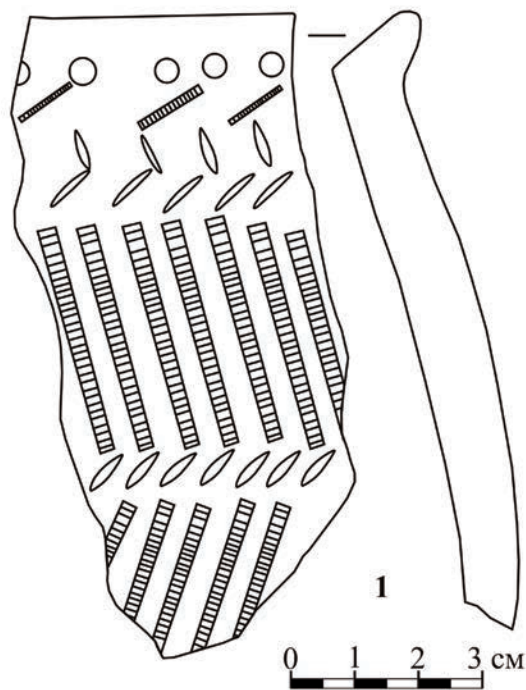


Рис. 139. Кластер № 98.

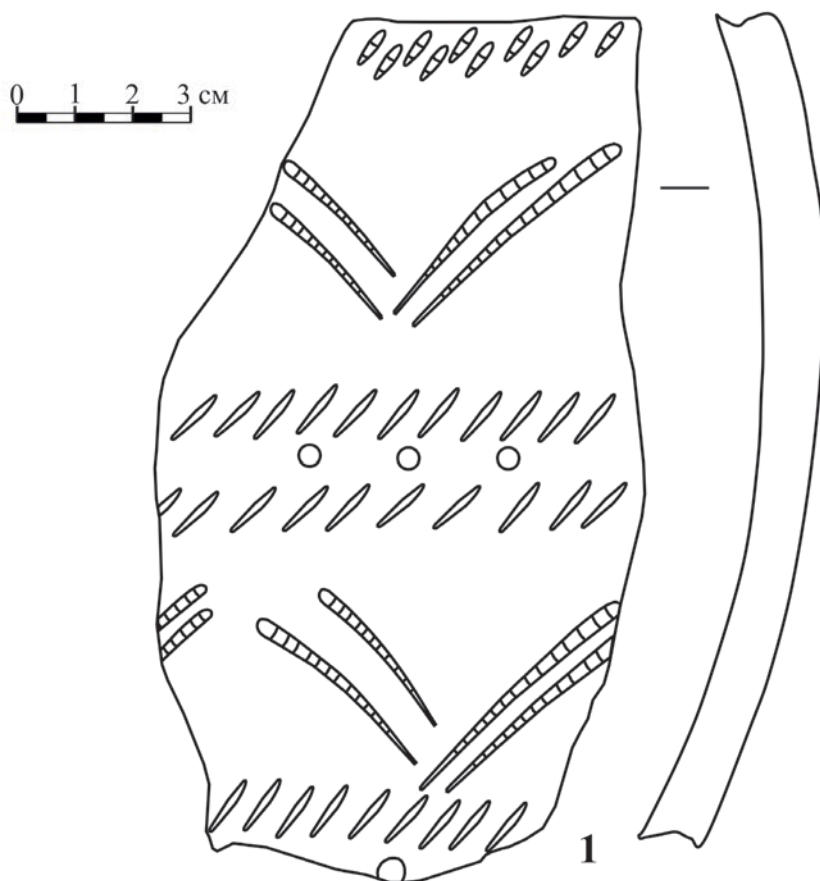


Рис. 140. Кластер № 99.

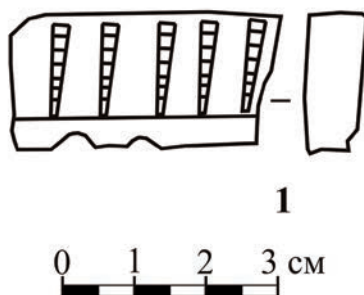


Рис. 141. Кластер № 100.

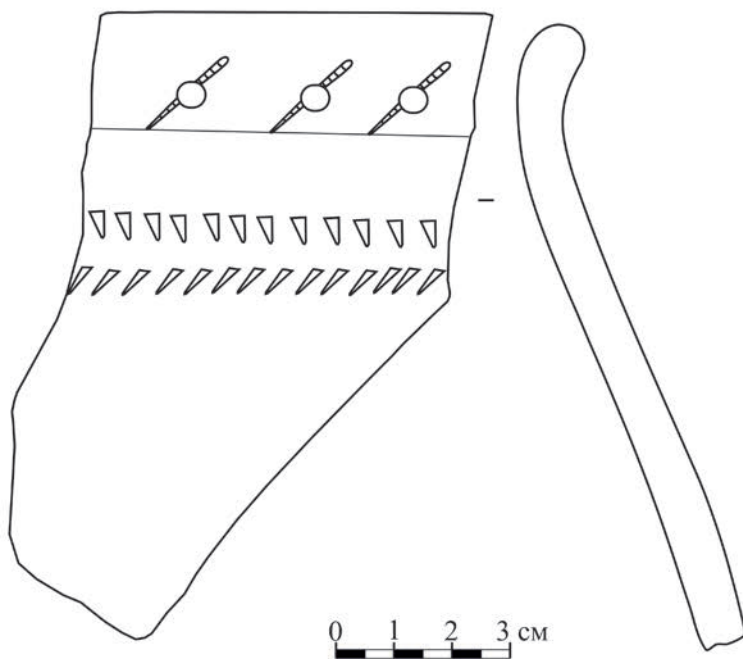


Рис. 142. Кластер № 101.

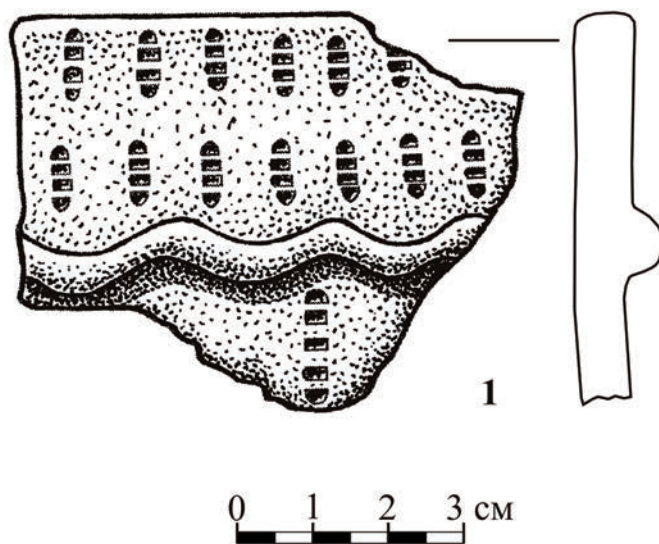
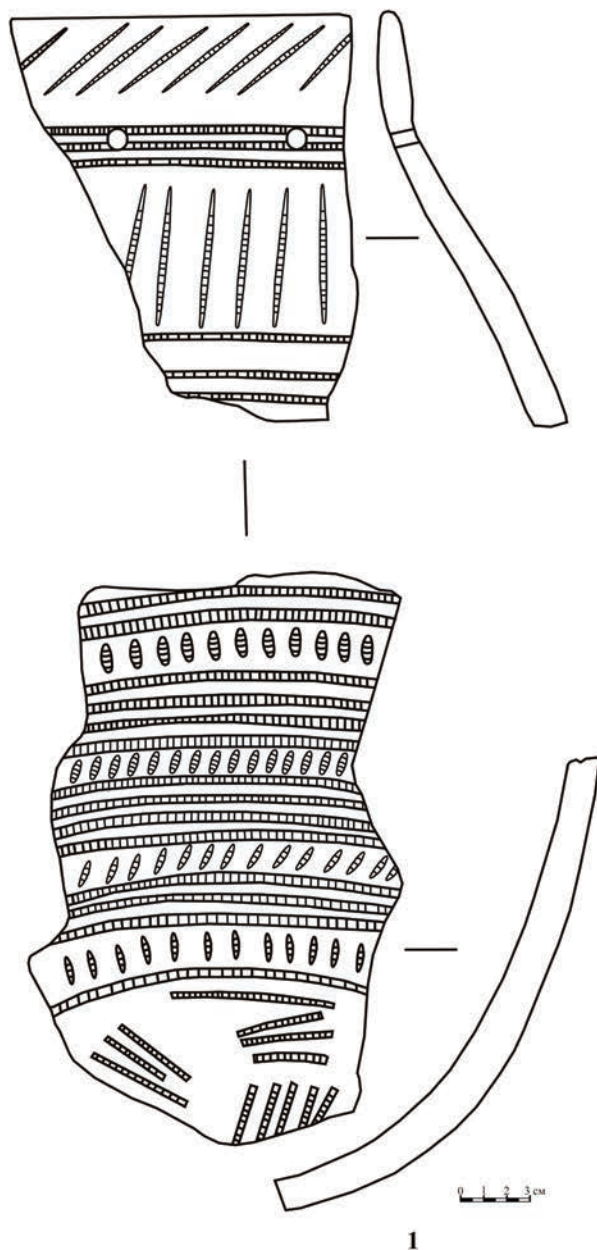


Рис. 143. Кластер № 102.



1

Рис. 144. Кластер № 103.

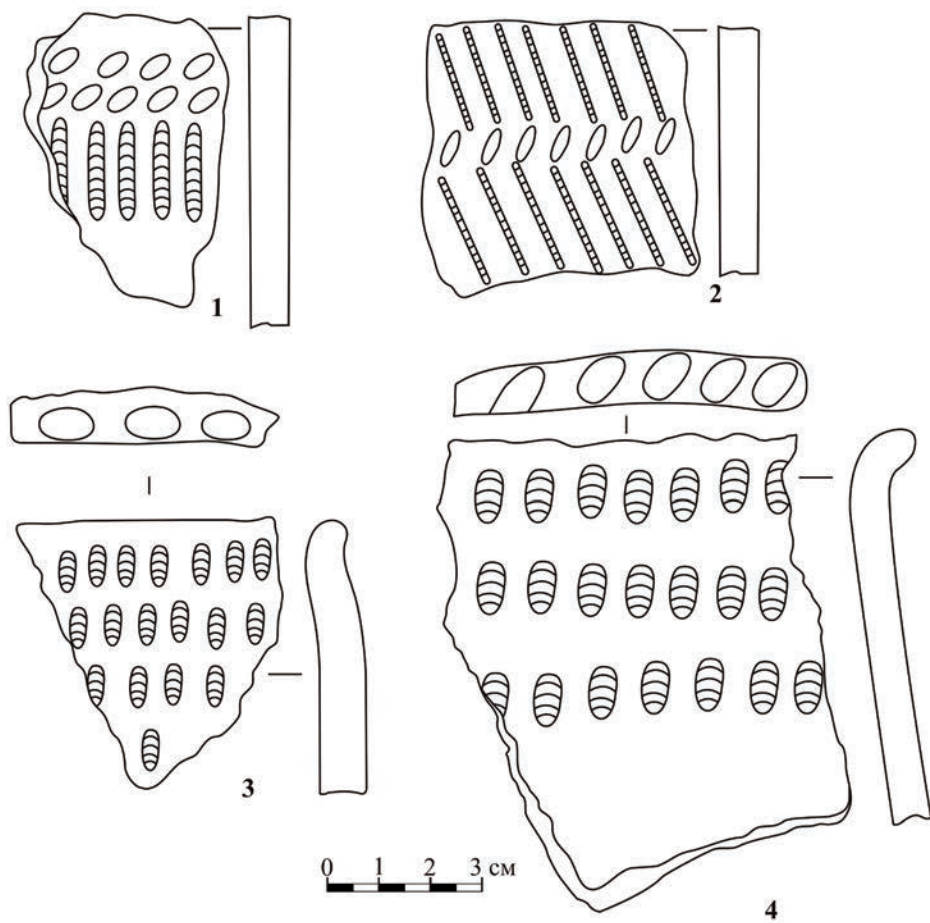


Рис. 145. Кластер № 104.

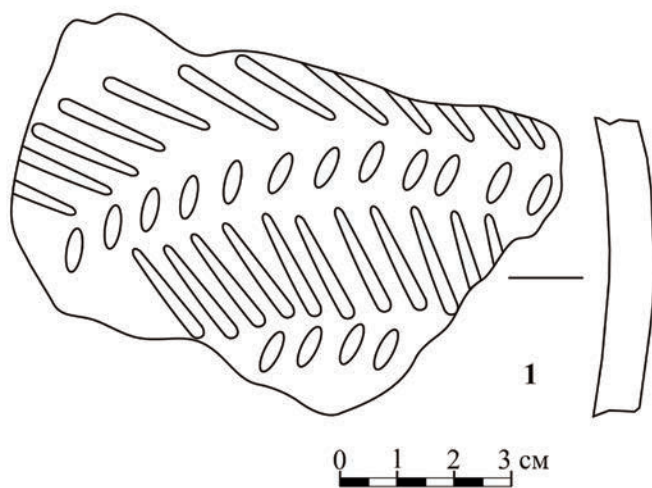


Рис. 146. Кластер № 105.

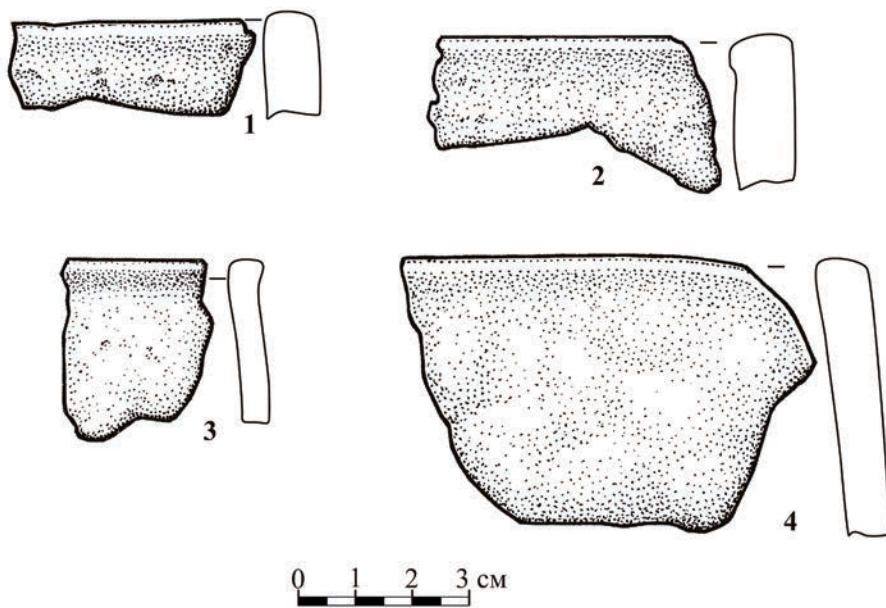


Рис. 147. Кластер № 106.

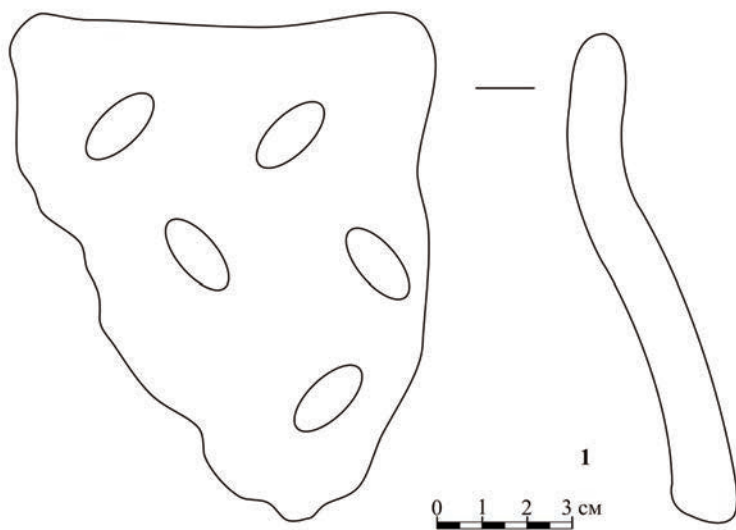


Рис. 148. Кластер № 107.

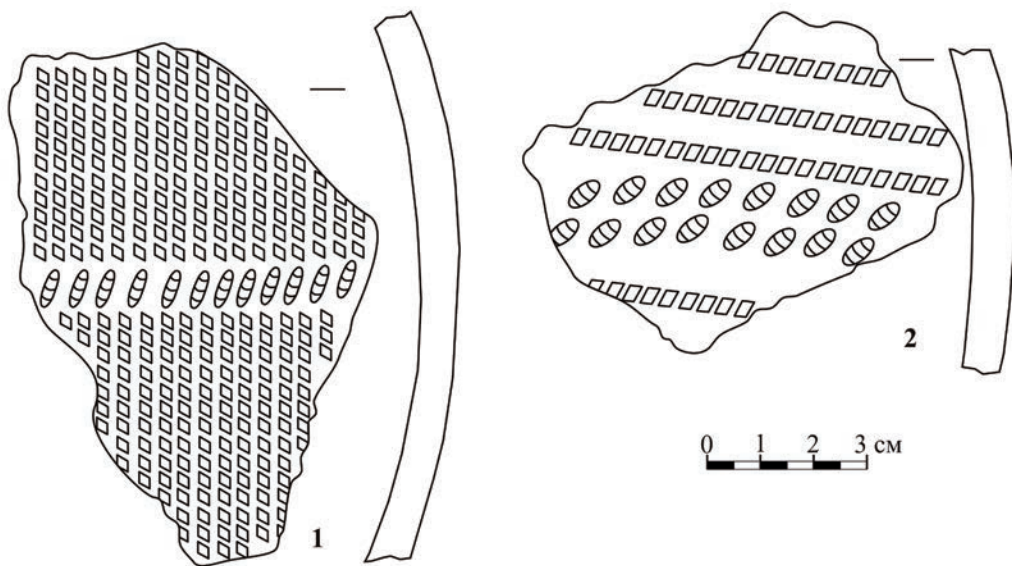


Рис. 149. Кластер № 108.

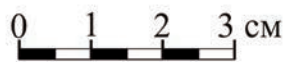
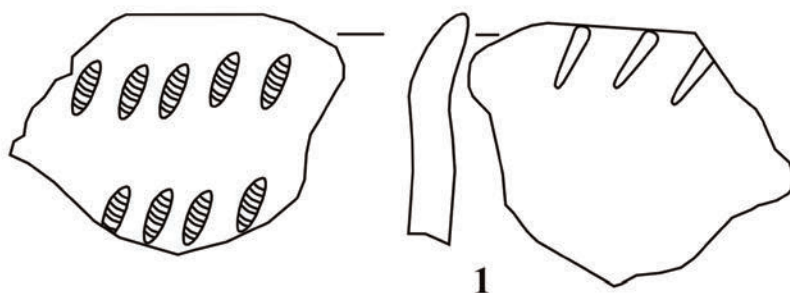


Рис. 150. Кластер № 109.

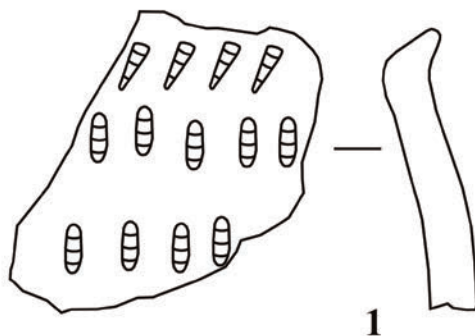


Рис. 151. Кластер № 110.

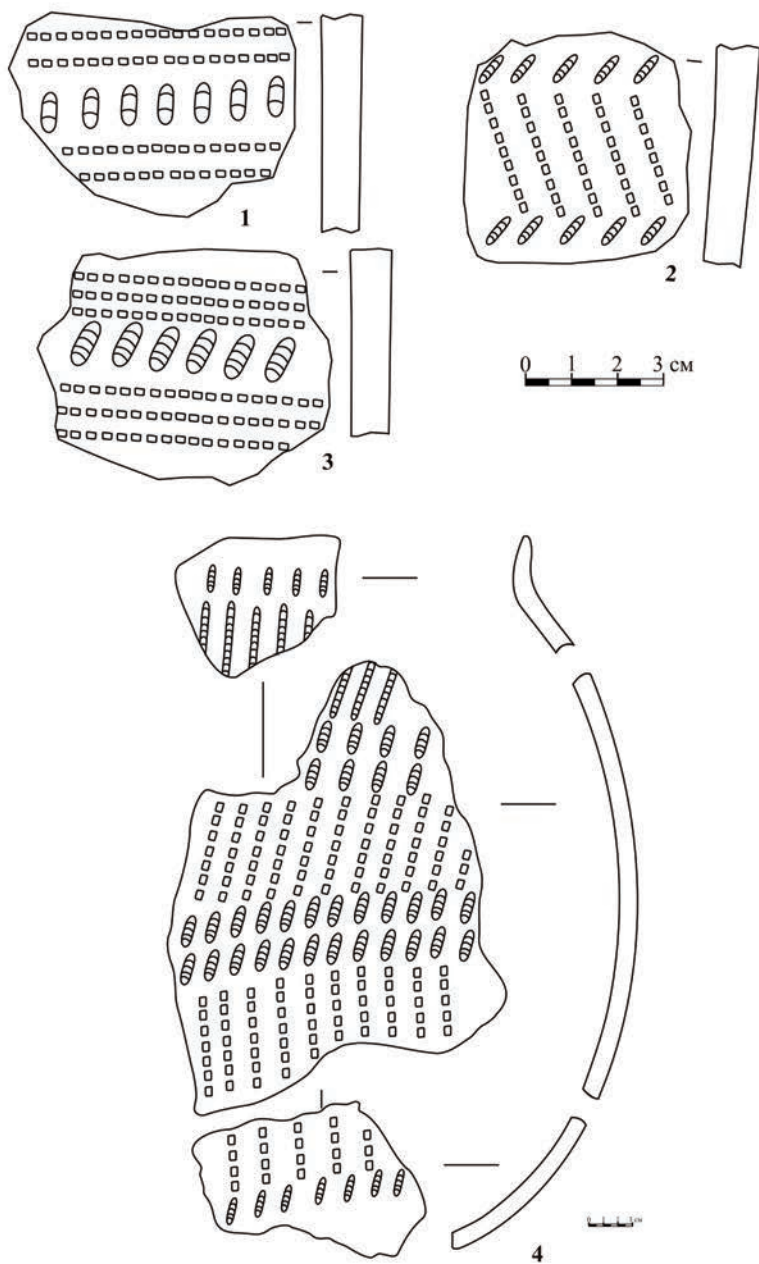


Рис. 152. Кластер № 111.

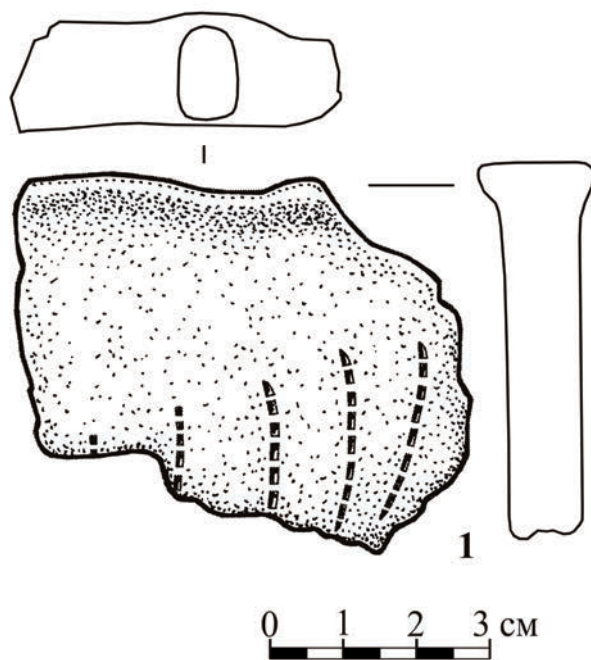


Рис. 153. Кластер № 112.

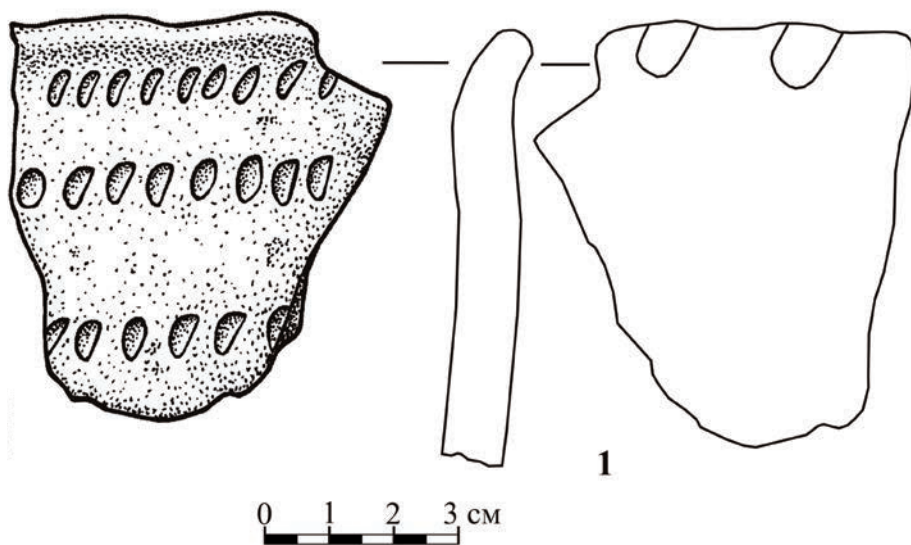


Рис. 154. Кластер № 113.

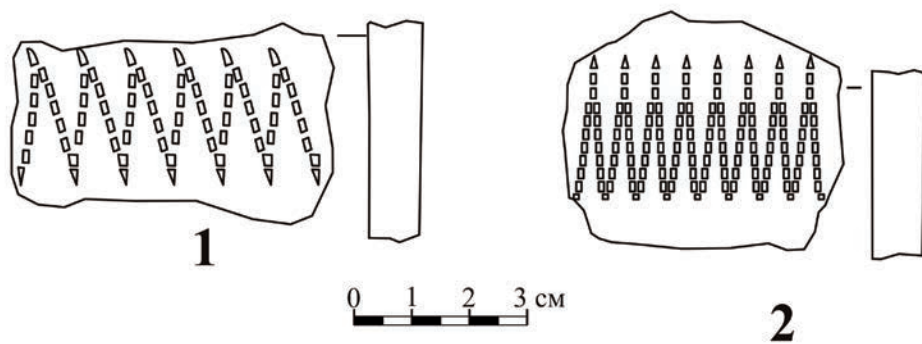


Рис. 155. Кластер № 114.

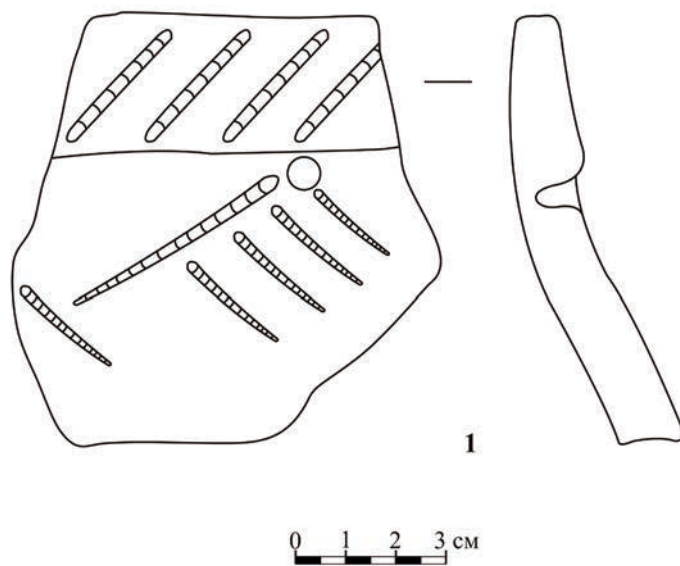


Рис. 156. Кластер № 115.

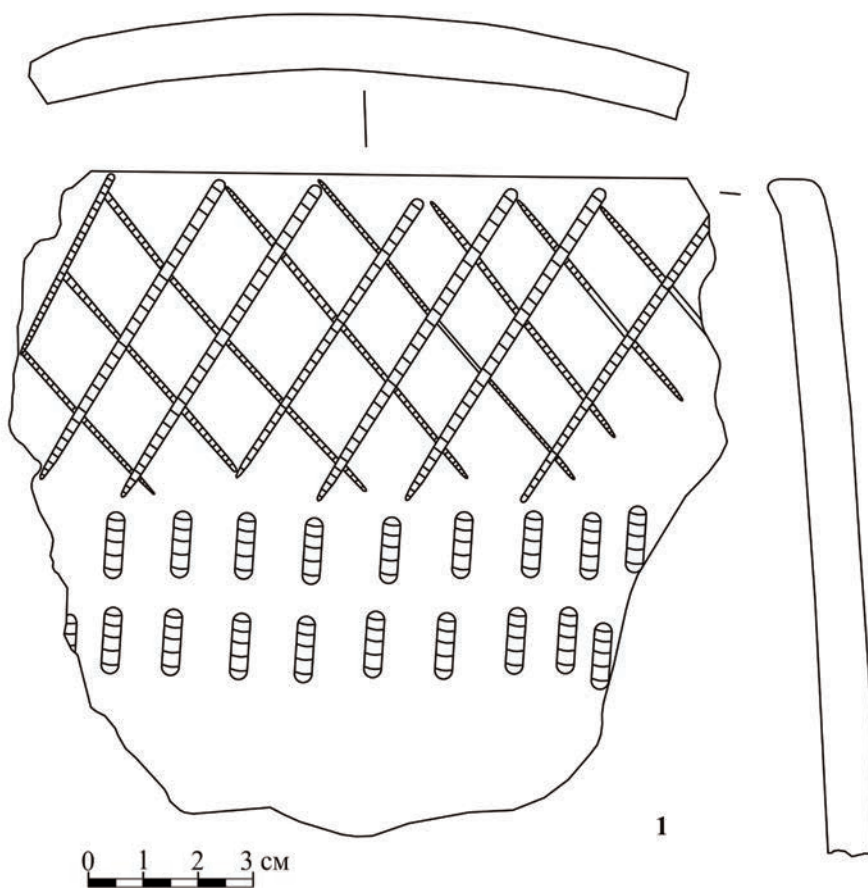


Рис. 157. Кластер № 116.

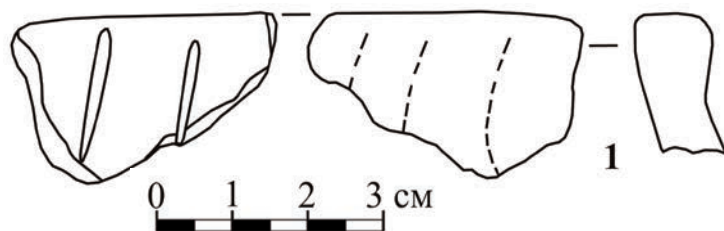


Рис. 158. Кластер № 117.

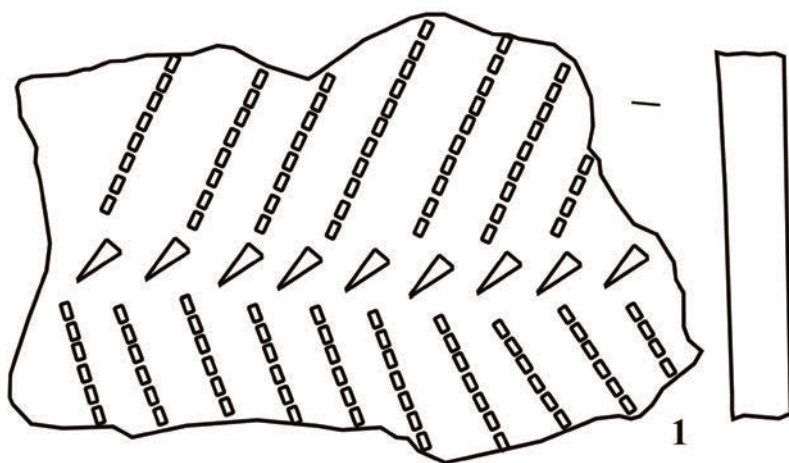


Рис. 159. Кластер № 118.

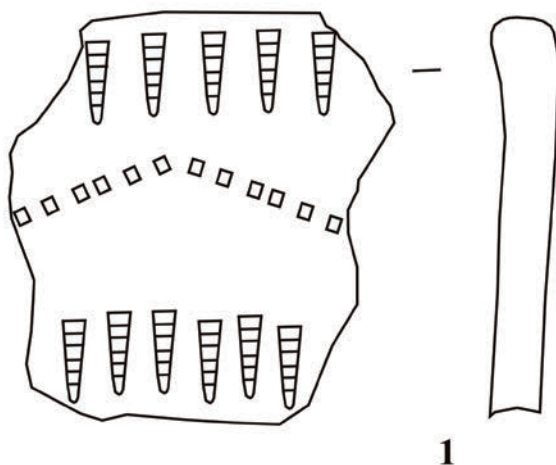


Рис. 160. Кластер № 119.

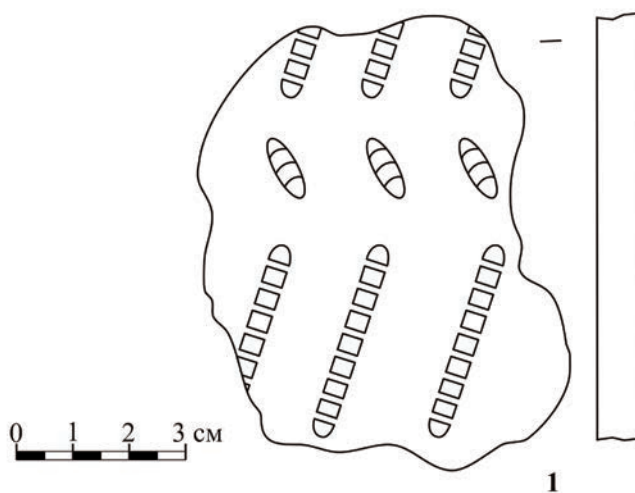


Рис. 161. Кластер № 120.

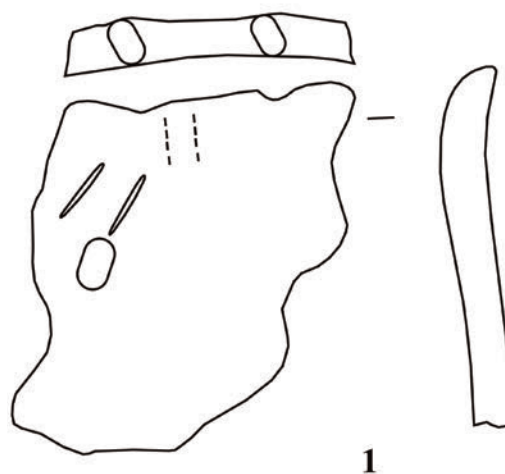


Рис. 162. Кластер № 121.

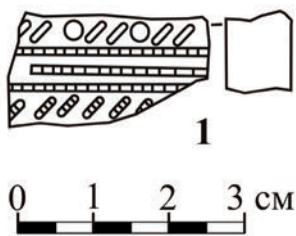


Рис. 163. Кластер № 122.

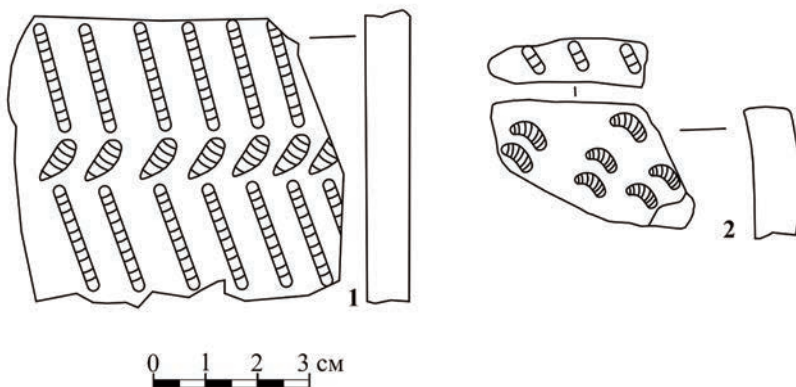


Рис. 164. Кластер № 123.

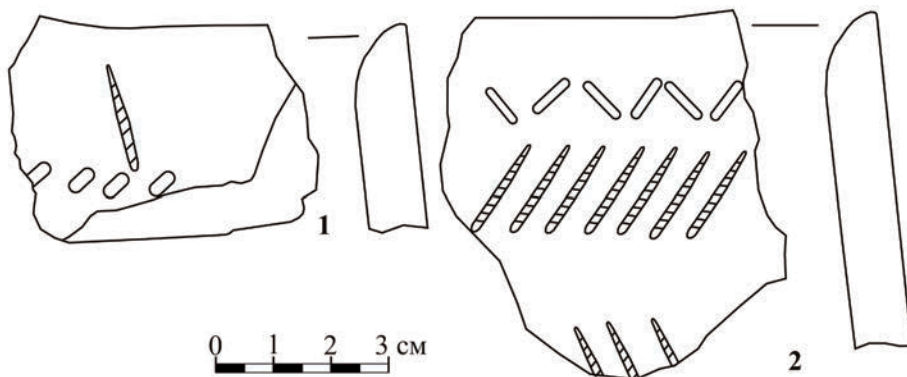


Рис. 165. Кластер № 124.

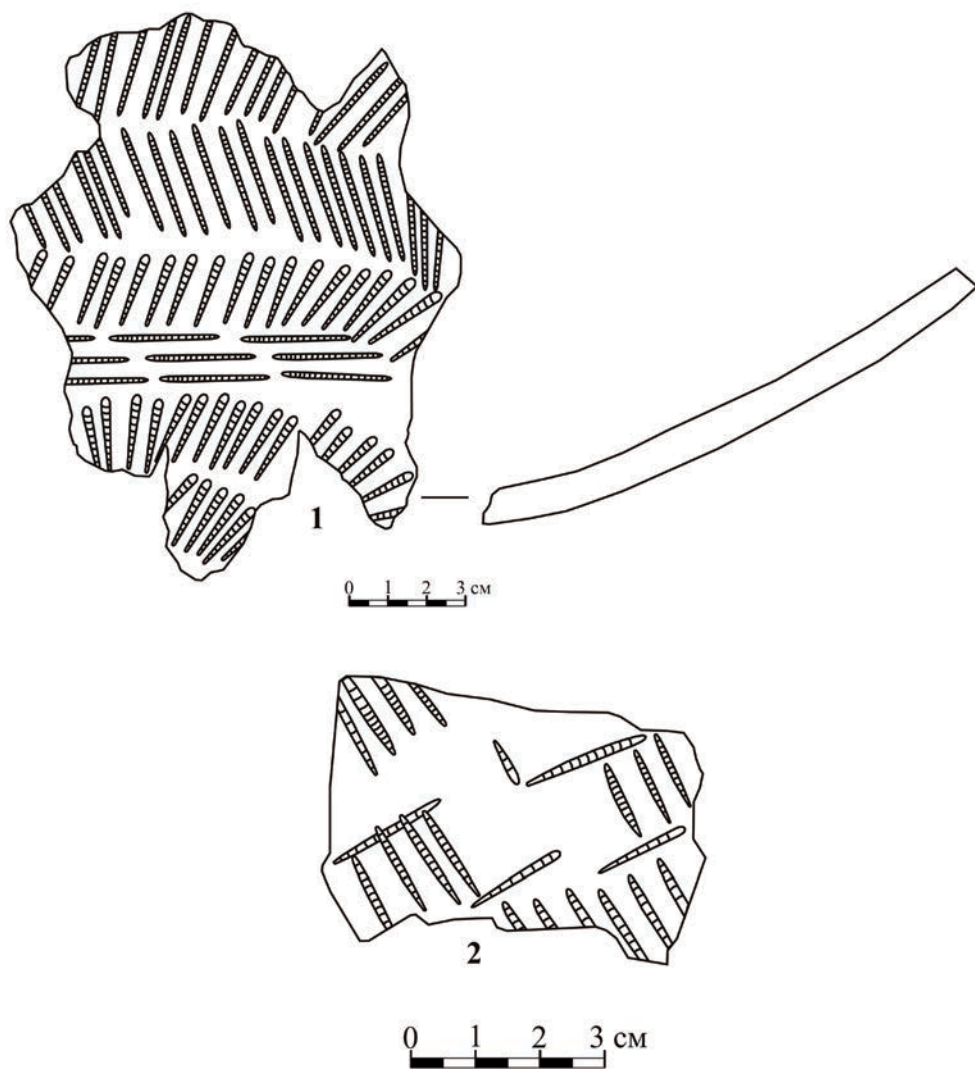


Рис. 166. Кластер № 125.

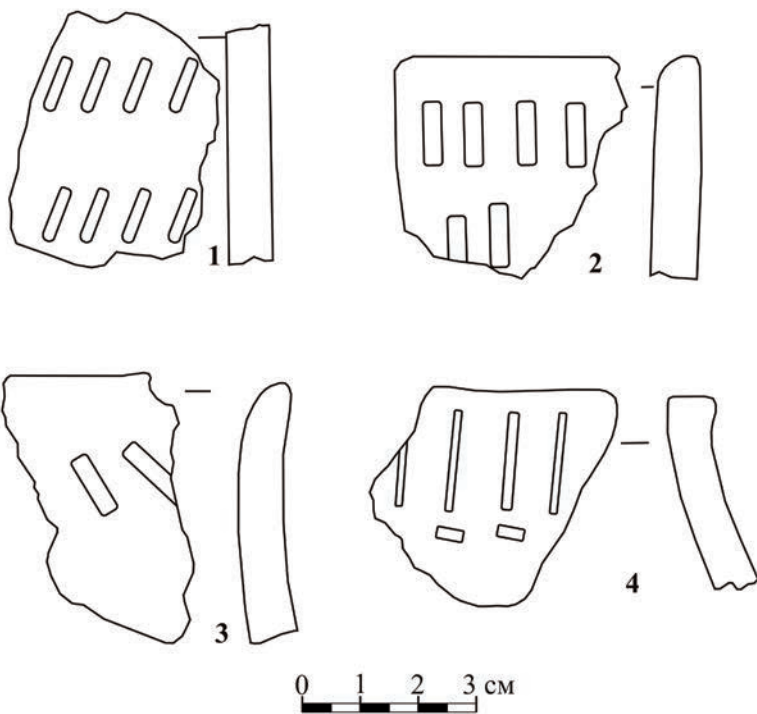


Рис. 167. Кластер № 126.

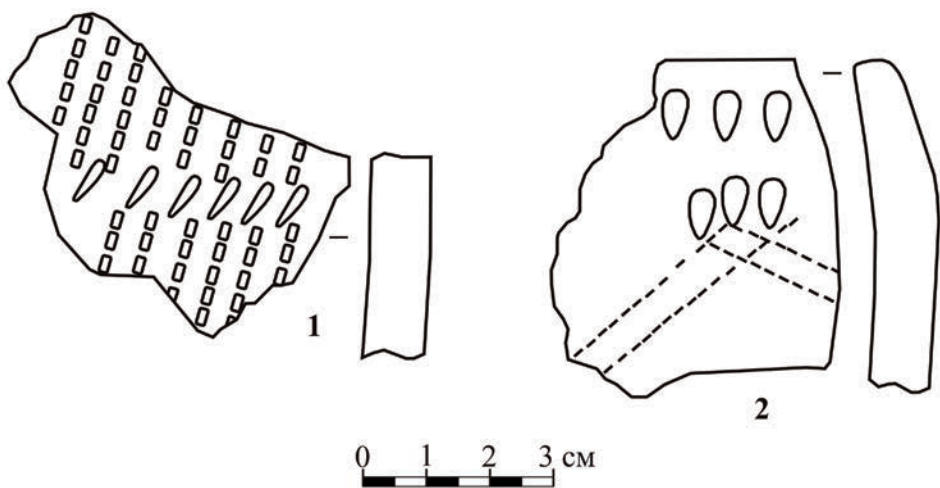


Рис. 168. Кластер № 127.

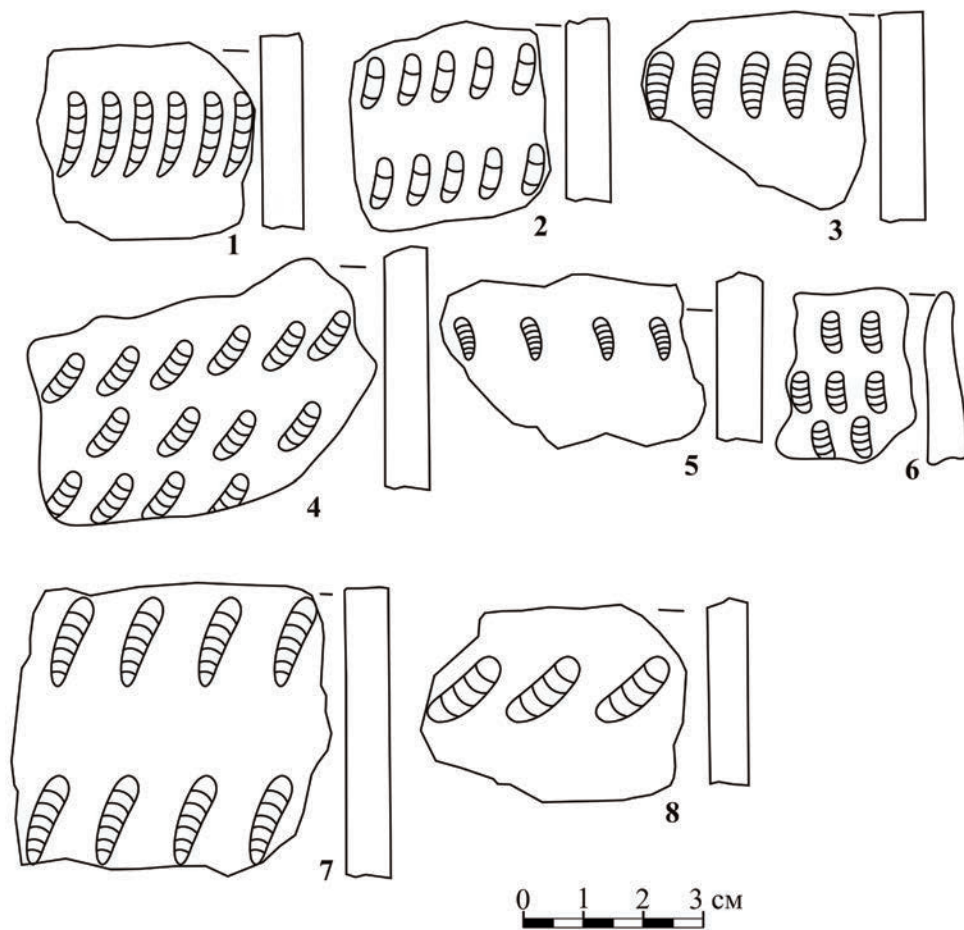


Рис. 169. Кластер № 128.

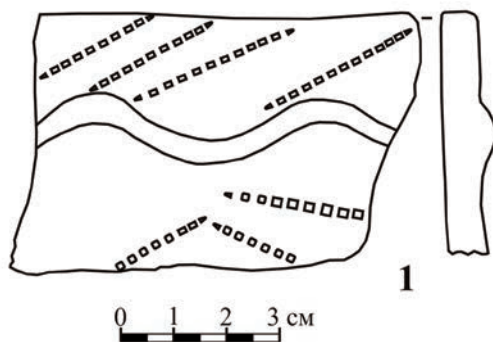


Рис. 170. Кластер № 129.

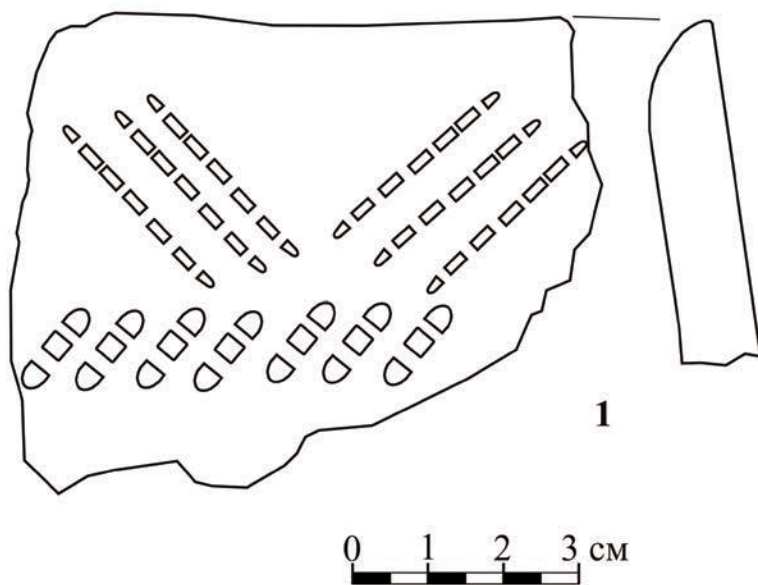


Рис. 171. Кластер № 130.

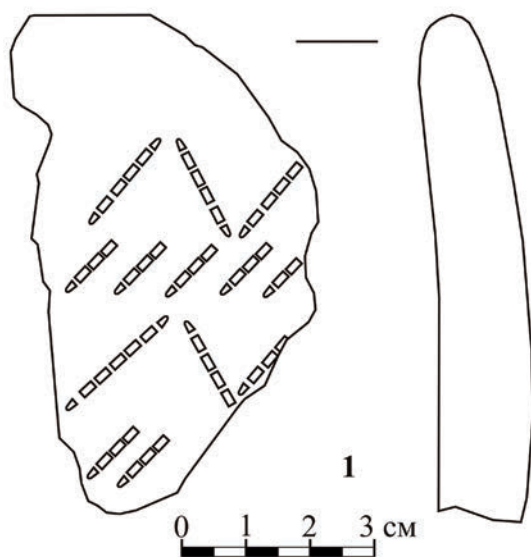


Рис. 172. Кластер № 131.

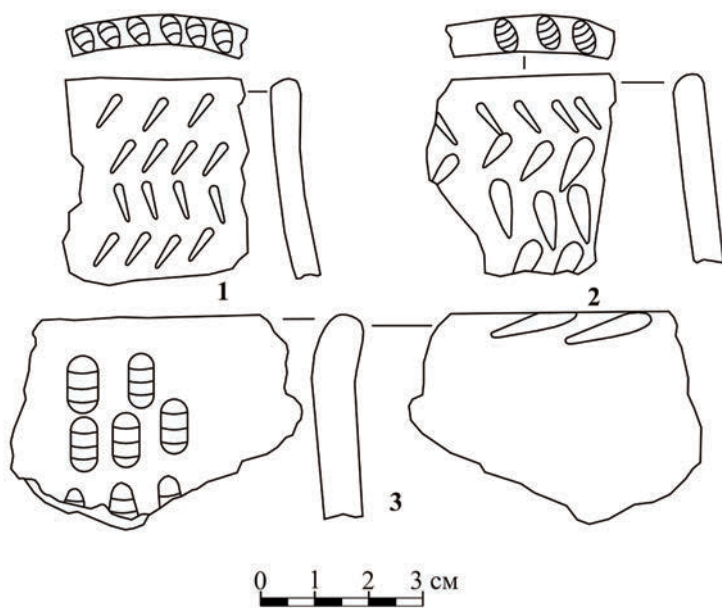


Рис. 173. Кластер № 132.

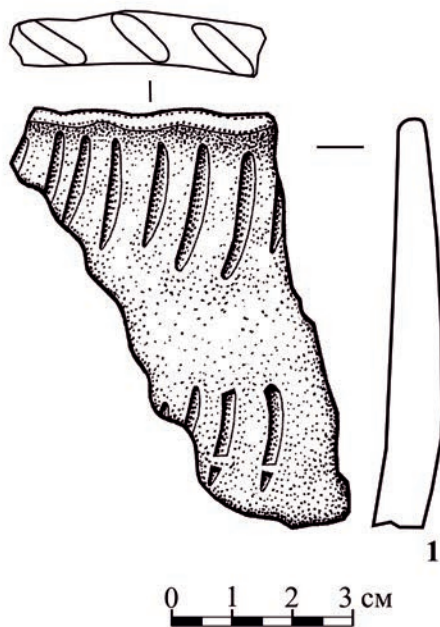


Рис. 174. Кластер № 133.

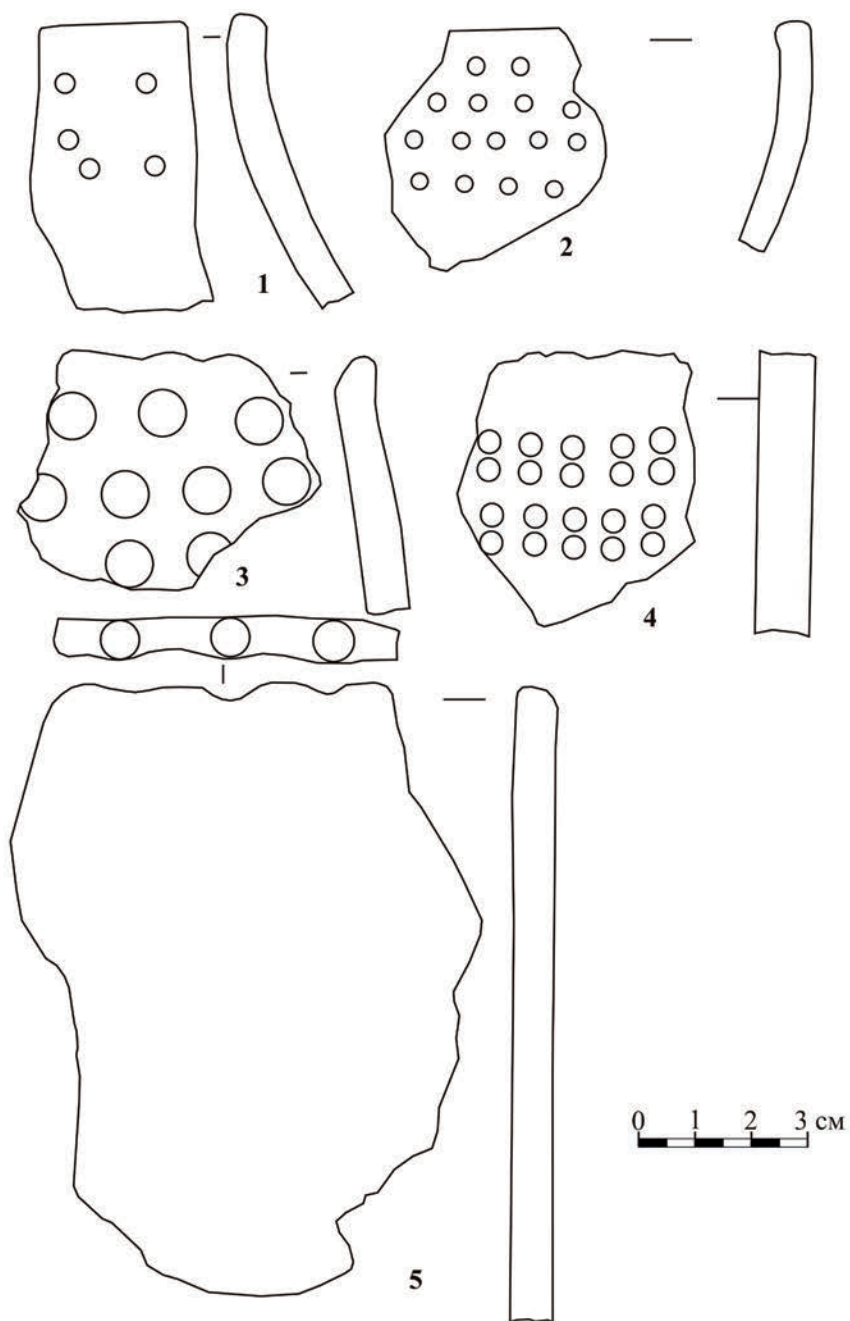


Рис. 175. Кластер № 134.

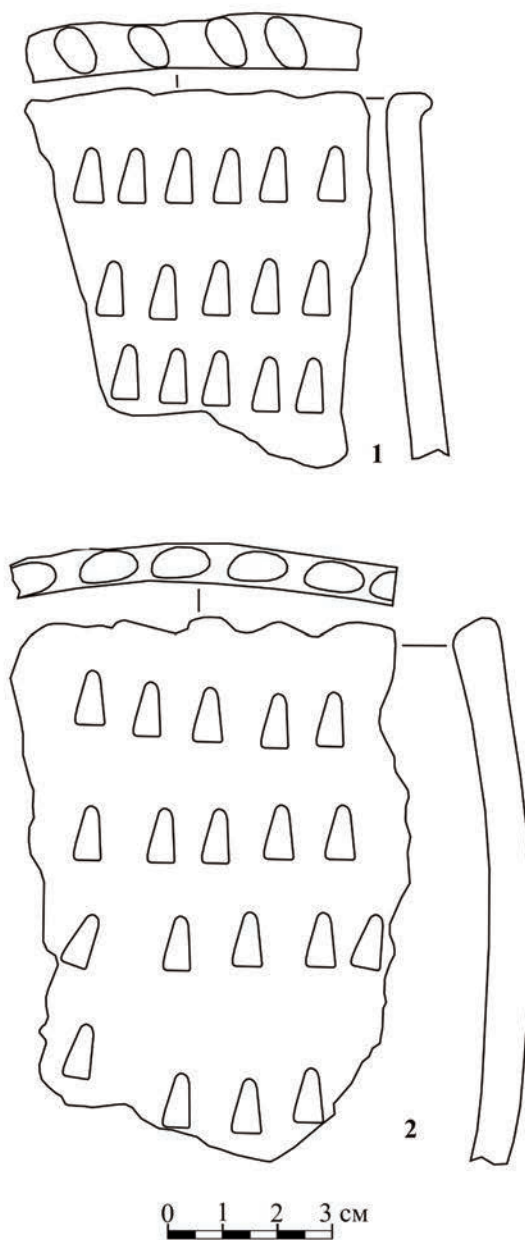


Рис. 176. Кластер № 135.

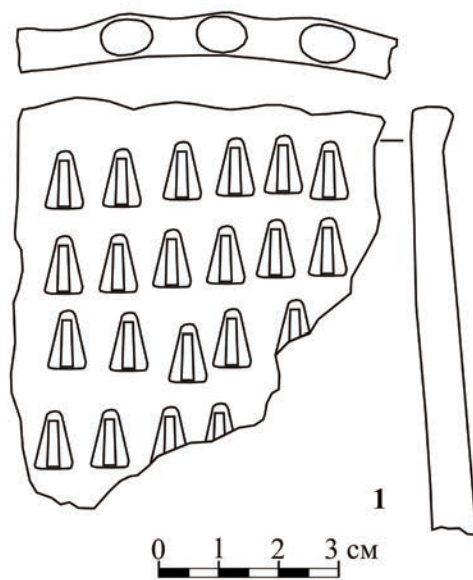


Рис. 177. Кластер № 136.

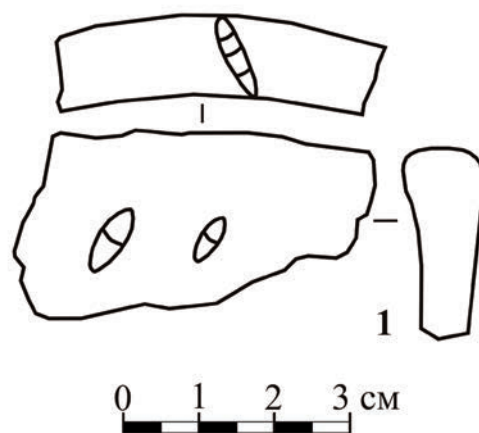


Рис. 178. Кластер № 137.

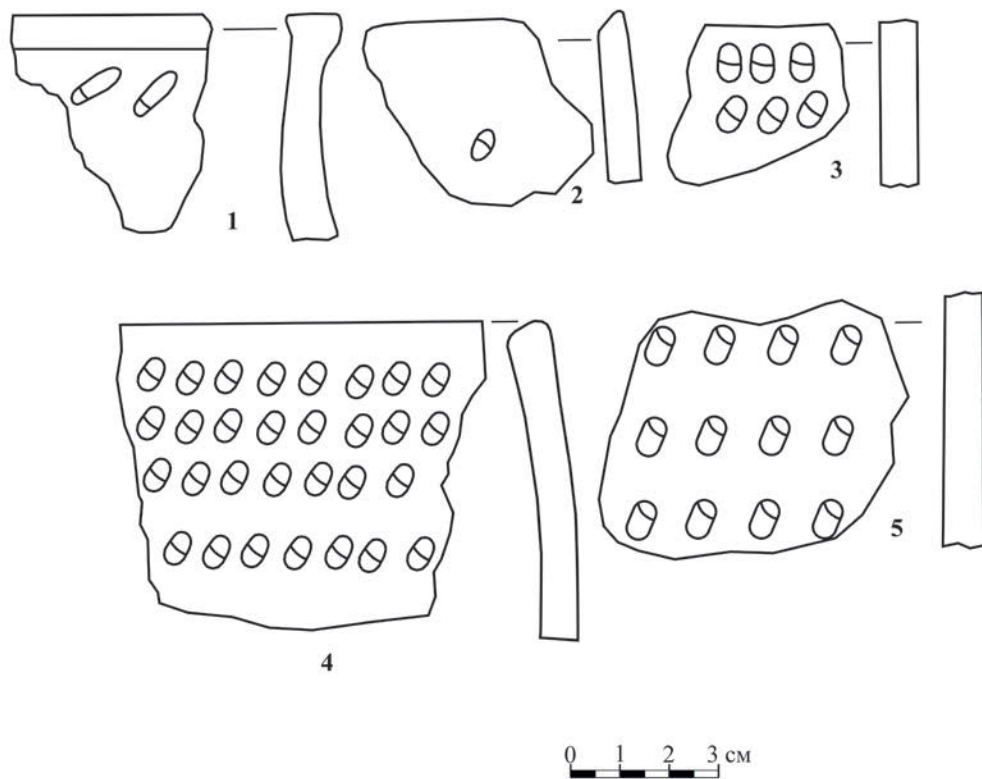


Рис. 179. Кластер № 138.

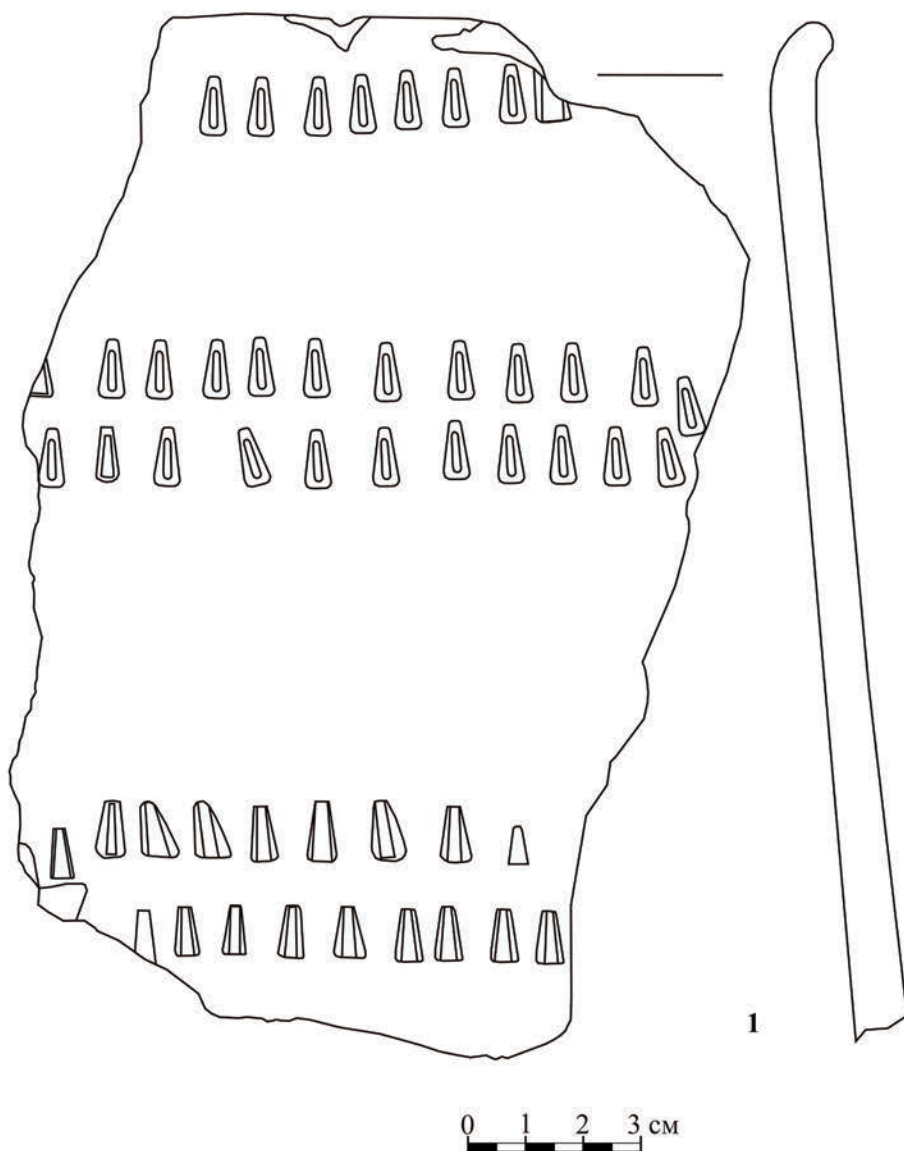


Рис. 180. Кластер № 139.

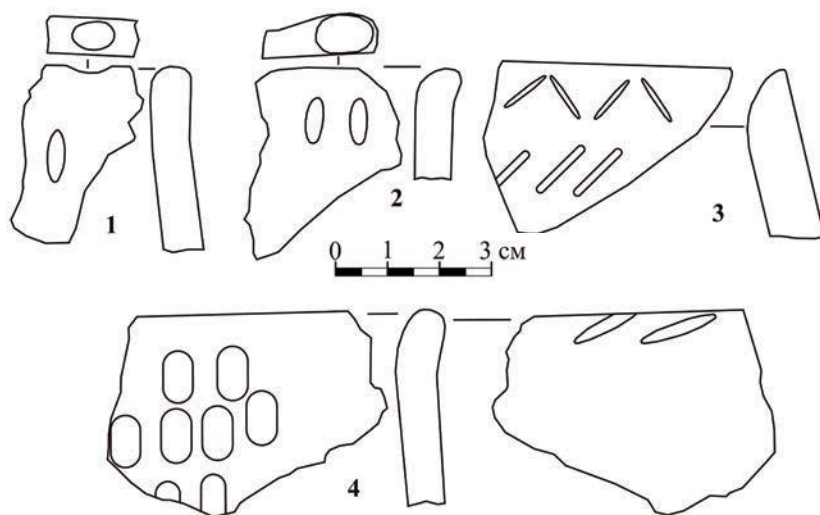


Рис. 181. Кластер № 140.

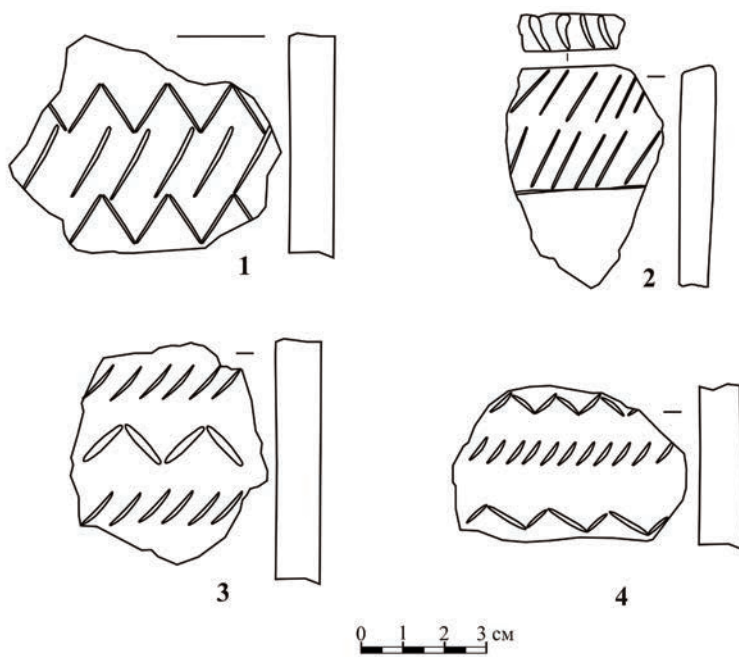


Рис. 182. Кластер № 141.

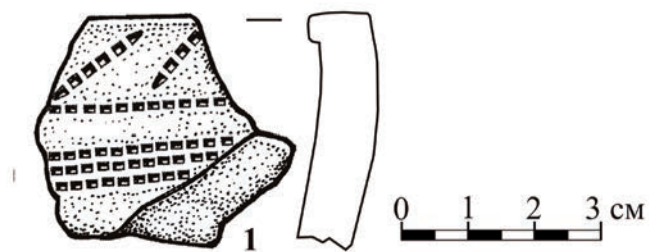


Рис. 183. Кластер № 142.

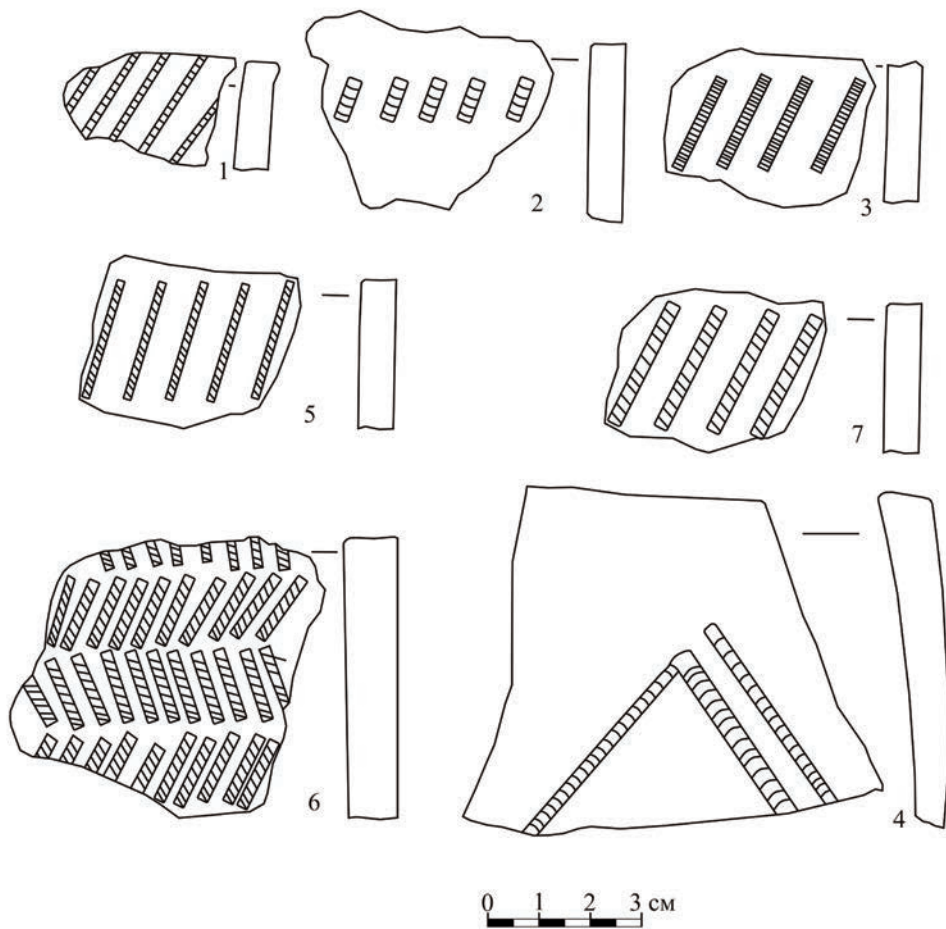


Рис. 184. Кластер № 143.

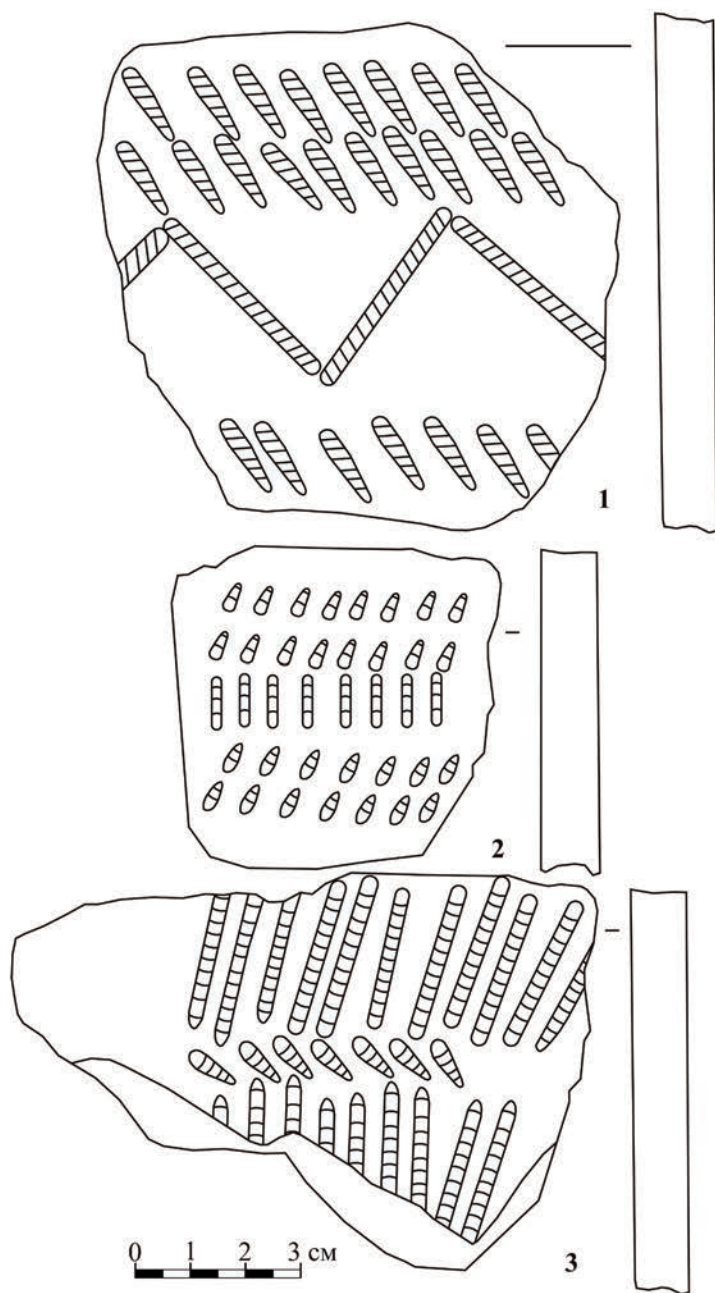


Рис. 185. Кластер № 144.

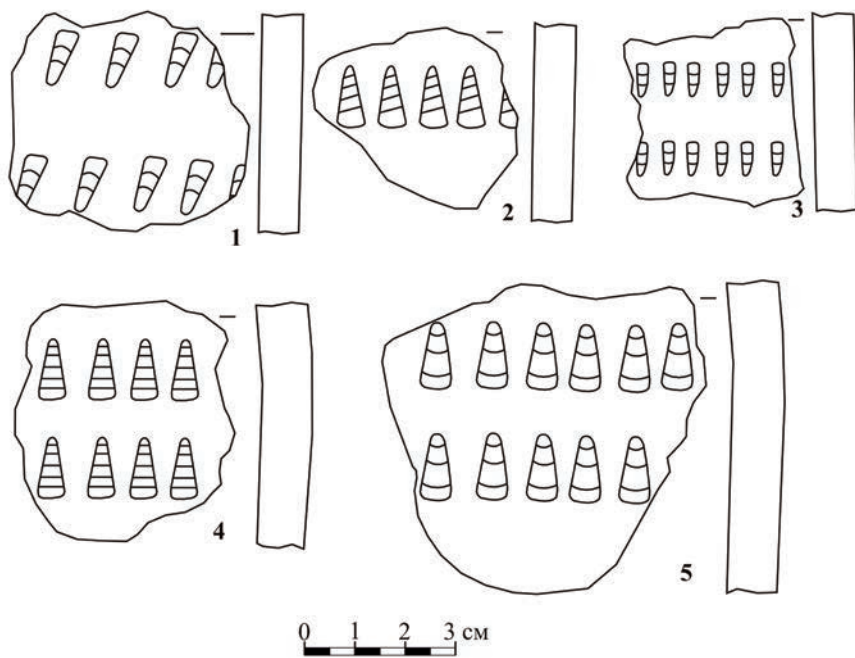


Рис. 186. Кластер № 145.

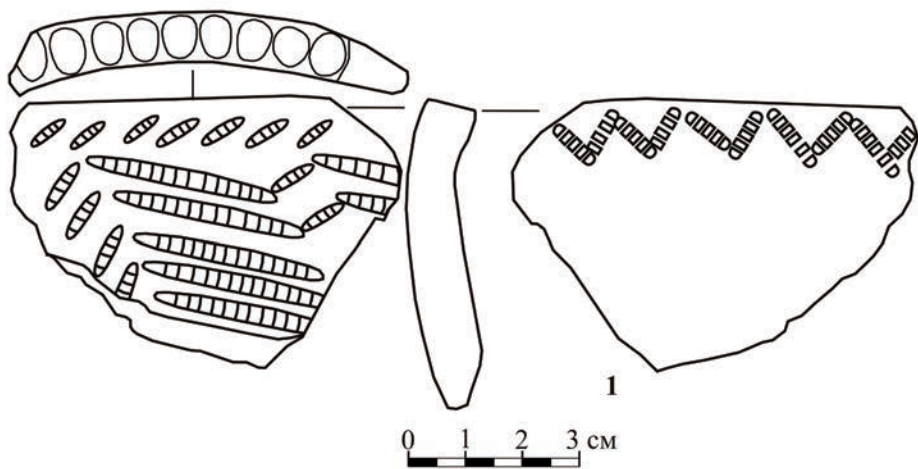


Рис. 187. Кластер № 146.

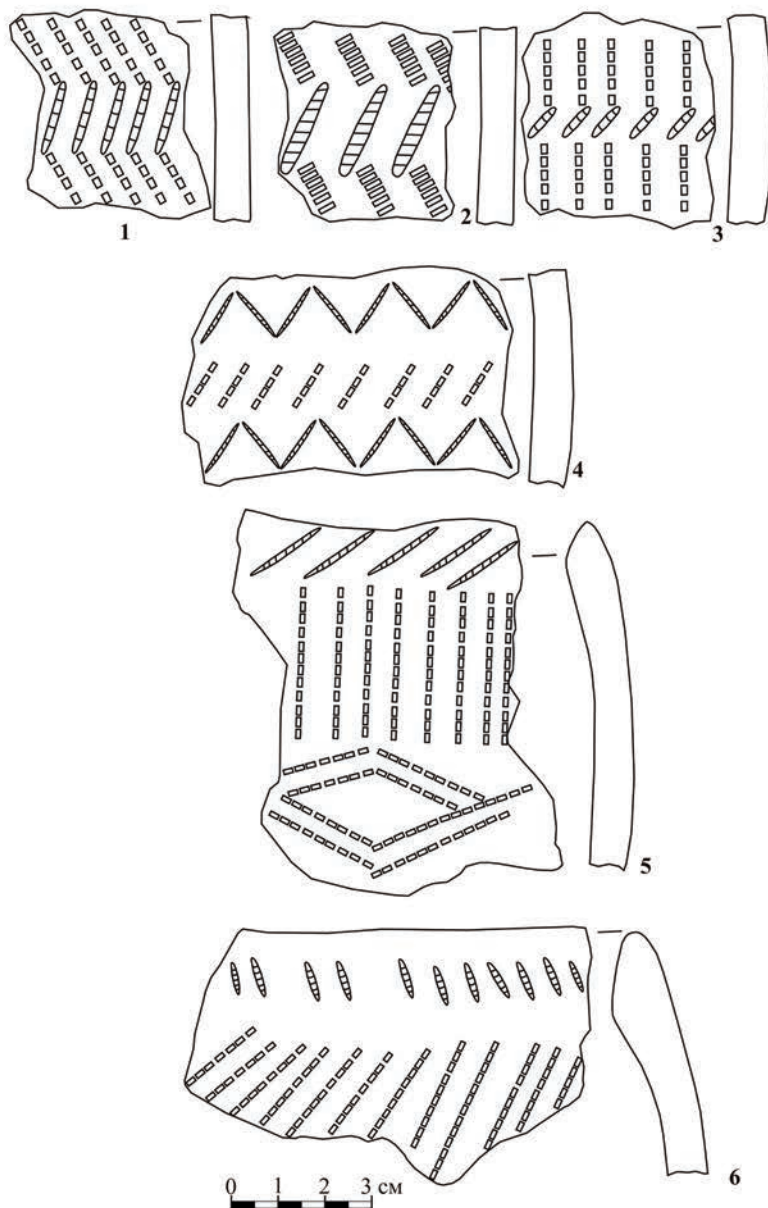


Рис. 188. Кластер № 147.

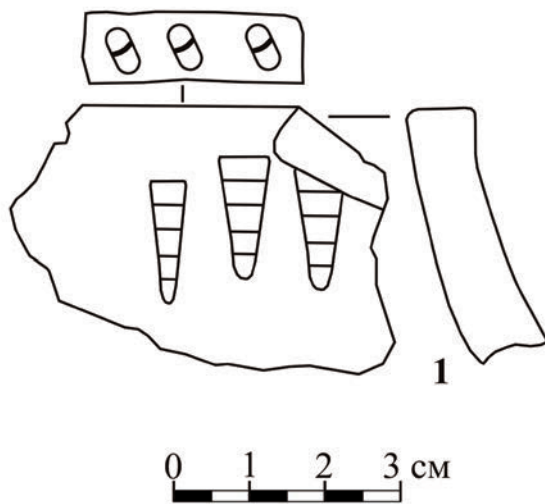


Рис. 189. Кластер № 148.

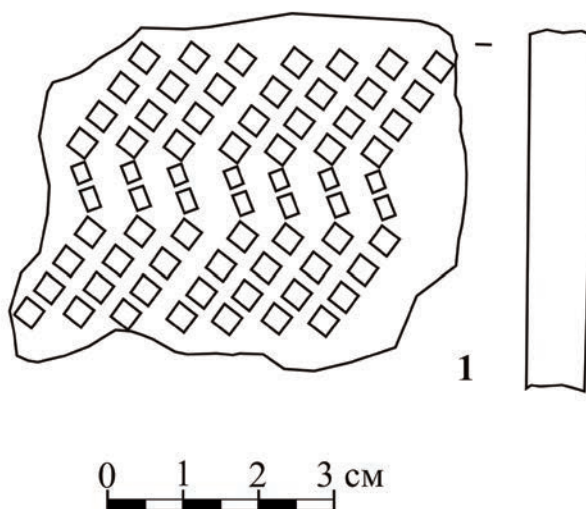


Рис. 190. Кластер № 149.

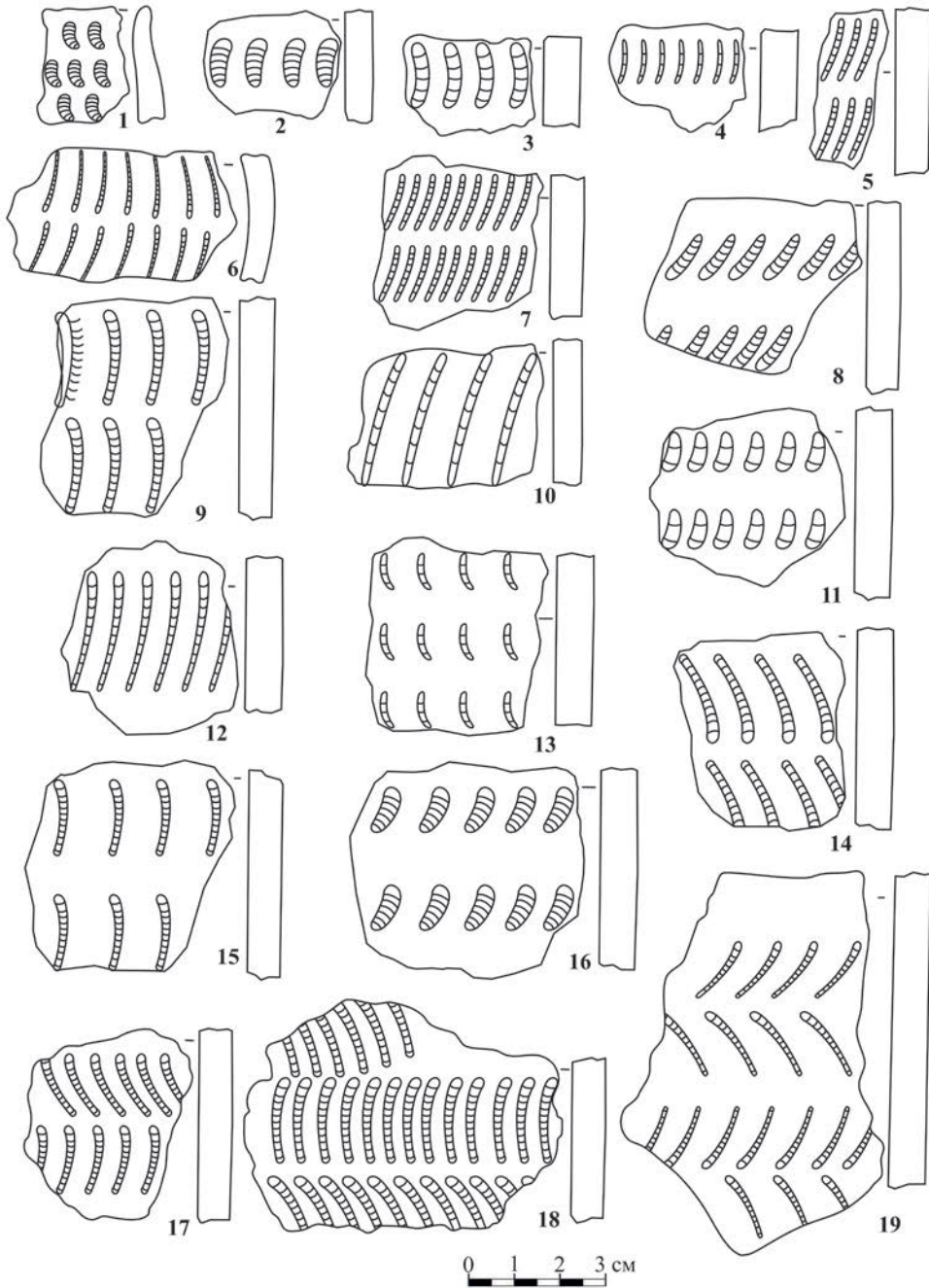


Рис. 191. Кластер № 150.

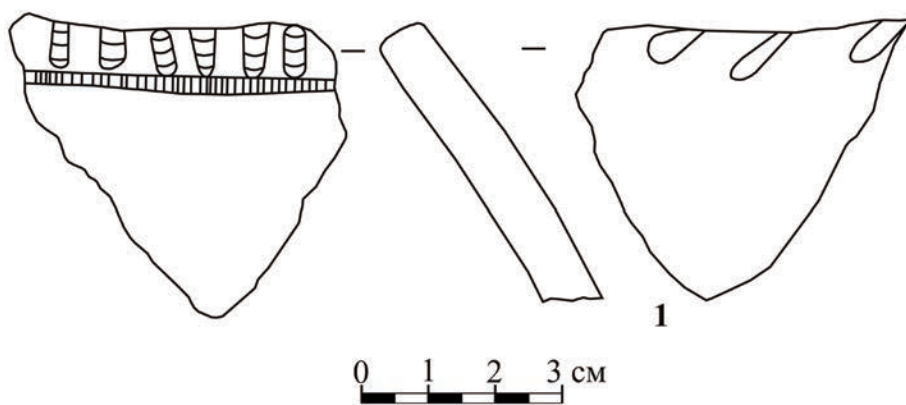


Рис. 192. Кластер № 151.

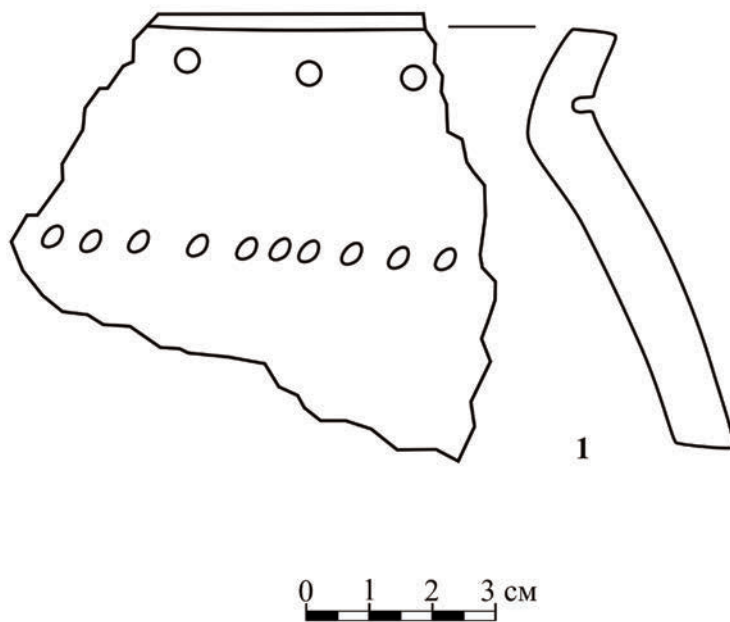


Рис. 193. Кластер № 152.

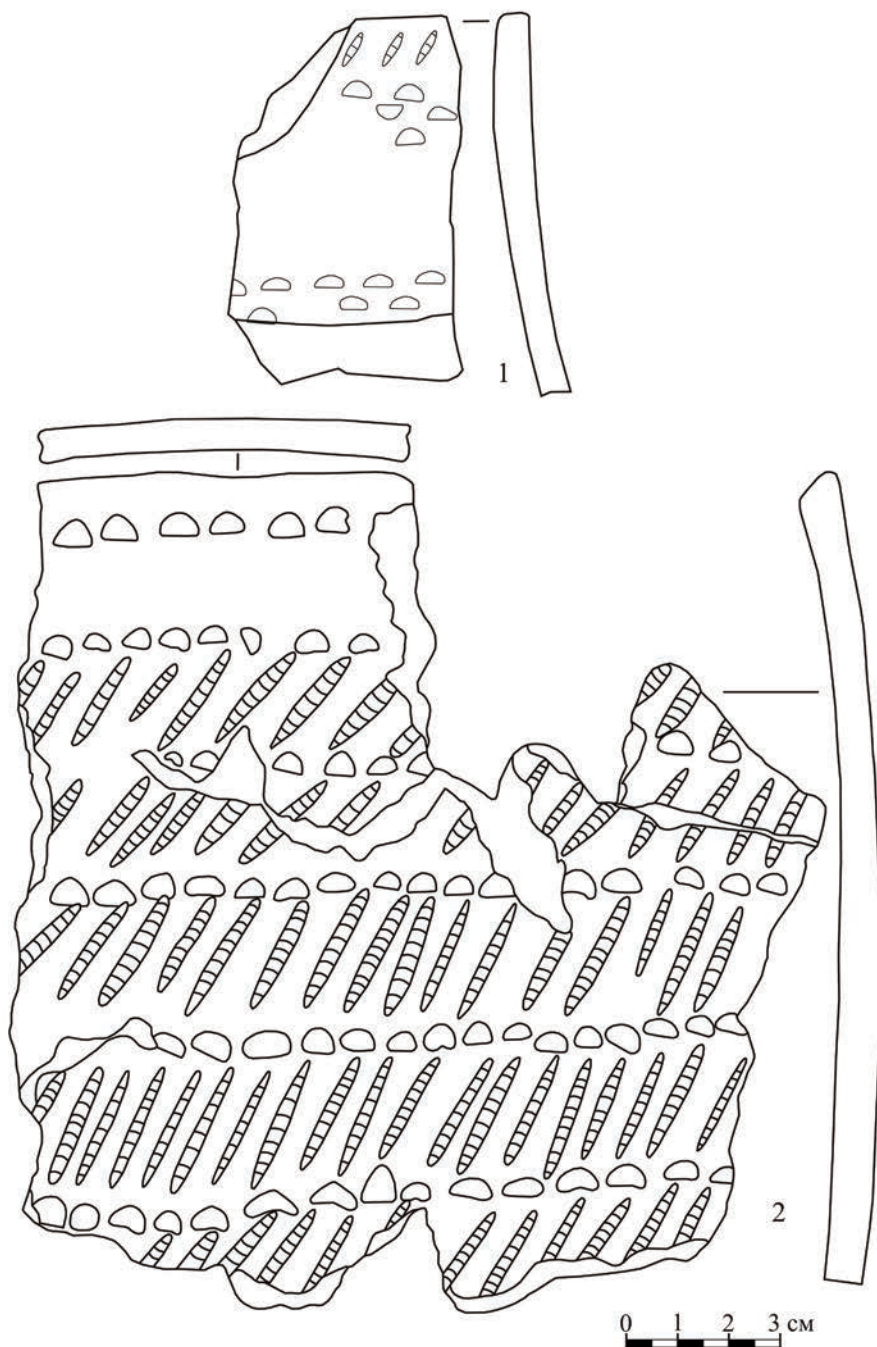


Рис. 194. Кластер № 153.

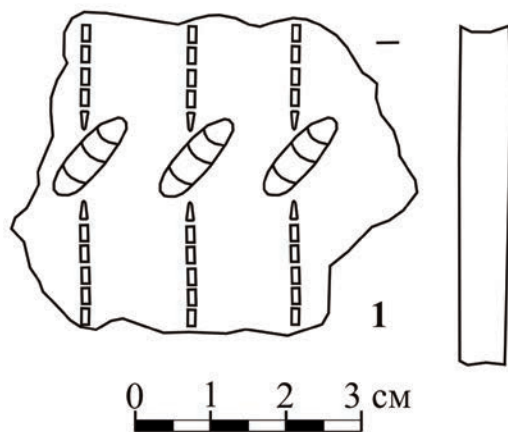


Рис. 195. Кластер № 154.

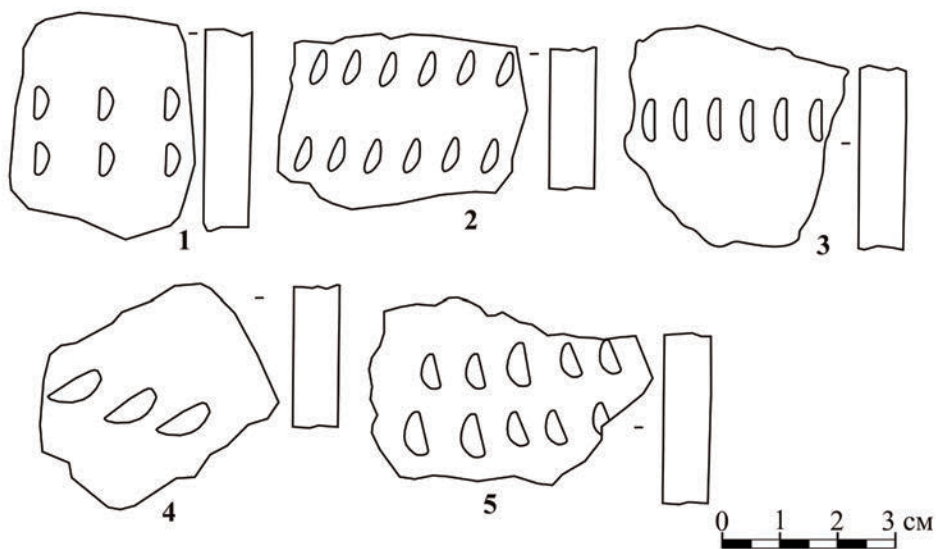


Рис. 196. Кластер № 155.

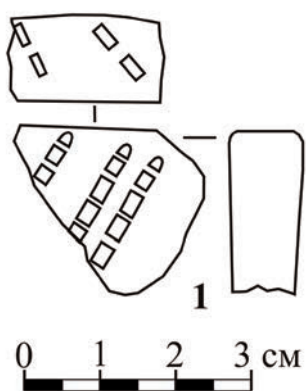


Рис. 197. Кластер № 156.

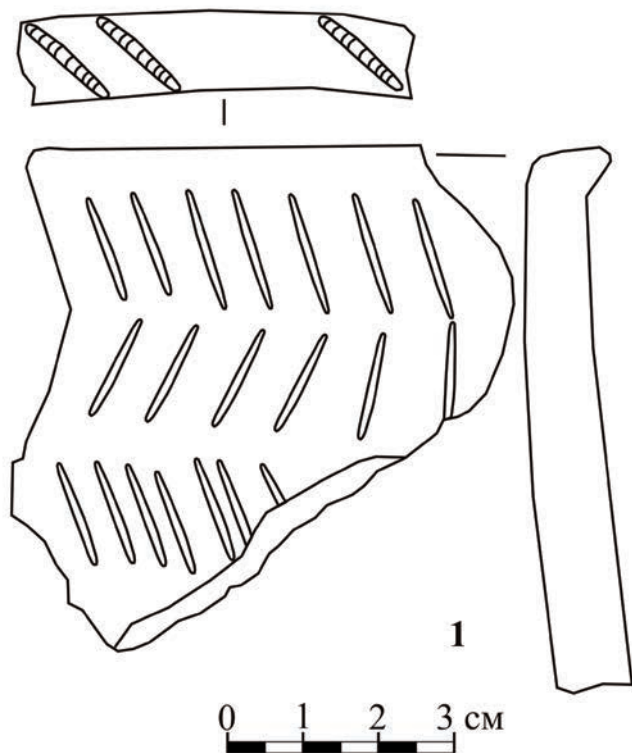


Рис. 198. Кластер № 157.

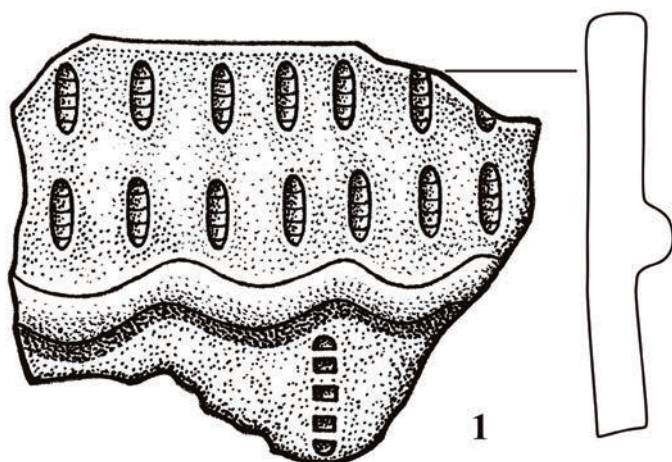


Рис. 199. Кластер № 158.

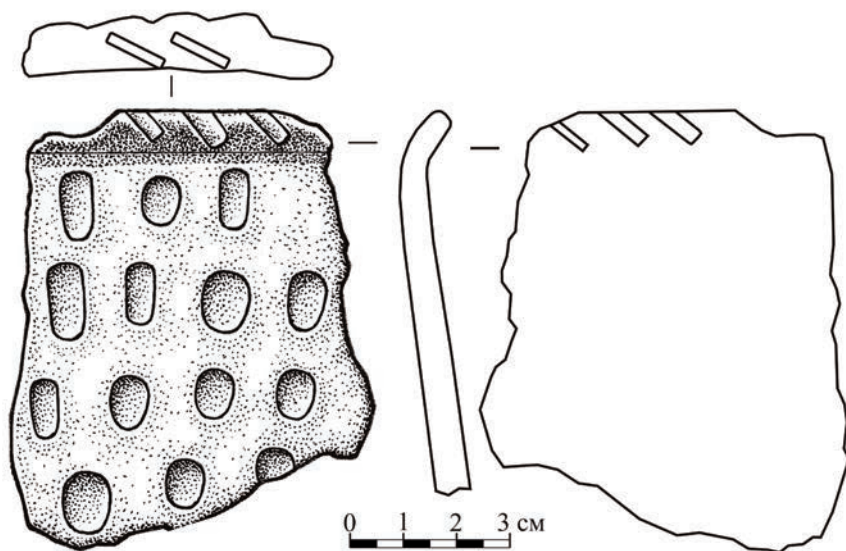


Рис. 200. Кластер № 159.

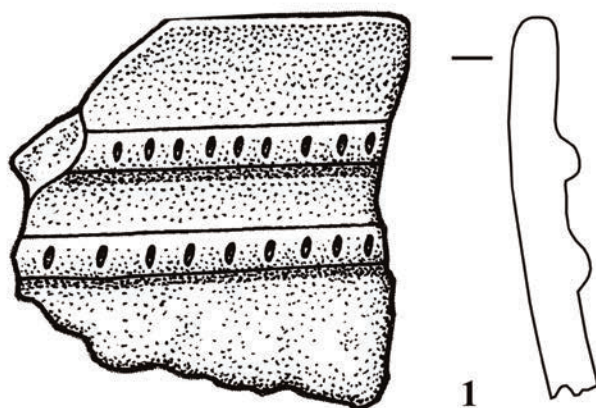


Рис. 201. Кластер № 160.

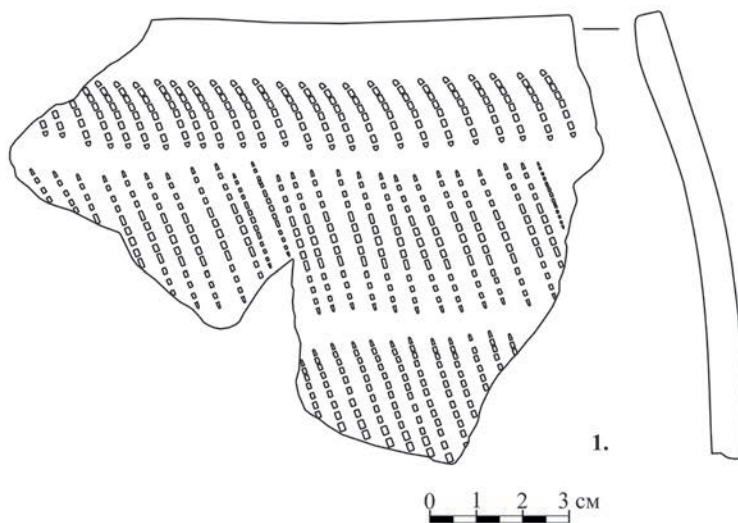


Рис. 202. Кластер № 161.

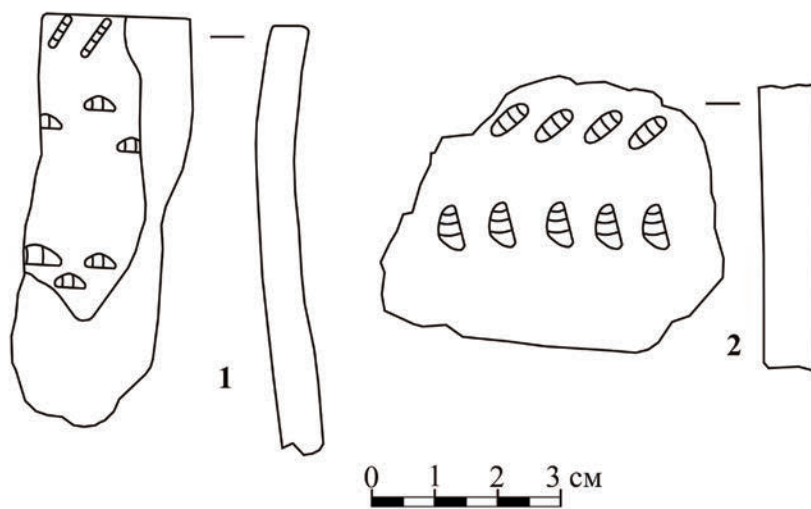


Рис. 203. Кластер № 162.

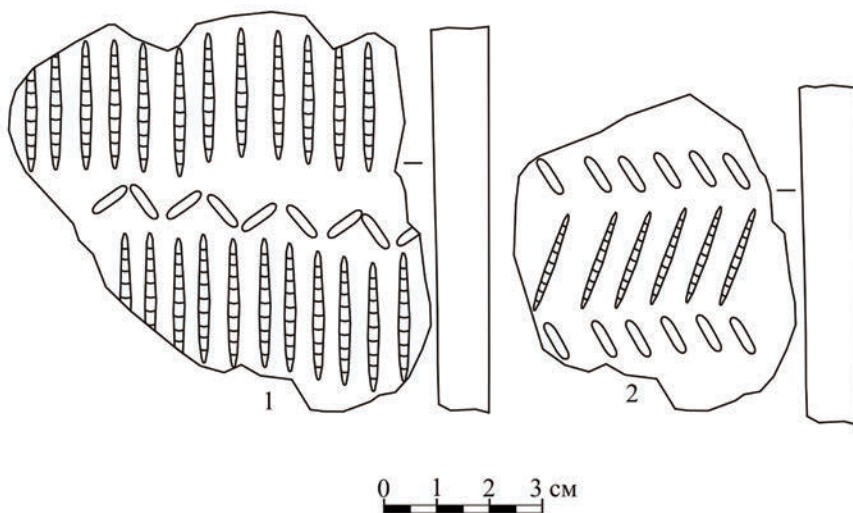


Рис. 204. Кластер № 163.

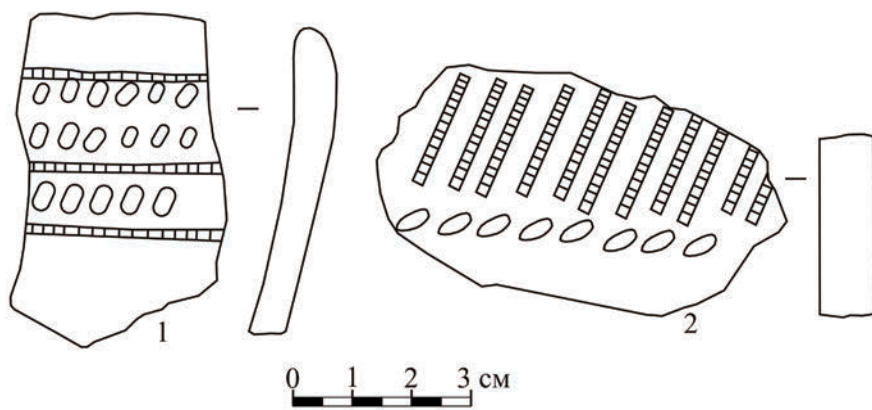


Рис. 205. Кластер № 164.

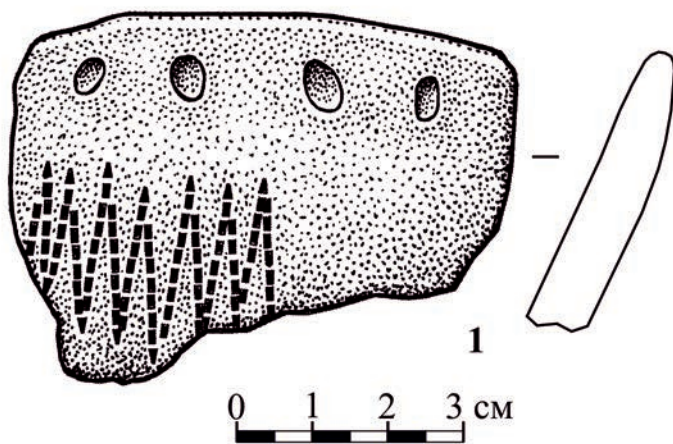


Рис. 206. Кластер № 165.

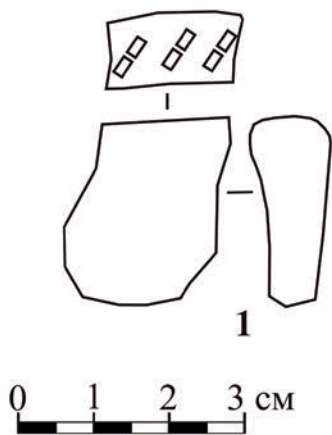


Рис. 207. Кластер № 166.

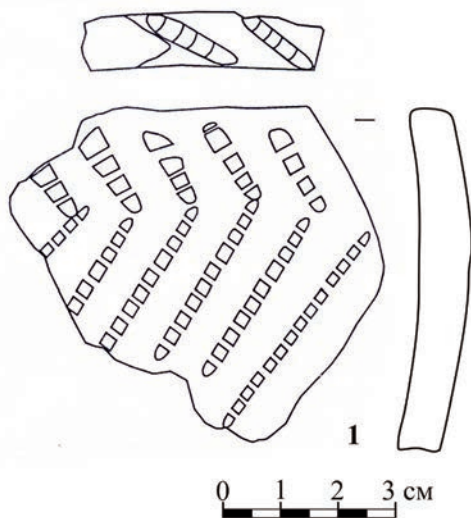


Рис. 208. Кластер № 167.

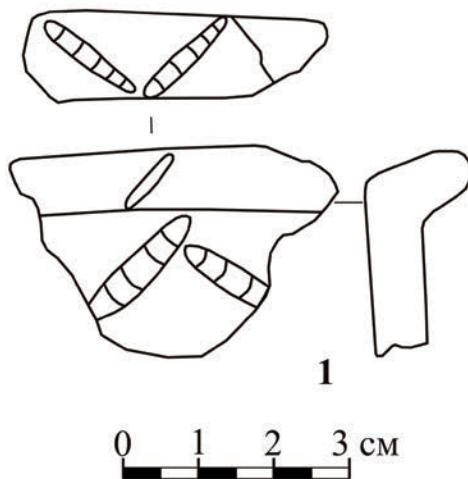


Рис. 209. Кластер № 168.

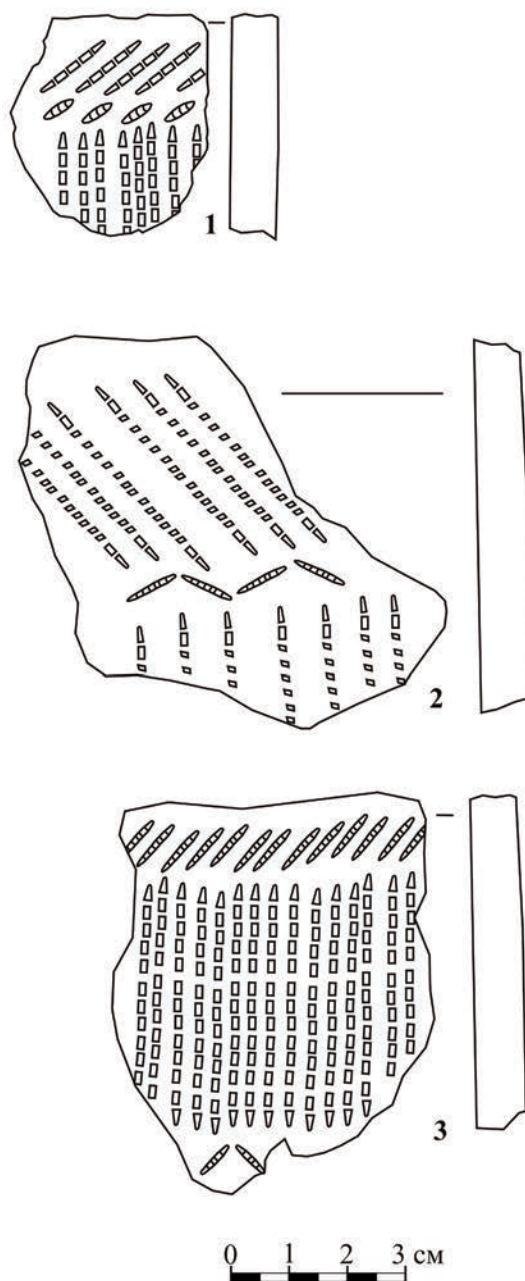


Рис. 210. Кластер № 169.

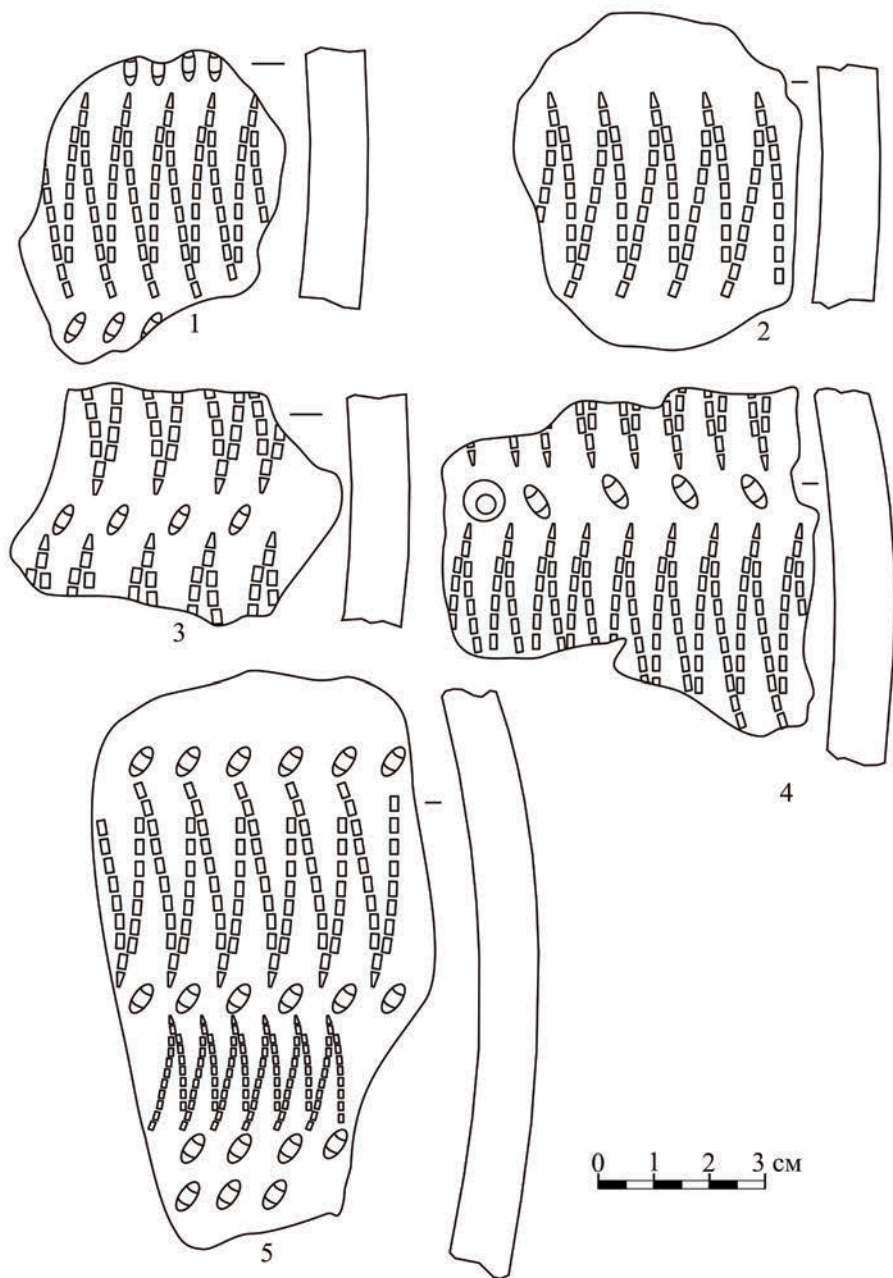


Рис. 211. Кластер № 170.

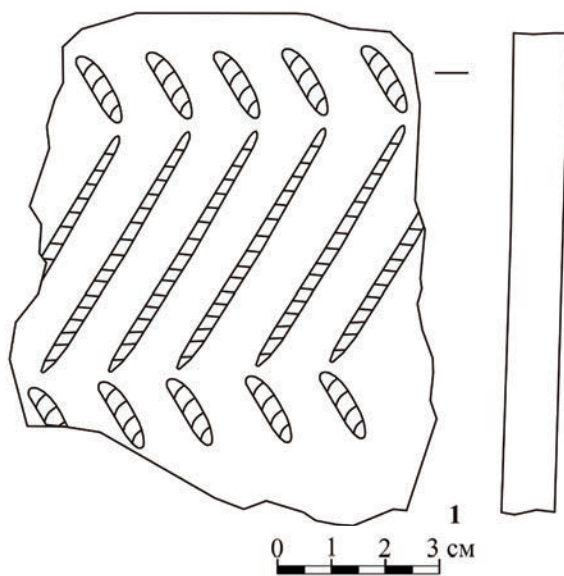


Рис. 212. Кластер № 171.

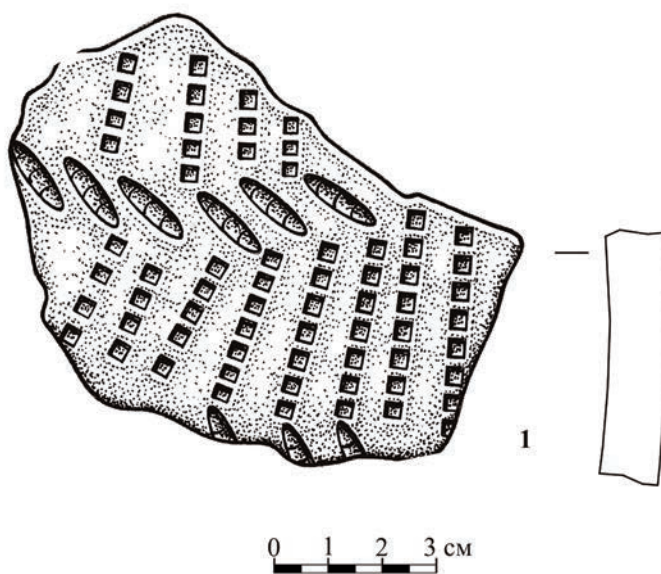


Рис. 213. Кластер № 172.

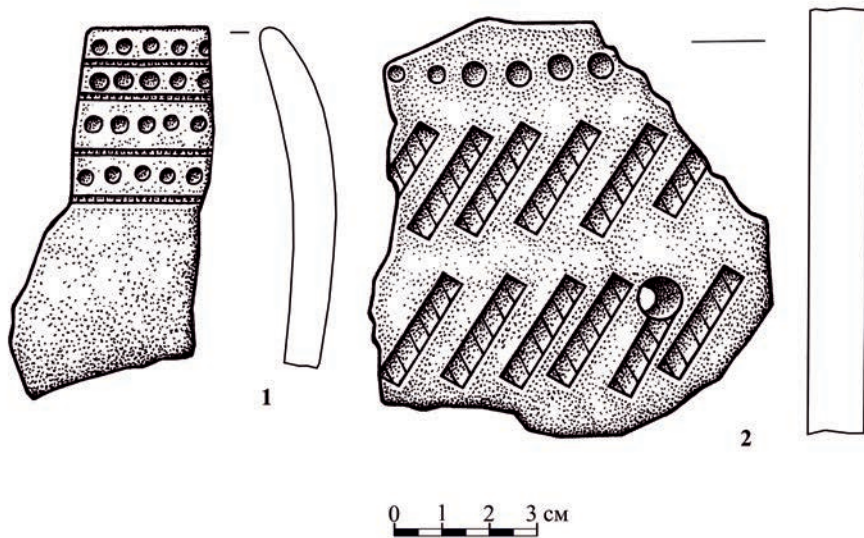


Рис. 214. Кластер № 173.

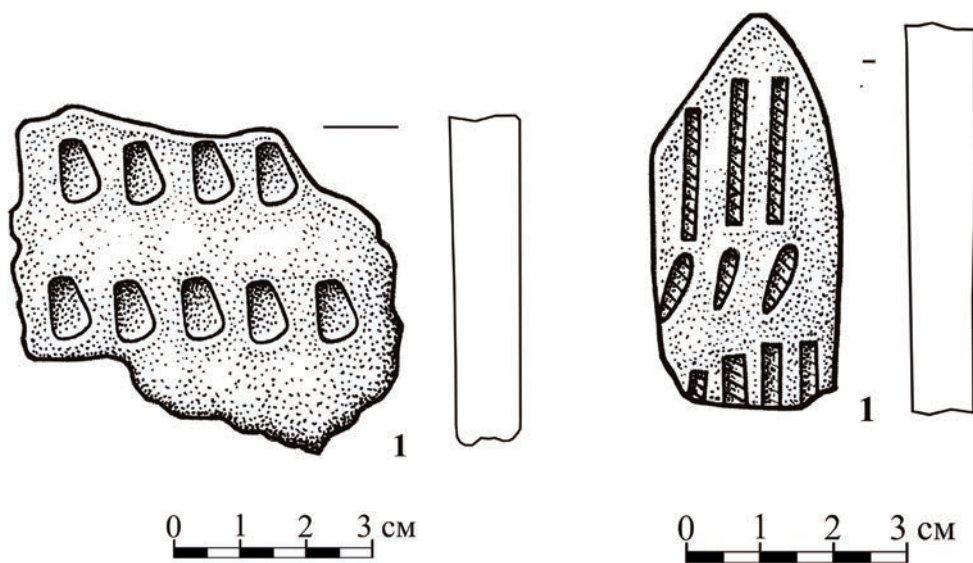


Рис. 215. Кластер № 174.

Рис. 216. Кластер № 175.

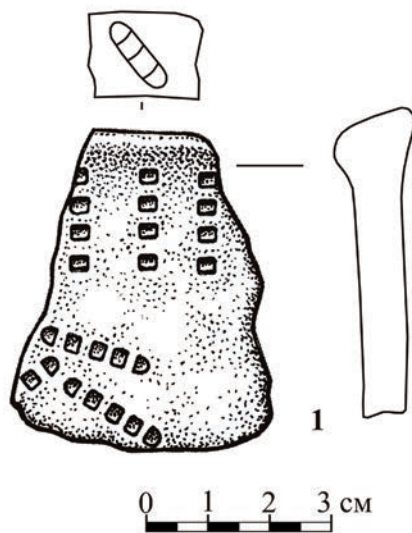


Рис. 217. Кластер № 176.

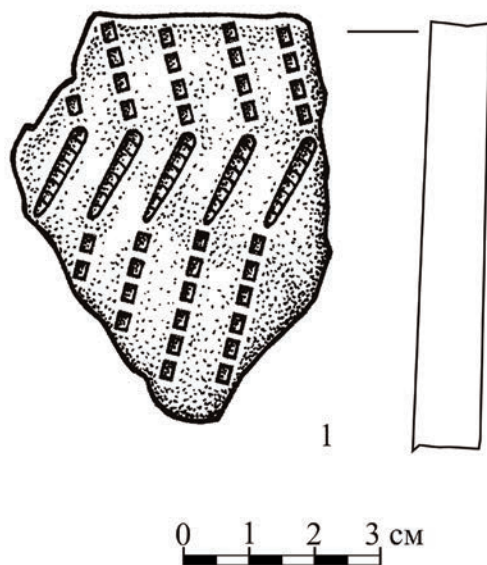


Рис. 218. Кластер № 177.

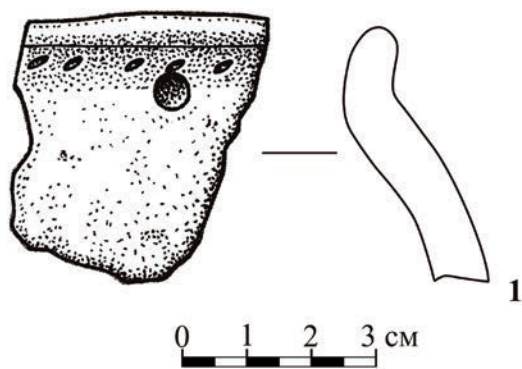


Рис. 219. Кластер № 178.

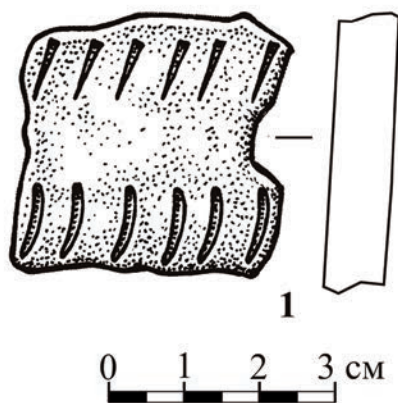


Рис. 220. Кластер № 179.

Описание кластеров керамики

Кластер № 1 составляет линзовидный многочастный слитный штамп (Рис.42).

Кластер № 2 составляет овальный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 43).

Кластер № 3 составляют линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 44).

Кластер № 4 составляют подпрямоугольный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис.45).

Кластер № 5 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис.46).

Кластер № 6 составляют круглый одночастный, подтреугольный многочастный слитный, подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 47).

Кластер № 7 составляют круглый одночастный, линзовидный многочастный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис.48).

Кластер № 8 составляют линзовидный одночастный, саблевидный многочастный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 49).

Кластер № 9 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис.50).

Кластер № 10 составляют круглый одночастный, линзовидный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 51).

Кластер № 11 составляют линзовидный одночастный, круглый одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 52).

Кластер № 12 составляют овальный многочастный слитный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 53).

Кластер № 13 составляют овальный многочастный слитный, сегментовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис.54).

Кластер № 14 составляют линзовидный одночастный, клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 55).

Кластер № 15 составляют круглый одночастный, овальный двухчастный слитный, овальный многочастный слитный гребенчатые штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 56).

Кластер № 16 составляют круглый одночастный, клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 57).

Кластер № 17 составляют линзовидный многочастный слитный и саблевидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 58).

Кластер № 18 составляют линзовидный одночастный, круглый одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 59).

Кластер № 19 составляет клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 60).

Кластер № 20 составляют подтреугольный одночастный, клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 61).

Кластер № 21 составляют овальный одночастный, линзовидный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 62).

Кластер № 22 составляют сегментовидный одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 63).

Кластер № 23 составляют подтреугольный одночастный, круглый одночастный штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 64).

Кластер № 24 составляют подтреугольный одночастный, линзовидный одночастный, круглый одночастный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 65).

Кластер № 25 составляют круглый одночастный, линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 66).

Кластер № 26 составляет овальный одночастный штамп (Рис. 67).

Кластер № 27 составляют линзовидный многочастный слитный гребенчатый штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 68).

Кластер № 28 составляют круглый одночастный и линзовидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 69).

Кластер № 29 составляют линзовидный одночастный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 70).

Кластер № 30 составляет подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 71).

Кластер № 31 составляют круглый одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 72).

Кластер № 32 составляет саблевидный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 73).

Кластер № 33 составляют овальный одночастный, линзовидный одночастный, круглый одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 74).

Кластер № 34 составляет линзовидный многочастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 75).

Кластер № 35 составляют клиновидный многочастный слитный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 76).

Кластер № 36 составляет саблевидный одночастный штамп (Рис. 77).

Кластер № 37 составляют овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 78).

Кластер № 38 составляет клиновидный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 79).

Кластер № 39 составляет овальный двухчастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 80).

Кластер № 40 составляют круглый одночастный и клиновидный многочастный слитный (Рис. 81).

Кластер № 41 составляют овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 82).

Кластер № 42 составляют клиновидный многочастный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 83).

Кластер № 43 составляют овальный одночастный, круглый одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 84).

Кластер № 44 составляют круглый одночастный, подтреугольный многочастный слитный, подпрямоугольный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 85).

Кластер № 45 составляют линзовидный многочастный слитный, подпрямоугольный многочастный разреженный, овальный одночастный и подпрямоугольный многочастный слитный штампы (Рис. 86).

Кластер № 46 составляют клиновидный одночастный, круглый одночастный, линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 87).

Кластер № 47 составляют круглый одночастный и линзовидный многочастный слитный штампы гребенчатый штампы (Рис. 88).

Кластер № 48 составляют овальный одночастный и саблевидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 89).

Кластер № 49 составляют линзовидный одночастный, круглый одночастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 90).

Кластер № 50 составляют саблевидный двухчастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 91).

Кластер № 51 составляют линзовидный многочастный разреженный гребенчатый штамп и наlepной валик (Рис. 92).

Кластер № 52 составляют подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штамп и наlepной валик (Рис. 93).

Кластер № 53 составляют клиновидный многочастный слитный гребенчатый штамп и наlepной валик (Рис. 94)

Кластер № 54 составляют подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штамп и пальцевый защип (Рис. 95).

Кластер № 55 составляют овальный одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 96).

Кластер № 56 составляют подпрямоугольный одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 97).

Кластер № 57 составляет подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 98).

Кластер № 58 составляют подтреугольный одночастный штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 99).

Кластер № 59 составляют линзовидный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 100).

Кластер № 60 составляют круглый одночастный, линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 101).

Кластер № 61 составляют овальный одночастный, круглый одночастный, клиновидный многочастный слитный и подтреугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 102).

Кластер № 62 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 103).

Кластер № 63 составляют линзовидный одночастный и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 104).

Кластер № 64 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный гребенчатый штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 105).

Кластер № 65 составляют овальный одночастный и круглый одночастный штампы (Рис. 106).

Кластер № 66 составляет пальцевый защип (Рис. 107).

Кластер № 67 составляют круглый одночастный, линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 108).

Кластер № 68 составляют круглый одночастный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 109).

Кластер № 69 составляют линзовидный одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 110).

Кластер № 70 составляют круглый одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 111).

Кластер № 71 составляют сегментовидный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 112).

Кластер № 72 составляет подтреугольный одночастный штамп (Рис. 113).

Кластер № 73 составляют линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 114).

Кластер № 74 составляют линзовидный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 115).

Кластер № 75 составляют овальный многочастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 116).

Кластер № 76 составляют круглый одночастный штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 117).

Кластер № 77 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 118).

Кластер № 78 составляют овальный двухчастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 119).

Кластер № 79 составляют клиновидный многочастный и саблевидный многочастный слитные гребенчатые штампы (Рис. 120).

Кластер № 80 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный и сегментовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 121).

Кластер № 81 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 122).

Кластер № 82 составляют круглый одночастный, овальный одночастный и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 123).

Кластер № 83 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы и «шагающая» гребенка (Рис. 124).

Кластер № 84 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 125).

Кластер № 85 составляют овальный двухчастный слитный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 126).

Кластер № 86 составляют овальный одночастный, саблевидный одночастный и подпрямоугольный одночастный штампы (Рис. 127)

Кластер № 87 составляют овальный многочастный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 128).

Кластер № 88 составляет клиновидный одночастный штамп (Рис. 129).

Кластер № 89 составляют линзовидный одночастный и саблевидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 130).

Кластер № 90 составляют саблевидный многочастный разреженный гребенчатый (Рис. 131).

Кластер № 91 составляют овальный одночастный и линзовидный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 132).

Кластер № 92 составляют клиновидный многочастный слитный и линзовидный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 133).

Кластер № 93 составляют овальный одночастный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 134).

Кластер № 94 составляют клиновидный одночастный и овальный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 135).

Кластер № 95 составляют овальный многочастный и линзовидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 136).

Кластер № 96 составляют овальный одночастный, подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы и наклепной валик (Рис. 137).

Кластер № 97 составляют круглый одночастный, овальный двухчастный слитный, подтреугольный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 138).

Кластер № 98 составляют линзовидный одночастный, круглый одночастный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 139).

Кластер № 99 составляют линзовидный одночастный, круглый одночастный, овальный многочастный слитный, и саблевидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 140).

Кластер № 100 составляют круглый одночастный и подтреугольный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 141).

Кластер № 101 составляют подтреугольный одночастный, круглый одночастный и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 142).

Кластер № 102 составляют овальный многочастный разреженный гребенчатый штамп и наклепной валик (Рис. 143).

Кластер № 103 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 144).

Кластер № 104 составляют овальный одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 145).

Кластер № 105 составляют овальный одночастный и клиновидный одночастный штампы (Рис. 146).

Кластер № 106 составляет керамика без орнамента (Рис.147).

Кластер № 107 составляет линзовидный одночастный штамп (Рис. 148).

Кластер № 108 составляют овальный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 149).

Кластер № 109 составляют клиновидный одночастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 150).

Кластер № 110 составляют овальный многочастный слитный, подтреугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 151).

Кластер № 111 составляют овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 152).

Кластер № 112 составляют овальный одночастный и саблевидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 153).

Кластер № 113 составляют овальный одночастный и сегментовидный одночастный штампы (Рис. 154).

Кластер № 114 составляет «шагающая» гребенка (Рис. 155).

Кластер № 115 составляют круглый одночастный, овальный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный и саблевидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 156).

Кластер № 116 составляют овальный многочастный слитный, линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 157).

Кластер № 117 составляют клиновидный одночастный и саблевидный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 158).

Кластер № 118 составляют подтреугольный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 159).

Кластер № 119 составляют подтреугольный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 160).

Кластер № 120 составляют овальный многочастный слитный и овальный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 161).

Кластер № 121 составляют овальный одночастный, линзовидный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 162).

Кластер № 122 составляют овальный одночастный, круглый одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 163).

Кластер № 123 составляют овальный многочастный слитный и саблевидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 164).

Кластер № 124 составляют овальный одночастный и клиновидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 165).

Кластер № 125 составляют линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 166).

Кластер № 126 составляет подпрямоугольный одночастный штамп (Рис. 167).

Кластер № 127 составляют клиновидный одночастный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 168).

Кластер № 128 составляет сегментовидный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 169).

Кластер № 129 составляют линзовидный многочастный разреженный, клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы и наклепной валик (Рис. 170).

Кластер № 130 составляют овальный многочастный разреженный и линзовидный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 171).

Кластер № 131 составляют линзовидный разреженный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 172).

Кластер № 132 составляют клиновидный одночастный и овальный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 173).

Кластер № 133 составляют овальный одночастный, саблевидный одночастный и саблевидный двухчастный разреженный гребенчатый штампы (Рис. 174).

Кластер № 134 составляет круглый одночастный штамп (Рис. 175).

Кластер № 135 составляют овальный одночастный и подтреугольный одночастный штампы (Рис. 176).

Кластер № 136 составляют овальный одночастный и подтреугольный двухчастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 177).

Кластер № 137 составляют линзовидный двухчастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 178).

Кластер № 138 составляет овальный двухчастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 179).

Кластер № 139 составляет подтреугольный двухчастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 180).

Кластер № 140 составляют овальный одночастный и линзовидный одночастный штампы (Рис. 181).

Кластер № 141 составляют линзовидный одночастный и саблевидный одночастный штампы (Рис. 182).

Кластер № 142 составляют линзовидный многочастный разреженный, подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы и наклепной валик (Рис. 183).

Кластер № 143 составляет подпрямоугольный многочастный слитный штамп (Рис. 184).

Кластер № 144 составляют овальный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 185).

Кластер № 145 составляет подтреугольный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 186).

Кластер № 146 составляют овальный одночастный, линзовидный многочастный слитный и овальный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 187).

Кластер № 147 составляют линзовидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 188).

Кластер № 148 составляют овальный двухчастный слитный и подтреугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 189).

Кластер № 149 составляют подпрямоугольный двухчастный разреженный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 190).

Кластер № 150 составляет саблевидный многочастный слитный гребенчатый штамп (Рис. 191).

Кластер № 151 составляют клиновидный одночастный, овальный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 192).

Кластер № 152 составляют овальный одночастный, круглый одночастный, овальный многочастный слитный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 193).

Кластер № 153 составляют сегментовидный одночастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 194).

Кластер № 154 составляют овальный многочастный слитный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 195).

Кластер № 155 составляет сегментовидный одночастный штамп (Рис. 196).

Кластер № 156 составляют клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный двухчастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 197).

Кластер № 157 составляют линзовидный одночастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 198).

Кластер № 158 составляют овальный многочастный слитный, овальный многочастный разреженный гребенчатые штампы и наклепной валик (Рис. 199).

Кластер № 159 составляют овальный одночастный и подпрямоугольный одночастный гребенчатый штампы (Рис. 200).

Кластер № 160 составляют овальный одночастный штамп и наклепной валик (Рис. 201).

Кластер № 161 составляют линзовидный разреженный и клиновидный многочастный разреженный, саблевидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 202).

Кластер № 162 составляют овальный многочастный слитный и сегментовидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 203).

Кластер № 163 составляют овальный одночастный и линзовидный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 204).

Кластер № 164 составляют овальный одночастный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 205).

Кластер № 165 составляют овальный одночастный штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 206).

Кластер № 166 составляет подпрямоугольный двухчастный разреженный гребенчатый штамп (Рис. 207).

Кластер № 167 составляют овальный многочастный слитный, овальный многочастный разреженный и клиновидный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 208).

Кластер № 168 составляют линзовидный одночастный, линзовидный многочастный слитный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 209).

Кластер № 169 составляют линзовидный многочастный слитный и линзовидный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 210).

Кластер № 170 составляют овальный многочастный слитный гребенчатый штамп и «шагающая» гребенка (Рис. 211).

Кластер № 171 составляют линзовидный многочастный слитный, сегментовидный многочастный слитный, клиновидный многочастный слитный и овальный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 212).

Кластер № 172 составляют клиновидный многочастный слитный и овальный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 213).

Кластер № 173 составляют круглый одночастный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатый штампы (Рис. 214).

Кластер № 174 составляют клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 215).

Кластер № 175 составляет подтрапецевидный одночастный штамп (Рис. 216).

Кластер № 176 составляют овальный многочастный слитный, овальный многочастный разреженный, подпрямоугольный многочастный разреженный и клиновидный многочастный слитный гребенчатые штампы (Рис. 217).

Кластер № 177 составляют клиновидный многочастный слитный и подпрямоугольный многочастный разреженный гребенчатые штампы (Рис. 218).

Кластер № 178 составляют линзовидный одночастный и круглый одночастный штампы (Рис. 219).

Кластер № 179 составляют подтреугольный одночастный, саблевидный одночастный штампы (Рис. 220).

ТАБЛИЦЫ (1-9)

Таблица 1

Группировка частных, локальных и всеобщих кластеров по культурам и памятникам

<i>Культуры</i>	Памятники	Частные	Локальные чистые	Условно-локальные	Всеобщие
<i>А</i>	1	2	3	4	5
<i>Русско-азийский тип (РАТ)</i>	Игимская стоянка	–	–	–	–
	Золотая Падь II	–	–	–	–
	Русско-Азийская I стоянка	2–3, 6, 10–11, 13–15, 18, 23–25, 31, 33, 47, 63, 67, 70, 79, 111, 170	–	–	–
	Каентубинская островная стоянка	–	–	–	–
	Дубово-Гривская II стоянка	–	–	–	–
<i>Иско-бельский вар-т Новоильинской культуры (НИК)</i>	Игимская стоянка	134	30	1, 2, 138, 150	38
	Золотая Падь II	34	30	1	38
	Татаро-Азийская II стоянка	–	–	–	38
	Русско-Азийская III стоянка	–	–	36	38
	Дубово-Гривская II стоянка	26, 107	30	1, 2, 36, 138, 150	38
<i>Волосовско-гаринская общность (ВГО)</i>	Игимская стоянка	1, 2, 30, 34, 36, 37, 38, 107, 150	–	19, 26, 75	–
	Золотая Падь II	–	–	75	–
	Татаро-Азийская II стоянка	–	–	75	–
	Русско-Азийская I стоянка	–	–	75	–
	Русско-Азийская III стоянка	–	–	75	–
	Каентубинская островная стоянка	–	–	–	–
	Дубово-Гривская II стоянка	72, 90, 139	–	19, 26, 75	–
	Рысовское III селище	–	–	–	–

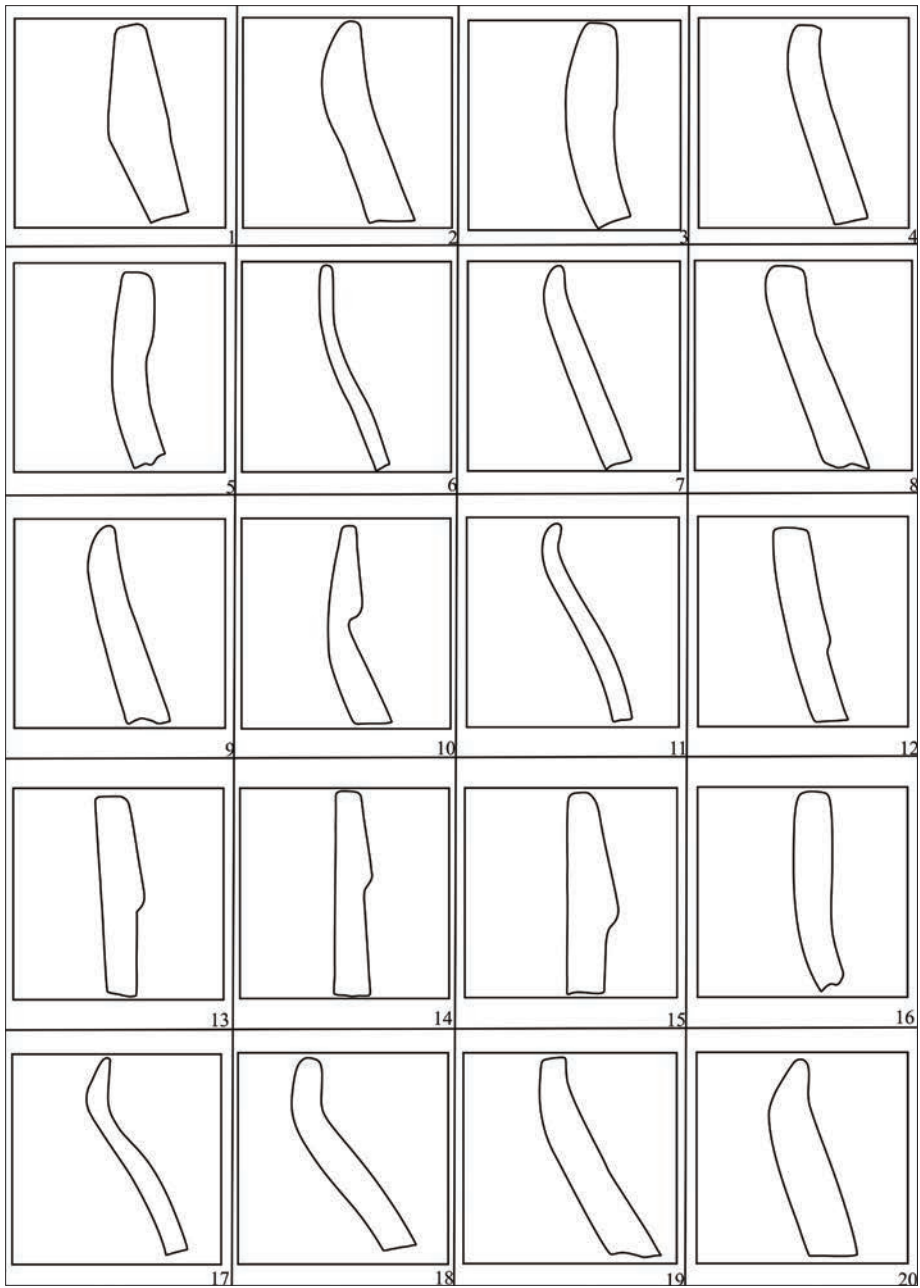
Таблица 4

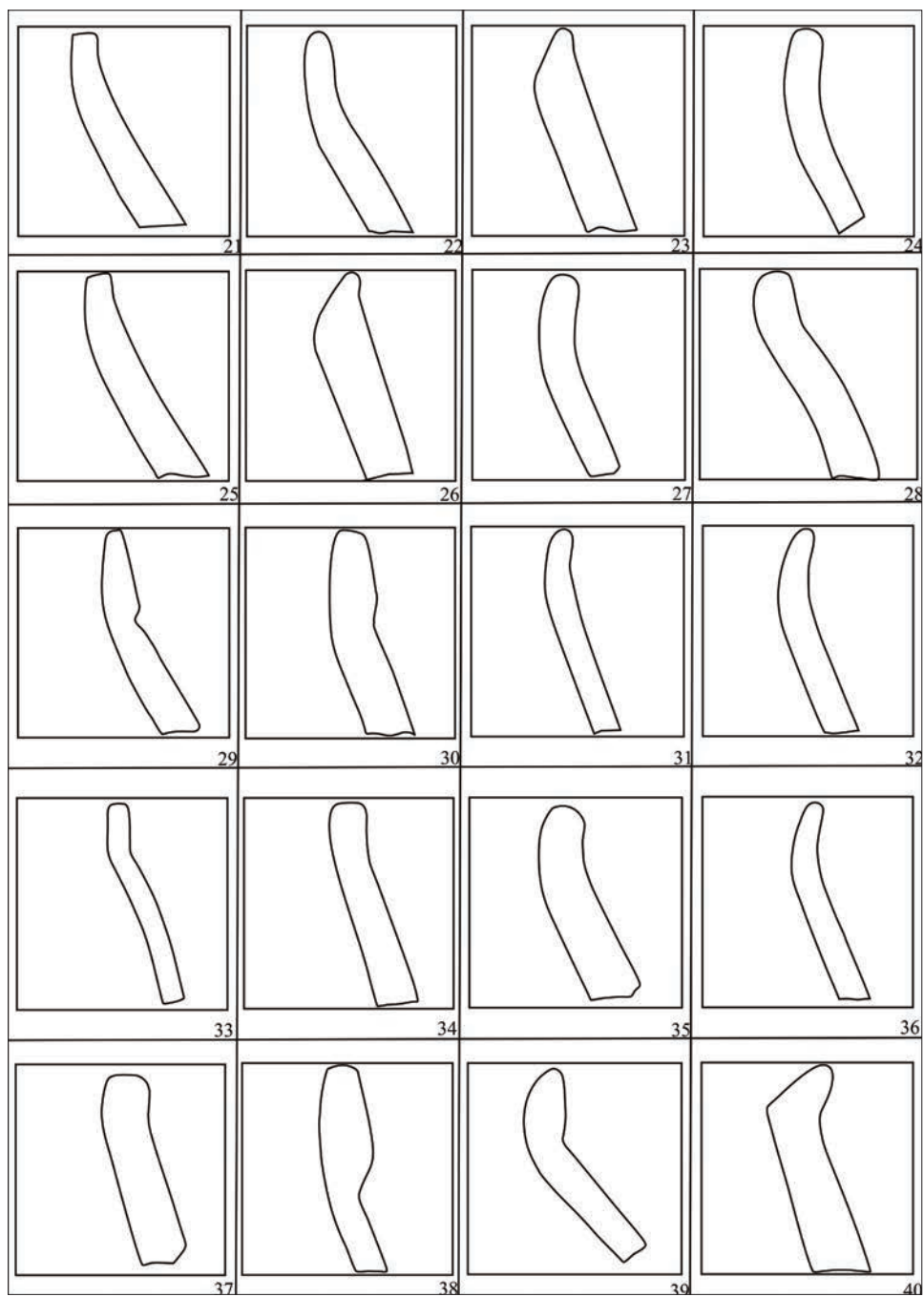
**Средние значения доли сходства памятников
внутри археологических культур эпохи энеолита**

	РАТ (21 кластер)	НИК (11 кластеров)	ВГО (15 кластеров)	В среднем по эпохе
Игимская	0,10	0,62	0,17	0,30
Золотая Падь II	0,12	0,60	0,64	0,45
Тат-Азибей. II	–	0,55	0,60	0,58
Рус-Азибей. I	0,00	–	0,59	0,30
Рус-Азибей. III	–	0,57	0,56	0,57
Каент. островн.	0,07	–	0,37	0,22
Дубово-Грив. II	0,10	0,50	0,42	0,34
Рысов. III сел.	–	–	0,40	0,40

Таблица 5

Профилировка венчиков сосудов русско-азибейского типа





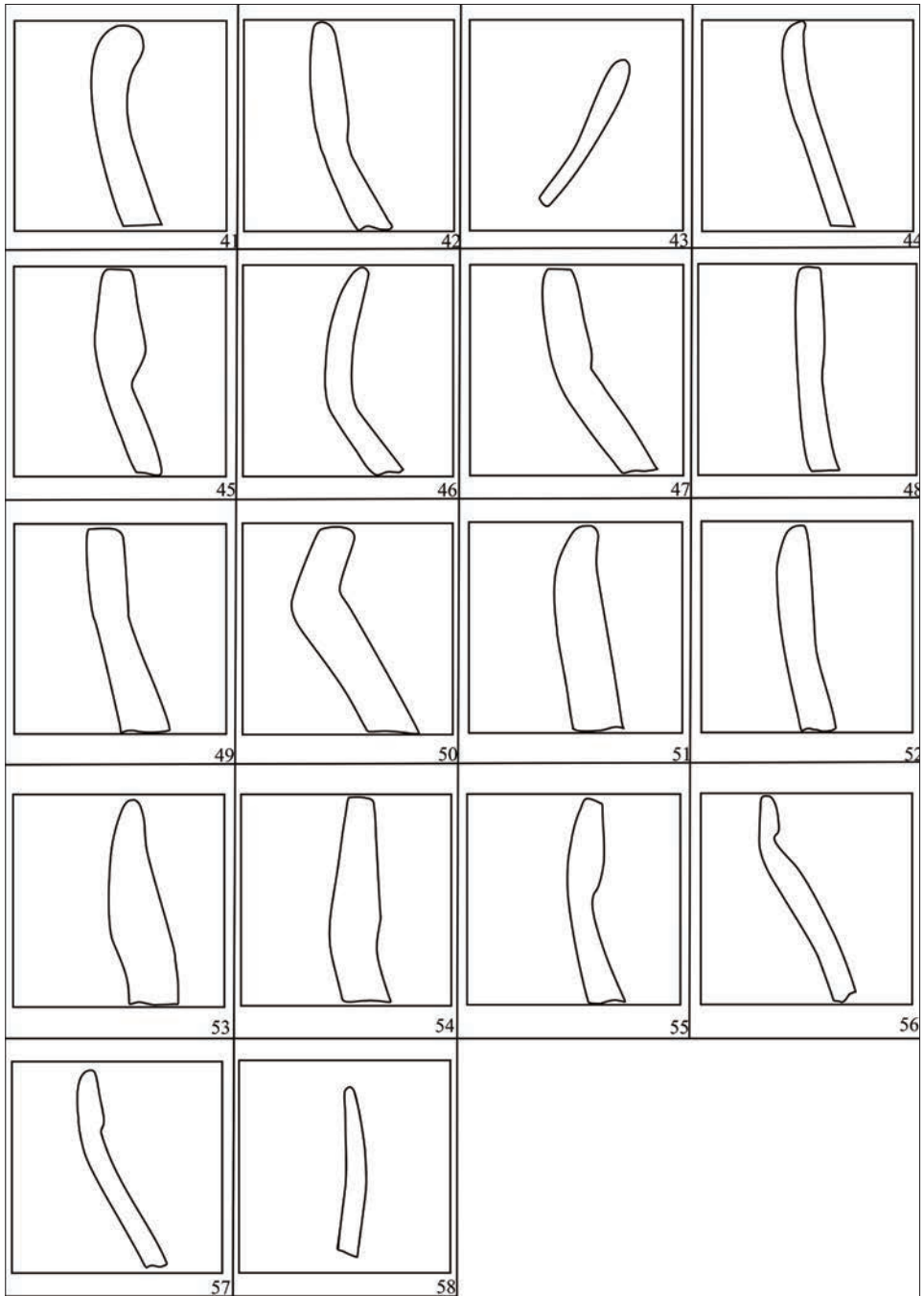
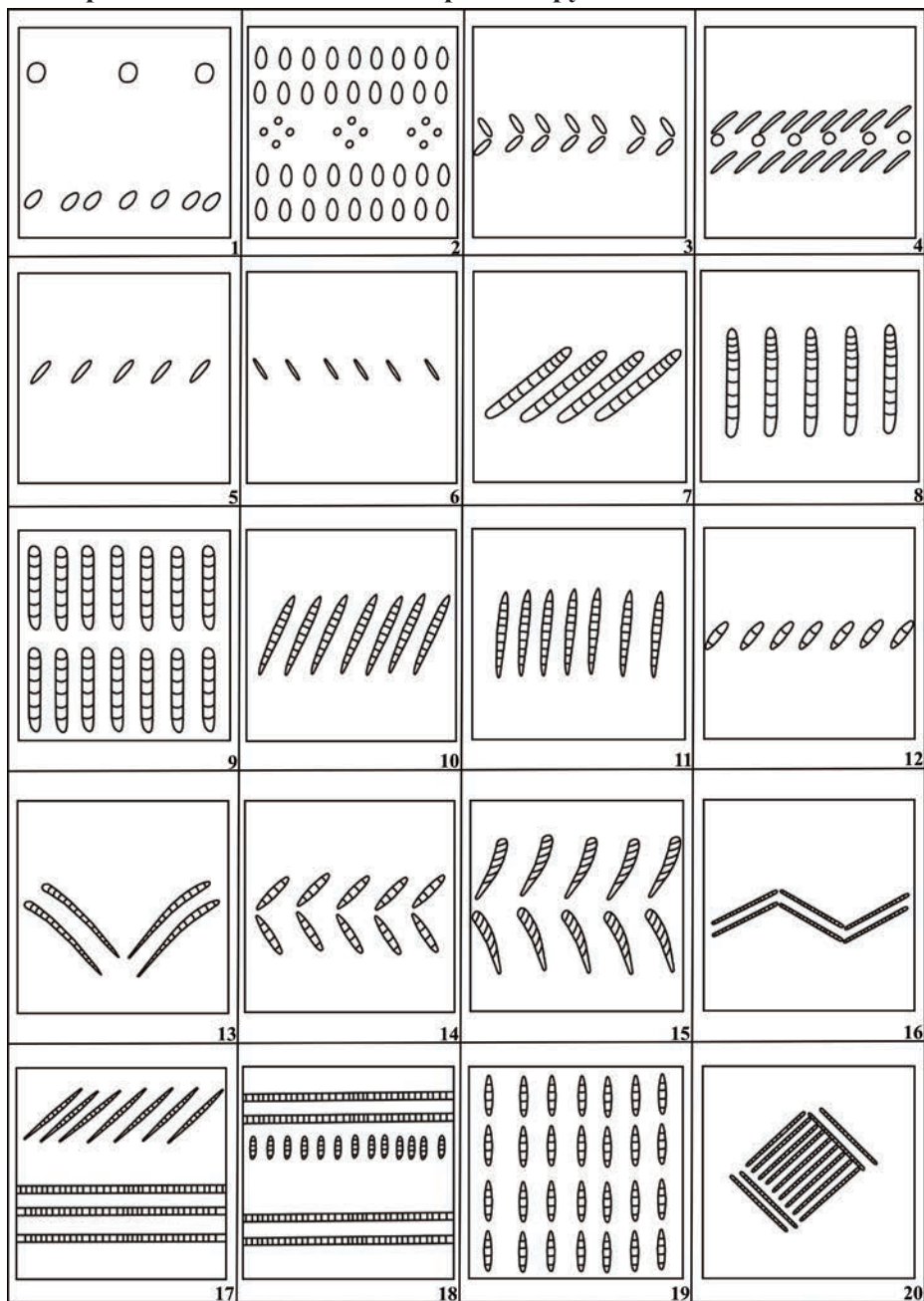
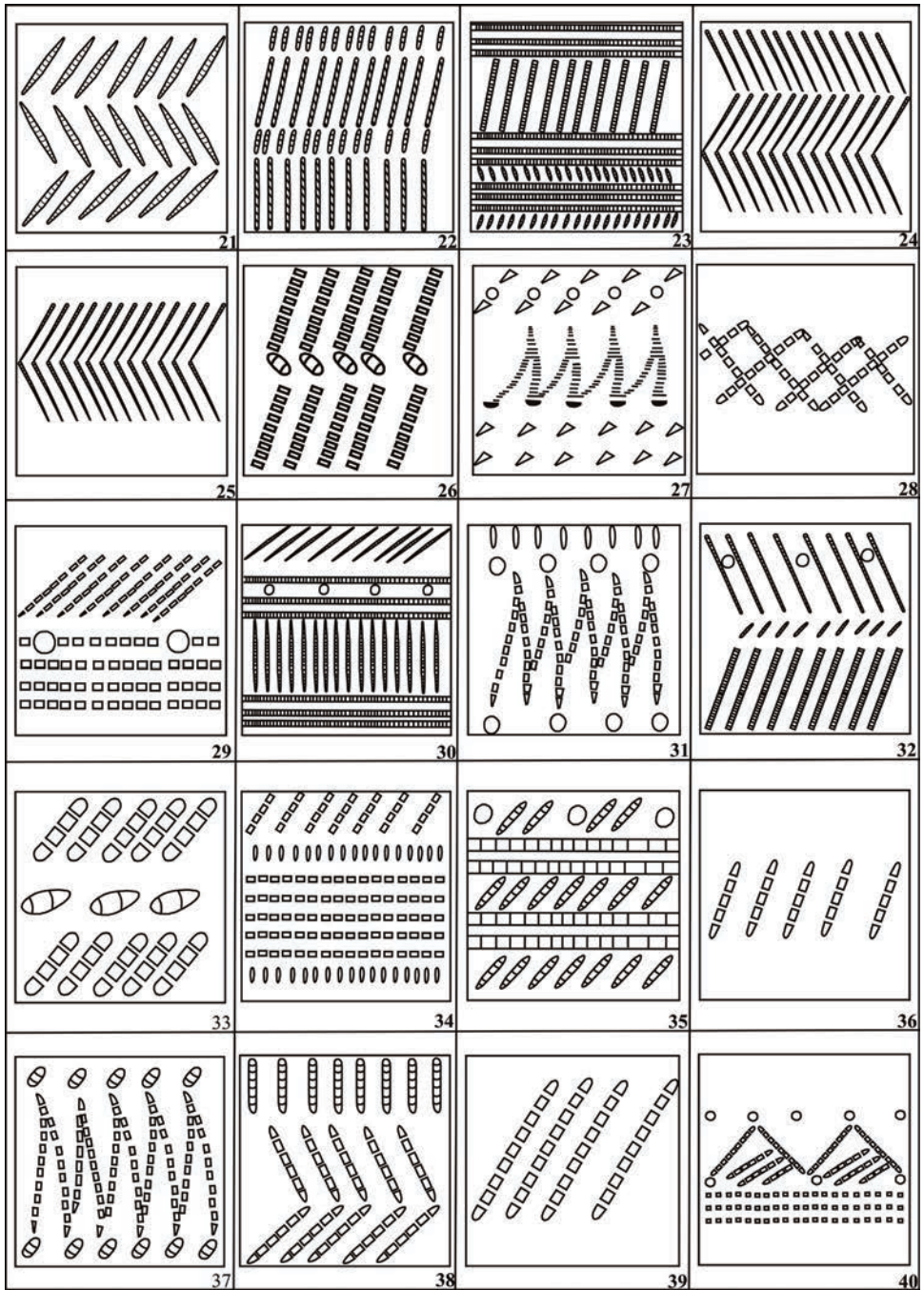
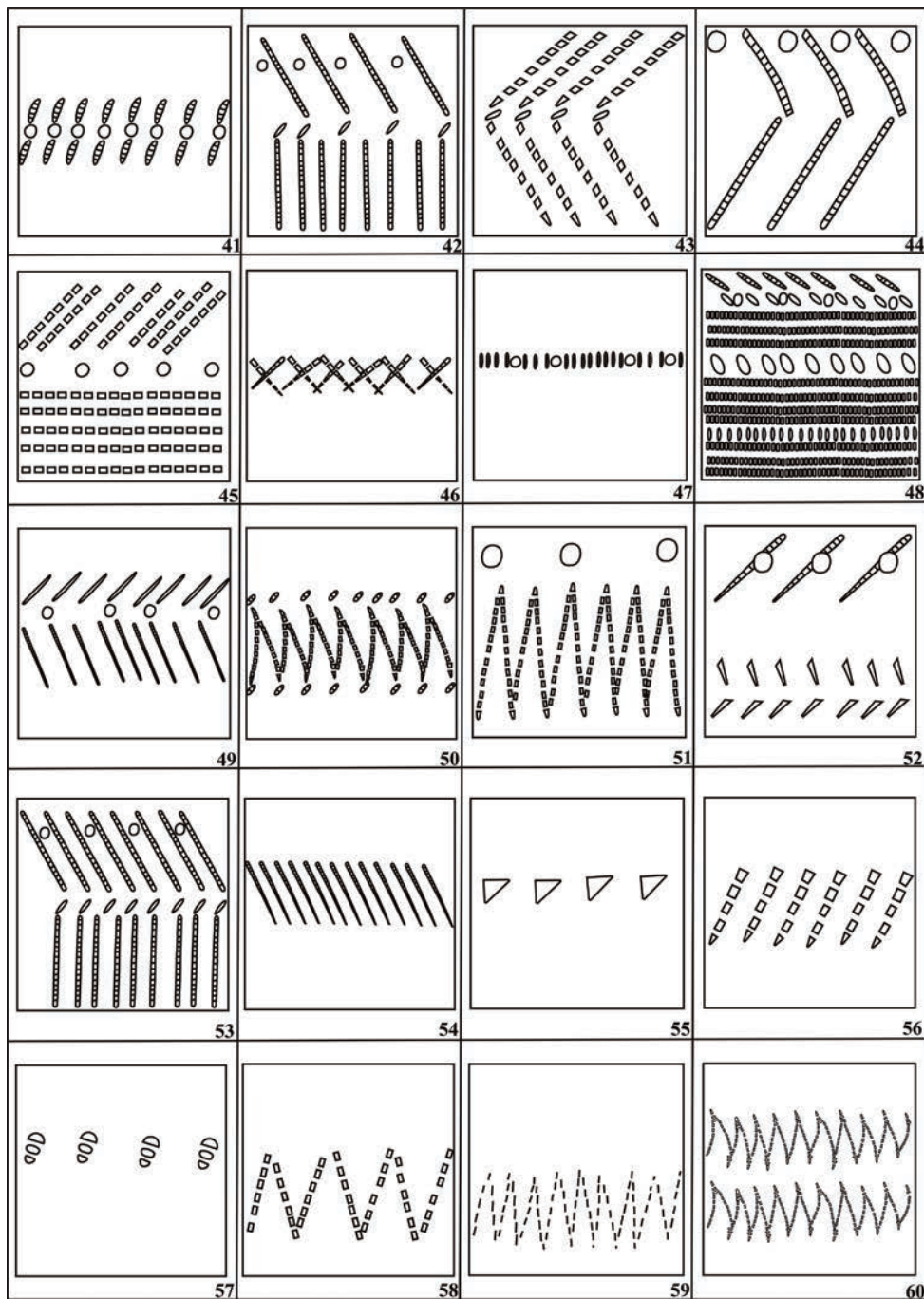


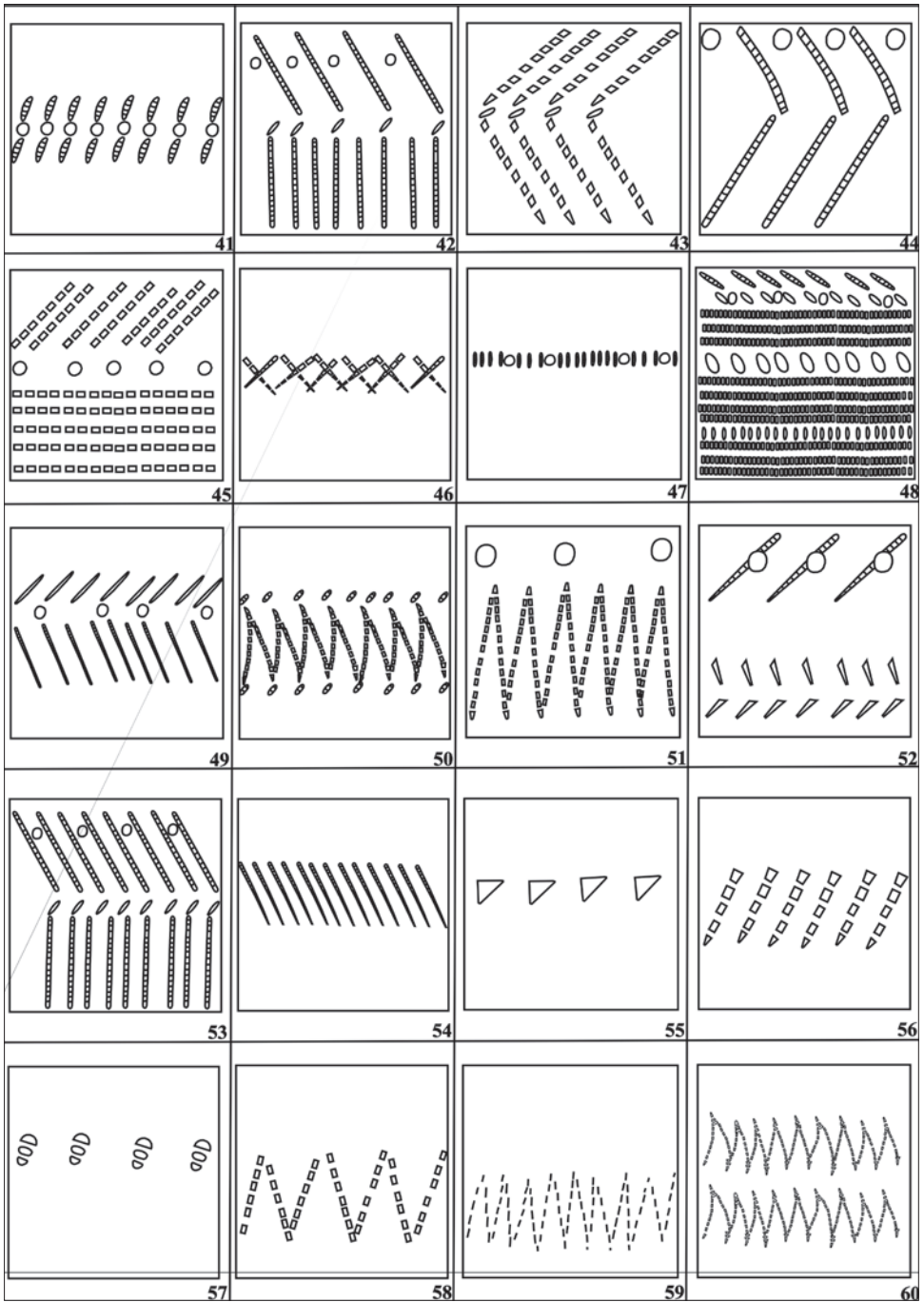
Таблица 6

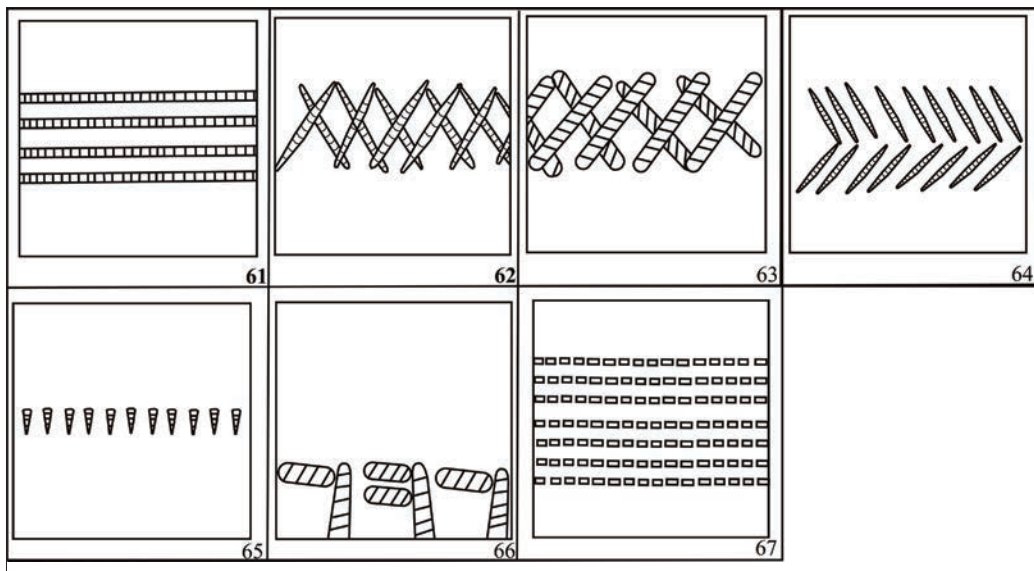
Орнаментальные мотивы керамики русско-азийского типа



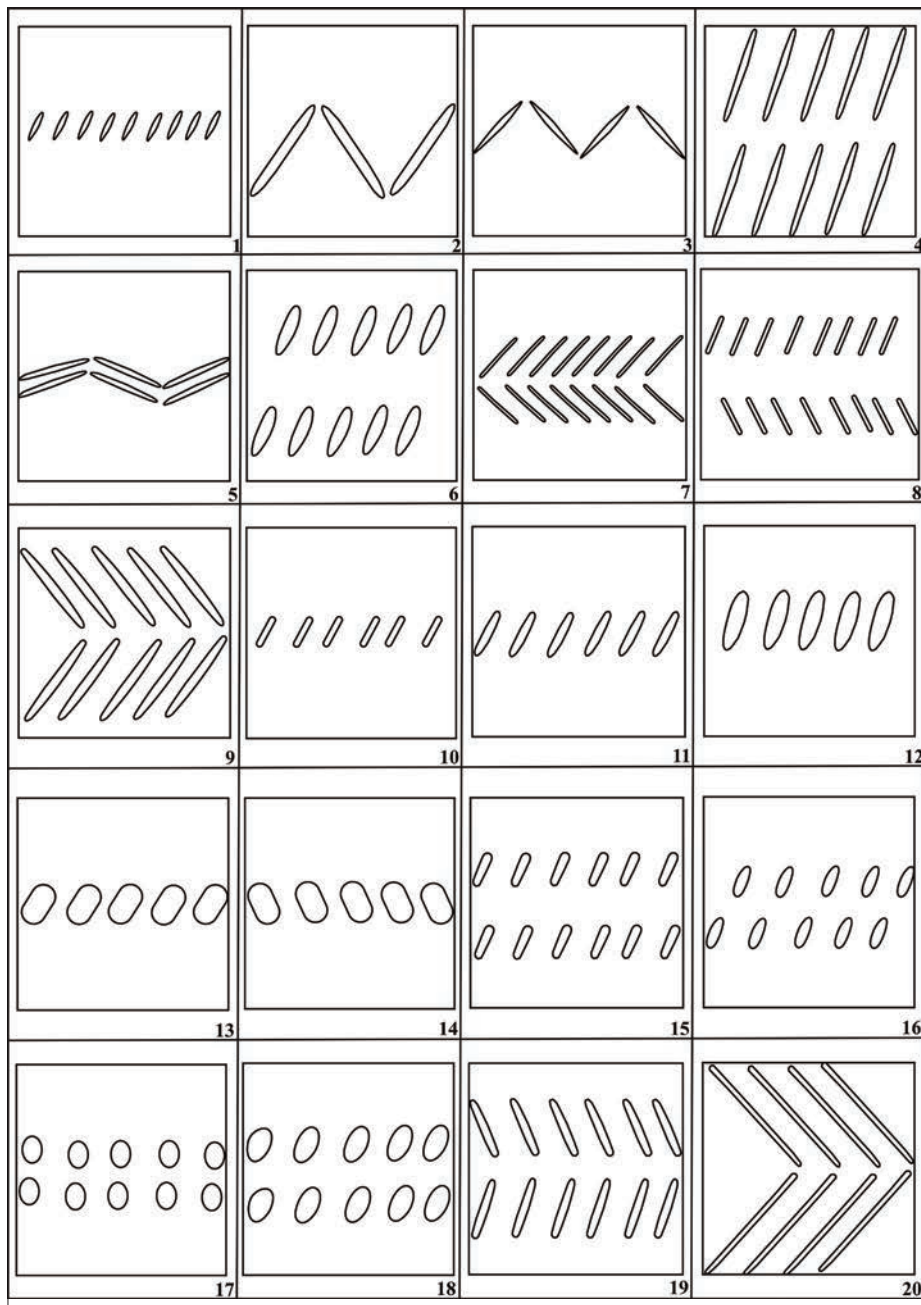


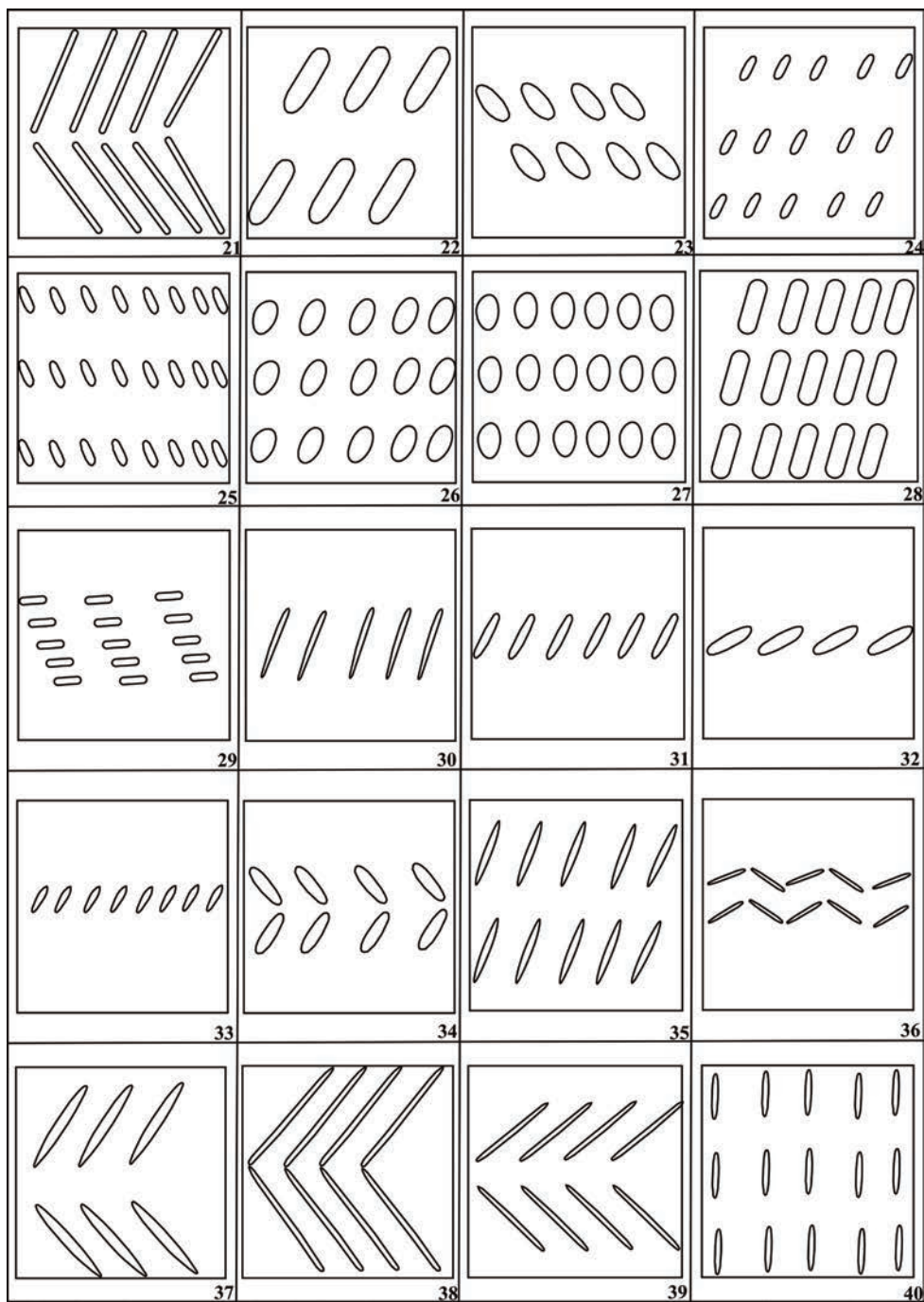


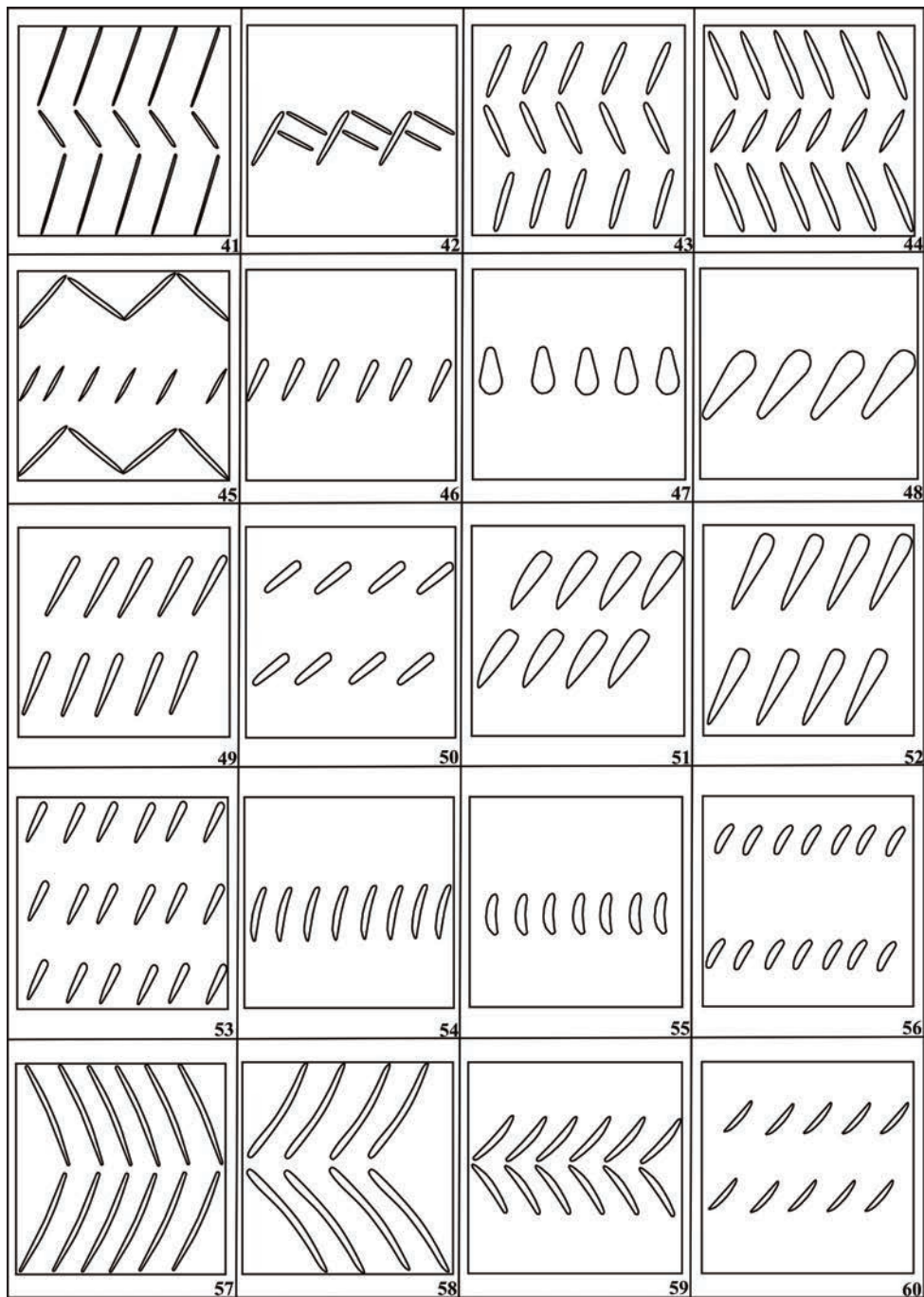


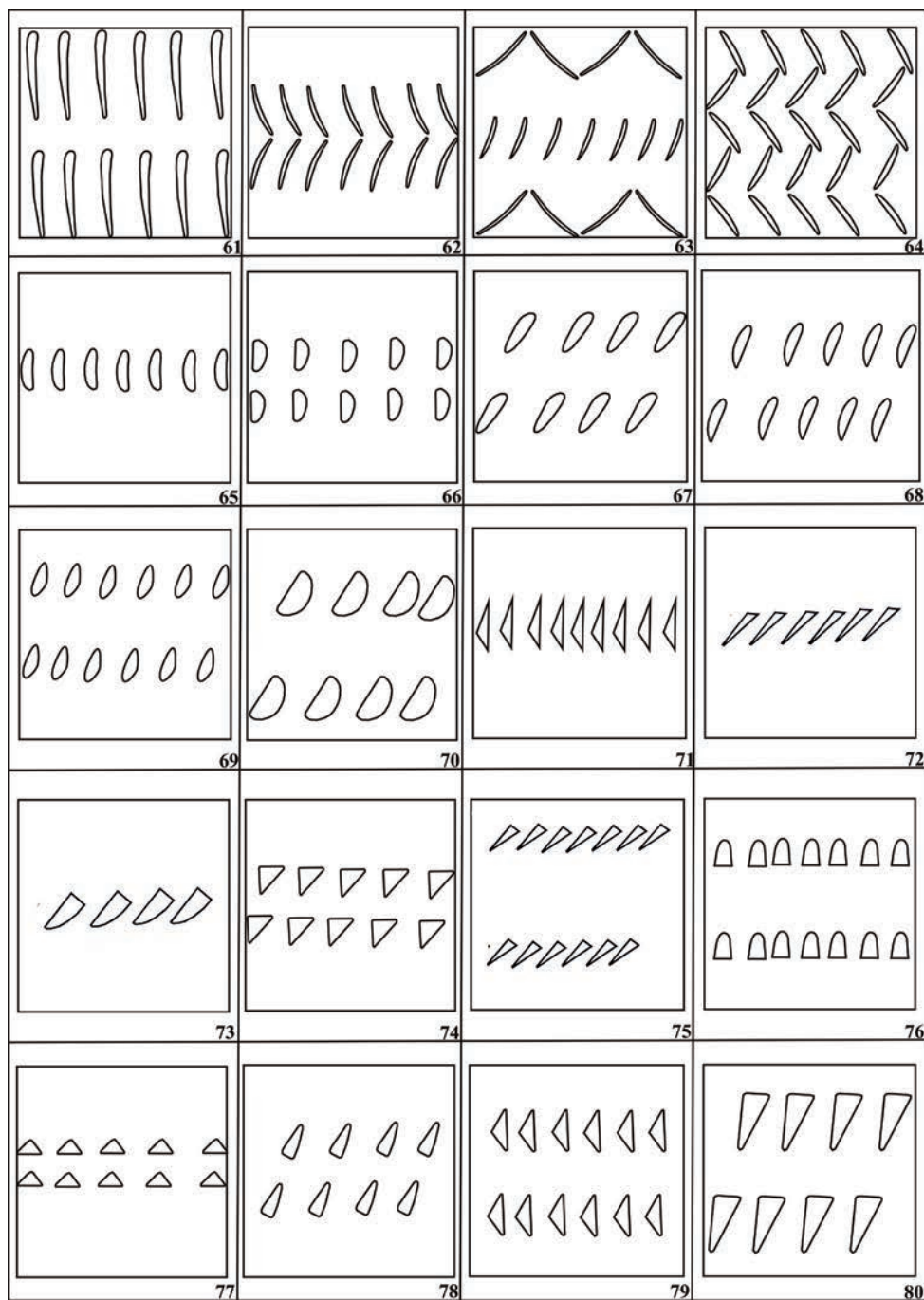


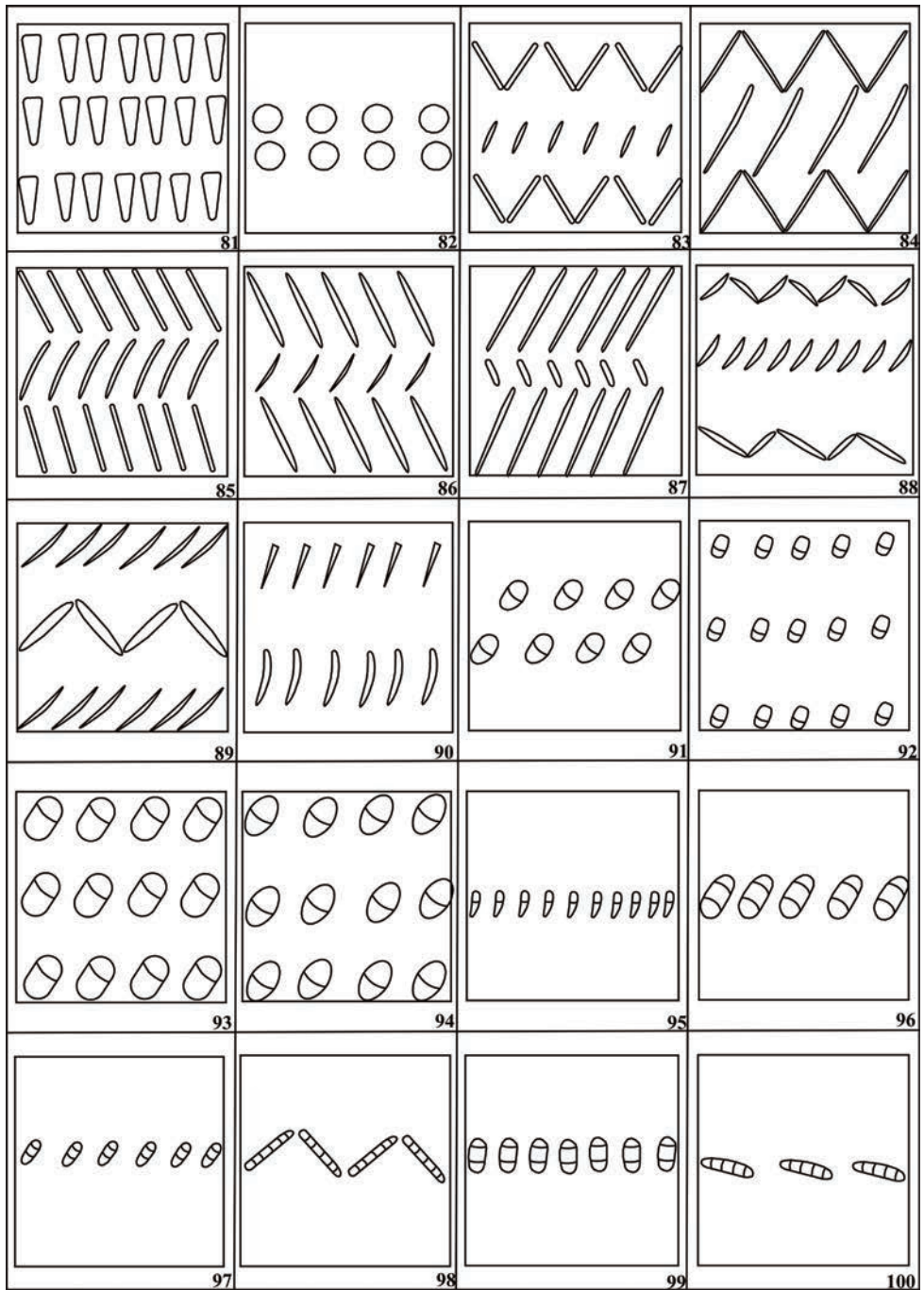
Орнаментальные мотивы керамики новоильинского типа

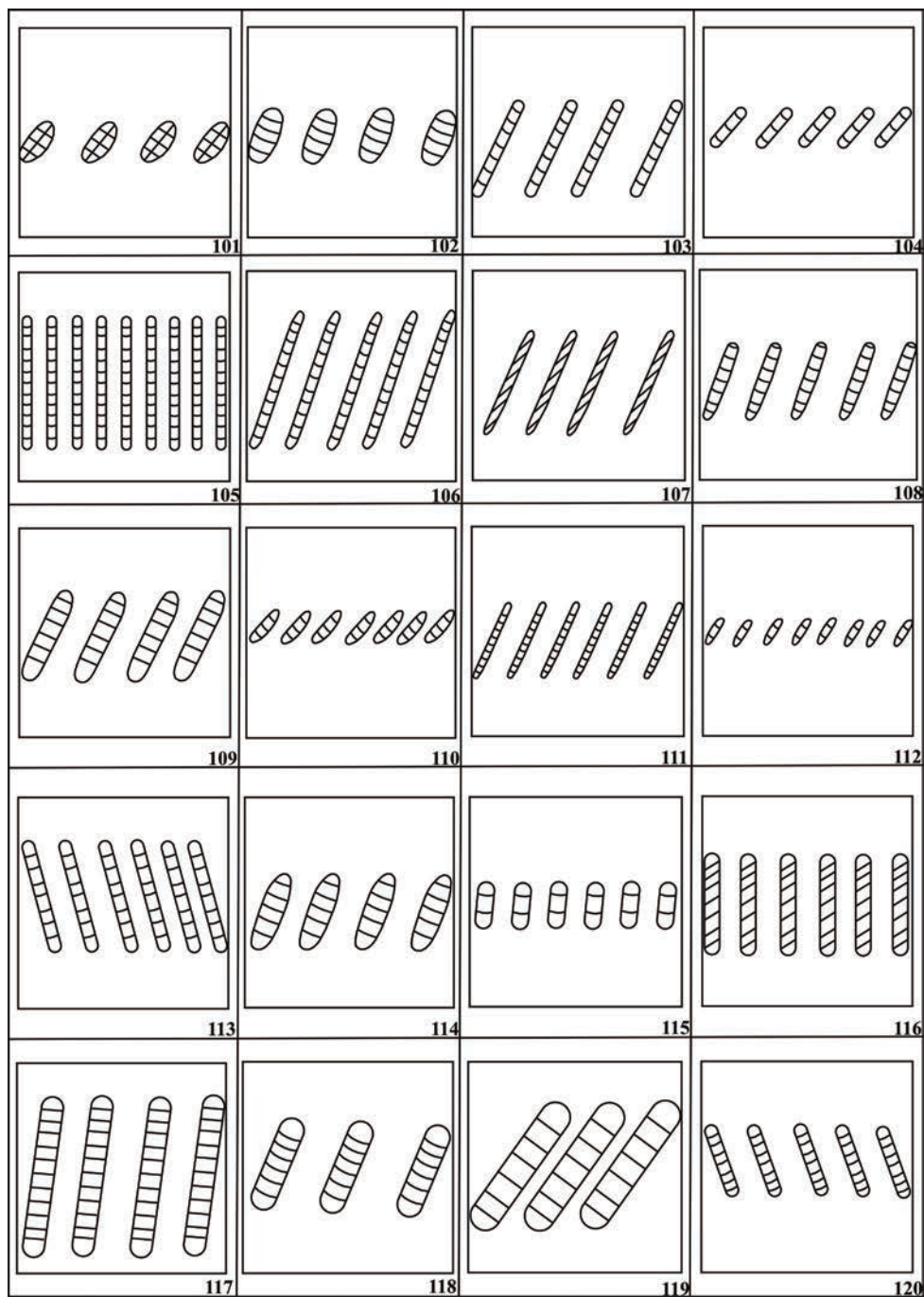


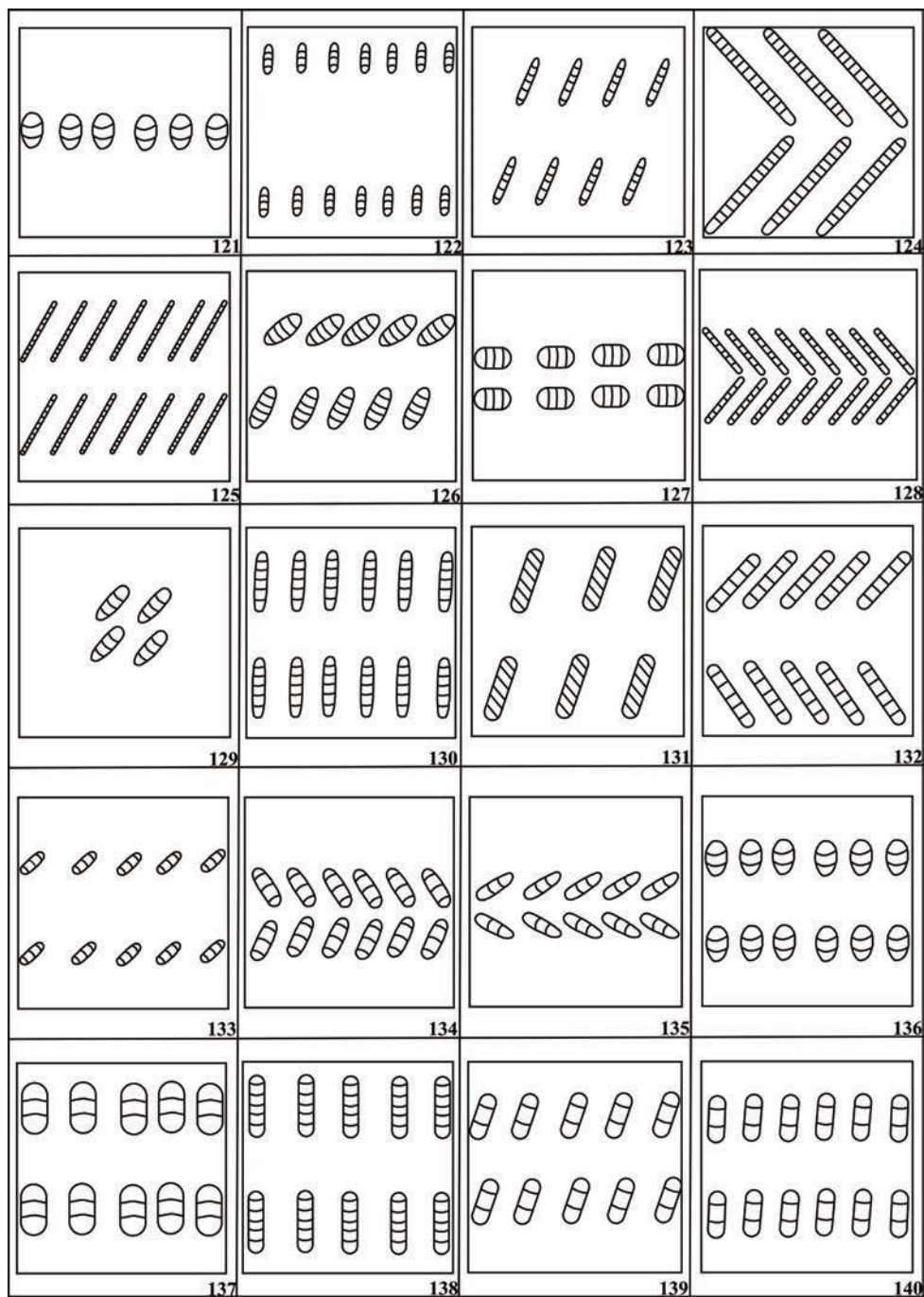


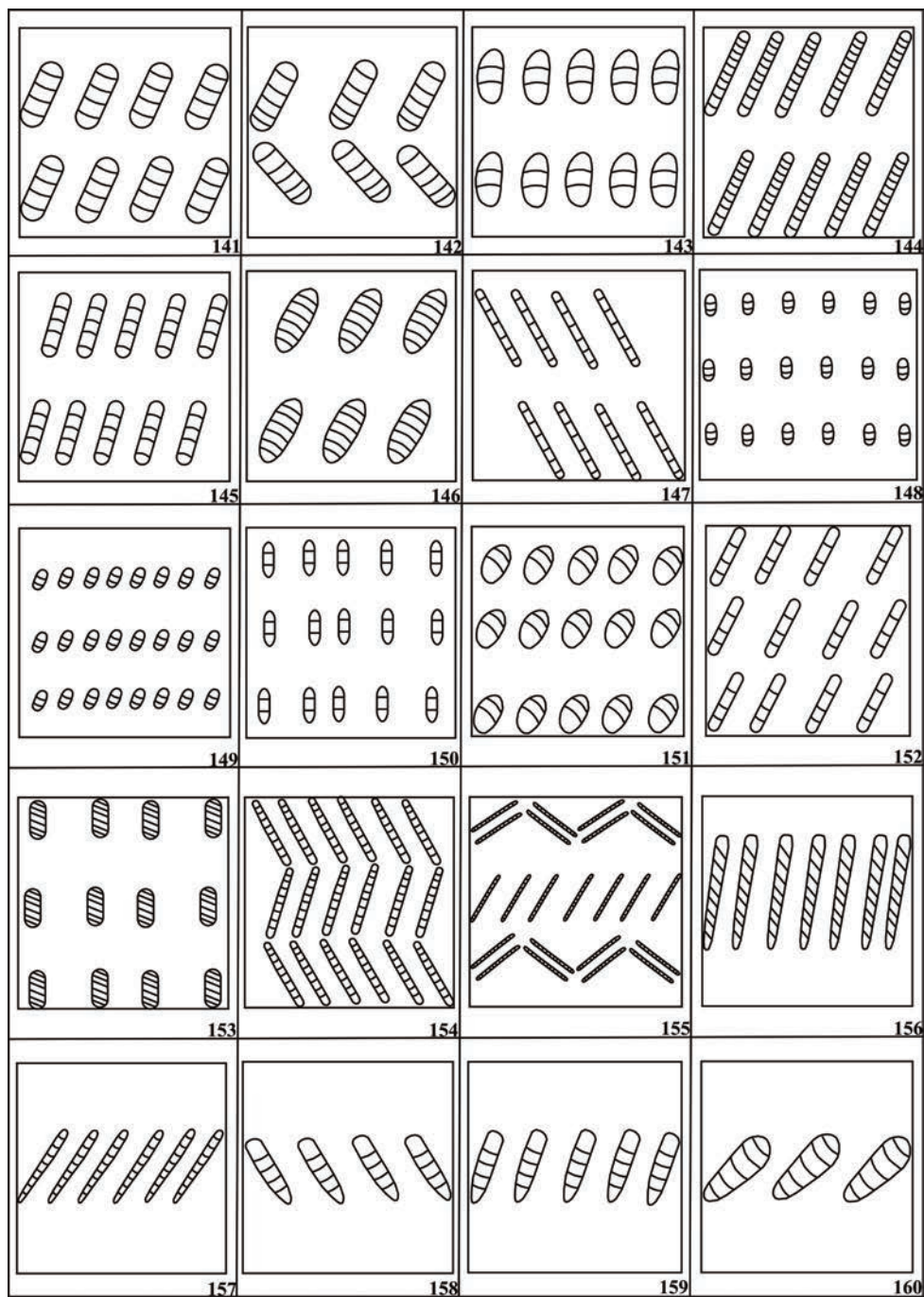


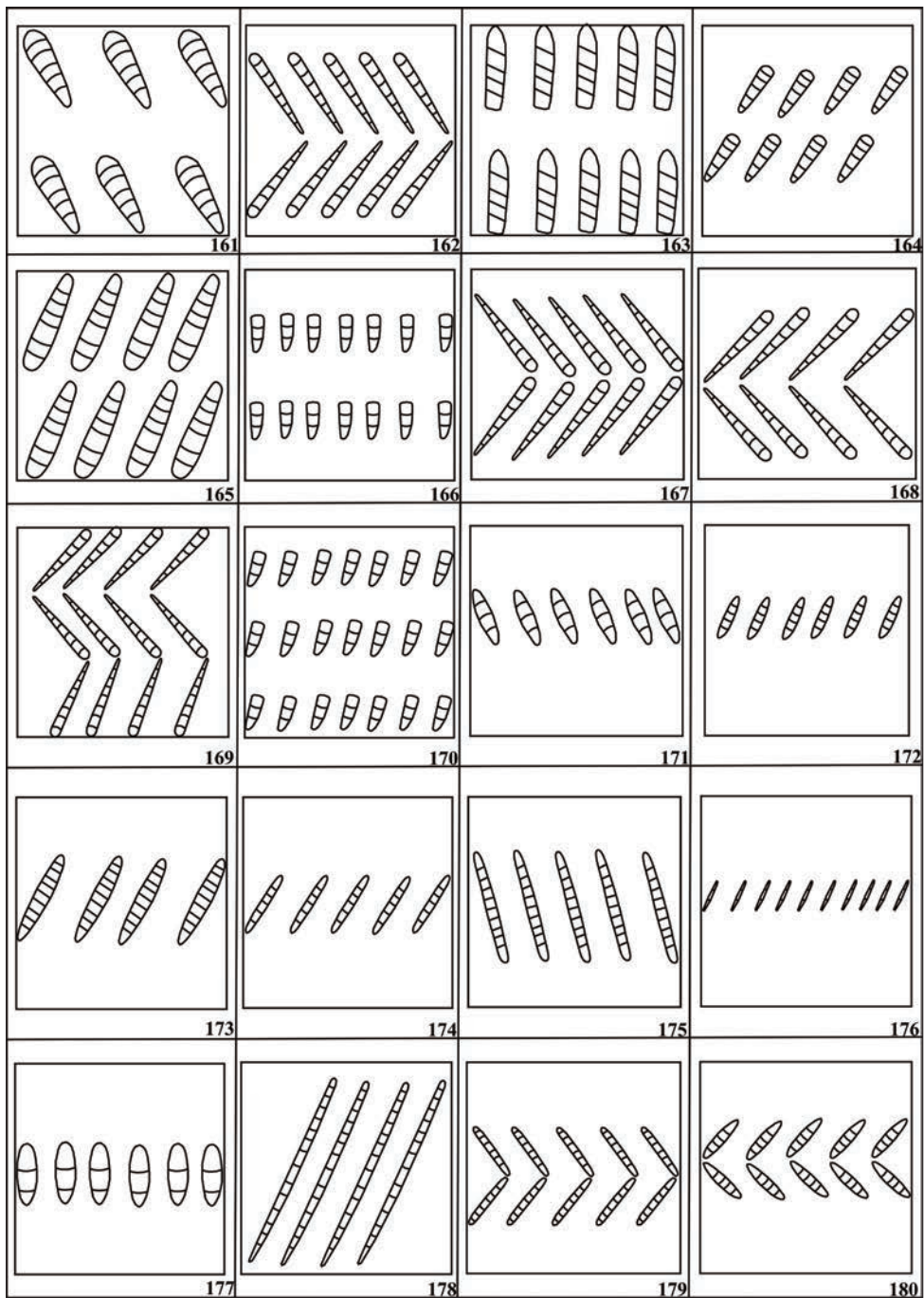


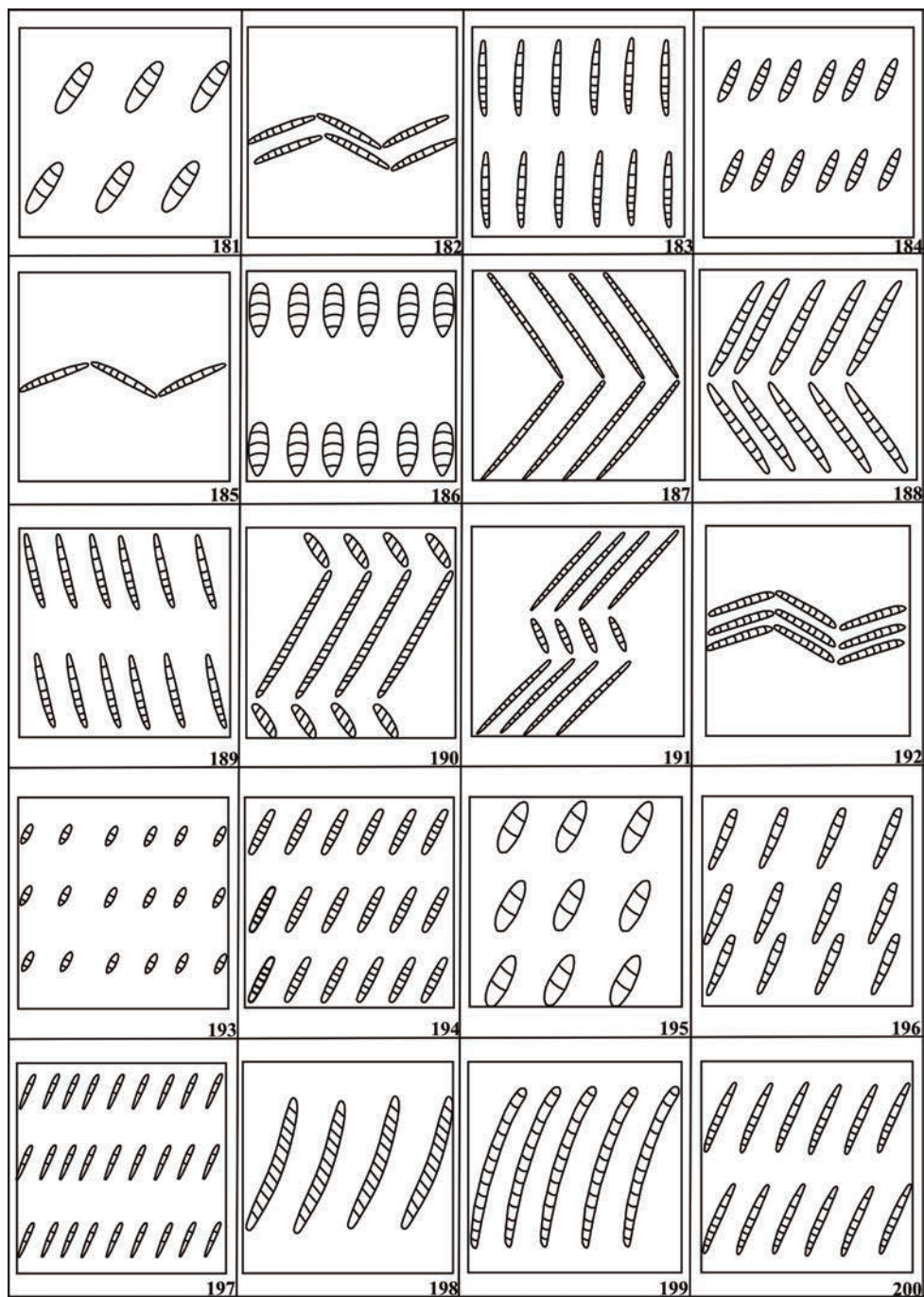


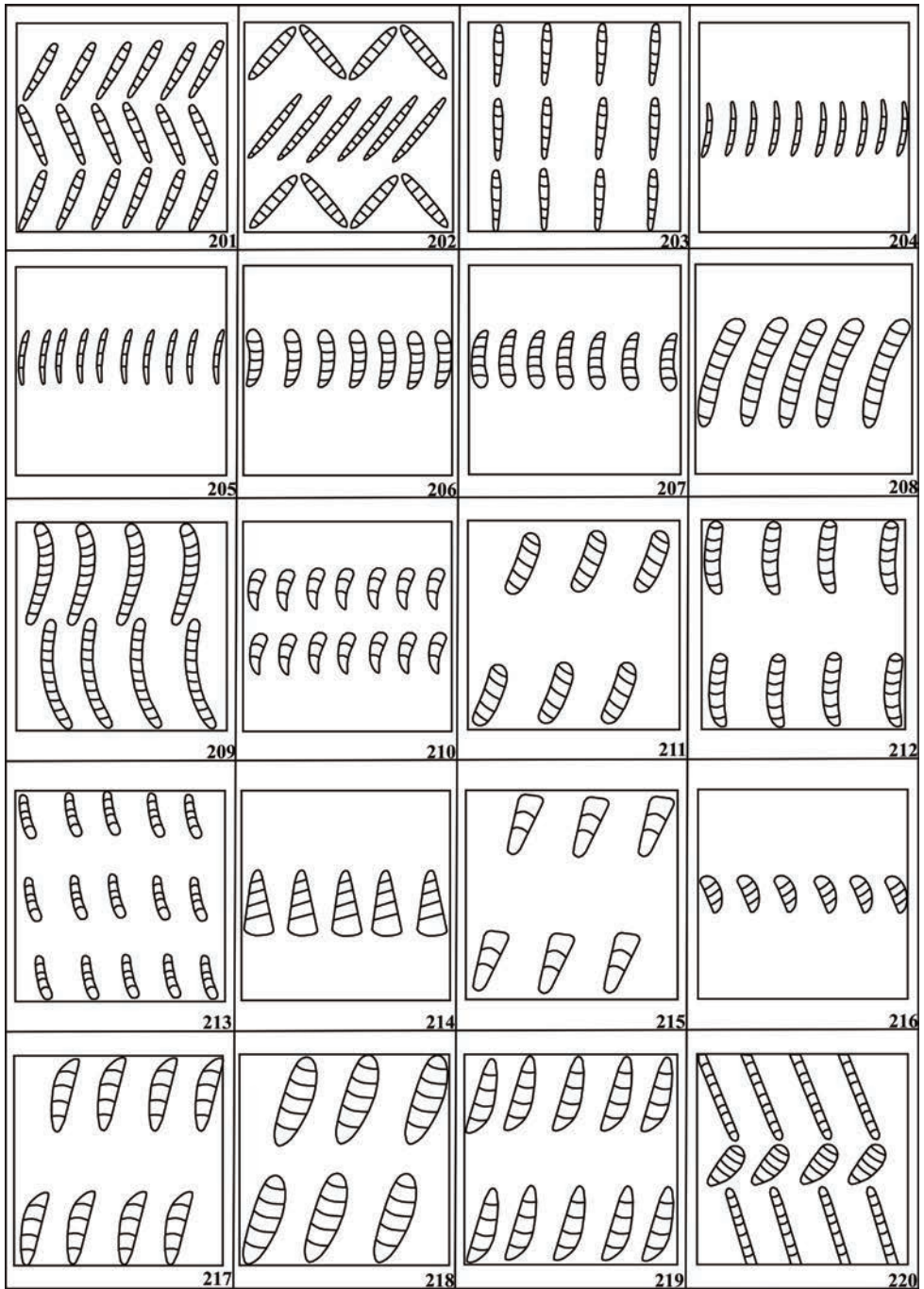


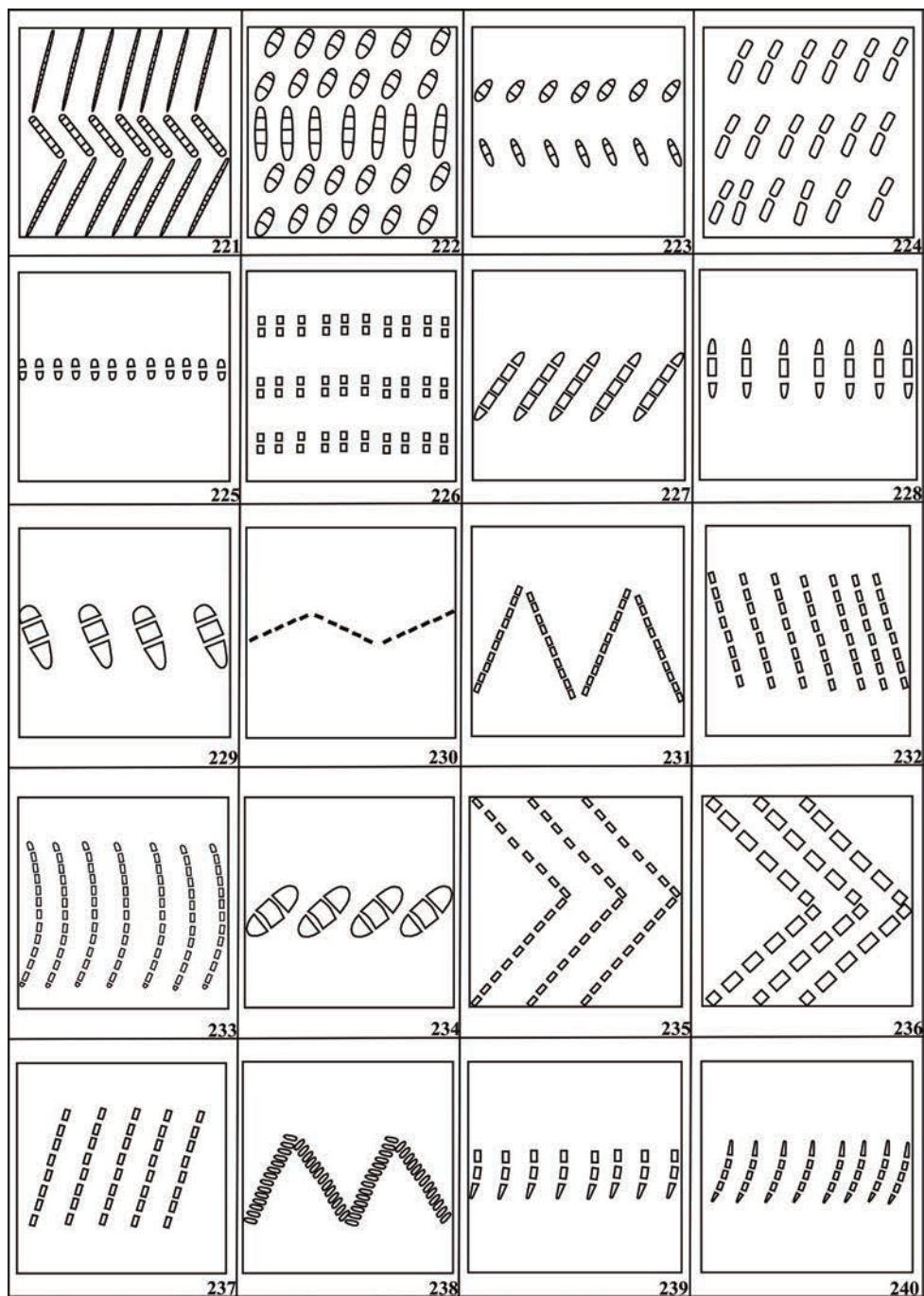












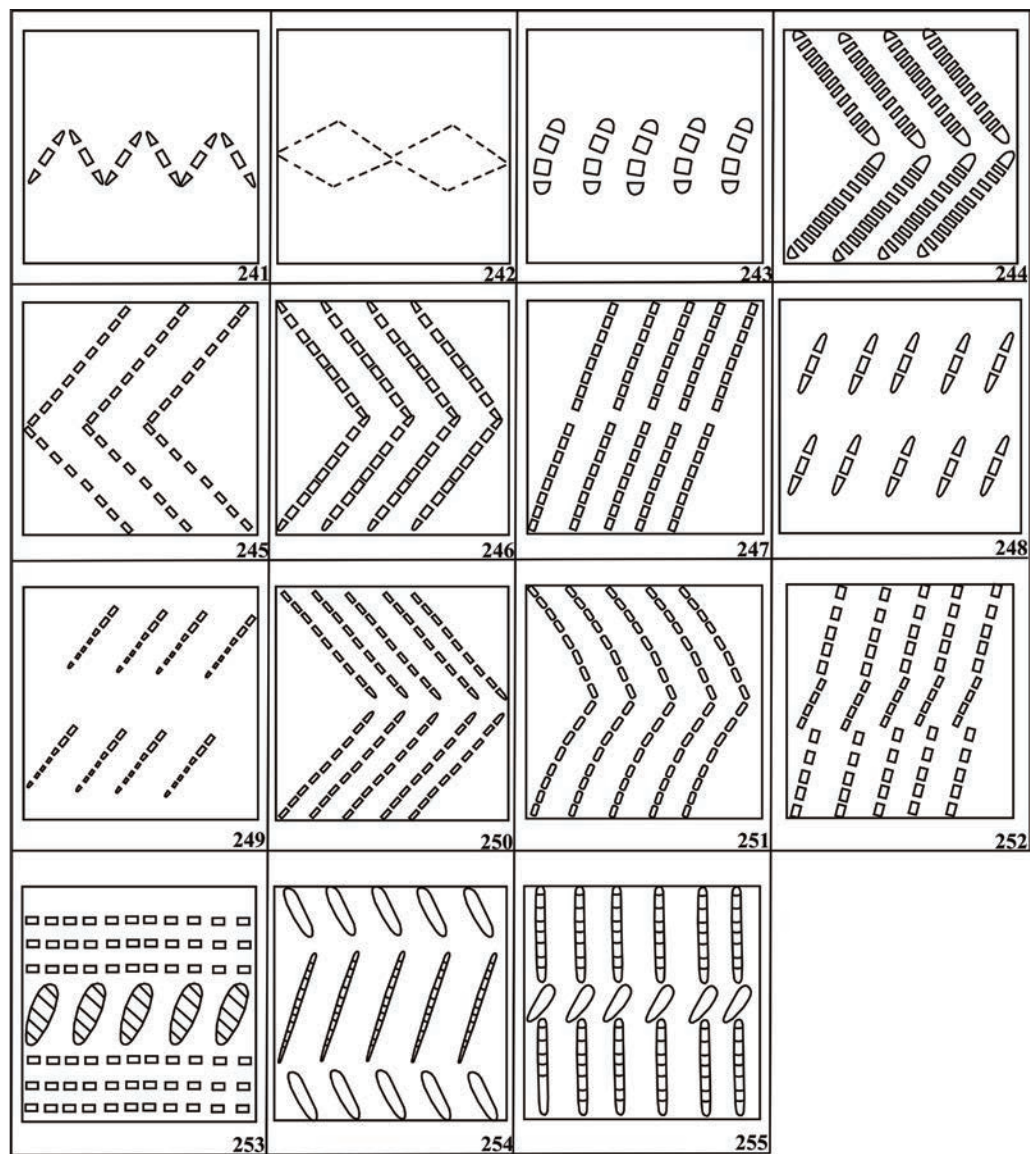
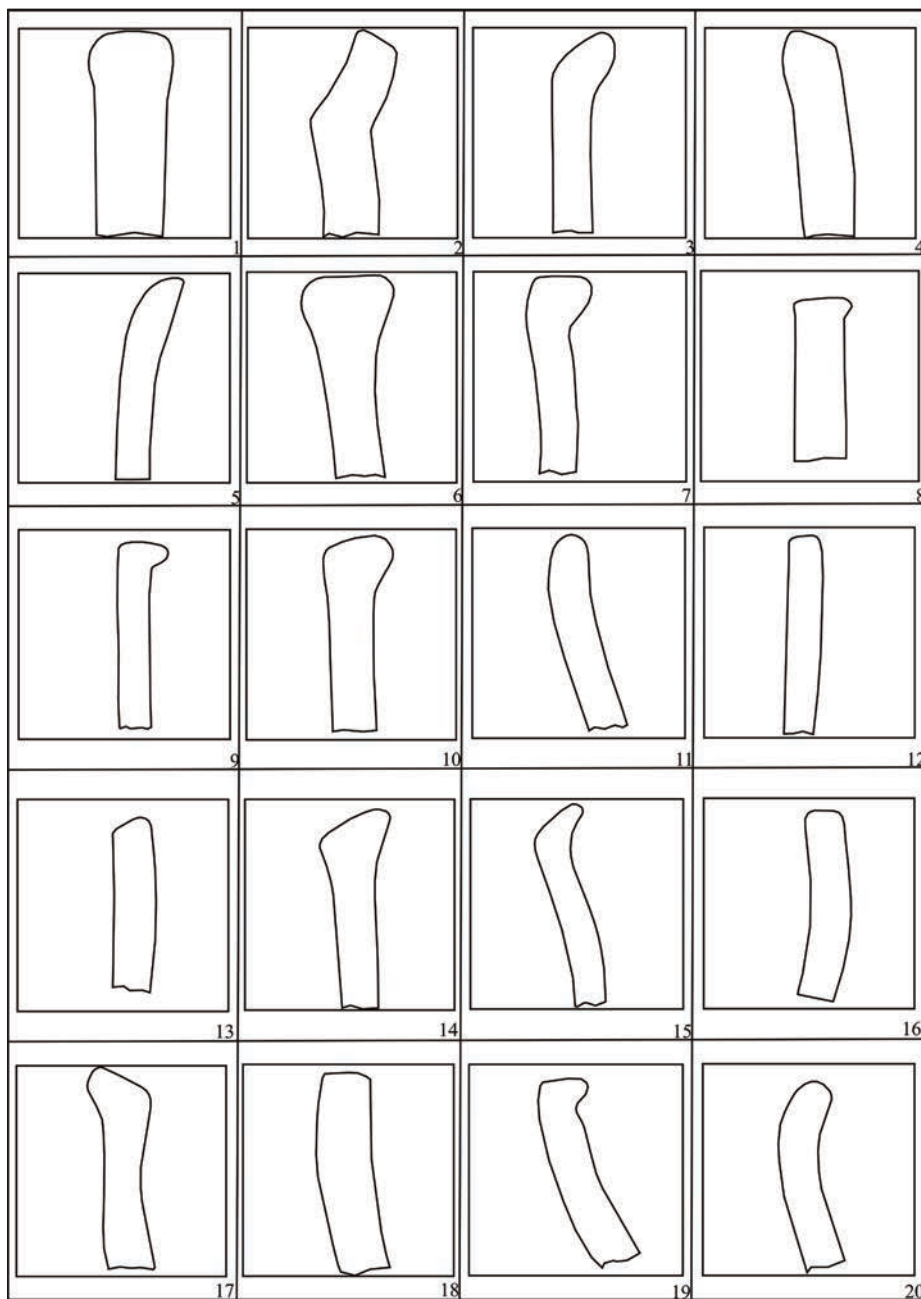
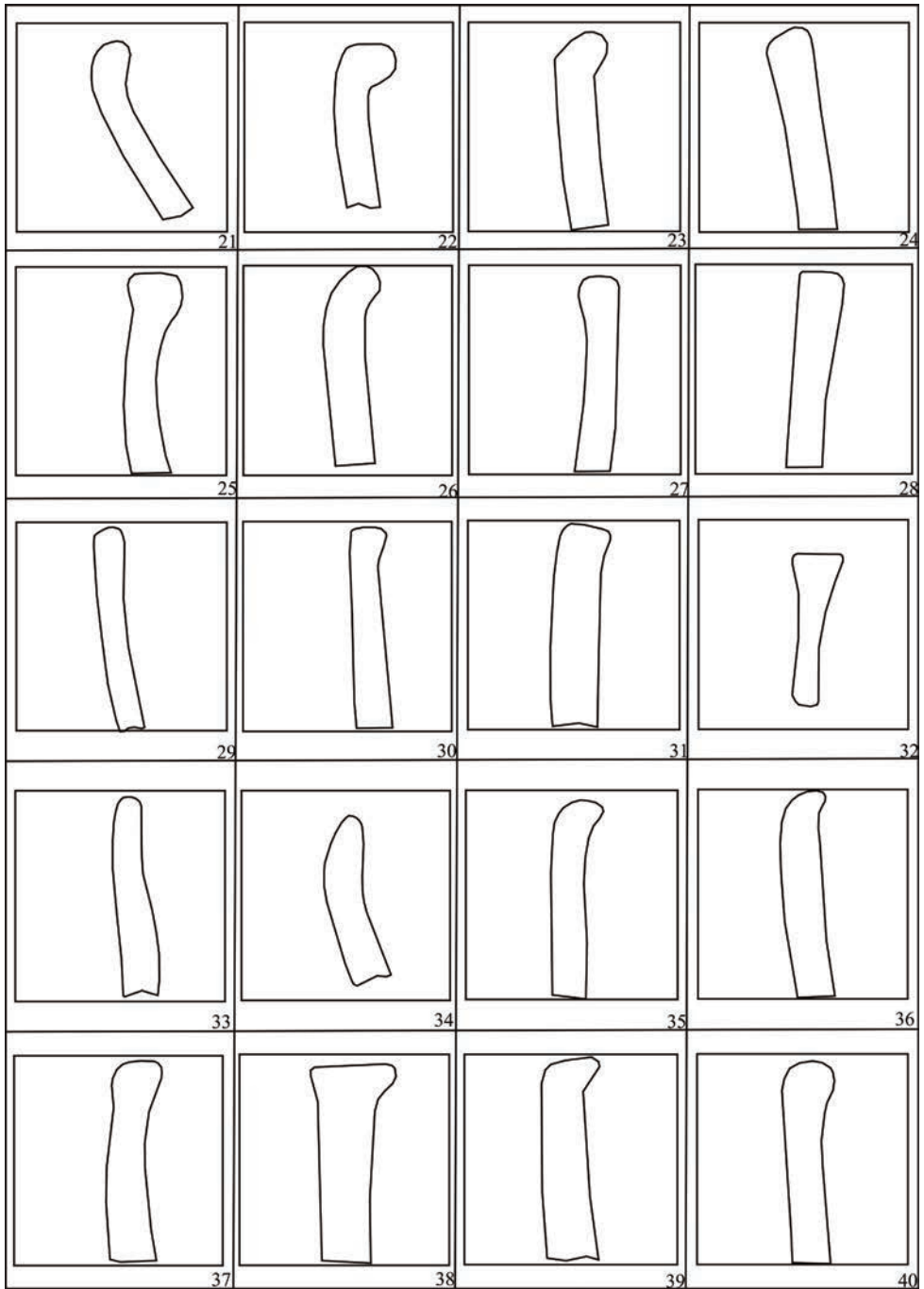
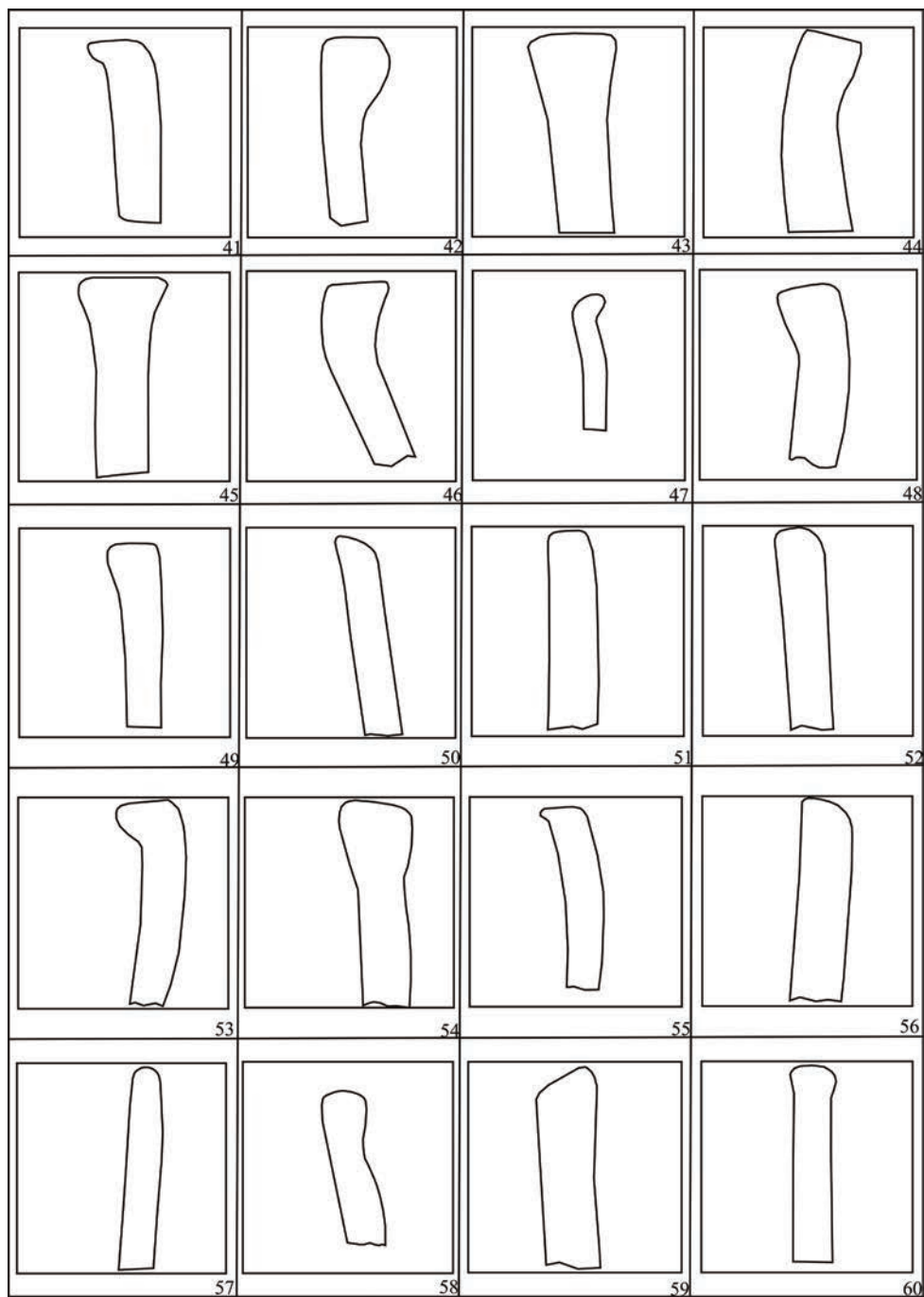


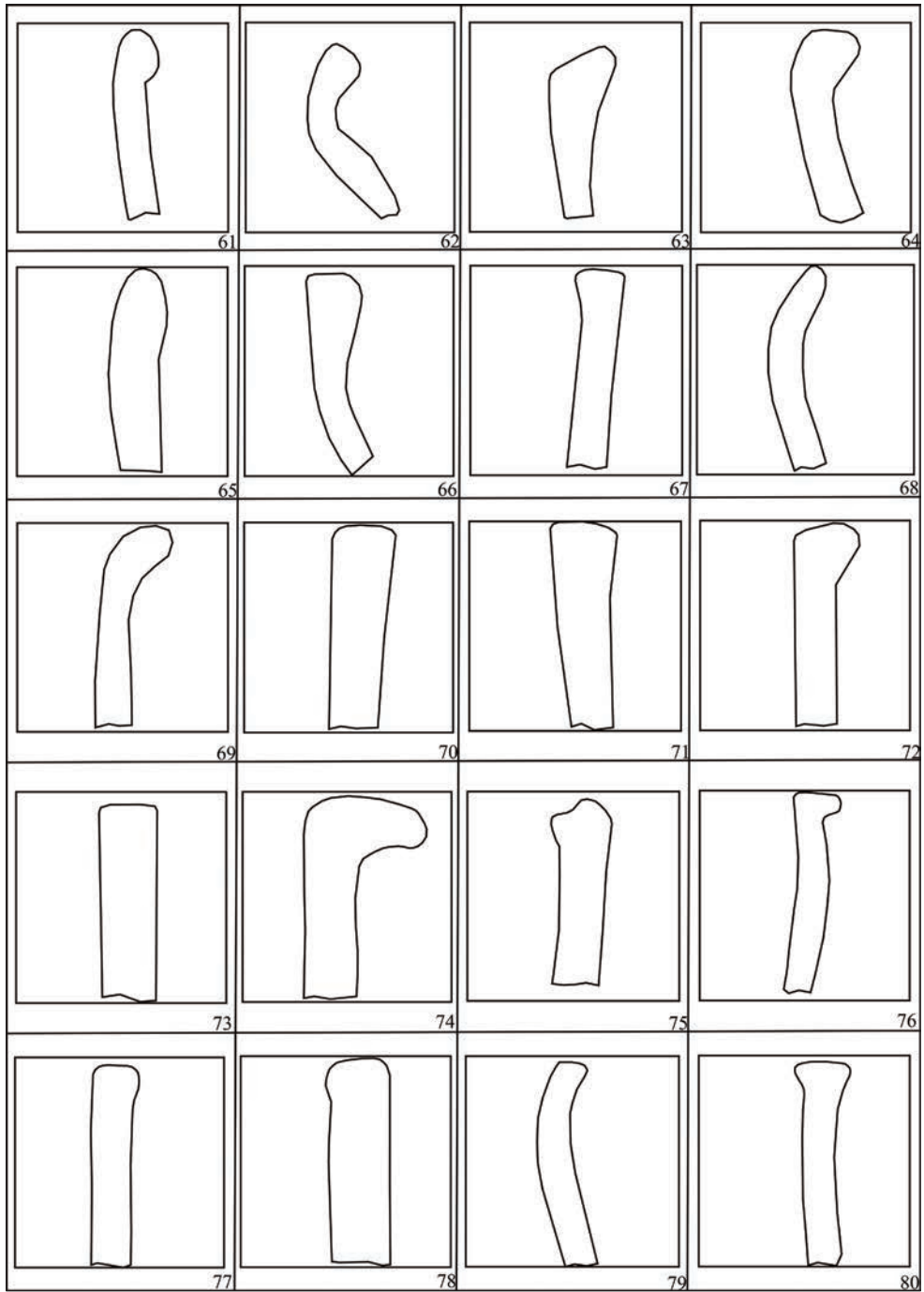
Таблица 8

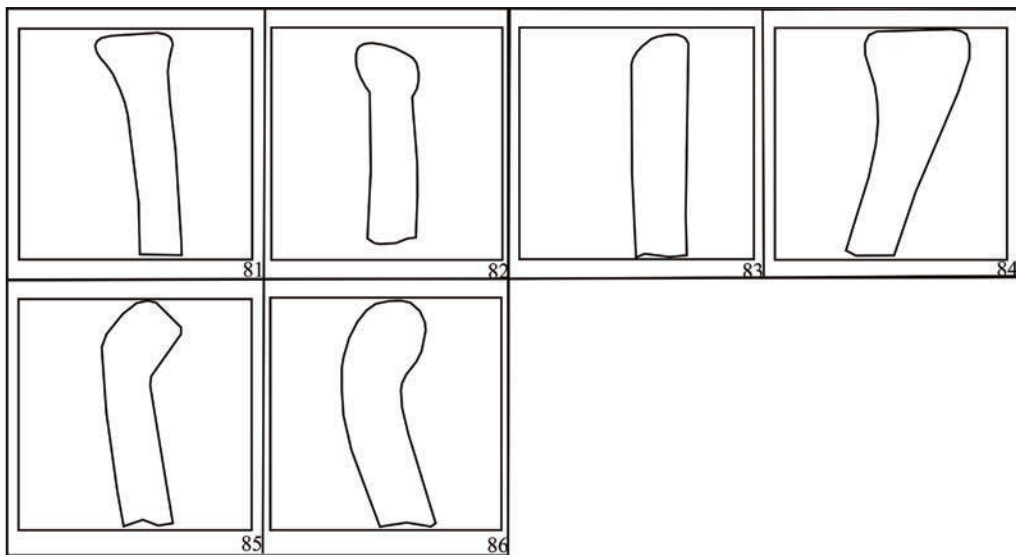
Профилировка венчиков сосудов волосово-гаринской общности



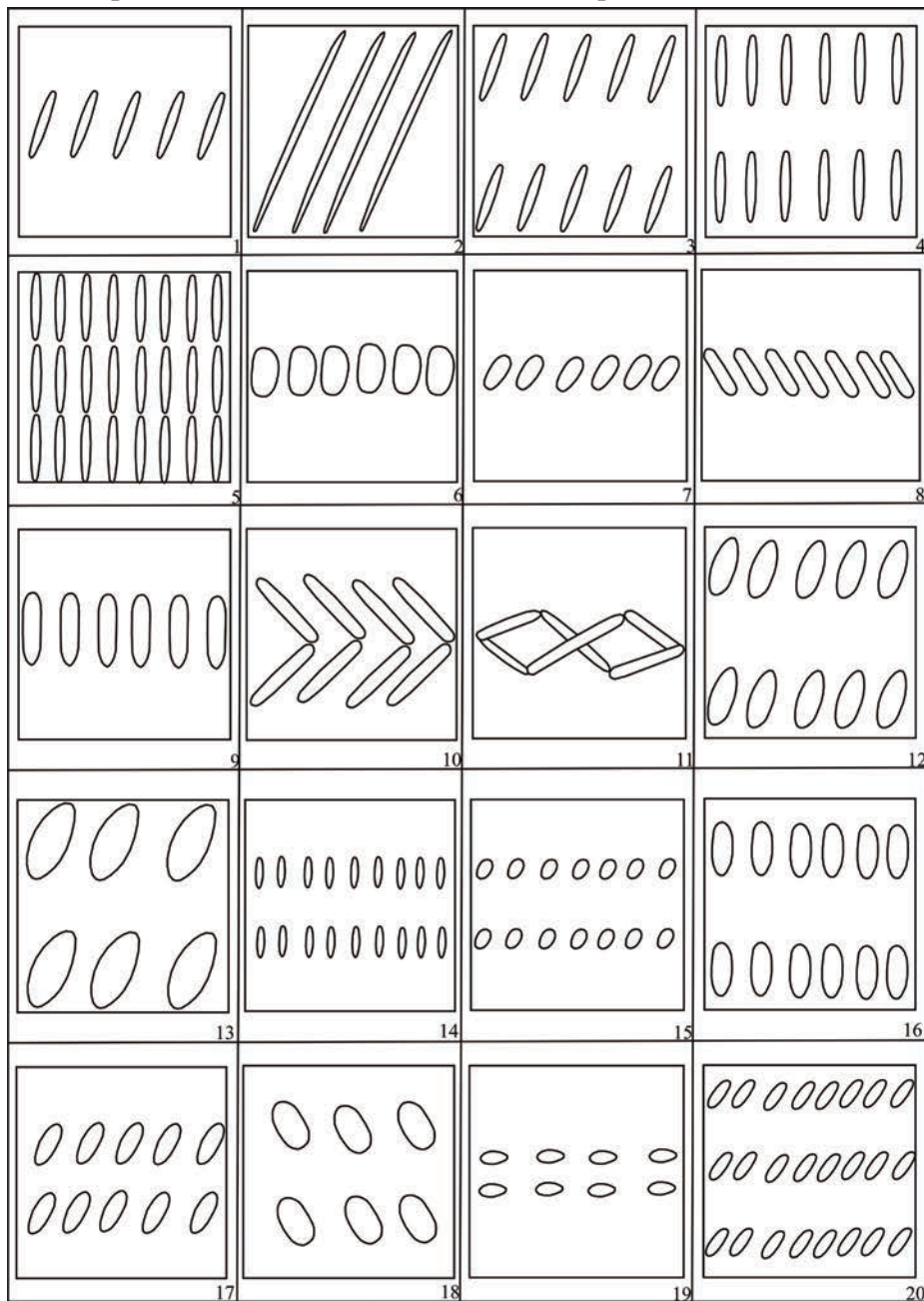


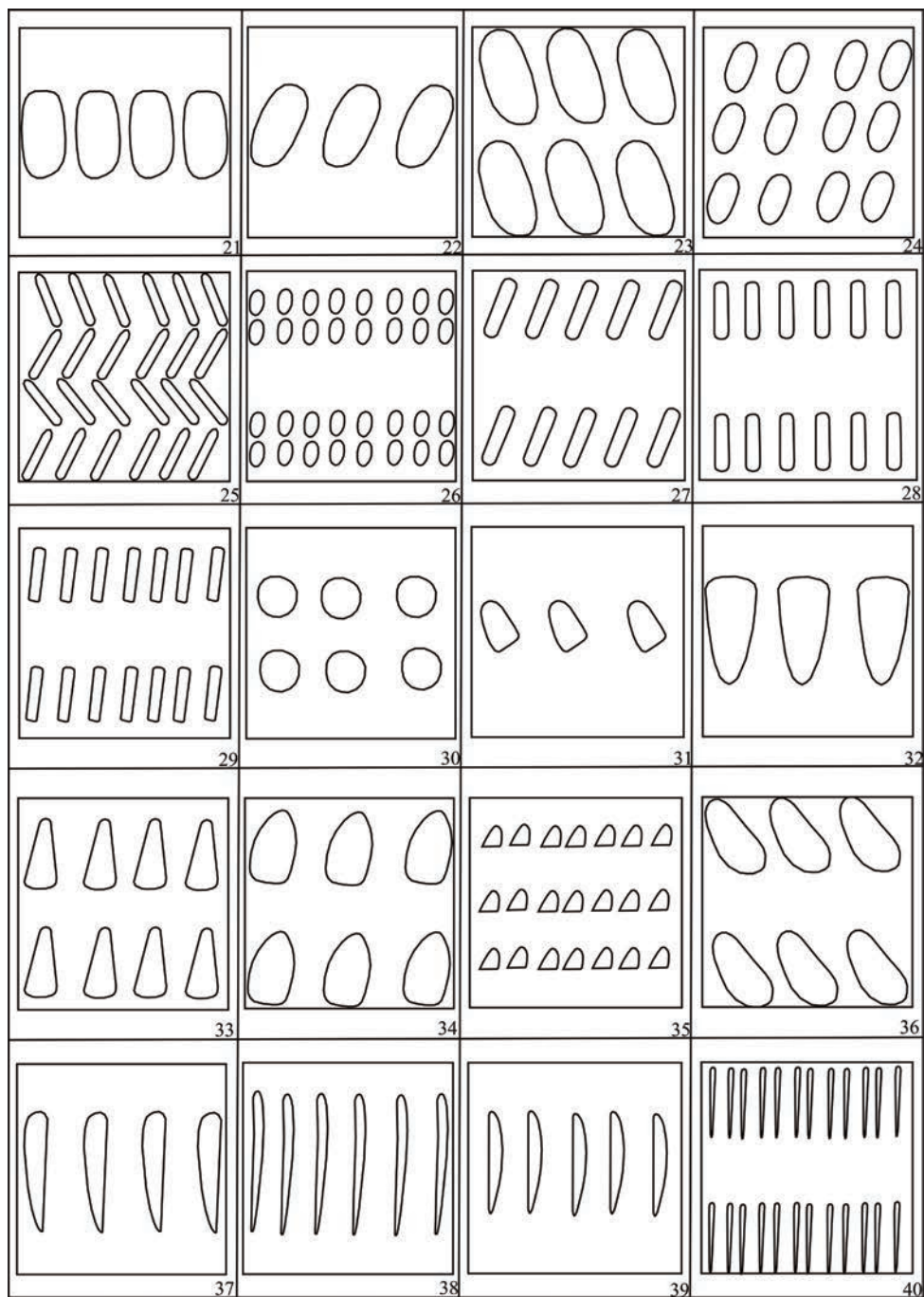


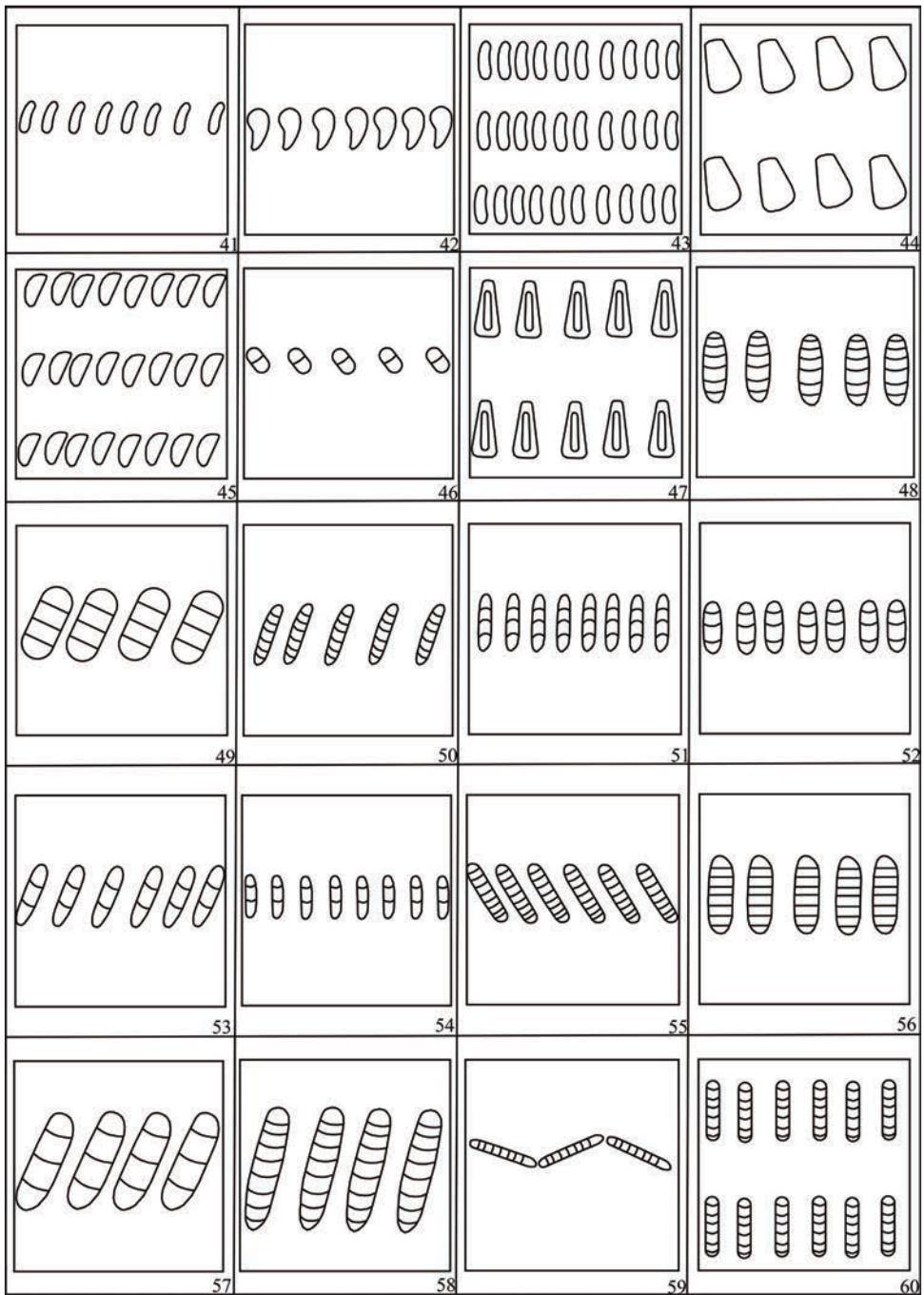


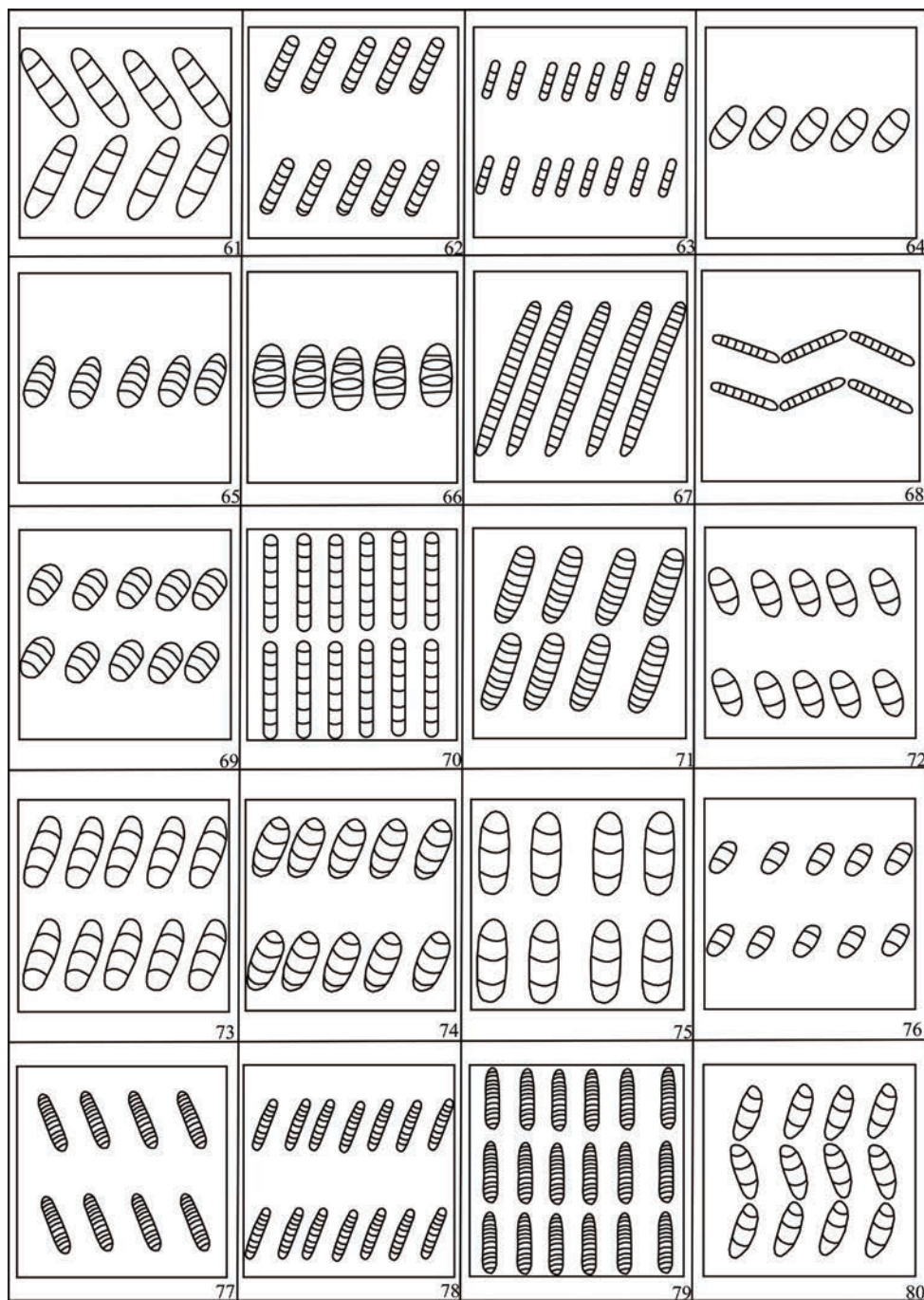


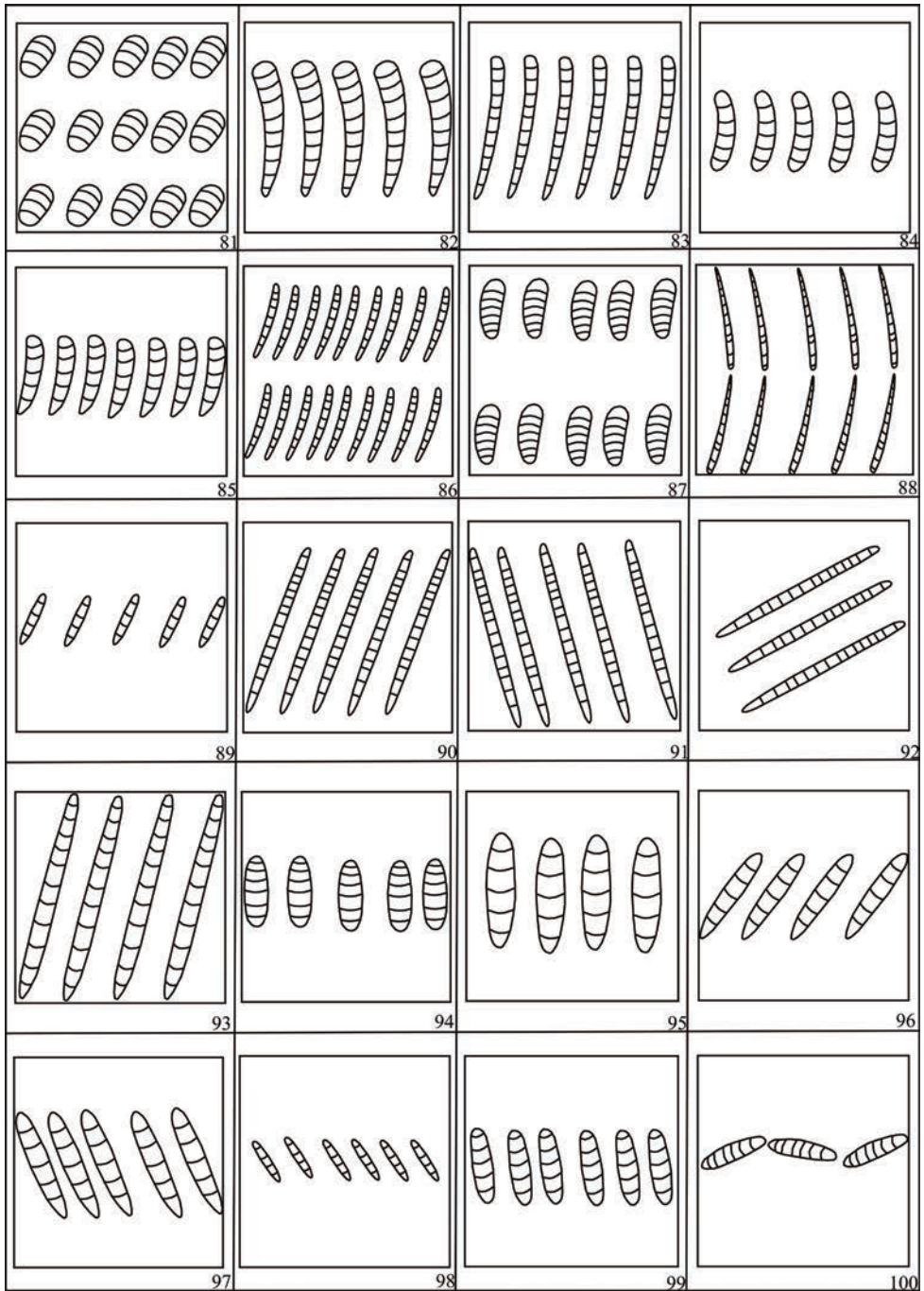
Орнаментальные мотивы волосово-гаринской общности

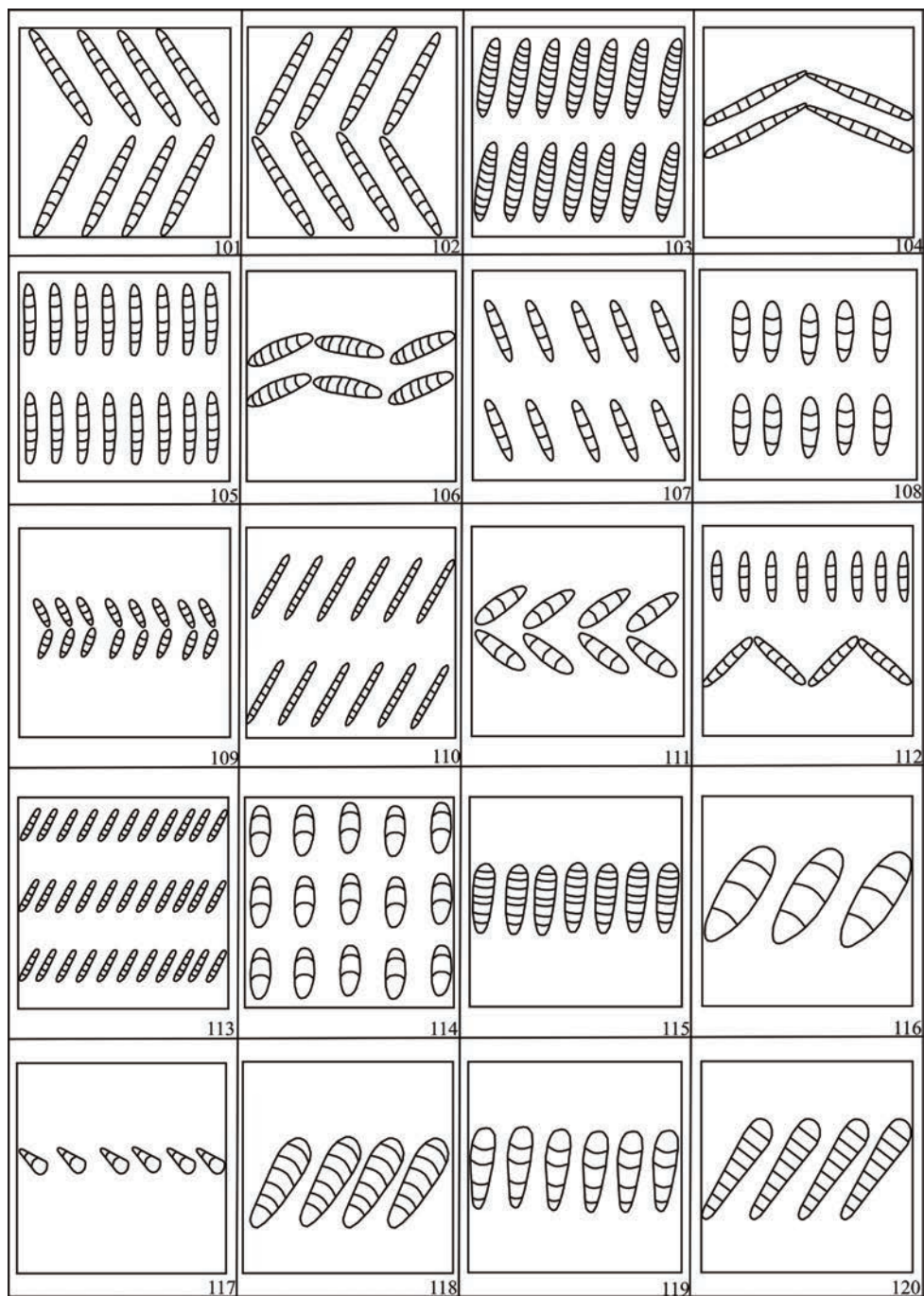


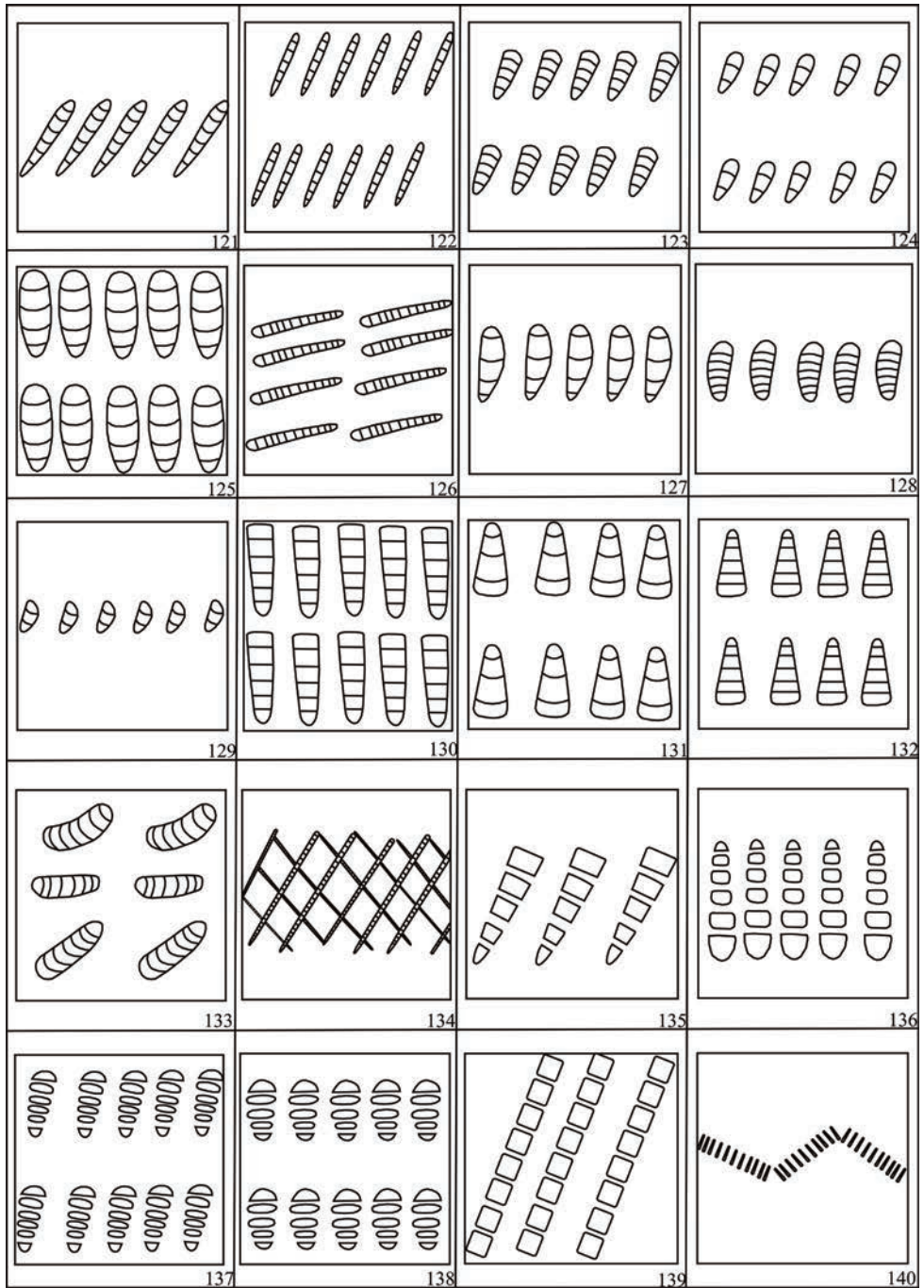


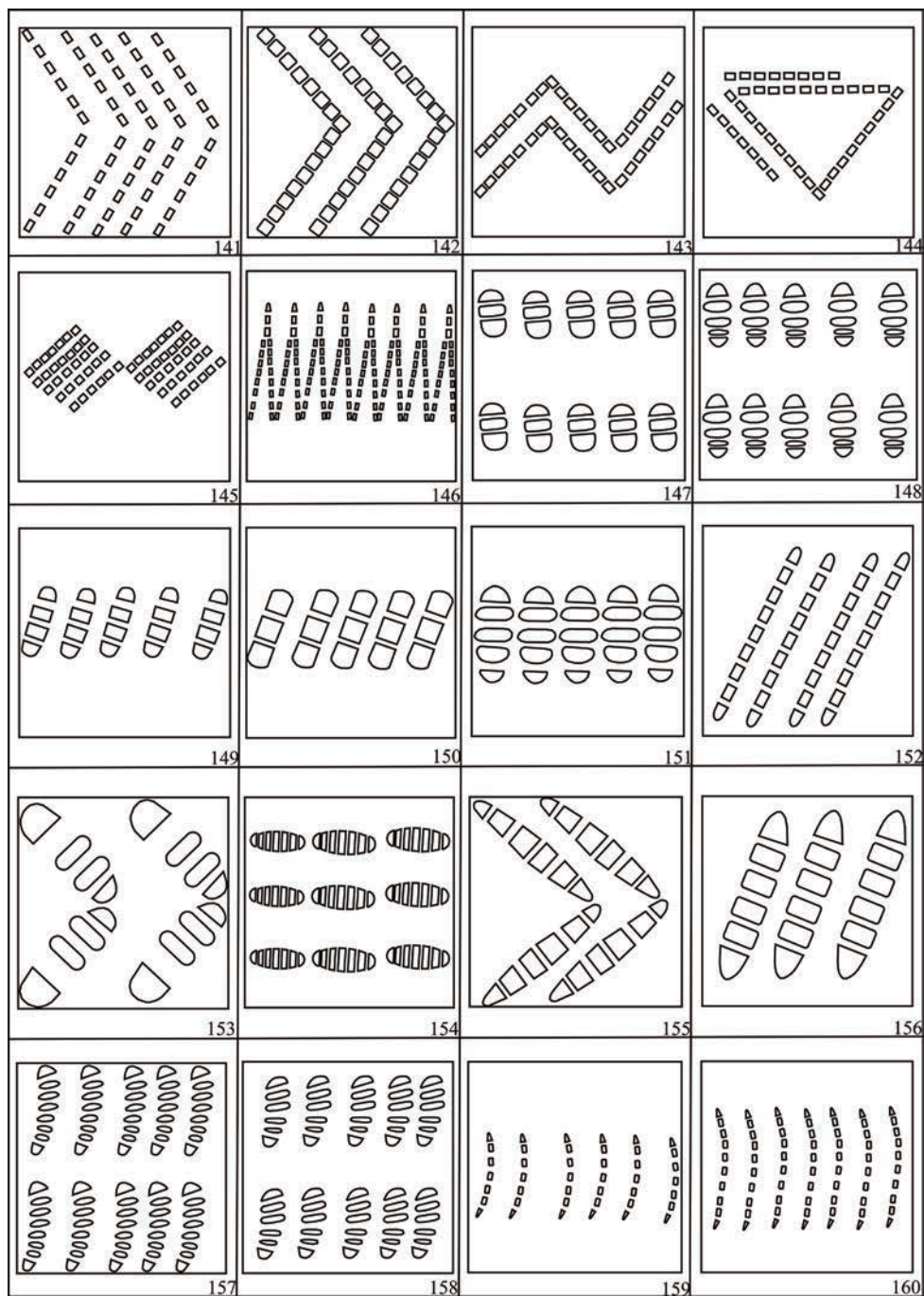


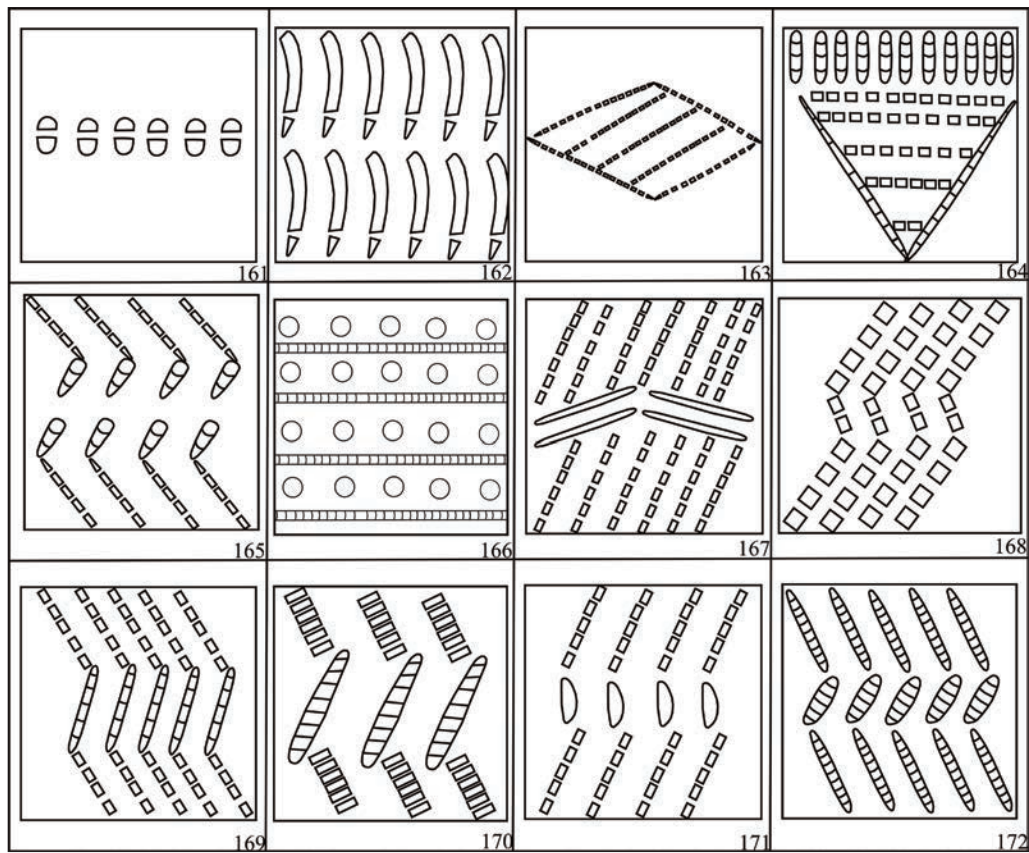












Сведения об основных энеолитических памятниках Икско-Бельского междуречья

Дубовогривская II стоянка

Памятник находится в Тукаевском районе Республики Татарстан и расположен на юго-восточной окраине бывшей деревни Дубовая Грива. Был открыт в 1964 году П.Н. Старостиным во время проведения разведочного обследования зоны затопления Нижнекамского водохранилища. В 1969 и 1971 гг. П.Н. Старостиным и Р.С. Габяшевым было заложено девять раскопов общей площадью 1752 м². Впоследствии остров осматривался экспедициями по мониторингу Нижнекамского водохранилища в 1985 г. (Р.С. Габяшевым и В.Н. Марковым), в 1995 г. (Р.С. Габяшевым, В.Н. Марковым, А.А. Чижевским и Н.М. Капленко). В 2010 г. на стоянке были проведены значительные археологические изыскания А.А. Чижевским, которым было вскрыто 148 м² (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 94–115). Стратиграфия стоянки, следующая: 1) дерн и поддерновый слой – 25 см; 2) темно-серый песок – 20–25 см; 3) прослойка коричневатого песка – 15–25 см; 4) светло-желтый песок – 10–15 см. 5) материк – белый песок (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 79–92).

В результате проведенных раскопок был выявлен ряд объектов. С неолитической эпохой следует связать четыре ямы, в их заполнении обнаружены развалы и отдельные фрагменты керамики камской неолитической культуры. В ходе раскопок, помимо неолитических ям, удалось выявить семь жилищ эпохи поздней бронзы земляночного типа подпрямоугольной формы. В пределах жилищных котлованов располагались очаги, а также ямы различные по своему назначению.

Полученные в результате раскопок артефакты позволяют выделить несколько этапов заселения стоянки. Наиболее ранний из них связан с носителями накольчатой неолитической посудой. К более позднему времени, возможно, следует отнести керамические комплексы камской неолитической культуры. Эпоху энеолита на стоянке маркируют керамические комплексы воротничковой керамики русско-азийского типа, новоильинской и гаринской культур. Помимо этого, в результате раскопок Дубовогривской II стоянки удалось получить керамические комплексы эпохи поздней бронзы, которые относятся к заосиновскому типу керамики, срубной культурно-исторической общности, луговской культуре, атабаевскому этапу маклашевской культуры и ананьинской культуре шнуровой керамики (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 79–92.).

В результате проведенных археологических изысканий на стоянке был получен богатый и выразительный массив каменного инвентаря, который включает в себя орудия хозяйственной и охотничье-промысловой деятельности.

Финал функционирования стоянки, вероятно, приходится на эпоху средневековья. В пользу данного мнения могут свидетельствовать единичные фрагменты болгарской гончарной керамики, встреченные в первом пласте Дубовогривской II стоянки (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 79–92.).

Стоянка Золотая Падь II

Стоянка открыта в 1970 г. и расположена на левой надпойменной террасе левого берега р. Камы или на правом берегу р. Ик в Мензелинском районе Республики Татарстан. В 1970 и 1971 гг. на памятнике были проведены раскопки. Было заложено три раскопа общей площадью около 700 м² (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с.41–79.).

Культурный слой стоянки Золотая Падь II представлен темно-серой супесью мощностью до 0,5 м, перекрытой дерновым покрытием или пахотой.

В ходе исследований на памятнике удалось выявить как различные хозяйственные объекты, относящиеся к разным хронологическим периодам, так и три жилищных сооружения. Одно жилище располагалось в юго-восточной части раскопа 2, оно имело размеры 4,8×5,4 м и, судя по заполнению культурных остатков, было связано с эпохой энеолита, в заполнении которого была обнаружена керамика этого времени. Не меньшего внимания заслуживают и два жилищных котлована, соединенные друг с другом переходом, относящиеся к срубной культуре. Площадь сравнительно крупного котлована составила около 170 м² Площадь второго не превышала 40 м². Оба котлована обладали подпрямоугольными очертаниями, а их глубина не превышала 40 см. (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41–79).

Полученный в результате проведенных масштабных раскопок внушительный массив находок позволяет утверждать, что стоянка и прилегающая к ней территория испытала несколько этапов заселения.

Наиболее ранний этап заселения относится к эпохе неолита. Его маркируют фрагменты керамики камской неолитической культуры на хуторском этапе ее развития. Она тщательно заглажена с обеих сторон, плотная и хорошего обжига, в глиняном тесте присутствует примесь песка и мелкого шамота. Цвет керамики желтоватый, коричневатый, иногда красноватый. Сосуды, как правило, имеют прикрытую профилировку (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41–79.).

Орнамент нанесен различными видами гребенчатого штампа, расположенного под наклоном. Судя по крупным фрагментам и развалам сосудов, орнамент густо покрывал внешнюю поверхность сосудов и носил сплошной характер. Среди орнаментальных мотивов выделяются пояса оттисков мелкозубчатого и крупнозубчатого гребенчатых штампов, расположенных под наклоном, «плетенки», заштрихованного треугольника.

Рассматривая комплекс находок стоянки Золотая Падь II, нельзя обойти вниманием присутствия в нем воротничковой керамики русско-азийского типа. Вероятно, с носителями воротничковой керамики русско-азийского типа связан второй этап заселения площадки поселения (Габышев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41–79). Это керамика хорошего качества и обжига с примесью песка и шамота в глиняном тесте. Судя по фрагментам, сосуды обладали круглым дном. Их орнаментация не отличается разнообразием орнаментальных мотивов. Она представлена поясками из оттисков уголкового гребенчатого штампов, разделенных горизонтальными оттисками длинных гребенчатых штампов и поясками из оттисков косо поставленных мелкозубчатого и среднезубчатого гребенчатых штампов. В единичных случаях встречается мотив треугольника, в том числе и заштрихованного треугольника.

Более поздний этап заселения стоянки связан с эпохой позднего неолита. Находки этого времени представлены двумя культурными группами. Первая культурная группа представлена не многочисленными фрагментами толстостенной керамики. Судя по венчикам, сосуды имели горшечную форму с Г-образным оформлением венчика. В глиняном тесте присутствует примесь толченой раковины. На внешней стороне фрагментов орнаментация отсутствует. К данной группе керамики ближайшие аналогии прослеживаются в поздневоловосовской керамике поселения Галанкина Гора в Марийском Поволжье. Керамика второй культурной группы позднего неолита содержит фрагменты лепной сравнительно тонкостенной посуды с примесью крупнотолченой раковины или с выгоревшей растительной примесью в тесте. Поверхность сосудов, в основном, заглажена с обеих сторон. Цвет керамики преимущественно сероватый, иногда коричневатый. Судя по имеющимся в коллекции фрагментам керамики, сосуды были крупных размеров и имели плоское дно. Преимущественно сосуды обладали горшковидной профилировкой (Габышев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41–79).

Орнамент нанесен оттисками узкой, средней или крупнозубчатой гребенки. На некоторых сосудах оттиски гребенчатого штампа нанесены по срезу венчика. В целом орнаментация посуды носит небрежный характер и не отличается разнообразием орнаментальных мотивов. Рассматриваемая группа керамики имеет сходство с керамикой гаринской культуры на заключительном ее этапе, присутствие носителей которой отмечается вдоль всего течения Камы.

Принимая во внимание, что обе группы фрагментов посуды были обнаружены в заполнении неолитического жилища, представляется вполне правомерным их синхронизировать.

Следующий за неолитом этап заселения стоянки и прилегающей к ней территории относится к эпохе бронзы. Этап представлен тремя культурно-хронологическими группами находок, наиболее ранняя из которых относится к срубной

культурно-исторической общности. Керамика срубной КИО лепная, грубо заглажена штриховой зачисткой. Формовочная масса посуды включает в себя примесь шамота и мелкой дресвы. Цвет керамики преимущественно серый, иногда желтоватый. Выделяются сосуды, обладающие горшковидной и баночной профилировкой. Имеющиеся в коллекции днища – плоские. Орнамент нанесен оттисками гребенчатого штампа и носит небрежный характер. По профилировке и характеру орнаментации керамика срубной КИО, происходящая со стоянки Золотая Падь II, находит широкие аналогии в материалах памятников Среднего Поволжья и Приуралья (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41-79.).

Следующий за «срубным» этап функционирования стоянки связан с носителями луговской культуры. Керамика данной культуры орнаментирована оттисками сплошного штампа, реже гладкого и разреженного. Композиция орнамента представлена простыми композициями, такими как горизонтальный зигзаг, наклонные и горизонтальные линии. Керамика этой культурно-хронологической группы имеет широкий круг аналогий в материалах поселенческих памятников Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья.

Наиболее поздняя культурно-хронологическая группа находок эпохи бронзы имеет принадлежность к маклашеевской культуре. Она представлена крайне немногочисленными фрагментами посуды маклашеевского облика. Цвет черепков серовато-желтый. В ее орнаментации использовались различные гребенчатые штампы, а также ямочные вдавления. Среди орнаментальных мотивов преобладает горизонтальный зигзаг. В глиняном тесте керамики присутствует примесь толченой раковины (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41-79.).

Заключительный этап функционирования стоянки связан с ранним железным веком. Его маркируют крайне немногочисленные фрагменты лепной керамики, имеющие принадлежность к ананьинской культурно-исторической области (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41-79.).

Помимо керамики, в ходе исследований на стоянке Золотая Падь II, была получена значительная коллекция изделий из камня, которая включает в себя преимущественно орудия хозяйственной и охотничье-промысловой деятельности (Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 41-79.).

Краткое рассмотрение массива находок стоянки Золотая Падь II, позволяет сделать вывод о том, что площадка стоянки и, вероятно, прилегающие территории неоднократно заселялись в различные исторические эпохи. Наиболее ранний этап функционирования памятника относится к неолиту, в более позднее время стоянка была занята энеолитическим населением. В эпоху бронзы территория стоянки была востребована носителями срубной, луговской и маклашеевской культур. Заключительный этап функционирования стоянки приходится на ранний железный

век. В это время пределы стоянки занимают носители ананьинской культурно-исторической области.

Игимская стоянка

Игимская стоянка расположена в 2 км к северу от бывшего села Игим Мензелинского района Республики Татарстан, в бассейне Нижнекамского водохранилища (рис. 1). Памятник располагается на высокой надлуговой террасе левого берега р. Камы (рис. 2).

Данный памятник был открыт и разведочно обследован археологической экспедицией КФАН СССР в 1958 г. под руководством А.Х. Халикова. При этом был определен характер топографии стоянки и выявлен культурный слой мощностью около 50 см (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15-40). Вторично памятник обследовался летом 1964 г. археологической разведкой КФАН СССР под руководством П.Н. Старостина. Учитывая, что стоянка будет затоплена водами Нижнекамского водохранилища, с 1970 по 1971 гг. на памятнике велись планомерные археологические работы, было заложено семь раскопов (рис. 3) общей площадью 879 м²

В ходе раскопок была зафиксирована следующая стратиграфия: 1) дерн и пахотный слой – 20 см; 2) темно-серый песок – 10–90 см; 3) коричневый песок – 20–25 см; 4) светло-желтый песок – 20–48 см; 5) материковый красный суглинок.

В результате раскопок стоянки удалось выявить ряд объектов, имеющих принадлежность к разным хронологическим периодам. Было выявлено двенадцать ям и один очаг эпохи неолита. В их заполнении были обнаружены развалы сосудов и отдельные фрагменты неолитической керамики. С носителями гаринской культуры оказались связаны два жилища земляночного типа подпрямоугольной формы. Площадь одного жилища составляла 68 м², площадь же другого жилища составила 10,5 м². В заполнении жилищных котлованов была обнаружена позднегаринская и поздневолосовская керамика эпохи энеолита. Помимо этого, были вскрыты объекты эпохи поздней бронзы. К их числу следует отнести одно жилище земляночного типа подпрямоугольной формы, а также четыре очага и семь хозяйственных ям.

Реконструируя историю функционирования Игимской стоянки, необходимо отметить, что она испытала несколько этапов заселения.

Наиболее ранний из них относится к эпохе неолита и связан с носителями камской неолитической культуры. Керамика камской неолитической культуры Игимской стоянки тщательно заглажена с обеих сторон, плотная и хорошего обжига, в глиняном тесте присутствует примесь песка и мелкого шамота. Цвет керамики желтоватый, коричневатый, иногда красноватый. Сосуды, как правило,

имеют прикрытую профилировку (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Судя по крупным фрагментам и развалам сосудов, орнамент густо покрывал внешнюю поверхность сосудов и носил сплошной характер. Орнамент носился различными видами гребенчатого штампа. Среди орнаментальных мотивов выделяются пояса оттисков мелкозубчатого и крупнозубчатого гребенчатых штампов, расположенные под наклоном, а также «плетенки» и заштрихованный треугольник.

Период раннего энеолита маркируют немногочисленные фрагменты воротничковой керамики русско-азийского типа. Это керамика хорошего качества и обжига, с примесью песка и шамота в глиняном тесте. Судя по фрагментам, сосуды, обладали круглым дном. По всей внешней поверхности керамика орнаментирована различными видами гребенчатых штампов (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

К более позднему энеолиту, вероятно, следует отнести выявленный на Игимской стоянке керамический комплекс новоильинской культуры (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Следует отметить, что стоянка продолжала функционировать и в позднем энеолите. В пользу данного предположения говорит присутствие в археологической коллекции Игимской стоянки керамики гаринской и волосовской культур. Часть данной керамики присутствовала в заполнении жилищных котлованов (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Судя по находкам из культурного слоя, наиболее ранний комплекс эпохи поздней бронзы связан с представителями срубной культурно-исторической общности (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Посуда срубной КИО Игимской стоянки, судя по фрагментам, обладала баночной формой, с примесью песка и шамота в тесте. На внешней и внутренней стороне керамики присутствуют расчески, выполненные вероятно гребенкой. Орнаментация на сосудах выполнена преимущественно оттисками средне- и крупногребенчатых штампов. Нередко сосуды украшались подтреугольными ямочными вдавлениями.

Следующий этап заселения стоянки связан с луговской культурой, Керамика луговской культуры Игимской стоянки представлена фрагментами сосудов с плавным профилем и короткой шейкой, черепок плотный, красноватый, с примесями раковины в глиняном тесте. Поверхность некоторых сосудов подлощена. Основным элементом орнамента – гребенчатый слитный штамп, образующий ромбы и треугольники. Помимо этого, в орнаментации присутствуют многорядные

прямые линии, вероятно, имитирующие желобки. Часто в верхней части шейки у среза венчика фиксируются горизонтальные ряды подтреугольных и ногтевидных вдавлений. В декоре присутствует также елочный орнамент. В коллекции керамики луговской культуры рассматриваемого памятника, присутствуют также сосуды и без орнамента. Толщина стенок керамики луговской культуры с Игимской стоянки составляет в среднем 0,5–0,7 см (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Более поздний этап заселения стоянки соотносится с носителями посуды атабаевского этапа маклашеевской культуры, к нему отнесены 29 фрагментов. Атабаевская керамика, выявленная на стоянке, пористая, желто-оранжевого цвета, с примесью раковины. Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5–0,7 см. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным валиком. Внешняя поверхность сосудов гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине и верхней трети тулова сосуда (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

В орнаментации керамики данной группы преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вдавлений.

Наличие в культурном слое Игимской стоянки незначительного количества маклашеевской керамики свидетельствует о продолжении бытования поселения вплоть до конца бронзового века (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41). Это керамика серого и оранжевого цвета с примесью раковины в тесте. Внешняя поверхность сосудов гладкая, орнамент размещался преимущественно на горловине и в верхней части сосуда (рис. 9). Характерной особенностью этой керамики является группировка ямок и наличие плоского воротничка.

Функционирование стоянки в раннем железном веке иллюстрируют находки керамики, характерные для ананьинской культуры шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41), датировка которых укладывается в пределы VIII–IV/III вв. до н. э.

В результате исследования Игимской стоянки был получен значительный массив каменных находок. Он включает в себя, украшения, а также орудия хозяйственного и охотничье-промыслового назначения (Габяшев, Старостин, 1971, Отчет, с. 15–40; Габяшев, Старостин, 1972, Отчет, с. 3–41).

Каентубинская островная стоянка

Каентубинская островная стоянка расположена в 4,5 км к востоку-северо-востоку от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан на острове

Каен-Тубе, образовавшемся в результате затопления ложа Нижнекамского водохранилища в 1976 г.

Стоянка находится на южной стороне о. Каен-Тубе и занимает территорию невысокого мыса надпойменной террасы. Поверхность памятника покрыта травой и используется местным населением для выпаса скота, который завозят на остров с помощью понтонного плавсредства на весь летний сезон.

Памятник был открыт в 1997 году Н.М. Капленко, который на размываемой части поселения собрал коллекцию керамики эпохи неолита-энеолита и поздней бронзы.

Стратиграфия стоянки выражена довольно четко: дерн – 10–12 см, темно-серый суглинок – 20–25 см, под ним – светло-серый суглинок – 12–20 см и ниже – материк (красная глина) (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184).

В ходе исследования Каентубинской островной стоянки был выявлен ряд объектов, различных по назначению и относящихся к разным этапам функционирования стоянки.

К гаринской культуре эпохи энеолита, вероятно, относится сооружение № 2, а также хозяйственные ямы № 1 и № 2 (раскоп XII, автор раскопок – А.А. Чижевский). В заполнении этих объектов были обнаружены находки, имеющие принадлежность к носителям гаринской культуры (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

Особого внимания заслуживают кремневые зооморфные фигурки, происходящие из заполнения ям №№ 1 и 2. Одну из них можно связать с изображением медведя (рис. 43: 3). В данном случае изображение носит силуэтный характер. Находка изготовлена на кремневом сколе сероватого цвета. С обеих сторон фигурка оформлена краевой ретушью. Данная фигурка не исключает и другой интерпретации. Ее можно связать и с изображением кабана, так как в этой находке прослеживаются черты сходства, с фигуркой, происходящей с поселения Юртик (Ошибкина, 1980, рис. 21: 1).

Вторую фигурку, обнаруженную в заполнении ямы № 2, вероятно, следует связать с изображением ящерицы или бобра (рис. 43: 4). Данная находка изготовлена на кремневом отщепе хорошего качества темно-серого кремня (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

Вероятно, к эпохе поздней бронзы относится сооружение № 1, а также хозяйственные ямы №№ 3, 4, 5. В заполнении этих объектов обнаружены керамика маклашеевской культуры и изделия из камня (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

Реконструируя историю существования Каентубинской островной стоянки, необходимо отметить, что она испытала несколько этапов заселения.

Судя по находкам из нижней части культурного слоя, наиболее раннее заселение Каेतубинской островной стоянки относится к неолиту. Именно керамика камской неолитической культуры фиксируется в самых глубоких слоях поселения. Судя по фрагментам, сосуды имели прикрытую профилировку с примесью песка и шамота в тесте. Толщина стенок укладывается в пределы от 0,8 до 1,2 см. По всей поверхности сосуды имели сплошную орнаментацию. Орнаментальные мотивы состоят из сочетания поясов «шагающей гребенки» и оттисков овального одночастного штампа. Помимо этого, в орнаментации встречаются пояса из оттисков клиновидного гребенчатого штамп, а также из оттисков поставленного под наклоном разреженного гребенчатого штампа (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

На втором этапе заселения, который относится к раннему энеолиту, здесь обитали носители керамики русско-азибейского типа. Венчики сосудов имеют воротничковое оформление, кроме этого встречены фрагменты, имеющие слегка отогнутый наружу венчик. В глиняном тесте сосудов присутствует примесь песка и шамота. Судя по выявленной в раскопе керамике, посуда имела полуяйцевидную форму с прикрытой профилировкой. По всей поверхности керамика была орнаментирована. Среди орнаментальных мотив присутствуют пояса из оттисков овального, клиновидного, гребенчатых штампов. Встречаются также пояса из оттисков овального одночастного штампа. Единично встречен мотив заштрихованного треугольника, выполненный разреженным гребенчатым штампом в сочетании с круглыми ямочными вдавлениями (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194). Ближайшие аналогии воротничковой керамике рассматриваемого памятника прослеживаются в материалах Русско-Азибейской I стоянки (Габяшев, 1978а, рис. 4: 7; 7: 7, 13).

К более позднему энеолиту относятся коллекция керамики гаринской культуры (13 экз.). Важно отметить, что находки, относящиеся к данной культуре, следует связывать с третьим этапом заселения стоянки.

Среди каменного инвентаря, имеющего принадлежность к гаринской культуре, заслуживают интерес кремневые фигурки, найденные в ямах № 1 и № 2. Помимо этого значительная серия кремневых фигурок была обнаружена в размыве прибрежной части стоянки, которые вероятнее всего также относятся к гаринской культуре. Датировка этих фигурок может быть определена в рамках всего времени существования волосово-гаринской культурно-исторической общности (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

К четвертому этапу относится керамика срубной культурно-исторической общности. Срубная керамика из Каेतубинской островной стоянки красноватого и серого цвета, черепок плотный, с примесью шамота в глине, толщина

стенок – 0,8–1,2 см. В качестве основного элемента орнамента использовалась крупная разреженная гребенка и подтреугольные вдавления.

К пятому этапу относится керамика луговской культуры. Она представлена фрагментами сосудов с плавным профилем и короткой шейкой, черепок плотный, красноватый, с примесями раковины в глиняном тесте. Поверхность некоторых сосудов подлощена. Основной элемент орнамента - гребенчатый слитный штамп, образующий зигзаг, ромб с бахромкой, выполненной подтреугольными вдавлениями, кроме того в верхней части гребенчатым штампом наносились многорядные прямые линии, вероятно, имитирующие желобки. Нередко в верхней части шейки у среза венчика фиксируются горизонтальные ряды подтреугольных вдавлений. Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5–0,7 см (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2015, с. 184–194).

С шестым этапом заселения стоянки соотносится посуда атабаевского типа, достоверно определен 131 фрагмент. Судя по количеству находок, это было время наиболее интенсивного функционирования стоянки, именно с атабаевским этапом маклашевской культуры оказались связаны котлован сооружения № 1 и яма № 3.

Атабаевская керамика пористая, желто-оранжевого цвета, с примесью раковины. Толщина стенок фрагментов этой керамики составляет 0,5–0,7 см. В большинстве случаев венчик сосуда с внешней стороны украшен характерным приостренным или сглаженным валиком. Внешняя поверхность сосудов гладкая, заглаженная, орнамент размещался на горловине и верхней трети тулова сосуда. Керамика данной группы плоскодонная, в орнаментации преобладают оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вдавлений.

Наличие в верхней части культурного слоя единичных фрагментов маклашевской керамики (4 экз.) свидетельствует о продолжении бытования поселения вплоть до конца бронзового века.

Вероятно, финал функционирования стоянки относился к раннему железному веку и был связан с присутствием на ней носителей пьяноборской культуры.

Русско-Азибейская I стоянка

Русско-Азибейская I стоянка расположена в Актанышском районе РТ, 1,5 км к юго-западу от бывшей деревни Татарский Азибей. В 1970 и 1972 гг. Р.С. Габяшевым на стоянке тремя раскопами было вскрыто 1000 м² (Габяшев, 1978, с. 23). Раскопки выявили следующую стратиграфию памятника: от поверхности до глубины 40–45 см шли пахотный слой и слой серой супеси; под ней до глубины 50–60 см залегал светло-желтый песок; ниже с глубины 50–60 см появился чередующиеся прослойки плотной красноватой супеси и светло-желтого песка, слагающие остальную часть террасы. Из объектов, относящихся к стоянке, особого внимания заслужи-

вает остатки жилища земляночного типа, подпрямоугольной формы, размерами 23–25×8–10 м. По продольной оси и вдоль западной стенки жилища были прослежены очажные и хозяйственные ямы овальной в плане формы. Очажки и хозяйственные ямы отмечены и в тамбуре. В заполнении жилищного котлована фиксировалась преимущественно раннеэнеолитическая керамика русско-азийского типа. За пределами жилищного котлована были выявлены три хозяйственные ямы и один очаг, которые по стратиграфическим наблюдениям являются синхронными жилищу. Среди объектов, обнаруженных в пределах жилищного котлована, присутствуют две ямы (№№ 6 и 7), которые судя по характеру заполнения, не были связаны с жилищем. Возможно, они относятся к более позднему времени, так как в их заполнении обнаружена керамика эпохи поздней бронзы. Всего на стоянке удалось выявить 16 объектов – четырнадцать ям и два очага (Габяшев, 1978, с. 23–31).

Коллекция, полученная при раскопках культурного слоя и выявленных объектов, состоит из 2924 фрагментов керамики и 1369 каменных предметов. Керамика типологически подразделяется на четыре группы (Габяшев, 1978, с. 32).

Первому хронологическому горизонту принадлежит небольшое количество керамики камской неолитической культуры на хуторском этапе своего развития. Судя по фрагментам, сосуды имели прикрытую профилировку с примесью песка и шамота в тесте. Венчики сосудов слегка скошены вовнутрь. Толщина стенок укладывалась в пределы от 0,8 до 1,2 см. По всей поверхности сосуды имели сплошную орнаментацию, выполненную различными гребенчатыми штампами (Габяшев, 1978, с. 32).

Второй хронологический горизонт раннего энеолита представлен наиболее многочисленной группой, которую составляют фрагменты посуды русско-азийского типа. Основная масса ее была найдена в заполнении ям. Керамика этой группы распространена по всей вскрытой раскопками площади (Габяшев, 1978, с. 32–33).

Керамика изготовлена из хорошо промешанной глины способом кольцевого налепа. Основными примесями в тесте являются крупнозернистый песок или мелкий шмот, а в нескольких случаях отмечены следы выгоревшей растительной примеси. Встречены также фрагменты с примесью мелкой гальки и красной охры. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена до нанесения орнамента. В редких случаях после нанесения узора производилось дополнительное заглаживание, о чем свидетельствуют находки сосудов со сглаженным орнаментом. Обжиг сосудов костровой, неровный, поэтому цвет черепков колеблется в очень широком диапазоне от светло-желтого до красновато-коричневого.

По крупным скоплениям керамики в ямах и культурном слое, и с учетом бесспорно отличающихся венчиков, можно выделить предположительно 86 круглодонных сосудов и наметить несколько их типов.

Орнаментация наносилась лишь на внешнюю поверхность сосудов, в основном, гребенчатым штампом и в редких случаях перевитым шнуром. Имеются ямочные вдавления и ногтевидные наколы. Орнамент обычно густо покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, включая дно. Для большинства сосудов характерна строгая горизонтальная зональность узоров.

Композиционные элементы орнамента не отличаются большим разнообразием.

Наиболее характерной особенностью орнаментации является наличие глубоких конических ямок под венчиком, иногда оставляющих выпуклину – «жемчужину» на его внутренней стороне. Эта особенность отмечена на 68 сосудах (Габышев, 1978, с. 32–33).

Третий хронологический комплекс относится к позднему энеолиту и включает в себя 1238 фрагментов посуды гаринской культуры. Следует отметить, что границы распространения гаринской керамики совпадают с районами наибольшего скопления керамики русско-азийского типа. По горизонтам культурного слоя данная керамика распределяется следующим образом: в первом и втором горизонтах найдено 1137 черепков, причем, примерно поровну в каждом горизонте. В третьем горизонте найдено всего 39 черепков. В верхней части заполнения ям обнаружено 62 фрагмента. Керамика этого типа изготовлена из теста с обильными выгоревшими растительными примесями. Поверхность сосудов пористая, с внутренней и внешней стороны некоторых сосудов сохранились следы грубой штриховой зачистки. Толщина стенок колеблется в пределах 0,5–0,6 см. Из-за плохой сохранности форма и размеры сосудов не восстанавливаются. Однако по отдельным крупным фрагментам венчиков можно предполагать, что это были сравнительно крупные сосуды с подцилиндрическим горлом. Орнаментация присутствует на внешней стороне сосудов, а также по срезу и внутренней стороне венчиков (Габышев, 1978, с. 33–34).

Четвертый хронологический комплекс включает в себя малочисленную группу керамики эпохи поздней бронзы (38 фрагментов), имеющую принадлежность к луговской культуре. (Габышев, 1978, с. 34).

Данная керамика встречается в рассеянном виде в первом горизонте культурного слоя. Она тонкостенная, плотная, хорошо заглаженная с обеих сторон, с примесью песка в тесте. Венчики сосудов отогнутые. Орнамент нанесен резными линиями и узким гребенчатым штампом. Из элементов орнамента выделяются «флажки», косые ромбы, «елочка» и др. (Габышев, 1978, с. 34–35).

В результате проведенных археологических изысканий на стоянке был получен богатый (1369 предметов) и выразительный массив каменного инвентаря который включает в себя орудия хозяйственной и охотничье-промысловой деятельности. (Габышев, 1978, с. 35–39).

Полученный в результате раскопок комплекс находок эпохи поздней бронзы, вероятно, иллюстрирует финал функционирования Русско-Азибейской I стоянки.

Русско-Азибейская III стоянка

Русско-Азибейская III стоянка расположена в 1,5 км к юго-западу от бывшей деревни Русский Азибей Актанышского района Республики Татарстан на западном берегу Азибейского озера. Поселение занимает ровную слегка понижающуюся в сторону озера площадку берега, высотой 3-4 м над современным уровнем озера.

Памятник был открыт в 1964 г. П.Н. Старостиным, в 1969 г. осматривался М.Г. Косменко. В 1970 и 1972 гг. на стоянке Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным были произведены раскопки, в результате которых было вскрыто 444 м² (Габяшев, 1981, с. 11).

Выявлена следующая стратиграфия стоянки: 1) темно-серая супесь – 30–60 см; 2) светло-желтый песок или красноватая глинистая супесь – ниже (Габяшев, 1981, с. 11). Находки залегали преимущественно в нижнем горизонте темно-серой супеси и в заполнении выявленных сооружений. В результате раскопок удалось выявить остатки двух жилищ, ряда хозяйственных и очажных ям, прилегающих к жилищам (Габяшев, 1981, с. 12–13).

С эпохой позднего энеолита, вероятно, следует связать два подпрямоугольных жилища, а также ряд очажных (№№ 5–7) и хозяйственных (№№ 12–17) ям, в заполнении которых была обнаружена керамика гаринской культуры. Помимо керамики гаринского типа в вышеотмеченных объектах присутствовала керамика неолитического облика, но в количественном отношении она значительно уступала гаринской. Кроме фрагментов посуды в заполнении жилищных котлованов, а также очагов и хозяйственных ям присутствовали находки из камня (Габяшев, 1981, с. 14, табл. А, Б). В пределах жилищных котлованов были зафиксированы также очаги и ямы хозяйственного назначения.

На более возвышенной части площадки поселения к западу от жилищ на уровне материка вскрыты остатки очажных, хозяйственных и неопределенных ям. Очажные ямы (№№ 5–8) фиксировались в виде золистых пятен преимущественно овальных в плане очертаний и имели чашевидное дно (Габяшев, 1981, с. 12–13).

Хозяйственные ямы (№№ 2, 12–17) носили характер овальных или округлых в плане пятен темно-серой супеси с овальными углистыми включениями. Они имели преимущественно плоское дно. Размеры их колеблются от 0,56×0,6 м до 1,35×2,2 м, глубина – от 30 до 80 см. Ямы неопределенного назначения (№№ 1, 11) имели овальную или округлую в плане форму, отвесные стенки и плоское дно. Размеры их варьировали от 30×30 см до 60×80 см, глубина – 25–30 см. Заполнение

ям составляла темно-серая супесь с редкими углистыми включениями, не содержащая находок (Габяшев, 1981, с. 12–13).

Следует отметить, что характер заполнения выявленных объектов, за исключением очагов с золистыми прослойками, не отличался от структуры культурного слоя. Состав находок в жилищных котлованах, очажных и хозяйственных ямах, в основном, был идентичен (Габяшев, 1981, с. 14, табл. А, Б) и представлен, как правило, фрагментами керамики, кремневыми предметами, следами металлургии.

Судя по полученному в результате раскопок материалу, Русско-азибейская III стоянка испытала несколько этапов заселения. Наиболее ранний этап заселения произошел в эпоху неолита. Об этом свидетельствует группа керамики с накольчато-прочерченной орнаментацией (Габяшев, 1981, рис. 4).

Следующий этап заселения стоянки относится к энеолиту и на ранней стадии был связан с носителями новоильинской культуры. Керамика этой группы толсто-стенная, состоит из глиняного теста с примесью мелкого шамота и органических остатков. В качестве отошителя одновременно с шамотом и органикой был использован мелкозернистый песок. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов тщательно заглажены. Судя по венчикам, в составе сосудов этой группы преобладают сосуды крупных размеров с диаметром венчика от 20 до 35–40 см и прикрытым горлом (18 сосудов). Орнаментация сосудов разреженная и не отличается сложностью. Как правило, орнамент покрывает внешнюю поверхность сосудов и лишь в двух случаях отмечен по внутренней стороне венчика. (Габяшев, 1981, рис. 3).

Поздний период энеолита на стоянке представлен находками, относящимися к гаринской культуре. Массив керамики гаринской культуры на Русско-Азибейской III стоянке весьма представительен (2311 экз.). Посуда представлена черепками лепных сосудов с шероховатой с обеих сторон поверхностью и следами грубой штриховой зачистки по внутренним сторонам сосудов. По примесям в тесте они подразделяются на две подгруппы. Первую подгруппу составляют сосуды с выгоревшими растительными примесями (1049 экз.), вторую — сосуды с примесью крупнотолченой раковины (1062 экз.). Следует, однако, заметить, что такое подразделение по примесям в значительной мере условно, поскольку по другим типологическим признакам эти подгруппы не отличаются друг от друга. Кроме того, степень использования толченой раковины в качестве примеси варьирует в очень широких пределах, от единичных вкраплений до крупных включений. Обращает все же на себя внимание стратиграфическое распределение этих подгрупп в заполнении выявленных объектов. Следует отметить, что совместное залегание выделенных выше подгрупп отмечено лишь в заполнении жилищ, а в заполнении хозяйственных сооружений вне жилищ обнаружена керамика преимущественно только с примесью толченой раковины (Габяшев, 1981, с. 18–19, рис. 5).

Судя по профилировке венчиков, в массиве керамики гаринского типа присутствовали сосуды с прикрытым и подцилиндрическим горлом. Известны и небольшие чашевидные сосудики. Днища плоские и округлые. Венчики сосудов плоские, в ряде случаев обладают Г- и Т-образным утолщением. Орнаментация разреженная и нанесена оттисками мелко- и среднезубчатого штампов, перевитого шнура, полой трубочки и своеобразного штампа в виде парных овальных оттисков. Характерно наличие узоров по срезу и по внутренней стороне венчиков. Узоры на внешней стороне состоят из рядов вертикально или наклонно поставленных оттисков штампа, зигзагообразных линий и бессистемных разреженных отпечатков (Габяшев, 1981, с. 18–19, рис. 5).

Заключительный этап функционирования стоянки приходится на эпоху поздней бронзы. Данный этап иллюстрируют фрагменты лепной тонкостенной посуды (56 экз.). Керамика изготовлена из глиняного теста с примесями песка, мелких растительных остатков, дресвы и мелкого шамота. Орнамент нанесен оттисками мелкозубчатого штампа, нарезными линиями и шнуровыми оттисками. Характерны ряды конических ямок по шейке сосудов (Габяшев, 1981, с. 19–20).

Каменный инвентарь поселения состоит из 1054 предметов. Изделия из камня типологически трудно разделить на отдельные комплексы, поэтому характеристика каменного инвентаря дается суммарно (Габяшев, 1981, с. 20–21).

В качестве основного сырья использовались дымчатый яшмовидный кремль и окремненный известняк, значительно реже встречаются изделия из синевато-черного кремня. Сравнительно много целых галек. Многочисленную группу составляют куски рыхлого песчаника. Из редких единичных пород камня использовались коричневатокрасный плитчатый кремль, кварцит, темно-зеленый яшмовидный кремль.

Самую многочисленную группу составляют отщепы и осколки кремня. Значительная часть отщепов и осколков имеют участки ретуши и заломы, свидетельствующие об их использовании в качестве орудий. В состав орудий входят наконечники стрел, резцы на углу пластины, проколки, различные скребки и ножи, скошенные острия, долота, ретушеры и прочие единичные орудия.

Наконечники стрел и их обломки имеют преимущественно листовидную форму. Скребки представлены концевыми, подпрямоугольными, округлыми и случайными формами. Последние преобладают. Ножи имеют в основном прямое с клиновидным завершением лезвие. Значительно реже встречаются орудия с округло-выпуклым лезвием. Из редких уникальных форм ножей отмечен саблевидный нож с «пуговкой». Долота сравнительно небольшие по размерам, как правило, с округлым рабочим лезвием.

Среди находок, имеющих принадлежность к гаринской культуре, заслуживает внимания литейная форма из крупного куска песчаника (17×12×8 м). На

верхней выровненной площадке формы имеется углубление (длина – 12 см, наибольшая ширина – 5,6 см), предназначенное для отливки тесла (Габяшев, 1981, с. 21–22).

Кроме вышеописанных групп и типов орудий, на поселении найдены обломки полированных изделий и кусков песчаника со следами использования в качестве полировальников или заготовок для отливок. В целом каменный инвентарь поселения по технологии изготовления и составу орудий укладывается в круг комплексов гаринских и волосовских поселений.

Из костяных орудий в культурном слое обнаружены наконечник гарпуна (рис. 40: 3), орудие типа лощила и каплевидная подвеска (рис. 40: 1). Все они происходят из заполнения жилища № 1, за исключением наконечника гарпуна, который найден на склоне террасы, у выхода из жилища. Металлические орудия представлены медными шильями (рис. 41: 1–4). Они имеют ближайшие аналогии в материалах поселений волосово-гаринской общности (Габяшев, 1981, с. 22).

Особый интерес представляют находки на Русско-Азибейской III стоянке, связанные со следами металлургии, а именно обломки тиглей, шлаки, куски руды. Тигли (99 экз.) изготовлены из рыхлого пористого теста и имеют чашевидную форму с диаметром горла от 6,8 до 20 см. Принадлежность фрагментов тиглей к гаринской культуре не вызывает сомнений так как большинство из них было обнаружено в заполнении объектов гаринского времени (Габяшев, 1981, с. 14, табл. А).

Рысовское III селище.

Рысовское III селище находится в 6 км к юго-западу от с. Салауш Агрызского района РТ. Памятник расположен на краю надпойменной террасы р. Кама у места впадения в нее р. Иж и интенсивно размывается водами Нижнекамского водохранилища.

На селище в течение сезона 2002 года было вскрыто 660 кв. м. площади. Стратиграфия археологического комплекса проста: дерн – 10 см (в прибрежной зоне), под ним залегает слой темно-серого суглинка толщиной 18–20 см, ниже находится материк – красная глина. Памятник распахивался практически до материка, а в отдалении от берега распахивается и в настоящее время. Находки содержались, в основном, в слое темно-серого суглинка – это фрагменты керамики, кости животных и немногочисленные орудия из кремня и бронзы (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 24).

В результате раскопок Рысовского III селища было выявлено около 600 фрагментов керамики и немногочисленные изделия из кремня и бронзы, которые были отнесены к пяти хронологическим горизонтам.

К первому хронологическому горизонту принадлежит небольшое число фрагментов сосудов гаринской культуры и медная лунница, обнаруженная под обрывом на размытой части селища. Энеолитическая керамика представлена сосудами закрытых форм. В глине этих сосудов содержатся примеси раковины, обжиг слабый, черепок пористый, красноватого цвета. Толщина керамики не превышает 0,8 см. По форме венчиков условно можно выделить два типа сосудов: 1) сосуды баночной формы; 2) горшки. Внутренняя поверхность керамики заглажена, внешняя орнаментирована оттисками гребенчатого штампа и ямочными вдавлениями, в некоторых случаях орнамент наносился на внутреннюю сторону венчика. Орнаментальные мотивы имеют вид поясов круглых и овальных ямочных вдавлений. В ряде случаев они разделены разграничителями в виде оттисков сплошного гребенчатого штампа (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис.2: 1–3, 5–9, 11–2).

Среди подъемного материала, выявленного на Рысовском III селище, была найдена медная подвеска - лунница (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 19: 3). Украшение изготовлено из медной пластины толщиной 0,3 см, овальной в плане формы (диаметр 3,6 см), имеющей линзовидное сечение. Концы ее не замкнуты, в средней части присутствует округлое отверстие. Изделие изготовлено техникойковки. Подобные украшения известны на Средней Каме на поселениях гаринской культуры.

Находки, относящиеся ко второму хронологическому горизонту, немногочисленны. К ним относятся выявленные на раскопе II фрагменты керамики абашевской культуры. Все зафиксированные на Рысовском III селище фрагменты абашевской керамики украшены орнаментом геометрического типа, в котором ведущую роль играют характерные «лесенки», выполненные гребенкой вертикальные прямоугольники, заполненные перпендикулярными линиями. Ниже лесенок проходит поясик из ямочных вдавлений, выше – каннелюры, нанесенные гребенкой, образующей сплошную линию (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 26).

К изделиям, относящимся к сейминско-турбинскому хронологическому горизонту, можно условно отнести кремневые орудия из жилища № 1 (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 28).

Кроме этого, ко второму хронологическому горизонту, возможно, отнести некоторую часть керамики заосиновского типа (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 6: 1–6; 7: 1, 4, 8, 12; 8: 5; 9: 1, 8, 12). Ее орнамент преимущественно состоит из ямок на шейке сосуда, и гребенчатых узоров, нанесенных в различных сочетаниях среднезубчатым штампом. В некоторых случаях наблюдаются треугольные или же овальные вдавления. В тесте керамики присутствуют примеси раковины. К этому типу керамики относится не менее четверти керамических фрагментов. Датировать заосиновские комплексы, судя по их синхронности с сей-

минско-турбинскими древностями, следует временем не позднее первой трети II тыс. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 29).

К третьему хронологическому горизонту принадлежит около 150 сосудов. Сосуды плоскодонные, представлены горшковидными и чашевидными формами. Судя по сохранившимся крупным фрагментам (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 6: 7–12; 7: 2, 3, 5–7, 9–11, 13; 8: 2–4, 6, 7; 9: 2–7, 9–11, 13; 10: 1–13; 11: 1–14; 12: 1–14; 13: 1–9; 14: 1–8) и одному реставрированному сосуду (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 8: 1), орнаментальная зона охватывает верхнюю треть сосуда, часто опускаясь ниже точки наибольшего расширения тулова.

Вся керамика третьего хронологического горизонта, разнообразная по композиции и технике орнаментации, относится луговской культуре. С третьим хронологическим горизонтом связаны жилища № 1 и № 2, в заполнении которых также была обнаружена керамика луговского типа. (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 29–31).

К этому же горизонту относится кремневый и металлический инвентарь, найденный на данном памятнике. Наибольший интерес представляют кремневые наконечники стрел, выявленные в комплексах наземных жилищ (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 29–31). В пределах жилища № 1 обнаружен обломок наконечника стрелы подтреугольной формы с усеченным основанием (Рис. 18: 7), линзовидный в сечении. Его размеры составляют: длина – 2,5 см, ширина у основания – 2 см. Наконечник изготовлен из черного непрозрачного кремня техникой отжимной ретуши (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 29–31).

У северо-западного угла жилища № 2 найден треугольный наконечник стрелы с прямым основанием (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18, 9). Он изготовлен из белого опочного кремня и покрыт сплошной отжимной ретушью. Сечение данного наконечника линзовидное. Длина наконечника составляет 3 см, ширина – 1,2 см (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 30).

Вместе с наконечником стрелы в напольной части жилища № 1 зафиксирован кремневый черешковый нож (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18: 10), изготовленный в технике плоской отжимной ретуши. Конец ножа сломан, длина орудия – 9 см, ширина в наиболее широкой части 3 см. Типологически данный экземпляр наиболее близок к турбинским ножам с закругленным лезвием (Бадер, 1959, с. 107). Он практически полностью аналогичен двум ножам с поселения Астраханцевское в устье р. Чусовой (Бадер, 1959, с. 108, рис. 15, 5, 6).

Другой категорией индивидуальных находок, выявленных при раскопках Рысовского III селища, были напрясла (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18: 11, 12, 31). Они представляют собой фрагменты двух грибовидных в сечении дисков с круглым отверстием посередине.

Также были найдены две проколки из бронзы и одна, изготовленная из кости. Фрагмент костяной проколки, выполненной из грифельной кости лошади (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18: 1), и небольшая бронзовая проколка ($2,3 \times 0,3 - 0,2$ см), изготовленная из тонкого раскованного бронзового прутка (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18: 4), были выявлены в пределах предполагаемых очертаний жилища № 1. Третья проколка (рис. 18: 5), изготовленная из бронзы ($5,9 \times 0,7 - 0,1$ см), зафиксирована в юго-восточной части раскопа I. Подобные изделия широко представлены на памятниках эпохи поздней бронзы Северной Евразии. Завершая описание находок, отметим также бронзовый литник, кремневый скребок и многочисленные отщепы кремня (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 18: 2, 3, 6) из предполагаемых очертаний жилища № 1.

По-видимому, к этому же хронологическому горизонту относятся находки костяной ручки для шила и грузило для сетей из известняка (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, рис. 19: 1, 5).

К четвертому хронологическому горизонту принадлежат остатки шести сосудов, украшенных по шейке оттисками многорядной веревочки, а также ямочными вдавлениями, расположенными горизонтально. Данный орнамент характерен для ананьинской культуры шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области. Сосуды имеют форму широких чаш и горшков, основная примесь в глине – толченая раковина (Чижевский, Шипилов, Лыганов, 2014, с. 31).

К пятому хронологическому горизонту относится керамика мазунинской культуры. Она представлена фрагментами тонкостенных горшковидных сосудов с примесями раковины в глине, черепок плотный, серого цвета. Правомерно предположить, что находки мазунинской культуры, возможно, отражают заключительный этап функционирования Рысовского III селища (Чижевский, Лыганов, Шипилов, 2014, с. 31).

Татарско-Азибейская II стоянка.

Татарско-Азибейская II стоянка расположена в 0,5 км к востоку от бывшей деревни Татарский Азибей Актанышского р-на Республики Татарстан и занимает северо-западную окраину останца древней надлуговой террасы левого берега р. Камы. Площадка, занятая поселением, относительно ровная, издавна распахивается, высота ее над современным уровнем заболоченной старицы Камы, расположенной у подножья террасы, составляет 4–5 м. Площадь распространения подъемного материала достигает 30000 м².

Памятник был открыт в 1958 г. В. Ф. Генингом, который на основании находок датировал ее раннеолитическим временем. В 1970 и 1972 годах сотрудниками Татарского отряда НКАЭ на памятнике были проведены раскопки. В центре

поселения был заложен раскоп площадью 996 м², а на периферии распространения подъемного материала – три траншеи и два шурфа общей площадью 89 м² (Габяшев, 1978б, с. 40).

В ходе археологических изысканий на стоянке была выявлена следующая стратиграфия: 1) пахотный слой – серая супесь – 25 см; 2) серая супесь – 20 см; 3) светло-желтый или белесоватый песок – 20 см; 4) ниже с глубины 60 см идут чередующиеся прослойки плотной красноватой глинистой супеси и светло-желтого песка, слагающие останец террасы. Культурные остатки поселения залегали в слое серой супеси и отчасти в подстилающем ее песке. Мощность культурного слоя колеблется в пределах 35–40 см (Габяшев, 1978б, с. 40).

В раскопе были обнаружены следы различных сооружений, связанных с культурным слоем поселения. Выявленные сооружения представлены жилищными котлованами, а также ямами хозяйственного назначения. В пределах жилищных котлованов были зафиксированы также очаги.

В хронологическом отношении к эпохе неолита следует отнести жилища №№ 1–5, а также ямы №№ 1, 2, 9, 10, 12, 15, 16. В заполнении данных объектов была обнаружена неолитическая керамика накольчатого типа, а также артефакты из камня (Габяшев, 1978б, с. 41–52).

В эпоху энеолита, возможно, некоторые неолитические жилища и ямы использовались вторично. К таковым следует отнести жилища №№ 1, 3, 5, а также ямы №№ 1, 10, 11, 17, 21, 22, 24, 25. В заполнении данных объектов кроме накольчатой керамики была обнаружена посуда новоильинского типа. Данный факт с известной долей осторожности позволяет связать эти объекты с эпохой энеолита. К новоильинскому времени следует также отнести яму № 24, в заполнении которой также была обнаружена керамика новоильинского типа (Габяшев, 1978б, с. 41–52).

В результате раскопок стоянки была получена богатая и выразительная коллекция находок, по которой прослеживается несколько этапов заселения стоянки.

Наиболее ранний из них относится к неолиту и связан с носителями керамики накольчатого типа. Керамика этого типа (8161 экз.) представлена фрагменты лепной тонкостенной плоскодонной посуды, орнаментированной техникой «отступающей палочки или лопаточки» в самых различных вариантах (Габяшев, 1978б, с. 53). Керамика этого типа распространена на всей территории стоянки и выявлена в заполнении почти всех объектов, за исключением ям № 11, 17, 21, 22 и 24. Обычно она сопровождается микролитическим кремневым инвентарем.

Накольчатая керамика приготовлена из глины с примесью мелкого шамота, дресвы или песка, в редких случаях растительности. Она хорошо заглажена с обеих сторон, в отдельных случаях по внутренней стороне сосудов отмечены следы небрежной штриховой горизонтальной зачистки. Толщина стенок колеблется в

пределах 0,4–0,5 см, толщина днищ сосудов обычно равна толщине стенок или превышает ее на 2–3 мм. Орнамент нанесен на внешнюю поверхность сосудов этой группы в абсолютном большинстве случаев оттисками отступающей палочки. Для орнаментации сосудов этой группы характерна строгая горизонтальная зональность и очень большая разреженность. Наиболее густо орнаментированы верхняя часть сосуда и плоские днища (Габяшев, 1978б, с. 53–55).

В позднем неолите площадку стоянки занимают носители традиций камской неолитической культуры. Это маркируют фрагменты керамики данной культуры. Фрагменты посуды тщательно заглажены с обеих сторон, плотные и хорошего обжига, в глиняном тесте присутствует примесь песка и мелкого шамота. Цвет керамики желтоватый, коричневатый, иногда красноватый. Орнамент нанесен различными видами гребенчатого штампа, расположенного под наклоном. Орнамент густо покрывал внешнюю поверхность сосудов и носил сплошной характер. Среди орнаментальных мотивов выделяются пояса из «шагающей гребенки».

На втором этапе заселения, который относится к раннему энеолиту, стоянку осваивают носители керамики русско-азибейского типа. Крайне малое количество этой керамики говорит в пользу кратковременного пребывания людей на стоянке в это время.

В результате раскопок стоянки была получена весьма выразительный массив керамики новоильинской энеолитической культуры (1817 фрагмент). В отличие от русско-азибейской, новоильинская керамика занимает более поздние хронологические позиции. Данная керамика плотная, хорошо заглаженная с обеих сторон, в тесте имеется примесь песка и в редких случаях выгоревшая примесь растительности. Толщина стенок колеблется в пределах 0,7–0,9 см. Толщина венчиков обычно равна толщине стенок, толщина днищ равна толщине стенок или превышает ее на 2–3 мм. Формы и размеры сосудов восстанавливаются с трудом. Однако по крупным, частично реставрированным развалам можно полагать, что они имели полуяицевидную форму со слабо прикрытым или подцилиндрическим горлом, диаметр которых колеблется в пределах 15–30 см. По верхним частям выделено около 90 сосудов этой группы.

Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность сосудов, имел разреженный характер. Из композиционных элементов орнамента выделяются горизонтальная «елочка», пояса из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа, зигзагообразные линии. Среди редких орнаментальных мотивов присутствуют «флажки», ромбы, пояса из крестообразно поставленных оттисков короткого гребенчатого штампа. Комплекс керамики новоильинской культуры представляется правомерным связать с третьим этапом заселения стоянки.

Следующий за ним этап связан с носителями гаринской культуры (Габяшев, 1978 б, с. 55–58). Комплекс гаринской керамики (310 фрагментов) Татарско-Ази-

бейской II стоянки представлен фрагментами рыхлой пористой лепной тонкостенной керамики с выгоревшей растительной примесью или изредка с примесью толченой раковины в тесте. По внутренней стороне сосудов в большинстве случаев отмечены следы грубой штриховой горизонтальной зачистки гребенчатым штампом. Орнамент нанесен ямочными неглубокими вдавлениями, крупным зубчатым штампом или оттисками слабо перевитого шнура. Венчики сосудов представлены одним типом: плоско срезанным со слабым наплывом наружу (Габяшев, 1978б, с. 58).

Эпоху бронзы на стоянке маркируют комплексы керамики луговской культуры, а также комплекс керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры (Габяшев, 1978б, с. 58).

Каменный инвентарь поселений, полученный из культурного слоя я объектов, состоит из 2048 кремневых и каменных предметов, который включает в себя преимущественно орудия хозяйственной и охотничье-промысловой деятельности. С известной долей осторожности находки, происходящие из заполнения жилищных котлованов №№ 1, 3, 5 и околожилищного пространства следует связать с носителями новоильинской культуры (Габяшев, 1978б, с. 59–65).

Возможно, комплекс керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры иллюстрирует собой финал функционирования Татарско-Азибейской II стоянки.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. История изучения памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья	6
Глава II. Природно-географические условия Икско-Бельского междуречья.....	14
Глава III. Материальная культура носителей керамики русско-азибейского типа в Икско-Бельском междуречье	20
III. 1. Керамика	23
III. 2. Каменный инвентарь	31
Глава IV. Материальная культура носителей керамики новоильинского («флажкового») типа в Икско-Бельском междуречье	41
IV.1. Керамика	43
IV. 2. Каменный инвентарь.....	51
Глава V. Материальная культура населения волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье.....	58
V.1. Керамика.....	59
V.2. Каменный инвентарь	69
V.3. Изделия из кости.....	88
V.4. Металлообработка	89
V.5. Хозяйство населения волосово-гаринской общности в Икско-Бельском междуречье.....	92
Глава VI. Сравнительная характеристика памятников эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья	96
VI.1. Сравнительная характеристика керамических комплексов эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья	96
VI. 2. Сравнительная характеристика каменного инвентаря эпохи энеолита Икско-Бельского междуречья	104
Заключение	109
Источники и литература	114
Список сокращений	130
Список иллюстраций	131
Иллюстрации	139
Приложение 1. Описание кластеров керамики	285
Приложение 1. Таблицы	296
Приложение 1. Сведения об основных энеолитических памятниках Икско-Бельского междуречья	335

Антон Валентинович Шипилов
Энеолит Икско-Бельского междуречья
(по материалам поселенческих памятников)

Научное издание

Оригинал-макет – *Г.Ш. Асылгараева*

Подписано в печать 15.11.2021 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 29,09 Тираж 300 экз.

В оформлении обложки использованы фотографии
к.и.н. А.А. Чижевского, к.и.н. А.В. Лыганова, В.В. Морозова

Отпечатано в ИП Селиванова А.Г.
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+